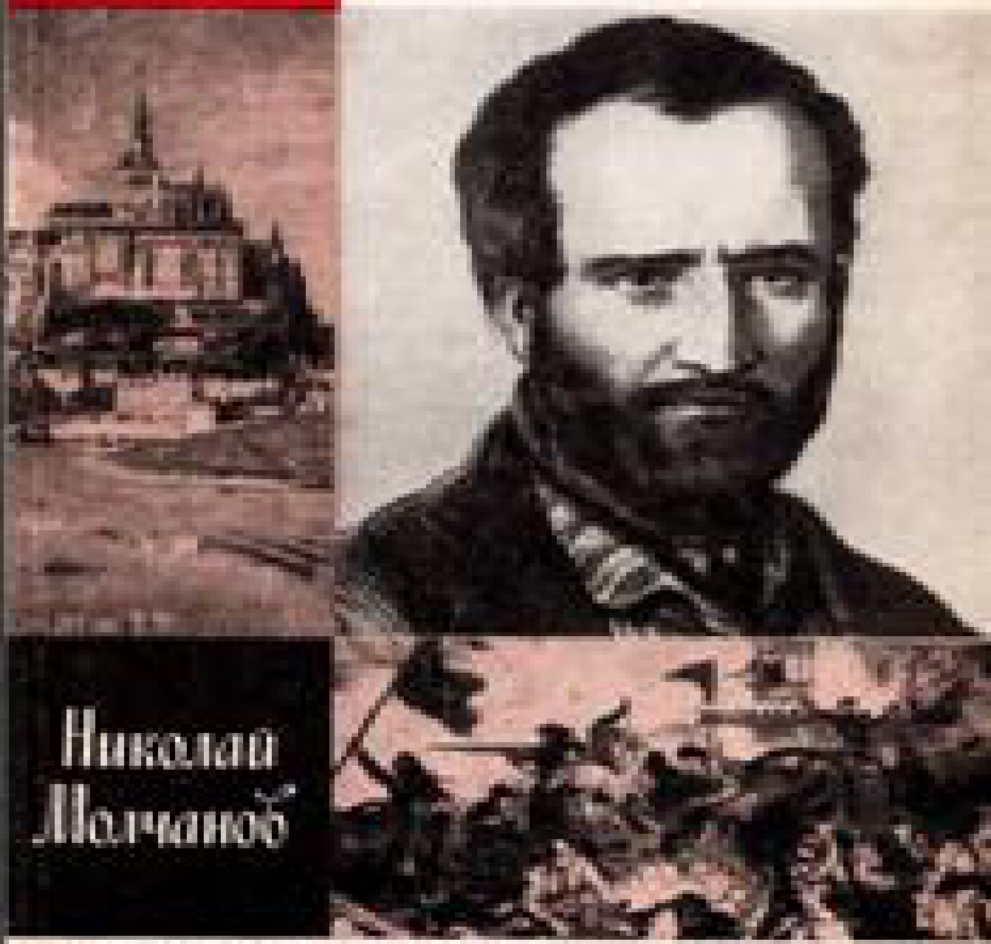
ОГЮСТ БЛАНКИ



Николай Молчанов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга посвящена необычайно бурной и напряженной жизни французского революционера Огюста Бланки. Маркс называл его «благородным мучеником революционного коммунизма». Более тридцати лет своей 76-летней жизни Бланки провел в тюрьмах. Но как только несгибаемый революционер оказывался на свободе, он снова приступал к подготовке и осуществлению новых революционных выступлений. Огюст Бланки занял исключительное место в домарксистской истории освободительного движения пролетариата. Его жизнь и деятельность — образец мужества, стойкости, верности революционным идеалам.

- Молчанов Н.Н.
  - Дитя революции
  - Карбонарий
  - Июльский переворот
  - «Друзья народа»
  - Выбор
  - Пороховой заговор
  - Майское восстание
  - Мон-Сен-Мишель
  - Пробуждение
  - Весна 1848
  - Провокация
  - Схватка
  - «Прекрасный остров»
  - Бланкисты
  - Старик
  - Разгром
  - Коммуна
  - До последнего вздоха
  - Основные даты жизни и деятельности О. Бланки

Молчанов Н.Н.
Огюст Бланки

Дитя революции

Детство — только пролог жизни человека. Но это такой пролог, который связан с главным содержанием жизни совершенно непонятными, таинственными узами. Поскольку детство, вступление в жизнь само по себе событие радостное, то биографа подстерегает здесь искушение изобразить его обязательно счастливым. Жертвой этой традиции оказался и Бланки. Один из его первых биографов напишет, что он появился на свет в «очаге счастья современного мира». Прочитав это, Бланки решительно возразил: «Это ошибка. Надо вычеркнуть эти четыре слова. Мои родители вовсе не воплощали счастье этого мира».

Жизнь Бланки развенчивает и другую тривиальную истину, согласно которой биография любого человека начинается с биографии его родителей. На первый взгляд перед нами проявление поразительной революционной наследственности; ведь отец Бланки был членом Конвента 1793 года! И снова иллюзия бесследно рассеивается, как только узнаешь реальную историю политической деятельности Жана-Доминика Бланки, которая неразрывно связана с метаморфозами истории Франции, начавшимися взятием Бастилии 14 июля 1789 года.

Ведь это было время, о котором Стендаль писал: «Какие огромные перемены произошли с 1785 по 1824 год! Пожалуй, за две тысячи лет известной нам истории человечества не случалось еще столь крутого поворота в привычках, образе мыслей и верованиях». Может быть, поэтому Огюст Бланки, родившийся и выросший во время бурных перемен, станет воплощением неукротимого духа революции?

Его отец Жан-Доминик Бланки родился в 1757 году около Ниццы. В то время этот кусок французского южного побережья входил в состав Сардинского королевства, и здесь язык, нравы и обычаи долго еще оставались смесью французского и итальянского влияний. Отец Жана-Доминика, зажиточный ремесленник, не хотел, чтобы сын унаследовал его не слишком благоуханное занятие — выделку кожи. Он отдал его учиться в коллеж, и Жан-Доминик обнаружил такие способности, что, окончив учебное заведение, стал сам преподавать в нем философию п астрономию. Он быстро воспринял передовые идеи того времени, рождавшиеся во Франции. А когда в 1789 году парижский народ захватил и разрушил Бастилию, начав свою Великую революцию, то Жан-Домннпк оказался ее самым ревностным поклонником. Он становится в центре группы

интеллигентов Ниццы, заразившихся французским революционным энтузиазмом. Здесь жадно читают парижские газеты. С восторгом пересказывают речи Мирабо. Когда же в Париже загремел .могучий голос Дантона, то передовые люди Ниццы совсем превратились во французских патриотов, они воспылали мечтой о свершении прогнившей власти сардинского короля о присоединении своего солнечного края к Франции. И эта мечта сбылась удивительно быстро. В 1792 году границу графства перешли отряды французских добровольцев под командованием лейтенанта и будущего прославленного маршала Андрэ Массена. Жан-Домпник был среди тех, кто встретил французов как освободителей. Вместе со своими друзьями он с удовольствием наблюдал паническое бегство аристократов Прованса, ожидавших в Ницце краха революции и возвращения в свои конфискованные поместья. Вскоре, в январе 1793 года, Бланки приезжает в Париж как представитель Ниццы, чтобы просить Конвент включить ее в состав Франции.

Вблизи революция показалась ему далеко не таким радостным праздником, каким она выглядела издалека. Спустя неделю он увидел Париж, запруженный войсками, выстроенными вдоль улиц; на площади Революции, еще недавно носившей имя Людовика XV, недалеко от пустого пьедестала, с которого сбросили статую этого короля, возвышалась гильотина. Под грохот барабанов грозная машина отсекла голову другому королю, Людовику XVI... В те дни в Конвенте внешне царило единодушие. Дело, ради которого Жан-Домнпк приехал в Париж, решилось быстро: сардинское графство Ницца объявили французским департаментом Приморские Альпы. А все остальное в Париже делегат Ниццы либо не заметил, либо не понял. Жгучие проблемы, волновавшие Францию, не трогали его, он жил своими провинциальными интересами, словно не зная о многочисленных и тяжелых заботах революции.

В мае он снова появляется в Париже, уже как полноправный депутат от своего департамента. За прошедшие три месяца положение молодой революционной республики стало отчаянным. Со всех сторон на Францию двигались вражеские полчища. Повсюду все наглее выступали роялисты. В марте восстала Вандея. Мятежом вспыхнул . Лион. Генерал Дюмурье, командовавший войсками на севере, изменил п перешел на сторону австрийцев. Жестокий голод обрушился на парижских бедняков. Урожай прошлого года был хорошим, но хлеба не хватало. Спекулянты скупали его и наживались на страданиях санкюлотов.

Доминик Бланки видит, что творится у хлебных лавок, где

еще затемно выстраиваются длинные очереди. На дверях лавок давно уже приделаны железные кольца, за которые привязана веревка. Держась за нее, люди ждут долгие часы. Потом веревки заменили железными цепями; часто любители сутолоки перерезали их, чтобы запутать очередь и прорваться в свалке к вожделенному фунту хлеба.

А что же делает легендарный революционный Конвент? Он оказался хотя и легендарным, но не слишком революционным. Жестокая внутренняя борьба шла в зале дворца Тюильри. Семь с половиной сотен депутатов вовсе не объединялись воедино ради решения неотложных дел. Напротив, в Конвенте царил разброд. Большинство депутатов, около пятисот, были людьми, получившими разные выгоды от революции, предприимчивыми дельцами, жаждавшими только собственного благополучия. Эту самую многочисленную, но и самую беспринципную фракцию называли «болотом» или более грубо и верно — «брюхом». Они голосовали за то, что казалось выгоднее и безопаснее. Две другие главные фракции — жирондисты и монтаньяры, — давно уже боровшиеся между собой, весной 1793 года вступали в решающую схватку. Вожди жирондистов считали, что революция зашла слишком далеко, и решили расправиться с ее передовыми представителями — монтаньярами. Но они объединяются с народом Парижа, во главе которого встала революционная Парижская коммуна, вдохновляемая левыми якобинцами. Ее Национальная гвардия окружает в последние дни мая Конвент, от которого требуют выдачи и ареста трех десятков вождей жирондистов. Под угрозой пушек «болото» голосует вместе с монтаньярами, и жирондисты терпят поражение. 2 июня произошла, по существу, новая революция. Якобинцы пришли к власти.

Жан-Доминик Бланки явился в Конвент как раз в разгар этих событий, 24 мая. Какую же позицию занимает он? Его симпатии на стороне жирондистов, превратившихся в контрреволюционеров. Бланки подписывает петицию протеста против ареста 28 руководителей жирондистов, а затем вместе с оставшимися жирондистами отказывается заседать в Конвенте. Он поступал так не из-за каких-то своих конкретных интересов. Его влекло по течению, и он просто не знал, куда его несет. Жирондисты привлекали его гладкими речами, своими ссылками на законность, а монтаньяры пугали своей беспощадной решимостью сделать все для защиты революции. Марат, Робеспьер, даже Дантон отталкивали его своей резкостью. Спустя много лет, уже в конце своей жизни, он напишет, что «часто испытывал желание встать и решительно перейти на скамьи

монтаньяров», ибо их «убеждения совпадали с его собственными». Видимо, он хотел приукрасить свою биографию. В действительности, во время революции у него были не убеждения, а иллюзии, и он просто топтался впотьмах, оказавшись в конце концов в лагере обреченных.

Революционер в Ницце, в Париже Доминик Бланки остался в стороне от революции. В то время как вожди якобинцев отчаянными усилиями пытались спасти ее завоевания, он осуждает их пренебрежение «законностью». Теперь ему остается ждать своей участи, ибо между жирондистами и якобинцами идет борьба не на жизнь, а на смерть. Вскоре его объявляют «подозрительным», а затем и заключают в тюрьму. «Десять месяцев агонии» — так назовет Доминик Бланки свои воспоминания о времени, проведенном при якобинской диктатуре в долгом заключении, когда многие из его друзей-жи-рондистов оказались жертвами гильотины. Однако из описания долгой «агонии», оставленного Бланки, выясняется, что пресловутый террор Робеспьера не отличался особой беспощадностью. В тюрьме была довольно либеральная обстановка. Заключенные не только развлекались разными играми, но и свободно принимали посетителей, снабжавших их всем необходимым. Хозяйка пансиона, в котором жил Бланки вместе с группой друзей-жирондистов, мадам Брионвиль, бывшая модистка королевы Марии-Антуанетты, относилась к своим постояльцам с материнской заботой. При этом она часто приходила в тюрьму не одна, а со своей юной очаровательной племянницей Софи, покорявшей всех прелестью и неизменной веселостью. Ее частые появления в тюрьме были особенно радостными для Бланки, ибо 38-летний жирондист пылко влюбился в маленькую красавицу. Когда контрреволюционный переворот 9 термидора освобождает его, он просит у мадам Брионвиль руки ее племянницы. Девочка хочет стать полноправной гражданкой и супругой депутата Конвента. Она согласна, хотя приходится подождать ее совершеннолетня, чтобы законно оформить этот брачный союз, что и произошло в октябре 1796 года.

Безумная любовь Доминика, вызванная редкой красотой невесты, ее умением беззаботно петь и танцевать, побудила его пренебречь всеми остальными ее качествами. Неважно, что она не знает орфографии, не умеет шить и вести хозяйство. Он считает, что «роковая красота» и «золотое сердце» Софи превыше всего. Позднее ее старший сын Адольф в своих воспоминаниях нарисует портрет матери. По его мнению, в детстве дали свободно развиваться «ее резко выраженным инстинктам беззаботности, лени и властвования». «Самые абсурдные капризы» Софи никогда

не встречали малейшего сопротивления. «Моя мать, — напишет Адольф, — начала свою жизнь избалованным ребенком».

Замужество не образумило мадам Софи Бланки. Ее страсть производить впечатление, нравиться, быть предметом обожания только возросла. А любящий супруг вспыхивал от каждой мелочи: его охватывали приступы жестокой ревности, для которой в действительности не было никаких оснований. Но, по словам Адольфа Бланки, это и послужило «основной причиной всех наших несчастий». Разница в возрасте «сделала моего отца ревнивым, а мою мать заставила думать, что женщина все может себе позволить в семье, если она добродетельна я заслуживает это своей незапятнанной репутацией». Адольф делает такой прискорбный вывод: «Ее добродетель стоила нам дороже, чем стоили бы ее пороки, еслп бы она их имела, и мой отец заплатил покоем всей своей жизни... за ошибку в диспропорции возраста при выборе своей жены».

Но при всем том Доминик и Софи любили друг друга. Письма, которыми они обменивались в периоды разлук, переполнены нежными эпитетами, излияниями пылких чувств, особенно со стороны мужа. Но это сочеталось с частыми и бурными размолвками. Не задалась и карьера Доминика Бланки, несмотря на его поразительную политическую гибкость. Пылкий революционер с южного побережья Франции, умеренный жирондист в Конвенте, лояльный член Совета пятисот при Директории, он горячо приветствует государственный переворот Наполеона Бонапарта, называя его событием «тысячу раз счастливым» для Франции. В награду его пазначили супрефектом Пюже-Тенье, маленького городка на реке Вар при впадении в нее другой речки — Рудуль. От Ниццы было всего сорок километров, но чтобы преодолеть их, требовалось три-четыре дня даже в хорошее время года. Невысокие, но запутанные гористые кряжи, пропасти, вершины, утесы прегражда́ли доступ к местам, расположенным совсем близко.

Четыре дня потребовалось новому супрефекту, чтобы добраться от Ниццы к месту своей службы. Приходилось идти пешком, а поклажу навьючили на нескольких мулов. На руках юной супруги Доминика Бланки — ее первенец Адольф, родившийся в ноябре 1798 года. Затем в семье появится дочь, а 8 февраля 180о года — второй сын, Луи-Огюст Бланки. Первые десять лет жизни ему предстоит прожить в Пюже-Тенье, зажатом между гор и разделенном на две части течением реки, пересыхающей летом, но бурной и полноводной зимой. Городок с двумя тысячами жителей расположился в тесной горной долине. Высокая квадратная колокольня и развалины старинной крепости

на этом традиционном пути вторжений из Франции в Италию — его единственная достопримечательность, если не считать кожевенных и шелкопрядильных мастерских. В этом изолированном горами южном захолустье все существует как бы в миниатюре. Большим и величественным мир предстает здесь лишь в облике щедрой южной природы и живописных гор, отделяющих городок от всего мира. Огюст Бланки сохранит на всю жизнь в своем облике, в манере говорить некоторые черты южанина.

Раннее детство Бланки проходит в семье, тесно связанной с наполеоновской империей. Отец — ее ординарный образцовый чиновник — обязан каждодневно насаждать во вверенном ему городе культ императора, чем он ревностно и занимается. Наполеон запрещал любые «идеологические бредни», и бывший революционер легко и охотно расстается со своими прежними революционными иллюзиями. Семья с ее сложными отношениями межДУ отцом и матерью не оставила явных следов прямого воздействия на формирование юного Бланки. Родители,

вечно занятые выяснением взаимных претензий, не имели времени для воспитания детей. «Кто говорил нам о морали? Кто давал нам добрые советы? Увы, никто», — писал позднее Адольф Бланки, который взял на себя воспитание младшего брата. Правда, Адольф уехал учиться в лицей в Ниццу, когда младший стал посещать местный коллеж в Пюже-Тенье, дававший только самое первоначальное образование. Большой радостью для Огюста были письма Адольфа, очень серьезно относившегося к своей воспитательной миссии. Вот одно из этих писем, сохранившееся в семейном архиве: «Мой дорогой брат. Я узнал, что ты часто бываешь первым в классе, и это доставляет мне огромное удовольствие. Продолжай, мой друг, и тебе удастся потом поступить в лицей. Трудись всегда упорно, ибо это единственное средство добиться успеха. Чтобы вознаградить тебя, я кое-что пришлю со следующим курьером. Ты будешь преуспевать, если проявишь благоразумпе. Ты знаешь, что я получаю награды, но для этого приходится много работать. Когда наступят каникулы, возьми книгу и читай, развлекайся чтением. Это лучший отдых из всех, какой только может быть. Особенно постарайся заслужить похвалу отца. Когда я приеду, я буду три раза в день давать тебе уроки рисования. Прощай. Твой любящий брат».

В семье, где не было никакой гармонии, оказались на редкость примерные мальчики. Мать с особой радостью смотрела на младшего, красивого светловолосого ребенка с таким мплым лицом и очень умного. Но еще более примерный старший сын

вызывал ее раздражение. Ему уже 15 лет, и он начинает не только понимать страдания своего отца, но и поддепживать его противодействие бесконечным капризам Софи. Адольф, этот суровый, хотя и молчаливый судья ее сумасбродств, вызывает у нее негодование. Но с тем большей нежностью она относится к младшему, Огюсту, настраивая его против старшего сына. А раздоры в доме не прекращаются, ибо ко всему прочему Софи возмущена неспособностью мужа достойно содержать жену и детей. Ведь у них ничего нет, кроме скромного жалованья супрефекта в 1500 франков в год. А семья растет; всего у СосЬи будет 10 детей. Доминик Бланки пытается проявить предприимчивость й затевает дело, которое должно обогатить его. Он начал сооружать плотпну на реке, чтобы осушить кусок земли для плантации. Но ближайший паводок не оставил ничего от его затеи, кроме долгов. Теперь уже невозможно даже послать младшего сына учиться в лицей в Ниццу. Тщетными оказались и попытки Домиййка Бланки получить более доходное место службы.

А в 1814 году наступает настоящая катастрофа. Эпопея грандиозных завоевательных авантюр Наполеона завершается закономерным крахом. На французскую землю вступают полчища врагов. Император подписывает отречение и отправляется на остров Эльба. В Ниццу, в Пю-же-Тенье, супрефект которого вынужден оставить семью и скрываться, возвращаются солдаты сардинского короля. К этим событиям относятся первые воспоминания Огюста Бланки, который видит, как разбивают бюсты императора, как все поспешно заменяют трехцветные французские кокарды на голубые сардинские. Чувства горечи, обиды, унижения, вызванные иностранной оккупацией, Бланки сохранит надолго. Позднее он будет утверждать, что это произвело в его душе столь глубокое впечатление, что оно решило судьбу всей его жизни. Как это ни сомнительно, но уже взрослому Бланки будет казаться бесспорным, что именно тогда, в восьмилетием возрасте, он «объявил войну всему, что олицетворяло прошлое».

Разоренное семейство Бланки, оставшееся без всяких средств к существованию, постепенно распродает свое имущество. Доминик намерен ехать с женой и восемью детьми в Париж, чтобы попытаться там получить какое-нибудь место. В самый разгар печальных сборов и приготовлений к отъезду почтальон приносит неоплаченное письмо. Доминик, который бережет теперь каждое су, не хочет оплачивать его, думая, что это обычная торговая реклама. Но любопытная Софи платит за письмо и разрезает конверт...

Произошло чудо! Софи извещают о том, что скончалась ее престарелая тетка и что ей предстоит получить богатое наследство: поместье с большим садом, с землей, замок с богатой обстановкой. Но проходит еще несколько месяцев, пока Доминик улаживает в департаменте Эр и Луар, где находится обретенное богатство, юридические трудности. Потом туда отправляется Адольф, затем Софи с одной из дочерей. Наконец, после долгого ожидания едут остальные дети, в том числе и Огюст, в сопровождении старой мадам Брионвиль, которую они зовут бабушкой. Полмесяца продолжается это путешествие по Франции, оккупированной австрийскими, прусскими, русскими войсками, сокрушившими Наполеона. Они проезжают мимо недавних полей сражений, разрушенных городов и сожженных деревень, видят многочисленные могилы убитых. Видимо, пробуждение общественного сознания Бланки выразилось сильнее всего в горьком чувстве национального унижения. И оно навсегда останется одной из самых сильных особенностей его впечатлительной натуры, не только не ослабевая с годами, но постоянно усиливаясь.

Но вот наконец и счастливо полученное поместье Гранмон, расположенное в департаменте Эр и Луар, недалеко от Парижа. Теперь онн будут жить не на окраине, а в самом центре Франции. Красивый двухэтажный дом с фасадом в девять окон, вокруг которого живописный парк, обширный, хотя и запущенный. Это придает ему, впрочем, особое очарование, и прежде всего для детей. Многочисленные залы и комнаты дома, пышно именуемого «замком», богатая, хотя и обветшалая мебель, обилие драпировок, картин, драгоценной посуды — все это восхищает и радует семейство. Бот теперь-то настал конец всем несчастьям и унижениям, особенно бедности! Увы, неожиданно обретенное богатство становится причинохт новых огорчений и неприятностей. Ведь единственной наследницей и полновластной хозяйкой оказалась только сама мадам Софи Бланки. А она словно обезумела от свалившегося на нее сокровища и явно не представляла его ограниченных размеров. Софи с жадностью стремится проявить свою неограниченную власть над этими чудесными вещами и готова сразу надеть на себя весь имеющийся запас дорогих кружев и драгоценностей. Ее охватывает какая-то безумная страсть к мотовству, и она лихорадочно спешит распродать золотые, серебряные, фарфоровые вещицы, которых было так много. Поскольку до Парижа теперь недалеко, она совершает частые поездки в столицу, чтобы продавать, вернее, швырять на ветер богатство, свалившееся к ней в руки. Правда, она возвращается с покупками, заваливая свои апартаменты

кучей самых модных платьев и шляпок, нелепых безделушек и непомерным количеством деликатесов, кофе, шоколада, ликеров и всего прочего, чего так много в Париже. Муж и старший сын робко пытаются остановить эту бессмысленную вакханалию разбазаривания, но слышат в ответ презрительное заявление: «Я не обязана давать отчет никому из тех, кого я кормлю. Кто недоволен, может убираться вон!»

Вот какие сцены наблюдает в семье маленький Огюст Бланки, постигая немыслимые тайны человеческих отношений. Он видит жалкую, унизительную суету отца, пытающегося найти выход и спасти семью от вновь угрожающего ей разорения. Для этого он организует деревенскую платную школу, чтобы доходами от нее подкрепить семейный бюджет. Но все его начинания терпят плачевное фиаско. Основатель школы забыл предварительно получить разрешение властей, и школу закрывают. Тогда Доминик Бланки пробует получить службу от воцарившейся вновь, вернее, реставрированной династии Бурбонов и ее правительства. Бывший член Конвента, осудившего на смерть Людовика XVI, пишет чиновникам Людовика XVIII жалкие просьбы: «Я был бы счастлив посвятить остаток своих дней службе новому Генриху IV под эгидой нового Сюлли». Он даже напоминает о своем былом заключении в тюрьму «за верность принципам, противным заблуждениям того времени». Можно подумать, что этот бывший республиканец страдал во имя принципов легитимизма! Естественно, домогательства бывшего жирондиста не получают ни поддержки, ни ответа от властей «добрейшего из монархов», как называет Людовика XVIII недавний чиновник империи.

Но вдруг счастье как будто вновь улыбается ему: Наполеон внезапно высаживается на юге Франции и идет к Парижу, восторженно встречаемый населением и войсками. «Добрейший монарх» в панике бежит под защиту иностранных армий. Следует знаменитая, но эфемерная эпопея наполеоновских «100 дней». Легитимист превращается опять в пламенного бонапартиста и пишет: «Божественный промысел снова возводит на трон героя, добродетелям которого будут удивляться века. Надежда воскресает в сердцах французов, она в особенности воскресает в сердце просителя». Проситель, то есть Доминик Бланки, получает назначение супрефектом в Мармонде, около Бордо. Это блестящая удача, но следует разгром Наполеона при Ватерлоо, и «божественный промысел» уносит героя на остров Святой Елены. Супрефект Мар-монда обращается в бегство и, как нищий, пешком с трудом добирается до замка Гранмон. Бурбоны снова на троне, и бывший член Конвента опять напоминает о своей

«благонамеренности в тяжелые для отечества годы». Но его нолитическпе перевоплощения слишком смешны даже для режима Реставрации, и карьера Доминика Бланки завершается ковырянием в грядках огорода поместья его властной супруги, которая подолгу живет в Париже, где сорит деньгами, наслаждаясь эффектом, который производит ее неувядающая красота, ныне к тому же обрамленная шикарными модными туалетами, на оплату которых идет пока еще не совсем разоренное богатство, полученное по наследству.

Можно только предполагать, какое влияние это производит на детей. Из них лишь Адольф оставил воспоминания, в которых он осуждает мать, хотя и проявляет естественную сдержанность. Ну а Огюст еще слишком молод, да к тому же, кроме отдельных кратких случайных фраз, он вообще ничего до конца дней не расскажет о своем детстве. Мог ли он, как и его старший брат, испытывать к доброму, но бесхарактерному отцу что-либо, кроме жалости и презрения? Но говорить или писать об этом может решиться лишь человек совсем бессердечный. При таких обстоятельствах чаще всего предпочитают молчать. Наверно, поэтому и осталось так мало сведений о жизни семейства Бланки. Что действительно глубоко врезалось в память и сознание Огюста Бланки, так это воспоминания об унижении, которое приходилось терпеть ему, его семье и всей Франции от разнузданного белого террора восторжествовавших роялистов з эпоху Реставрации, от бесчинств оккупантов, в обозе которых аристократические эмигранты вернулись на родину, где они вели себя как в завоеванной вражеской стране...

Когда Мину (детское прозвище Огюста Бланки) вместе с другими детьми, которых, как наседка, опекала старая тетушка Брионвиль, бегал в Онэ по огромному парку в 15 гектаров со множеством интересных зарослей и закоулков, где таилось так много нового, неизвестного, интересного, то радости его не было предела. Увы, она очень скоро омрачилась непрошеными гостями. В усадьбе расположился на постой отряд солдат с десятком прусских офицеров во главе с полковником. Оккупанты вели себя с вызывающей наглостью н хозяйничали так, что у хозяев сердце обливалось кровью. Пруссаки как будто мстили за позорные поражения, которые они еще не так давно терпели от Наполеона. Они опустошили погреб, резали домашнюю птицу, портили мебель, вырубали прекрасные вековые деревья на дрова. И вот здесь-то мадам Софи Бланки держала себя на высоте, отчаянно защищая свое имущество. Неожиданно оглицдлся Адольф, сумевший подружиться с одним из офицеров. Ему удалось добиться того, что пруссаки стали получать провизию из дома

мэра Онэ, который и направил «постояльцев» к Бланки. Во всяком случае, к прежним впечатлениям Огюста от бесчинств сардинцев в Пюже-Тенье, от картины разоренной Франции, которую он наблюдал по дороге, прибавились и новые. Возможно, этими детскими впечатлениями и объясняется неистребимая ненависть Бланки к Пруссии, которую он сохранит на всю жизнь, так же как чувство горечи и обиды за несчастья Франции.

Между тем Адольф не в состоянии больше выносить жизнь в Онэ, бессмысленную, нелепую, в которой нет никаких событий, кроме новых сумасбродств матери. Он решает отправиться в Париж, чтобы начать в 18 лет самостоятельную жизнь. Но когда он просит у матери немного денег, необходимых ему на первое время, то получает в ответ категорический отказ. И все же он едет, выпросив у матери на дорогу 40 су, сумму, в два раза меньше дневного заработка рабочего. Дважды Адольф пытается найти себе место в Париже, но безуспешно. Он упорно не оставляет надежд, и хотя мать по-прежнему не дает ему ни гроша, он с помощью старой тетки Брионвиль с трудом сооружает себе приличный гардероб и наконец находит место преподавателя в пансионе, который содержал бывший эмигрант Массэн. Здесь он становится секретарем директора, преподает, подготавливая учеников в одно из самых респектабельных учебных заведений Парижа — лицей Карла Великого. Ему удается заслужить доверие владельца и директора пансиона. Он получает разрешение поместить в пансион своего младшего брата Огюста на льготных условиях. Не слишком рассчитывая на помощь родителей, вернее, матери, ибо голос отца не играл роли, он пишет в январе 1817 года тетушке Брионвиль, полагаясь на ее поддержку в деле, которое он давно задумал: «Я обещал вам сделать все, что только возможно, для продолжения учебы Мпну (то есть Огюста. — ***Н. М.)***. Сейчас такая возможность представилась. Я написал матери о том, что для этого необходимо. Нужно сразу заплатить 90 франков за первый семестр. За остальные семестры мне придется платить самому. Впрочем, я пожертвую всем для брата, поскольку я ему это обещал, чтобы усилить его желание работать».

Письмо явно написано с целью побудить тетку оказать воздействие на Софи, чтобы та взяла на себя плату за учебу младшего сына. Но замысел Адольфа не удался: мать категорически отказалась платить. Тогда возмущенный Адольф пишет родителям гневное письмо, также сохранившееся в семейном архиве: «Где вы найдете такого сына, как я, который бы делал все, абсолютно все для благополучия семьи и который встречал бы столь плохое отношение к себе? Где вы найдете родителей, которые отказывают в сотне франков, чтобы

обеспечить судьбу одного из своих детей? Признаюсь, что я в бешенстве... Ребенок, обладающий всеми способностями, терзается от горя, что он не может трудиться, и на это зрелище, которое растрогало бы и камень, смотрят с равнодушием».

Отношение родителей к его судьбе наверняка стало известно 13-летнему Огюсту, да и Адольф, несомненно, посвятил его в тайну семейных неурядиц, которые могли вызвать лишь естественные чувства горечи и обиды. Ему все же удалось продолжить учебу благодаря старшему брату, экономившему каждый франк, чтобы взять в Париж Огюста и содержать его. Впрочем, это было не столь обременительно, как подчеркивает Адольф в своих воспоминаниях, написанных спустя много лет; ведь он получал в пансионе Массэна, не считая питания и квартиры, 1500 франков в год, то есть сумму, равную жалованью отца в бытность супрефектом. Тем не менее надо отдать должное Адольфу Бланки: он фактически заменил младшему брату отца и мать, проявивших полное пренебрежение к Огюсту. Мальчик стал учеником едва ли не лучшего в Париже лицея Карла Великого, где его сверстниками оказались сыновья самых богатых аристократических семейств, по сравнению с которыми он был жалким плебеем. Но тем сильнее желание юного Бланки превзойти этих баловней судьбы своими успехами в учебе. Так просыпается его необычайная сила характера и быстро дает поразительные результаты. За время учебы в лицее, то есть с 1818 по 1824 год, Огюст Бланки получает 25 первых наград и 30 похвальных листов. На конкурсе парижских лицеистов он награжден таким количеством роскошных книг, что сам Огюст, Адольф и явившаяся на торжество мать не в состоянии втроем их унести. Адольф предложил нанять фиакр, на что немедленно последовала раздраженная реплика мадам Бланки: Адольф завидует успехам младшего брата и не хочет, чтобы прохожие видели его триумф.

Несправедливость этого замечания Адольф опровергал всеми своими поступками, своей любовью и заботой, которые он проявлял постоянно. По восхгресеньям братья обычно бродили по Парижу, методически изучая его легендарные исторические памятники.

Такие прогулки сами по себе служили своеобразной, очень поучительной и наглядной политической школой; весь Париж так или иначе напоминал о недавней Великой революции, ее идеях, событиях и людях. Так же и о ее противоречивых результатах. В Париже можно было увидеть величественные дворцы: Тюильри, Лувр и многие другие, роскошные сады и парки, красивые площади с монументальными памятниками. В кварталах Пзле-

Роя-ля или Сент-Оноре красовались шикарные особняки вернувшейся аристократии и новой торговой, промышленной, финансовой знати. На фоне великолепия и богатства особенно резко бросалась в глаза ужасающая нищета жителей бедных районов и предместий Сен-Жак, Сент-Антуан и других. Мелкие ремесленники, рабочие мануфактур ютились здесь в тесных, душных комнатушках, часто по две-три семьи. Зловонные испарения, кучи мусора и грязи, полуголые дети, безобразие дешевых, тесных, вонючих кабаков, бесчисленные нищие — все это красноречиво говорило о многом внимательному взору.

Адольф еле успевал отвечать на бесконечные вопросы младшего брата. Он с гордостью писал отцу, тихо доживавшему в Онэ: «Этот мальчик удивит мир». Если бы этот всегда благонамеренный человек знал, чем же удивит мир Огюст! Пока же он вел себя как самый заботливый отец; успехами Огюста он искренне гордился: «Я не успевал отовсюду получать поздравления, и ребенок еще не давал возможности разгадать свой необузданный и целеустремленный характер, который сделается причиной моего и его несчастья».

Нетрудно заметить, что это написано Адольфом Бланки спустя много времени, после, казалось бы, безоблачно счастливых дней, когда серьезно еще ничего не нарушало гармоничных отношений между братьями. Напротив, по мере того как Огюег подрастал, меньше сказывалась разница в возрасте между ним и Адольфом. Общие интересы сближали их. Оба оказались в кругу идей, к которым вела учеба младшего и преподавание старшего: античная история, литература XVIII века, жнзнь Франции при Революции, Империи п Реставрации... Естественно, что общественные, социальные, политические вопросы прежде всего волнуют ич Еще очень небольшой жизненный опыт внушил им страстное чувство патриотизма. Воспитанные под сенью императорских орлов в атмосфере славы наполеоновских побед, они остро переживают национальное унижение, олицетворяемое Бурбонами. Реставрация внушала отвращение подавляющему большинству французов, пораженных жестокой и бессмысленной мстительностью возвратившихся аристократов. Брат казненного в 1793 году короля, усевшийся на троне Людовик XVIII своей глупостью усугублял несчастья Франции. Он объявил 1814 год не первым, а семнадцатым годом своего царствования. По его расчетам, династия Бурбонов царила непрерывно. После смерти Людовика XVI «правил», оказывается, его сын Людовик XVII, умерший в 1797 году. Бурная эпоха Революции, Директории, Консульства, Империи вычеркивалась из истории Франции вместе со всеми революционными преобразованиями, которые

произошли в жизни французского общества. В этой дикой претензии предстала вся противоестественная природа Реставрации.

Братья Бланки, конечно, ее отвергают. Они бонапартисты, ибо эта форма оппозиции объединяла тогда людей самых разных политических склонностей. Правда, культ Наполеона не был проявлением ностальгии по Империи.. Бонапартизм олицетворял грандиозную военную славу Франции и служил альтернативой национальному унижению, которому подвергали французов Бурбоны. Большинство среди французов — крестьяне — испытывали б шгодарность к императору. Ведь он закрепил за ними землю феодалов.

Молодежь вроде Адольфа и Огюста Бланки заразилась наполеоновской эпидемией. Но этот антибурбонский бонапартизм не был конкретно династическим. Почти никто не мечтал о возвращении Наполеона с острова Святой Елены, а после его смерти в 1821 году — о призвании Наполеона II. Лозунг «Да здравствует император!» означал по внутреннему смыслу «Долой Бурбонов!». Даже люди, осуждавшие деспотизм Наполеона, стали бонапартистами. Например, знаменитый поэт-песенник Беранже. Ведь использовали же образ Наполеона против Священного союза Байрон, Гюго, Гейне, Мицкевич.

Но во взглядах братьев Бланки все чаще проявляются различия. Склонность к бонапартизму как оппозиции Бурбонам и орудию борьбы с ними — это, пожалуй, совпадение, но не показатель единства во всем остальном. Формируются два различных характера: младший — резок, решителен, старший — мягок, лоялен, осторожен. Интересно их отношение к религии, к церкви, то есть к делу жизненно важному в то время, когда роялисты используют католицизм, иезуитские конгрегации для духовного «лечения» французов от революционной «заразы». Еще в Ницце Адольф перестал быть практикующим католиком. Он — поклонник Вольтера и становится деистом в его духе. Для него бог существует не как личность, а только как первопричина всего сущего, закономерность природы; бог — импульс к появлению реального мира, источник его творения, в дальнейшую жизнь которого он уже не вмешивается. Вообще деизм — удобный и легкий способ отделаться от официальной религии. Адольф, конечно, высказывает свои взгляды и Огюсту, быстро воспринимающему их. Мальчик сразу уходит от католицизма, он отказывается и от христианства, однако долго еще остается деистом. Но потом он идет дальше старшего брата; бесчинства «поповской партии» при Реставрации толкают его к атеизму и к воинственному антиклерикализму. Это станет для него

политической платформой непримиримой борьбы против церкви. И он далеко опережает Адольфа, считающего, что для «атеизма нет подходящего климата», и проявляющего терпимость к клерикалам.

А затем происходит еще одно событие, как бы наметившее социальный разрыв между братьями. В то время Огюсту было еще только 16 лет. Вместе с ним в лицее Карла Великого учился мальчик из одного богатого семейства. Его отец прожил интересную жизнь, был журналистом, занимался коммерцией, владел прядильной фабрикой и нажил состояние. Во времена Консулата и Империи он был членом Трибуната, одного из коллегиальных учреждений, превратившихся в оппозиционную корпорацию, проявлявшую независимость и демократический дух. Естественно, что Наполеон в конце концов упразднил его. Но главным занятием Жана-Батиста Сэя была экономическая наука. Еще в 1803 году, он выпустил большое сочинение, в котором систематизировал учение классика политэкономии Адама Смита. Сэй требовал условий для развития капитализма с его свободой конкуренции, торговли и предпринимательства. Для того времени это была прогрессивная программа.

И вот Огюст оказался в салоне у этого крупнейшего французского экономиста. Хозяин встретил молодежь очень радушно и долго рассказывал им о людях и событиях, о своем знакомстве с Мирабо, о финансовых спорах с самим Наполеоном. Адольф, который тоже стал бывать в этом интересном доме, сразу подпал под обаяние ученого и добродушного человека. До этого он думал посвятить свою жизнь медицине, но теперь безраздельно увлекся политэкономией. Он станет самым верным учеником Сэя и со временем — его преемником по руководству кафедрой в Консерватории искусств и ремесел... Огюст оказался значительно более сдержанным. Хотя он уже тогда прочитал труды Жана-Батиста Сэя и мог бы вставить свое слово, однако предпочитал молчать и слушать. Кстати, здесь он познакомился с банкиром и политиком Лаффитом. Многое из того, о чем с жаром говорил словоохотливый хозяин дома, нравилось ему. Особенно когда ученый беспощадно осуждал Бурбонов и предсказывал их крах или издевался над клерикалами. Но однажды он шокировал Огюста; в 1821 году смерть Наполеона послужила темой горячего разговора. Сэй не просто отозвался об императоре непочтительно, он издевался над его манией величия, которая, по мнению ученого, послужила причиной не только его неудач, но и самой его кончины... Если старший брат на всю жизнь останется поклонником маститого теоретика буржуазной политэкономии, то Огюст Бланки будет беспощадно осуждать его проповедь

свободной конкуренции, благотворности извлечения прибыли. Он назовет это аморальным «кодексом взаимного уничтожения», тогда как Сэй считал законы капиталистического хозяйства основой здоровой морали. В двадцатые годы пути двух братьев начинают постепенно все больше расходиться: ведь в конце концов один займет кафедру, другой пойдет на баррикады...

Но пока Огюст Бланки лишь вступает в жизнь, постигая ее смысл и тайны, ищет в ней свое место. Хотя учеба в лицее обрекала его на довольно замкнутое существование напряженными учебными занятиями, к которым он относился с поразительным рвением, Огюст все больше увлекается политикой.

А Франция являла тогда гнетущую картину. Страна за четверть века пережила такие коренные перемены, что она стала как бы совсем другой, чем до взятия Бастилии. Но Бурбоны ничуть не изменились. Они продолжали жить в безвозвратно ушедшем времени. В жестокости и мракобесии они, пожалуй, даже превосходили самых кровавых из своих предков. Этот зияющий разрыв между страной и ее властью сознавали лишь немногие роялисты-либералы, вроде бывшего губернатора Одессы Ришелье, возглавлявшего правительство. Но тон задавали ультрароялисты, упорно пытавшиеся отобрать назад те крохотные уступки духу времени, которые Людовик XVIII вынужденно сделал в своей Хартии. «Ультра» требовали не только ликвидации всех остатков от завоевании революции. Они жаждали крови, хотели массовых жестоких расправ, и белый террор не ослабевал, а лишь приобретал новые изощренные формы. Вдохновляли эту войну против Франции знаменитые идеологи контрреволюционной эмиграции граф Жозеф де Местр и виконт де Бональд. Последний называл даже Хартию 1814 года «детищем безумия и мрака». Де Местр написал чудовищную апологию палача, в которой со сладострастным садизмом описывал муки колесованных, распятых или пытаемых жертв. Озлобленные эмигранты становились все наглее в своей ненависти к французскому народу. Даже рабски послушные люди начинали возмущаться и протестовать.

Простой рабочий Лувель задумал избавить Францию от династии Бурбонов. Старый подагрик Людовик XVIII, хотя, кроме жены, и держал официальную любовницу, детей иметь не мог. У его ■брата графа д'Артуа (будущего короля Карла X) было два сына: тоже бездетный герцог Ангулемский и герцог Беррийский, который недавно женился. На него и возлагали надежды роялисты. Только от него ожидали наследника, который не дал бы угаснуть династии. И вот 13 февраля 1820 года вечером

Лувель подстерег герцога Беррийского у выхода из Оперы и всадил ему в бок длинный нож. Спустя пять часов герцог скончался. Невозможно передать отчаяние роялистов. Но тем более велика была их радость, когда выяснилось, что вдова оказалась беременной и через семь месяцев родила мальчика, восторженно названного «сыном чуда»...

Убийство герцога Беррийского развязало руки ультрароялистам, началась такая вакханалия реакции и террора, какой Франция еще не знала. Срочно разработали исключительные законы о ликвидации личных прав, об ограничении и без того жалкой свободы печати, об урезывании даже тех смехотворных избирательных прав, какие давала Хартия. Выбирать в палату могли только люди богатые, платившие не меньше 300 франков налога в год. В стране с 39-миллионным населением голосовали только примерно 80 тысяч человек! Но и этот избирательный закон казался необычайно прогрессивным, в его защиту развернулась шумная избирательная битва. Она происходила не только в палате, но и на улицах.

Палата бурно обсуждала новые ограничения избирательного права в Бурбонском дворце, а вблизи, на площади Людовика XV (сейчас площадь Конкорд), собралась толпа в несколько тысяч человек, в основном студентов, протестовавших против усиления деспотизма. Полиция и войска получили приказ разогнать демонстрантов с применением оружия. Был убит 23-летний студент Лаламанд. На другой день на той же площади снова собралось несколько тысяч человек; каждый надел знак траура, но многие, кроме того, захватили и дубинки. Опять завязались схватки, снова лилась кровь. На следующий день несколько тысяч участвовали в похоронах Лаламанда. В разных местах Парижа произошли кровавые столкновения. Знаменательный факт: в демонстрациях и столкновениях участвовали рабочие. У них не было никакой прямой заинтересованности в избирательном законе. Они в любом случае не могли рассчитывать на получение избирательных прав. Но рабочие уже поняли, что любой удар по монархии Бурбонов отвечает их интересам. В то время во Франции было уже больше четырех миллионов рабочих. Их заработная плата непрерывно понижалась на протяжении всех лет режима Реставрации. Они жили в ужасающих условиях, и не было никаких законов, защищавших их социальные и политические права, таких прав, собственно, не существовало.

Пятнадцатилетний Огюст не участвовал непосредственно в этих событиях, но он жадно ловил все слухи, все рассказы о них. Он думал, размышлял и, вспоминая волнения конца 1820 года, скажет, что смерть Лаламанда «вывела его из себя». Было бы

нелепо изображать его уже политически сознательным борцом; он всего лишь лицеист, аккуратный, очень скромный и трудолюбивый, приобретающий знания и все более чутко прислушивающийся к тому, что происходит за стенами лицея Карла Великого.

Страх за сохранение своей вновь захваченной власти побуждал роялистов усиливать тиранический характер режима Реставрации. Но здесь их подстерегала роковая судьба любой тирании; репрессии и террор толкают на борьбу все новых и новых активных людей. Деспотия — лучшая школа воспитания и подготовки непримиримых революционеров. И этот закон прежде всего и всегда действует на молодежь; пробуждение самостоятельности молодого человека выражается тогда в обостренной склонности к протесту, восстанию, бунту. Созревание характера юного Бланки происходило именно в такой исторический момент, когда эта закономерность действовала особенно неотвратимо.

В лицее Карла Великого, где прилежно учится Огюст, царит суровая дисциплина. Иезуиты из конгрегации контролируют это заведение, как и все остальные школы Франции, внушая дух безропотного повиновения. Здесь можно читать только дозволенную, безупречно легитимистскую литературу. В это время иезуиты создали во Франции особые общества «хороших книг», «хорошей литературы», «хорошей науки». Но, как ни урезывались свобода печати, либеральные газеты все же издавались и вели слегка завуалированную, но упорную антироялистскую пропаганду. Памфлеты Поля-Луи Курье, в которых он в блестящей стилизованной форме народной речи из писем некоего винодела из Шавоньер разоблачал Реставрацию, эмигрантов, церковь, передавались из рук в руки. Необычайной популярностью пользовались песни Беранже. Неотразимая, убийственная ирония его блестящих стихов наносила роялистам страшные удары. Ненависть к Бурбонам нигде не проявлялась столь пылко, как среди учащейся молодежи Парижа. Студенты и лицеисты с восторгом вкушали плоды освободительных идей. Они были тем более привлекательны, что молодежь от них оберегали особенно рьяно, усиленно, но напрасно прививая ей любовь к богу и королю. Ежедневная месса, частые и долгие религиозные церемонии вроде благодарственного молебна по поводу рождения «дитя чуда» герцога Бордосского только усиливали обаяние либеральной и патриотической пропаганды. И для Бланки церковь все больше становилась символом, орудием деспотизма.

Впрочем, власти пытались использовать совсем иные

устрашающе-назидательные церемонии, такие, как публичные казни своих противников. Именно для этого устроили казнь четырех заговорщиков из Ла Рошели 21 сентября 1822 года. Молчаливая толпа заполнила набережные и улицы на пространстве от тюрьмы Консьержери до Гревской площади перед парижской Ратушей. Люди забирались на крыши, заполняли мосты и толпились вокруг Нового рынка. Было воскресенье, пять часов вечера. Раздавался только стук тяжелых колес, окованных железом, и звон копыт о мостовую. Окруженные конными жандармами, две повозки приближались к Гревской площади. Позади рядов войск, построенных в каре, в толпе — группа учеников из лицея Карла Великого. С ужасом молча смотрят они на происходящее странное зрелище. Среди них — невысокий, светловолосый семнадцатилетний Огюст Бланки, на бледном лице которого застыло напряженное внимание. Юноши перешептывались, обсуждая слухи о секретной организации «карбонариев». Этим итальянским словом называют членов таинственной революционной организации. Известия о раскрытии их заговоров против королевской власти в этом году поступают одно за другим, и за каждым следуют все новые казни. Говорят, что несколько сотен тысяч их действуют в стране, чтобы свергнуть Бурбонов и вернуть Франции свободу...

Рауль первым из осужденных поднимается на эшафот. Обращаясь к толпе, он громко кричит: «Да здравствует свобода!» Раздается глухой стук падающего ножа гильотины. Затем наступает очередь Губэна, за ним — Помье. Последней жертвой был глава и вдохновитель заговорщиков Бори. «Помните, — кричит он, — что сегодня здесь проливается кровь ваших сынов!» Многие в толпе обливаются слезами, и ни одного одобрительного возгласа, ни одного приветственного крика во славу короля. Ужас, злоба, ненависть к палачам — общее настроение.

Эта тягостная сцена запомнится Бланки на всю жизнь. В момент казни он дал себе торжественную клятву отомстить за смерть четырех мучеников свободы. Это был день рождения Бланки-революционера.

Карбонарий

В 1824 году Огюст Бланки окончил лицей Карла Великого. Один из наиболее способных, если не самый способный ученик выпуска вступает в самостоятельную жизнь. Перед ним открылась перспектива благополучного, а может быть, и блестящего устройства своей личной судьбы. Но в том же году он совершает поступок, предопределивший его особую, иную участь. Он открыл наконец давно желанный путь в тайную организацию карбонариев, о которых он так много слышал. Смутные стремления и воля к борьбе воплощаются в действие. Обстоятельства его приобщения к когорте революционеров покажутся сейчас какой-то наивной фантасмагорией. Но то была естественная дань времени. Романтический мистицизм средневековья определял ритуал вполне прозаических поступков и служил естественным облачением самых новейших и передовых настроений. Возвышенно страстная натура юного Бланки с его необычайной революционной экзальтацией сочеталась с поразительной внешней сдержанностью, непроницаемо холодной манерой поведения. Он видит в старой масонской традиции таинственных обрядов эффективную форму воздействия на молодежь. Поэтому он с полнейшей серьезностью относится к театрализованной процедуре, не лишенной даже какого-то величия...

С темной повязкой па глазах Бланки вводят в комнату, наполненную молчаливыми людьми. Медленно и строго он начинает говорить: «Я клянусь честью хранить все тайны организации, скрывать ее существование. За нарушение клятвы я готов подвергнуться возмездию. Клянусь объединить свои усилия с усилиями друзей моей родины, чтобы способствовать восстановлению ее прав и дать ей возможность выбирать правительство на основе суверенитета народа...» Бланки обещает отдать свою жизнь, даже взойти на эшафот, если это будет необходимо для царства народного суверенитета.

Затем с глаз Бланки снимают повязку, и он видит, что его окружают люди с обнаженными кинжалами в руках, острие которых направлено на него. Теперь говорит человек, возглавляющий церемонию: «Это оружие обращено против вас в знак того, что ваши братья придут вам на помощь в любых обстоятельствах, если вы будете уважать и соблюдать устав нашей организации. Но если ***вы*** нарушите клятву и ваши обязательства, возмездие покарает вас в любом уголке земли». Девизом и принципами вновь принятого должны отныне служить

слова: Надежда, Вера, Милосердие, Честь, Добродетель, Честность.

Затем посвященному сообщают о его более конкретных и прозаических обязанностях. Он должен уплатить пять франков вступительного взноса. Кроме того, ежемесячно ему следует вносить один франк. Он должен иметь ружье с пятьюдесятью патронами и ждать приказа, чтобы пойти сражаться.

Что же реально, практически означало принятие Бланки в среду карбонариев и что вообще представляла собой эта таинственная организация?

Французский карбонаризм со всеми его причудливо фантастическими внешними атрибутами зародился на реальной почве глубоких социально-политических противоречий эпохи Реставрации. Сначала главной формой борьбы против Бурбонов оказалась деятельность так называемых «независимых» в палате и поддерживающих их газет. Наибольшей известностью среди них пользовались банкиры и дельцы Лаффит и Казимир Перье, генерал Лафайет, депутат и журналист Мапюэль, отпрыск знатной семьи маркиз Вуайе д'Аржансоп, Дюпон до л'Эр н другие оппозиционные деятели. Большинство из них не были даже республиканцами, и их вполне устраивала конституционная монархия с соблюдением основных свобод для оппозиции. Однако наступление ультрароялистов, начавшееся после убийства герцога Беррийского, показало им, что легальным путем не удастся предотвратить полную реставрацию старых феодальных порядков. К тому же ультра сами подали пример тайной деятельности, создав свою клерикально-аристократическую заговорщическую Конгрегацию. В ответ на наступление ультра и возникает в 1820 году тайный комитет независимых во главе с их уже названными лидерами.

Одновременно росло более широкое и массовое недовольство в других общественных кругах. Важнейшим резервом оппозиции оказалась армия. Заслуженные наполеоновские офицеры увольнялись, их оклады урезали наполовину. В армию широким потоком влились эмигранты-аристократы, либо не воевавшие вообще, либо служившие во вражеских армиях, вторгшихся во Францию в 1814 году.

Наконец, буквально рвались в бой против Бурбонов студенты, мелкие служащие, словом, все те, кто болезненно переживал национальное унижение Франции в связи с Реставрацией и перспективу полной ликвидации всех остатков завоеваний Великой французской революции.

Стихийно возникали отдельные заговорщические группы, объективно стремившиеся к объединению. Естественно, повсюду

активнее всего действовала молодежь. А о ее стремлениях можно судить хотя бы по настроению молодого Бланки. У истоков французского карбонаризма стоят два энергичных и пылких молодых чиновника, которые были ненамного старше Огюста Бланки. Сент-Алан Базар и Филипп Бюше также переживали национальное унижение 1814 —1815 годов, также мечтали о справедливости и свободе. Сначала они вступили в масонскую ложу «Друзья истины» и сделали ее тайным революционным штабом. Объединив вокруг себя уволенных офицеров и революционных студентов, они развернули подготовку восстания, назначенного на август 1820 года. Однако заговор был раскрыт, Базар и Бюше бежали в Бельгию. Их друзья Жубер и Дюгье скрылись в Неаполь. Здесь они познакомились с итальянскими карбонариями и, вернувшись во Францию, взялись за укоренение подоб-

ного движения на французской почве. Тем не менее распространенная в литературе версия о том, что карбона-ризм занесен во Францию из Италии, не отличается точностью. Еще до Великой французской революции в восточной провинции Франш-Конте возникла «ассоциация угольщиков», один из представителей которой перенес ее опыт в Италию, где он успешно привился. Таким образом, Жубер и Дюгье лишь вернули на родину старую французскую традицию. Базар и Бюше восприняли идею с энтузиазмом. Секретность, масонские ритуалы посвящения, раздельное и тайное существование «вент» из 10—20 человек во главе с верховной вентой — все это они приспособили к французским условиям, и 1 мая 1821 года организация родилась. Поскольку к ней примыкали люди самых разных политических симпатий, особенно бонапартистских, устав определял цели карбонариев в очень общей форме. «Принимая во внимание, — гласил устав, — что сила не есть право и что Бурбоны были возвращены во Францию иностранцами, карбонарии объединяются, для того чтобы вернуть французской нации свободное пользование правом, заключающимся в самостоятельном выборе подходящего для нее правительства».

Ясно, что такая формула могла устроить любого противника Бурбонов. Поэтому среди карбонариев оказались очень разные люди: монархисты, республиканцы, социалисты. Кстати, Базар и Бюше были последователями Сен-Симона. Карбонариями были Этьен Кабэ — крупнейший представитель утопического социализма, Пьер Леру — глава его другого течения, маркиз Буайе д'Ар-жансон, который будет последователем Буонарроти, соратника легендарного Бабефа. Но среди карбонариев окажутся и будущие создатели монархии Луи-Филиппа. Огромную роль в

движении играли военные. Именно они организовали и начали осуществлять девять крупнейших заговоров карбонариев. Все они окончились неудачей. Казнь четырех заговорщиков, сержантов из Ла Рошели, которая так потрясла Бланки, была финалом одного из них. Главная слабость движения карбонариев заключалась в их почти полной изоляции от народа. Невозможно назвать точную численность участников карбонаристских вент. В перепуганном воображении властей она доходила до нескольких сотен тысяч человек. Более осторожные подсчеты дают гораздо меньшие цифры: четыре тысячи в Париже и столько же в провинции. Во всяком случае, в 1822 году, когда карбонарии действовали наиболее активно, правительство ультрароялиста Виллеля ударилось в панику. Однако затем карбонаризм ослабевает.

Бланки стал карбонарием в момент затухания движения, когда оно распадалось на разные течения, и молодому революционеру не пришлось принять активного участия в заговорах карбонариев, ибо они уже отошли в прошлое. Тем не менее их опыт оказал огромное воздействие на формирование его революционной тактики. Некоторые даже считают французский карбонаризм колыбелью будущего бланкизма...

Карбонаризм давал Бланки богатую пищу для размышлений, но он не мог дать ни гроша, чтобы жить. А Огюст — уже взрослый человек; в год окончания лицея ему пошел двадцатый год. Больше он не хочет и не может жить за счет старшего брата. Адольф в это время работает преподавателем в Коммерческой школе (вскоре он станет ее директором). Он и устраивает брата в это же заведение. Но служба в школе дает лишь возможность заработать на хлеб. Она не обещает никакого будущего, и Огюст рассматривает ее просто как наименьшее зло. Братья вдвоем отправляются в субботу навестить своих в Онэ, где их ждут мать, остающаяся верной себе, и отец, примирившийся со своей жалкой судьбой. Он живет прошлым и дает младшему сыну совет обратиться к барону Луи, министру финансов Людовика XVIII. Жан-Доминик Бланки когда-то оказал некоторые услуги этому барону. Братья вскоре отправились к министру, но встретили такой ледяной прием, что младший, выходя из кабинета, громко хлопнул дверью. Надо искать что-то другое.

Было бы странно ожидать иного приема. Ведь даже благонамеренный Адольф на подозрении у полиции. В полицейском донесении упоминается и Огюст, «служащий вместе с братом в Коммерческой школе и отличающийся также опасными взглядами». Правда, в это время его оппозиция не проявляется ни в чем, кроме редких разговоров, на которые Огюст вообще крайне скуп и сдержан. Хотя карбонаризм уже совсем клонится к упадку,

Бланки хранит свое ружье и патроны, этот, по его выражению, «маленький арсенал», у одного молодого гравера в предместье Сен-Марсо. Он считает, что настанет день, когда его арсенал обязательно пригодится.

Адольф находит брату дополнительную работу в двух газетах, в которых он сам сотрудничает, в «Курье Франса» и «Журналь дю коммерс». Последняя рассматривает себя оппозиционной газетой. II действительно, эти органы либеральной партии ведут борьбу с Бурбонами, с их политикой, которая при правительстве Виллеля приобретает все более воинствующий реакционный характер. Но участие Бланки в газете незаметно. Его работа носит анонимный характер, на газетных страницах имя Огюста Бланки ни разу не упоминается. Журналистика того времени отличалась такой беспринципностью, продажностью и нечистоплотностью, что она вызывала презрение я отвращение Огюста. Поэтому профессия журналиста, хотя и сулит деньги, карьеру, успех, не привлекает его, и он предпочитает преподавательскую работу. Вскоре он становится преподавателем литературы и истории в женской школе на улице Сент-Антуан...

Здесь нельзя не сделать одного отступления, не обратиться К гениальному, бытописателю, свидетелю и участнику всех перипетий эпохи — великому Бальзаку.

Выбор жизненного пути в Париже для молодого человека эпохи Реставрации — сюжет, занимающий едва ли не главное место в «Человеческой комедии» Бальзака, где столь ярко и реалистично нарисована галерея талантливых честолюбцев от Растиньяка до Люсьена де Рюбампре. Для этого последнего первое достижение состояло в приобретении качеств «человека без предрассудков», чего он н добился, не смущаясь нравственными соображениями. Это была «модная в ту пору похвала», в эпоху жадной погони молодых карьеристов за славой и деньгами. Политическая проблема выбора для Рюбампре — всего лишь вопрос выгоды. И он жадно внимает поучениям своей возлюбленной, куртизанки Корали: «С либералами ты только наживешь беду, они замышляют заговор, они убили герцога Беррийского. Неужели им удастся свергнуть правительство? Да никогда! С ними ты ничего не добьешься, между тем как, сблизившись с другими, ты получишь титул графа де Рюбампре. Ты можешь выслужиться, стать пэром Франции, жениться на богатой. Стань крайне правым. И в этом хороший тон...»

Правда, у Люсьепа нашлись друзья, которые честно раскрывают перед ним перспективу выбора между правыми, реакционерами и левыми, сражающимися против деспотии

Бурбонов. Какую же партию он выбирает и чем руководствуется? Тщеславный, жадный до наслаждений, денег, быстрого успеха, он не стесняется соображениями

морали, справедливости, честности. Когда ему предлагают на выбор две партии в политике и журналистике, то юный красавец, приехавший завоевывать Париж, задает лишь один интересующий его вопрос: «Которая сильнее?» И выбирает кажущихся ему властными, но продажных и хищных рыцарей нажпвы и бесчестья. Подобный вопрос вообще не мог стоять перед юным Огюстом Бланки, Для него высший критерий — истина, справедливость, честь в ее самом чистом н благородном воплощении. У Бальзака есть только один подобный прообраз — Мишель Кретьен, который героически погибает на баррикаде... Но Огюст Бланки — это герой не вымышленный, а реальный, перед величием которого меркнет довольно бледный образ Мишеля Кретьена.

А между тем ведь ему тоже надо жить и перед ним тоже открывается соблазнительная и выгодная стезя журналистики. Стоит лишь презреть свои идеалы и предпочесть выгоду, успех, деньги и власть. Либо пойти на самоотверженное служение идеалу справедливости, интересам Франции и ее народа, либо на эгоистическое отречение от них. И он не колеблется ни минуты, хотя жизнь не предлагает ему ничего, кроме однообразного и скучного занятия учителя. Однако судьба готовит Огюсту неожиданный подарок. Среди воспитанниц пансиона, с которыми он ведет занятия, девочка одиннадцати лет Сюзанна-Амелия Серр. Ее отец Антуан Серр — архитектор и смотритель королевских дворцов Тюильри и Лувра. Однажды мать ученицы обращается к молодому преподавателю по поводу учебы дочери. Бланки своей сдержанностью и умом вызывает интерес и уважение. Тем более что в беседе выясняется общая неприязнь собеседников к Бурбонам. И мадам Серр предлагает Огюсту давать частные дополнительные уроки ее дочери. Теперь Бланки регулярно посещает богатую квартиру, окна которой выходят на великолепную Королевскую площадь. Юная Амелия всегда рада приходу преподавателя, и занятия доставляют ей нескрываемое удовольствие. Девочка выглядит старше своих лет; это уже очень юная очаровательная женщина. Мать замечает необычное волнение и радость дочери при каждом появлении молчаливого п сурового педагога, который ростом не выше своей еще подрастающей ученицы. Так зарождается чувство, неведомое Бланки, который и не подозревает, что встретил свою судьбу. Но потребуется еще немало времени, чтобы он понял это.

А пока он влачит унылое существование учителя. Его жалованье позволяет ему лишь не впадать в полную нищету. И

хотя никакое богатство, роскошь, деньги не манят его, все же приходится думать об удовлетворении своих самых насущных нужд. Поэтому он принимает предложение занять место преподавателя и воспитателя сына одного генерала, живущего невдалеке от Тулузы в замке Бланьяк.

Бланки уже знаком с одним замком. Это Гранмон, владение матери, которое давно символизирует бедность, тогда как Бланьяк, построенный на высокой скале над рекой Гаронной, воплощает прочное богатство. Здесь все дышит солидностью, величием веков, властью феодальной знати. Генерал Кампан, бывший доброволец 1792 года, сделал карьеру под знаменами Наполеона, которому он, впрочем, охотно изменил и принял сторону Бурбонов. В дни разгула белого террора он голосовал за казнь знаменитого маршала Нея. Но угрызения совести не тревожат его, и генерал ведет жизнь в довольстве; он позволяет себе роскошь быть хлебосольным хозяином, он добр с крестьянами и даже открыл им доступ в свой великолепный парк, заложенный строителем Версаля Ленотром, но переделанный на английский манер.

Бланки терпеливо выслушивает неторопливые рассказы генерала о его боевой карьере. Молчаливый учитель — идеальный собеседник для любящего поговорить генерала: ш умслт внимательно слушать, не произнося нп слова. Одно озадачивает старого вояку: Бланки совершенно чужд радостям жизни, которыми наслаждается генерал. У него всегда богатый и обильный стол ломится от множества искусно приготовленных блюд из мяса и дичи. Здесь отдают должное обширному винному погребу теяерала. Батарея бутылок служит непременным украшением стола. Но, к изумлению завзятого гурмана, Бланки всегда отодвигает свой бокал, когда к нему наклоняют бутылку. Он не пьет ничего, кроме воды и молока. А жирные, острые, пряные блюда, достойные Пантагрюэля, вызывают у него с трудом скрываемое отвращение. Его желудок не переносит ни жареного, ни отварного мяса, ни дичи. Только овощи, только салат. И при этом без масла, без уксуса, без соли, без перца. Такой образ жизни Бланки сохранит на всю жизнь, и всегда будет удивлять своей необычайной физической выносливостью,' хотя он всю жизнь и питался одними овощами. И другая странность: пристрастие к свежему холодному воздуху. Окно в его комнате не закрывается ночью даже зимой. Бланки не терпит жарко натопленного помещения, и печи у него всегда холодные. Часто зимой снег заносит его тонкое одеяло, не пробуждая спящего Бланки.

Во всем этом нет и тени претенциозного оригинальничанья.

Таковы потребности его природы. Генерал доволен молчаливым, пунктуальным наставником своего сына, и Бланки оставит о себе наилучшее впечатление. Даже спустя двадцать лет генерал будет интересоваться его судьбой.

Но удовлетворен ли сам Бланки этой спокойной, размеренной жизнью с необременительными уроками, которые он дает генеральскому сыну, с длительными прогулками по живописным окрестностям Бланьяка, с выслушиванием долгих монологов генерала? К тому же за все это он получает неплохое денежное вознаграждение. Но разве такая жизнь нужна Бланки, разве это способно наполнить его существование? Конечно, нет, и незаметно для окружающих его людей происходит незримая, но напряженная работа ума и созревание чувств тем более сильных, чем менее они заметны со стороны. Бланки получает частую и увесистую почту из Парижа, состоящую в основном из тяжелых пачек книг. Он внимательно, тщательно читает парижские газеты и особенно редкие, но длинные, подробные письма друзей.

В сентябре 1824 года умер король Людовик XVIII. Он царствовал как умел, то есть бездарно. Однако у него все же хватало ума, чтобы понимать невозможность полного восстановления старого дореволюционного порядка, и по мере сил он пытался сдерживать ярость ультрароялистов. Правда, в последние годы король все больше предоставлял дела на их усмотрение, хотя и чувствовал, что династия Бурбонов основана на зыбучем песке растущего недовольства. Он видел тревожные признаки крушения и, умирая, сказал своему брату графу д'Артуа, готовившемуся занять престол, указывая на маленького герцога Бордосского: «Поберегите корону этого ребенка...»

Воцарение Карла X было торжеством ультрароялистов. Ведь новый монарх сам называл себя королем эмигрантов и говорил с гордостью, что не изменил своих убеждений с 1780 года. Он не хотел замечать того, что Франция за это время в корне изменилась. Всем своим поведением, начиная с коронации в Реймсе по средневековому обряду, он демонстрировал намерение восстановить полное всевластье трона и алтаря. Поповская партия, Конгрегация поднимают голову и наглеют. Один за другим следуют драконовские законы и другие меры, которые углубляют пропасть между монархией и Францией. Особенно возмутил всю Францию, за исключением роялистов, закон об ассигновании миллиарда франков на «компенсацию» аристократам-эмигрантам. Нация таким образом вынуждена была взять на себя тяжелое бремя, чтобы оплатить жестокую борьбу, которую вели эмигранты против Франции после революции. Вознаграждение за враждебную деятельность против них

французы с полным основанием приравнивали к контрибуции в пользу иностранных захватчиков.

Подобными мерами Бурбоны все глубже копали собственную могилу. Особенно ожесточенная борьба развернулась из-за так называемого «закона справедливости и любви». «Справедливость» сводилась к тому, чтобы с помощью многочисленных ограничений сделать невозможным издание газет, книг, журналов, брошюр, в которых выражалась хотя бы малейшая критика роялистов и клерикалов. Суровые кары предусматривались даже не за прямые оппозиционные высказывания, но за проявление трудно поддающейся точному онределенню «тенденциозности». Во имя любви хотели окончательно заткнуть рот любой оппозиции, любому проявлению самостоятельной **мысли.**

В палате депутатов представитель либеральной оппозиции Ройе-Коллар так определил смысл и цель нового закона о печати: «Не будет больше ни писателей, ни владельцев типографий, ни газет — таков предстоящий нам режим печати. По сокровенной мысли авторов этого закона выходит, что в великий день сотворения мира была допущена неосмотрительность, выразившаяся в том, что человек, единственный во всей вселенной, вышел из рук творца свободным и разумным существом, отчего и произошло все зло и все заблуждения. И вот появляется более высокая мудрость, которая берется исправить эту ошибку провидения, ограничить его неблагоразумные дары и оказать премудро оскопленному человечеству услугу в том смысле, чтобы привести его в состояние блаженного неведения животных».

В итоге бурных дебатов, вызвавших отклик во всей стране, «закон справедливости и любви» правительство само берет обратно. И по другим вопросам Карл X, его клерикальные и роялистские друзья терпели поражения.

Хотя либеральная оппозиция отличалась непоследовательностью, склонностью к сделкам и уступкам, в стране усиливалась всеобщая смута и неустойчивость.

В такой обстановке Бланки после двух лет пребывания в Бланьяке в конце 1826 года вернулся в Париж. Он приехал как раз в разгар ожесточенной борьбы между клерикалами и оппозицией. Похороны лидеров оппозиции Ларошфуко, Ширардена, Манюэля превращались в политические демонстрации. Каждый раз происходили ожесточенные стычки с полицией. Бланки также участвует в этнх событиях, хотя и не играет в них заметной роли. Вообще эти годы для него все еще отмечены колебаниями, сомнениями, неопределенностью в выборе своего жизненного

пути. В Париже Бланки зарабатывает себе на жизнь преподаванием в пансионе Массэна, изучает право и медицину, готовясь к университетским экзаменам. Но естественное желание как-то устроить свою жизнь, найти постоянное занятие вступает в противоречие с растущей тягой к политике, которая все чаще выходит из берегов парламентских дебатов и газетных споров и выливается на парижские улицы. Бланки жадно стремится к этим уличным столкновениям, он ждет с надеждой наступления времени, когда всеобщее недовольство выйдет на арену мостовых. Вряд ли можно считать случайностью, что Бланки неизменно оказывался свидетелем и участником уличных волнений и столкновений.

Спустя десять дней после того, как правительство потерпело поражение со своим законом о полной ликвидации свободы печати, происходят новые бурные уличные события. В этот день король Карл X на Марсовом поле устроил смотр Национальной гвардии, то есть вооруженного буржуазного ополчения. Короля встретили приветствиями, однако чаще и громче всего звучал возглас: «Да здравствует Хартия!» А это был лозунг, который больше всего раздражал роялистов. Ведь вся их деятельность сводилась к тому, чтобы ликвидировать уступки, на которые пошла реставрированная монархия в этой Хартии. К тому же зазвучали и еще более крамольные призывы: «Долой иезуитов!», «Долой правительство Вил-леля!» Королевское семейство поспешило удалиться, а национальные гвардейцы, смешавшись с народом, двинулись по улицам, продолжая провозглашать свои мятежные лозунги. На улице Риволи у правительственных зданий против демонстрантов выступили войска. Кавалерия с обнаженными саблями врезалась в толпу. Столкновение происходило и на улице Сент-Оноре, где среди демонстрантов находился Бланки. Здесь его и поразил удар саблей, нанесший неглубокую, но длинную рану. Это было боевое крещение.

На протяжении всего 1827 года происходили уличные столкновения. Это не было каким-то массовым движением с четко поставленной целью. Очевидным было только растущее антибурбонское настроение. Большинство участников волнений предпочитало держаться в рамках законности, требуя лишь соблюдения статей Хартии 1814 года. Поэтому стычки с войсками и не оставили заметного следа в истории. Но в жизни Бланки, в процессе его революционного становления они играли большую роль. Первый сабельный удар не только не умерил его революционную страсть, но еще больше усилил ее.

15 мая новые волнения вспыхнули в Сорбонне. Правительство предоставило здесь кафедру известному медику Рекамье. Но

гораздо больше, чем своими медицинскими заслугами, он был известен как один из главарей ультрамонтанов — крайне правых католиков, претендовавших на власть церкви в светских, гражданских делах. На первой же лекции студенты встретили профессора дружным свистом. Ему пришлось оставить кафедру. Весь Латинский квартал охватил мятеж. Студенты двинулись шумной толпой к мосту Сен-Мишель. Среди них был и Бланки, едва залечивший свою апрельскую рану. На мосту дорогу преградили войска, и когда студенты попытались силой преодолеть барьер, кавалерия снова обнажила сабли. И снова Бланки, находившийся в первых рядах, был ранен. Но это лишь усилило его революционную ненависть к Бурбонам.

Между тем Карл X и его правительство решили укрепить свое положение путем роспуска палаты и новых выборов. 17 ноября происходит голосование, и результаты повергают Тюильри в панику. За либералов в Париже проголосовало 6500 из 7800 избирателей. На прошлых выборах в 1824 году они собрали в два раза меньше. Избранными оказались все главные лидеры оппозиции, тогда как многие роялисты потерпели поражение. Оставалась надежда на провинцию, но, когда поступили сведения о голосовании в других городах, провал правительства стал совершенно явным. Левые имели теперь в палате 180 депутатов, а правительственная партия только 170.

В Париже стихийно началось всеобщее ликование.

Вечером 18 ноября на многих улицах устроили иллюминацию. Повсюду группы радостных, возбужденных парп-жан. Среди нпх, как во время похорон Лаламанда, много людей в рабочих блузах. На улице Сен-Дени около строившегося здания кто-то крикнул: «На баррикады!» Такого призыва столица не слышала уже десятки лет, но он был немедленно подхвачен, и работа закипела. Поскольку под руками оказалось много кирпича и другого строительного материала, дело шло быстро. Неподалеку начали возводить вторую баррикаду... 19 ноября в 10 часов вечера к баррикадам с барабанным боем приближаются войска. Люди на баррикадах почти безоружны; ведь все было внезапной импровизацией. Но никто, ни рабочие, ни студенты, не собирается оставлять баррикады, па одной из которых — Огюст Бланки. Взяв ружья на руку, солдаты приближаются и открывают огонь. Несколько восставших убито, раненых множество. Однако баррикада не остается без защитников. На другой день войска и жандармерия, наводнившие весь район, начинают решительную атаку. Много убитых, еще больше раненых. Пулей в шею ранен и Бланки. Он падает, хотя и не теряет сознание. Он не хочет попасть в руки жандармов, называет свой адрес, и его уносят

домой. В это время в Париже находилась его мать, и сын узнает ее с совершенно неожиданной стороны. Всегда пренебрегавшая детьми, отказывавшая им в самом необходимом, она вдруг превращается в заботливую сиделку и усердно ухаживает за сыном.

А для Бланки улица Сен-Дени становится местом нового, более серьезного революционного посвящения. Он скажет по этому случаю, что «увидел народ Великой французской революции с его героическими лохмотьями, с его голыми руками, с его случайным оружием, с его неукротимым мужеством и с его обновленным гневом... Брошенный и преданный либералами, народ на этот раз отступил. Но внимательный наблюдатель получил возможность понять на наглядном примере, что в этот день произнесен приговор династии и что приведение его в исполнение не заставит себя долго ждать».

Все эти первые свидетельства участия Бланки в революционном движении — только отдельные эпизоды в его жизни. Революция еще не стала единственной профессией, главным делом и смыслом его жизни. В основном же его существование наполнено иными, спокойными и мирными делами молодого человека, лишь начинающего самостоятельную жизнь. Лекции в Сорбонне, а главное — чтение книг, растущий поток которых выражает духовную революцию, охватившую ***всю*** Европу и особенно Францию под могучим воздействием событий, последовавших за французской революцией. XIX век открывался людьми с новыми взглядами на окружающий мир. Прогрессивные идеи буржуазного преобразования быстро устаревали по мере того, как золотой век, обещанный буржуазными идеологами, обнаруживал свою истинную природу нового наемного рабства пролетариата. И в этом калейдоскопе идей, чувств, представлений рождалось в еще туманных формах фантастической утопии новое, социалистическое мировоззрение. Широко раздвигались духовные горизонты, как будто отражая необычайно расширившееся знание французов об окружающих их странах. Эпопея наполеоновских завоеваний, кроме всего прочего, позволила их участникам увидеть жизнь многих стран и народов Европы, да и не только Европы. Ветераны рассказывали молодежи о красотах природы и архитектуры Италии или Испании; сказочные образы египетских пирамид или башен Московского Кремля представали в восприимчивых умах юных французов. Страсть к путешествиям охватывала тогда молодых людей, тем более что государственные таможенные границы не были еще столь непреодолимым препятствием, как в более поздние времена. Даже отсутствие транспорта не служило преградой;

молодые, сильные ноги, мешок за спиной — вот и все, что нужно для тех, кто воспылал страстью увидеть в соседних странах то, о чем они так много слышали от бывших наполеоновских солдат и офицеров.

Тяга к путешествиям охватила и Бланки. Его особенно влекла магия познания мира, который до сих пор он видел сначала в крохотных рамках Пюже-Тенье, а потом в людском муравейнике Парижа. Даже Франция, не говоря уже о соседних странах, оставалась неведомой ему и вызывала жадное любопытство дознания того, что лежит за горизонтом...

Решительная натура Бланки требовала действия. Надежды на участие в движении карбонариев не оправдались из-за распада этого движения. Поддерживать либеральную оппозицию? Но Бланки не верил в ее революционность. Оставалось только ждать, но сколько может продолжаться это томительное ожидание революции? Два года в Бланьяке и были таким напрасным ожиданием. Правда, они дали Бланки немного денег, нужных для путешествия. Ведь он не собирался пользоваться дилижансом, надеясь на свои молодые ноги. Друг Бланки, студент-юрист Александр Плок, с радостью готов сопровождать Огюста. Он тоже ненавидит Бурбонов и горит революционным пылом. Неожиданно открылась возможность соединить желание увидеть свет с борьбой за свободу. Дело в том, что Карл X оказался вынужденным принять участие в справедливой борьбе народа Греции против турецкого гнета. В поддержке этой борьбы прежде всего заинтересован русский царь Николай I, глава Священного союза. В явном противоречии с принципами этого союза Франция предпринимает в 1828 году военную экспедицию на остров Морею (Пелопоннес), чтобы помочь грекам. В этом деле защиты греческой свободы французская оппозиция оказалась на стороне правительства. Вся Франция горячо сочувствует освободительной борьбе греков. Поэтому Бланки и Плок, получая паспорт для путешествия, указали, что направляются в Тулон, чтобы затем отплыть в Морею, где сражаются за свободу. Разве Гарибальди, высланный из Италии, не отправился в Южную Америку сражаться за ее освобождение?

И вот друзья уже в пути. Они идут к югу, наблюдая жизнь родной страны, наслаждаясь ее красотой, разнообразием и радостью узнавания своей родины. Бланки приходит в голову неожиданная идея, которую охотно поддерживает его друг, — посетить по пути Пюже-Тенье. Правда, этот городок сейчас под властью сардинского королевства, и путешественников на границе не пропускают. Они легко находят выход из положения: переходят границу нелегально и, карабкаясь по горным склонам,

добираются до Пюже-Тенье, где родился Бланки. Однако это имя слишком памятно местным жителям, поскольку его отец был долгое время супрефектом города. Сардинским властям быстро становится известно появление непрошеного гостя, и у них возникает дикое подозрение: два француза ведут подготовку к вторжению в сардинские владения! Им приказывают немедленно покинуть Пюже-Тенье. Но в эти дни Бланки неожиданно свалила жестокая лихорадка, врач предписывает больному оставаться в постели. Власти неумолимы, и Огюста с трудом, на спине мула, доставляют в Ниццу. Там больного путешественника и его друга немедленно сажают в тюрьму, где они проводят более суток. Это первое знакомство Бланки с тюремной камерой. Позже он будет вспоминать этот эпизод как предзнаменование всей его дальнейшей участи вечного заключенного... Болезнь Бланки заставляет друзей изменить маршрут путешествия. Но они все же продолжают его и отправляются в Испанию, которая оставляет у них самое мрачное впечатление безграничным господством церкви и нищетой народа. Потом обратный путь с юга через Бордо в Париж, куда Бланки возвращается 9 августа 1829 года.

Как раз накануне происходит важное событие во внутренней политике Франции: подписан королевский ордонанс об отставке правительства Мартиньяка. Карл X призвал его к власти после поражения на выборах в ноябре 1827 года. Пришлось сместить правительство открыто правого роялиста Виллеля, как ни противно это было замыслам короля. Он вынужден лавировать в политике с помощью Мартиньяка, который давно предлагал бороться с либералами более тонкими методами, чем Виллель. Оппозицию надо расколоть, разложить, обезоружить показным либерализмом. При этом Мартиньяк действительно идет на уступки. Отменяются некоторые запреты, ограничения для свободы печати. «Либеральная» политика и в самом деле вначале оказалась популярной; в нее поверили многие из деятелей оппозиции. Но с течением времени становится ясным ее показной, фальшивый характер. Серьезно режим Реставрации не собирается идти на изменения, и, когда надо, он вновь демонстрирует свою неискоренимую деспотическую природу. Один из ярчайших примеров — судьба заслужившего всеобщую любовь и славу поэта Беранже. В 1828 году он опубликовал свои «Неизданные песни». Он сам рассказывал, что либералы «старались помешать мне выпустить в свет этот том, появление которого могло нарушить кажущееся доброе согласие этих господ» с правительством Мартиньяка. Беранже в новых песнях-памфлетах высмеял коронование Карла X, религию, самого римского папу. Он уверенно предсказывал крах династии

Бурбонов. Над Беранже немедленно устроили суд. Его приговорили к девяти месяцам тюрьмы и к 10 тысячам франков штрафа.

«Либерализм» Мартиньяка теряет кредит. Его новые маневры наталкиваются на сопротивление в палате. «Ведь я говорил вам, — злорадно заявляет Карл X, — с этими людьми ничего не добьешься!» Король сбрасывает либеральную маску и призывает к власти князя Жюля де Полиньяка. Его мать была подругой королевы Марии-Антуанетты, казненной во время революции. И сам Полиньяк ожесточенно боролся с революцией. Хартию 1814 года он считал совершенно безумной и опасной уступкой. Если Мартиньяк щеголял репутацией антиклерикала, то Полиньяк всерьез уверял, что получает внушения непосредственно от Святой девы, поручившей ему спасти Францию. Естественно, путем прямой, открытой контрреволюции. Такую линию решил проводить теперь Карл X, линию открытой войны против либералов. Бланки сразу ясно понял авантюризм короля. Назначение Полиньяка, заявил он, — «предзнаменование и прелюдия будущего катаклизма». Но, когда произойдет этот катаклизм, предсказать невозможно.

Нет, Бланки в эти годы еще не мог по многим причинам день и ночь думать только о революции. Как ни волновала его судьба Франции, жизнь шла своим чередом. Вернувшись из Испании, Огюст проводит несколько дней в родительском доме в Онэ. Его ждут семейные новости: старший брат Адольф женился. Прежней близости между братьями уже нет, ибо старший прочно встал на путь успешной карьеры ученого-экономиста. Его мысли, а теперь и его личная жизнь становятся респектабельно-буржуазными, надежными, обеспеченными. А Огюст, которому уже 24 года? Он переживает период полной неопределенности. Правда, намечается нечто серьезное и в его личной жизни. Уже упоминалось о симпатии, которую испытывала к Бланки его юная ученица Сюзанна-Амелия Серр. Еще в 1827 году их отношения определяются несколько яснее. Сам Бланки необычайно сдержан в проявлении своих интимных чувств, и он не оставил о них никаких письменных следов. Но многие косвенные данные говорят, что чувства Огюста и Амелии проясняются главным образом благодаря ее активности и чуткости ее матери. Мадам Серр рассказывает обо всем мужу, и этот образованный, серьезный человек, неплохо относящийся к Бланки, ставит одно непременное условие: «Надо дать время молодому человеку встать на ноги, а девушке — подрасти». В самом деле, ей тогда было только 13 лет. И вот спустя два года, вернувшись из своего путешествия, Бланки направляется к Королевской площади, где

живет и ждет его Амелия. Визиты учащаются, и вот наступает чудесная пора первых чарующих признаний и робких поцелуев. Теперь Огюст сознает, что на его долю выпало счастье — искренняя любовь, и притом взаимная. Видимо, путешествие и дорожные размышления способствовали осознанию им этого важного факта, который уже давно очевиден для его умной, прелестной, неотразимо притягательной Амелии. Здесь приоткрывается исключительная страница биографии Бланки, рассказывающая о его единственном в жизни счастье, един-, ственной близости, об избавлении от одиночества, которое заполняет его существование во всем остальном. Но содержание этой интереснейшей страницы во многом остается тайной. Целомудренная сдержанность во внешних проявлениях своих чувств, столь характерная вообще для Бланки, особенно сильно сказывается в интимной стороне его жизни. В данном случае это можно понять и объяснить.

Гораздо труднее понять другое: даже близкие к Огюсту Бланки люди, которые, казалось бы, должны были хорошо знать и понимать его, нередко испытывали недоумение, даже огорчение из-за его замкнутости и скры-тости, приобретающих порой настолько резкий характер, что это вызывало обиду. Однажды, когда он был болен, Огюст провел несколько дней в Онэ у своих родных. Он не хотел ни с кем разговаривать, все вызывало его раздражение, недовольство. Старая тетушка Брионвиль, которую все дети в семействе Бланки называли бабушкой, вскоре отправила ему письмо, полное упреков и обвинений, что он совершенно изменился, редко пишет ей, что она не узнает своего маленького Мину.

Огюст немедленно ответил своей бабушке, которую искренне любил. Он писал, что его чувства нисколько не изменились, а его поведение в Онэ объяснялось болезнью. Но в этом письме Бланки откровенно раскрывает особенности своего характера. Он всегда и всем говорит только правду, не стесняясь в выражениях. Он признает, что пишет действительно мало писем, ибо он считает письма уместными только тогда, когда они совершенно необходимы. Он полагает, что предельная строгость в чувствах, правдивость естественны в отношениях к людям. Бланки приводит в пример свои отношения с матерью, с братом Адольфом, с директором пансиона Массэна, с матерью его невесты мадам Серр, со своими друзьями. Все они понимают его и остаются в самых дружеских отношениях, хотя он никогда не скрывает от них своих чувств и мыслей. Это письмо заканчивается так: «Не огорчайтесь, дорогая бабушка. Вы знаете, что ничего в этом нельзя изменить. Я могу смело сказать, что мой характер, по

мнению всех, по внешним проявлениям тяжелый и резкий, не является дурным в своей сущности. Я остаюсь всегда, что бы вы об этом ни говорили, вашим избалованным ребенком, вашим Мину, и даже если вы меня больше так не зовете, я этого не забываю. Прощайте, дорогая бабушка. Я обнимаю вас от всего сердца. Ваш неисправимый Л.-О. Бланки».

Бланки навсегда останется человеком исключительной откровенности и прямоты, испытывающим органическую неприязнь к внешней аффектации своих чувств. Он не любит пошлой демонстративной вежливости, ибо слишком часто замечает ее фальшь, притворность, лицемерие. Часто при первом знакомстве это обдавало людей холодом, и его принимали за озлобленного человеконенавистника. Между тем не было души, переполненной столь необычным чувством любви к людям. Уже в молодости в полной мере проявилось истинное благородство его возвышенной натуры. С детских лет он становится пламенным патриотом, человеком, которого постоянно волнуют страдания его униженной родины. На почве острого осознания несчастий Франции родилась его ненависть к Бурбонам, захватившим власть с помощью иностранцев. Он проникается нетерпимостью ко всем несправедливостям и жестокостям режима Реставрации. Вступление в организацию карбонариев, затем участие в стихийных революционных выступлениях говорят о том, что он готов пренебречь личными интересами, благополучием, безопасностью ради своих идеалов. Фактически для него вообще не существует понятия личной выгоды, личного интереса. Вернее, этот интерес весь сводится к самоотверженному стремлению служить людям. Он не видит другого смысла своего существования. Но не видит пока и практических путей к своим целям. Он их ищет.

И вот именно сейчас судьба предоставляет ему прекрасную возможность для этого. Вернувшись осенью 1829 года в Париж, Бланки поступает в редакцию газеты «Ла Глоб» (земной шар, глобус). На первой странице под названием напечатано, что эта газета «политическая, философская и литературная». В различные периоды в ней преобладала какая-нибудь одна из названных сторон. Это, пожалуй, самый заметный интеллектуальный центр оппозиции накануне июльской революции. В нем ярко отразилась разнородность оппозиции: своего рода Ноев ковчег беспокойной французской мысли. На страницах газеты выступали тогдашние знаменитости: молодой Виктор Гюго с его монархически-романтическими симпатиями; историки Адольф Тьер и Огюстен Тьерри, по-новому взглянувшие на смысл исторического процесса и открывшие его суть — классовую борьбу; философ-эклектик

Виктор Кузеп и его ученик Теодор Жуффруа; знаменитый писатель, романтик и роялист Рене Шатобриан и многие другие. Политически здесь преобладали либералы-монархисты, обсуждавшие с жаром проблему политического устройства государства. Их вполне удовлетворила бы конституционная монархия. В экономике газета защищала экономический либерализм, то есть, подобно брату Бланки Адольфу, выступала за свободное развитие капитализма. Позднее он охарактеризует их взгляды как «пресвятые догмы, извлеченные из Евангелия по святому Мальтусу, святому Рикардо, святому Иеремии Бентаму и другим профессорам ростовщичества, эгоизма и бесчувственности». Ясно, что у Бланки не было ничего общего с ними, но само знакомство с этой публикой давало ему много полезных знаний. Столь же далек окажется Бланки и от литературной линии «Глоб», которая была выражением политической позиции. Бальзак писал о литературной жизни Франции при Реставрации: «В сущности, литература представлена несколькими направлениями, но наши знаменитости раскололись на два враждующих стана. Роялисты — романтики, либералы — классики. Различие литературных мнений сопутствует различию во мнениях политических, и отсюда следует война, в ход пускаются все виды оружия — потоки чернил, отточенные остроты, колкая клевета, сокрушительные прозвища». Здесь Бланки столкнулся с антиподами, потому что в «Глоб» задавали тон романтики.

Но было в редакции нечто такое, что оказалось близким уму и сердцу Бланки. На страницах «Глоб» впервые заговорили о том, что бурное развитие промышленности создает новый растущий класс тружеников — пролетариев. Послышались отзвуки идей великого социали-ста-утописта Сен-Симона. Всем этим газета была обязана своему основателю Пьеру Леру, прошедшему путь от ра-бочего-наборщика до главы одной из ведущих школ французского утопического социализма XIX века. Среди знаменитых авторов газеты Леру занимает особое положение. Бланки писал, что «он казался звездой, несколько затерявшейся среди этого амбициозного созвездия». Именно под влиянием Леру в «Глоб» стали писать о социальных проблемах, о положении рабочих, даже об их освобождении от жестокого гнета или хотя бы об улучшении их участи. Леру начал употреблять само слово «социализм», хотя в его теориях место науки занимали романтические искания и даже мистические, религиозные чувства.

Вот какой портрет Леру оставил по личному впечатлению Генрих Гейне: «Это — приземистая, коренастая, плотная фигура,

которую традиции высшего света не могли научить какой-либо грации. Леру — дитя народа; в молодости он был типографом, и до сих пор еще наружность его хранит пролетарский отпечаток... Пьер Леру — человек, и, что очень редко, с мужественностью характера в нем сочетается ум, поднимающийся до высочайших философских построений, и сердце, способное погружаться в бездны народного горя. Он не только мыслящий, по и чувствующий философ, и вся жизнь его и стремления направлены на улучшение морального и материального состояния низших классов».

Конечно, в редакции «Глоб» Огюст Бланки — маленький человек не только своим ростом, но и положением по сравнению с более старыми, опытными, часто знаменитыми людьми, которые его окружали. По своей должности, вспоминал Бланки, он был «скромный редактор мелких фактов». Он получал 125 франков в месяц, и его основная обязанность сводилась к присутствию на заседании палаты депутатов для точной записи речей ораторов, которые затем публиковались в газете. Поэтому в ней не было материалов, подписанных именем Бланки. И все же для него работа в «Глоб» давала многое в смысле приобретения политической зрелости. Трудно было мечтать о лучшей лаборатории идейного и социального исследования.

Вообще можно лишь удивляться, как молодой безвестный Бланки, не имея никаких связей (среди них на первом месте стояли связи происхождения и богатства), оказался вблизи самых выдающихся представителей тогдашней французской духовной жизни. Знаменательно, что он стал завсегдатаем салона мадемуазель Монгольфье. Зимой 1829/30 года, когда стояли столь редкостные холода, что Сена на целый месяц покрылась льдом, он часто посещает ее любопытный дом на улице Гарансье. Аделаида-Жанна Монгольфье была дочерью знаменитого изобретателя воздушного шара. Этой девице уже было около сорока лет, но она пренебрегла обычной женской участью, избрав модную тогда роль эмансипированной дамы, отдавшей сердце литературе и политике. Свои произведения — статьи, переводы с английского, сказки, стихи — она в большом количестве печатала в парижских журналах. Мадемуазель богата и увлечена либеральными идеями, которые могли свободно проповедоваться в ее салоне. Ее политические симпатии склонялись к конституционной монархии по английскому образцу. В салоне симпатизирующей ему хозяйки Бланки встретился с известным литератором Эдгаром Кине, знаменитым историком Жюлем Мишле и с самим Беранже.

Но юный Огюст в то время уже несомненный республиканец

и революционер. Что же общего он имел с благовоспитанной либеральной публикой? Он еще так молод, незаметен и, будучи смелым в мыслях, крайне сдержан, если не робок, на словах. Но, как это ни удивительно, хозяйка салона интересуется им больше, чем другими гостями. Возникает очевидная близкая дружба, которой не мешает даже пресловутая резкость характера Бланки. Аделаида Монгольфье поражена энергией, сконцентрированной в этом маленьком, хрупком юноше, железной волей, которая клокочет в нем. В этой дружбе Бланки явно пассивная сторона, а симпатия исходит от мадемуазель Монгольфье. Но ни для каких подозрений сентиментального характера нет оснований. Мадемуазель — закоренелый «синий чулок», а сердце Бланки прочно занято Амелией. Остается фактом, однако, что она активно интересовалась семьей молодого революционера, познакомилась с его матерью, давала уроки его младшей сестре. Словом, Огюсту оказывались многочисленные знаки незаурядного внимания, но уже в 1830 году их политические дороги разойдутся в разные стороны.

Революция разведет его со многими, если не со всеми, из тех людей, в буржуазной среде которых он обретался в юности. А эта среда была вовсе не революционной, даже не республиканской, а скорее монархической: орлеанистской и бонапартистской. Надвигающиеся события заставят всех и каждого выбрать свое место по ту или другую сторону баррикад. Бланки почувствовал приближение того времени, когда они вырастут на парижских улицах, что и случилось осенью при передаче власти самому рьяному защитнику трона и алтаря — князю По-линьяку. Его претензии на все старые прерогативы королевской власти во имя божественного промысла выглядели смехотворно после опыта французской революции, после наполеоновских завоеваний, когда в Европе исчезали многие короны. Политикой слепого роялистского фанатизма Полиньяк только усиливал либеральную оппозицию, ненависть и презрение к династии Бурбонов.

Обстановка становилась смутной, тревожной, она таила взрыв. Карл X дрожал за корону и поэтому пытался внушить страх врагам. В начале 1830 года, открывая сессию палаты, Карл X прочитал угрожающую тронную речь: «Если бы преступные интриги стали создавать препятствия для моей власти, которых я не хочу предвидеть, то я нашел бы силу, достаточную для их преодоления с моей решимостью сохранить общественное спокойствие».

Спокойствие оказалось нарушенным сразу же. Как ни робки были либералы, в ответном адресе, за который проголосовало большинство в 221 депутат, онп констатировали, что король

нарушает Хартию: «Государь, наша лояльность и наша преданность побуждает нас заявить, что этой поддержки больше пе существует». Депутаты потребовали отставки министров. Карл X не отступил и на другой день приказал прервать заседания палаты до сентября. Узнав об этой отсрочке, многоопытный Талей-ран оказал: «В таком случае я покупаю себе поместье в Швейцарии».

Обстановка накалилась еще более, когда 16 мая король совсем распустил палату и назначил новые выборы. Они состоялись в июне и июле и дали весьма красноречивые результаты: число членов оппозиции возросло до 274, а королевская партия сократилась до 149. Напрасно использовали все средства, чтобы повлиять на исход выборов. Надеялись на благополучное воздействие военной победы королевских войск, взявших город Алжир. Но эта победа стала пагубной для самого Карла X. Теперь он решил идти напролом. 25 июля король подписывает новые ордонансы, опубликованные на другой день в «Монитере». Первый упразднил всякую свободу печати, второй объявил палату распущенной, третий сократил число избирателей на три четверти, четвертый назначил новые выборы.

Дело шло к полному восстановлению абсолютизма. Надеялись, что Франция покорно примет новые меры. Префект полиции заверил правительство Полиньяка, что Париж и не пошевельнется. Подписав ордонансы, Карл X уехал на охоту в Рамбуйе. Между тем реставрированную династию Бурбонов ждала участь всех деспотических режимов, которые обычно ускоряют гибель своей манией величия, самоуверенностью, неспособностью понимать реальность, маневрировать и отступать. Революция началась на другой день.

Июльский переворот

Утром, в понедельник, 26 июля 1830 года, Бланки, как обычно, явился на службу в помещение редакции «Глоб» на улице Монсиньи. В последнее время он выглядит несколько по-новому. Двадцатипятилетний Огюст по моде того времени отпустил усы и бороду. Это дополнение его облика подчеркивает жесткие, волевые черты его рта и подбородка. В редакции он сразу замечает что-то необычное: почти все сотрудники на месте. Но вид этих неожиданно собравшихся людей озадачивает. Кажется, что они томятся бездельем и не знают, зачем пришли. Маститые метры литературы и науки слоняются из угла в угол, как бы выражая всем своим видом какую-то неуверенность, растерянность и замешательство. Бланки берет лежащий на столе номер официального «Монитера», пробегает взором первую страницу и начинает понимать смысл происходящего. В газете напечатаны королевские ордонансы, о которых уже ходили какие-то неопределенные слухи. Значит, Карл X и Полиньяк пошли ва-банк...

Если раньше Огюст скромно удерживался от выражения своего мнения по любому поводу, что бы ни произошло, то на этот раз его реакция оказалась резкой и решительной. Ясно, что это — попытка реакционного государственного переворота, что королевская власть растаптывает собственные законы, что она объявляет народу войну. И Бланки немедленно делает категоричное, безапелляционное заявление, какого здесь от него никто никогда не слышал:

— Еще до конца недели все это закончится ружейными выстрелами!

К нему повернулись удивленные и недовольные лица. Мальчишка осмелился заговорить! Уж не собирается ли он учить их, признанных наставников и судей всего происходящего в политике? Высокий и солидный профессор Жуффруа сверху вниз смотрит на этого незаметного сотрудника, своий ростом доходящего ему лишь до плеча, и с презрением изрекает:

— Ружейной стрельбы не будет!

Пропасть, всегда разделявшая Бланки и его старших коллег, свободно говоривших о чем угодно, но неспособных перейти от слов к делу, внезапно явно обнаружилась. Почему же сейчас, когда надо что-то делать, они беспомощны? Подавляя возмущение, Бланки почти выбежал нз редакции. Но на улице все спокойно, каждый идет своей дорогой, и на лицах не видно никакого намерения что-либо предпринимать. Может быть, люди

еще не читали ордонансов, не слышали о них? Случайно Бланки узнает, что журналисты из нескольких газет сошлись сейчас в редакции «Насьональ». Бланки бежит туда и попадает на бурное собрание писателей, адвокатов, журналистов. Обстановка резко отличалась от страха и подавленности, царивших в «Глоб». Здесь кипят страсти, все резко осуждают королевские ордонансы. Принимается энергичное заявление протеста: «Действие правового порядка прервано, начался режим насилия. Правительство нарушило законность и тем освободило нас от обязанности повиноваться... Мы будем сопротивляться». Заявление призывает депутатов выступить против правительства. Решено продолжать выпуск газет, несмотря на запрет. Под заявлением ставят свои подписи 44 человека. Первым подписался Адольф Тьер, ог же и автор самого текста. В будущем Тьер окажется злейшим врагом Бланки, он отдаст приказ о заключении его в тюрьму и станет палачом Коммуны. Но 26 июля 1830 года его действия нравились Бланки.

Он снова устремляется на улицу. По лицам людей, по взглядам, возбужденным беседам видно, что теперь все уже знают об ордонансах. Вскоре в руках появляются листовки с отпечатанным текстом воззвания «44-х». Бланки бежит в сад Пале-Рояль. Всех влечет сюда какой-то общий инстинкт. Ведь в 1789 году именно здесь прозвучал призыв к штурму Бастилии. Толпа растет, и среди нее появляется все больше рабочих из типографий, большинство из которых все же закрылись. В тот же день в Ратуше хозяева промышленных предприятии решили закрыть фабрики и мастерские. Так формируется армия восстания. Но 26 июля дело ограничилось демонстрацией в Пале-Рояле. Правда, в карету князя Полинь-яка, проезжавшего по бульварам, полетели камни. Тем не менее до сражения дело не Дошло, хотя на улицах уже появилась королевская гвардия.

Единодушного порыва к восстанию пока не видно. Депутаты, приехавшие в Париж, чтобы заседать в палате, куда их просто не пустили, позорно трусят. Они, конечно, обсуждают положение, но не принимают никаких решений. Депутаты предпочитают действовать «в рамках законности». Но буржуазия, ее лидеры вовсе не сидят сложа руки, хотя и боятся, что революционная ярость народа зайдет слишком далеко.

26 июля Бланки вернулся домой уже за полночь. Он жил в отеле Нассау на улице Ла Гарп, 89, в двух шагах от нынешней площади Сен-Мишель. Бланки долго не мог заснуть после треволнений первого революционного дня. Рано утром 27 июля он снова в редакции «Глоб», где обстановка стала оживленнее, чем накануне. Еще бы, редакторы газеты выпустили в свет ее

очередной номер вопреки королевскому запрету. Вышли также «Насьональ» и «Тан». Но, как сразу почувствовал Бланки, никто в «Глоб» не собирался действовать дальше. Напротив, редакторы газеты казались напуганными собственной смелостью. «Все эти будущие министры дрожали за свою шкуру», — напишет Бланки об этом дне, когда сам он рвался к действию. Быстро покинув редакцию, он, как и вчера, устремляется в сад Пале-Рояль. Здесь снова толпа, но теперь в ней явно преобладают люди в рабочих блузах. Закрытие мастерских и типографий дало свои результаты. В нескольких местах группы рабочих слушают, как энтузиасты читают вслух манифест «44-х». Особенно решительные фразы документа встречают одобрительными криками.

Бланки охвачен горячим желанием участвовать в событиях, и он, не раздумывая, вскакивает на стол, вытаскивает номер «Глоб» и тоже начинает читать как можно громче. Он надрывает голос и, только окончательно охрипнув, слезает со стола и выбирается из толпы. Нет никаких сомнений, что все горят жаждой борьбы. Настроение людей становится явно воинственным. Бланки вдруг вспомнил о реликвиях своего карбонаризма: в предместье Сен-Марсо спрятано ружье с полусотней патронов. Он мч ˆ ся туда и вскоре является домой, в Латинский квартал, с ружьем на плече. Соседи по дому, студенты, с интересом встречают вооруженного коллегу. Но атмосфера восстания здесь пока не чувствуется. Поэтому, оставив ружье у себя в комнате, Бланки снова бежит на правый берег к Пале-Роялю. Он видит, как сразу во многих местах начинается постройка баррикад. Попытки конной жандармерии помешать этому встречают градом камней. Раздается первый выстрел, завязывается перестрелка. Воодушевленный Бланки снова бежит на левый берег и настойчиво уговаривает студентов присоединиться к восстанию. Затем он опять пересекает Сену и является в редакцию «Глоб», где застает самых видных из сотрудников газеты: Пьера Леру, Виктора Кузена, Жуффруа, Беранже и других. Теперь на Бланки

смотрят с интересом и вниманием, ведь его пророчество сбывается: ружейная стрельба началась! Бланки торопливо рассказывает о начавшемся восстании, о боевом духе парижан и предлагает создать в редакции революционный комитет. Некоторые как будто соглашаются, но общее настроение склоняется к тому, чтобы подождать развития событий. Нет, эти люди, выпустив нелегальный номер газеты, исчерпали запас своего мужества. Дальше разговоров дело не пошло, и поздно вечером Бланки возвращается домой.

Но его революционный энтузиазм ищет выхода. Он бросается к столу и пишет. Что это? Будущая речь? Воззвание? Статья?

Неважно, события, как уверен Бланки, возможно, потребуют, чтобы и он сказал свое слово. Вот текст, написанный им в ночь с 27-го на 28 июля 1830 года:

«Парижане!

Карл X разорвал Хартию, растоптал законы, уничтожил все свободы. Нет больше типографий! Нет больше газет! Нет больше книг! Нет больше Палаты депутатов! Восстановлен старый режим, Франция, связанная по рукам и ногам, выдана дворянам и попам.

К оружию, граждане! К оружию, чтобы защитить родину, само наше существование! Согласны ли мы стать стадом рабов под кнутом иезуитов? Нет и нет! Лучше умереть!

Но погибнет не народ, а тот, кто хочет его поработить. Подымайтесь! Подымайтесь! Раздавим этих гадов! Пусть возмездие, как молния, поразит врагов».

Неизвестно, была ли эта речь произнесена или напечатана как листовка. Несомненно лишь, что чувства Бланки должны были найти себе выход. Что касается политической программы, то в двух написанных им черновиках ее нет. Не упоминается даже о республике в качестве цели революции, хотя достоверно известно, что Бланки уже стал республиканцем. Начав с оппозиции к Бурбонам и с бонапартизма, пройдя через организацию карбонариев, он уже приблизился к республиканскому идеалу. Однако этот идеал вырисовывался перед ним еще в крайне туманной форме. Тем более что недавний исторический опыт Франции создал вообще очень неопределенное представление о республике, при которой Франция жила па протяжении 12 лет. Была республика якобинской революционной диктатуры, республика реакционного Термидора, продажной Директории, республика

Консульства, оказавшаяся подготовительным этапом к Империи. Бланки не выражает склонности ни к одной из этих республиканских систем; он мечтает о какой-то небывало прекрасной республике обновления. Словом, в это время он очень хорошо знает, чего он решительно не хочет, но еще не представляет себе ясно желанной цели. Он крайне типичен для той восторженной буржуазной молодежи, которая шла на баррикады, вдохновляясь не политической программой, а прекрасной, но неопределенной мечтой об общем счастье...

28 июля рано утром возмущение, вызванное ордонансами, окончательно перерастает в революцию. Сотни баррикад перегораживают парижские улицы. Восставшие занимают Арсенал, пороховой склад Сальпетриер. Захвачено здание городской Ратуши. Трехцветное знамя водружают на башнях собора Парижской богоматери. Бланки прикрепляет к своей

шляпе трехцветную кокарду, как это делалось во времена Великой революции. Охваченный энтузиазмом, он буквально вбегает в редакцию «Глоб». Его революционная кокарда бросается всем в глаза, и философ Виктор Кузен возмущенно заявляет:

— Эти цвета могут очень нравиться вам, но они не подходят для меня: знамя Франции — белое знамя.

Это заявление знаменитого философа, которое лишний раз отразило сущность «либеральной» буржуазной оппозиции, Бланки оставляет без ответа и бросается туда, где он видит свое естественное место, — на Гревскую площадь. Там центр боя между королевскими войсками и восставшими. Бланки с восторгом видит, как повсюду срывают белые королевские знамена и водружают на их место трехцветные. Он скажет потом, что это был самый счастливый момент его жизни. Сотни людей лихорадочно ищут лишь одного — оружия. Врываются в казармы Аве Мария и кирасиров, чтобы захватить его. Бланки поражен настроением полного единодушия инсургентов. Он писал: «Этот первый час был моментом искренности, народ выступал безрассудно. Он все чувствовал инстинктивно и не искал взором вождей, которых невозможно было найти. Все эти рабочие действовали, инстинктивно на свой страх н риск, двигаясь по площади и по набережным без всякого руководства».

Стихийный революционный порыв действительно казался единодушным, но столь же стихийно выделились и вожаки восстания, руководившие боями на отдельных баррикадах, улицах и площадях. История сохранила некоторые имена бывших солдат, энергичных республиканцев и рабочих, возглавлявших бои. Среди них прежде всего упоминают имя Годфруа Кавеньяка, студента Политехнической школы, и Франсуа Распайя, ученого-хими-ка и пылкого республиканца. Беда в том, что у них тоже не было не только конкретной политической программы, но и простого плана действий на ближайшие дни. Все сводилось к вдохновляющему призыву: «Долой Бурбонов!»

Королевские войска, возглавляемые маршалом Марионом, пытаются наступать в направлении восточных районов города, целиком охваченных восстанием. Им удается захватить отдельные баррикады и продвигаться по узким улочкам. Но позади солдат, с трудом пробивающихся под огнем из окон, под градом сыпавшихся на них обломков мебели, всего, что попадало под руку, баррикады немедленно восстанавливаются снова. Мармон боится попасть в западню и, чтобы сохранить войска, приказывает отступить. Он хочет превратить район Лувра в цитадель среди восставшего города. Маршал посылает к королю в Сен-Клу одного гонца за другим, умоляя о политических уступках. «Это уже не

волнение, — пишет он, — это революция. Ваше величество немедля должны принять меры для успокоения народа». Но король, который с террасы дворца видит панораму Парпжа с очагами пожаров, как будто не слышит отзвуков стрельбы и звона набата. Он требует «держаться и ждать». Карл X самоуверенно отвергает попытку группы правых либералов вступить с ним в переговоры с целью компромисса. Между тем уже 28 июля целый полк из двух тысяч солдат переходит на сторону восставших. Повстанцы продвигаются по левому берегу, занимают Бурбонский дворец, приближаются к Дому инвалидов. Вечером почти весь Париж, кроме Лувра и Тюильри, уже в руках восставших. На другой день к ним переходят еще два полка. Оставшиеся бегут из Лувра, и над зданием королевских дворцов тоже поднимаются трехцветные флаги. В середине дня герцог Ангу-лемский, сменивший смещенного королем Мармона, вынужден оставить город с остатками своих войск. Он сообщает королю, что Париж окончательно потерян. Только тогда Карл X решился наконец подписать указ об отмене злополучных ордонансов и о включении в правительство нескольких умеренных либералов. Но было уже поздно...

Между тем Бланки в самом центре событий, но лишь в роли рядового бойца, воодушевленного как и все, но болезненно сомневающегося в исходе событий. Когда королевские войска оставили Париж, он пришел в Ратушу, где в коридорах, на лестницах и в залах стоял оглушительный шум от споров и речей. Казалось, кричали все сразу. У Бланки в кармане два пламенных призыва к борьбе. Он даже написал план действий в ходе восстания, тактику боя. Но теперь это уже никого не интересует, ибо враг побежден. Что же дальше? Здесь этого не знает никто, ну а если и знает, то может сообщить только случайно оказавшимся около него слушателям. Пытался ли Бланки говорить? Он никогда ничего не рассказывал об этом. К тому же вряд ли мог произвести на кого-либо впечатление безвестный двадцатипятнлетний молодой человек. Один из близких к семье Бланки писал о том,как выглядел Огюст в революционные дни июля 1830 года: «Он был очень маленьким, тщедушным, без всякой претенциозности, начисто лишенный способности к эффектному шарлатанству. На него либо не обращали внимания, либо относились с презрением к его советам, с недоверием и неприязнью к его слишком пронизывающей проницательности».

Но, по правде говоря, и проницательностью он также явно не обладал. Сохранилось любопытное свидетельство Жюля Мишле, знаменитого историка, тогда еще совсем молодого. Вечером 29 июля он сидел в салоне мадемуазель Монгольфье, где собрались

завсегдатаи, все эти литературные дамы и подающие надежды способные молодые люди. Стоял жаркий день, и окна были открыты настежь. К тому же все присутствующие жадно ловили звуки, долетавшие с улицы. Ведь никто ничего толком не знал о происходящем в Париже. Но вдруг на лестнице раздались быстрые шаги и на пороге возникла маленькая фигурка Бланки. Весь его облик, его горящие глаза сразу приковали внимание. Одежда помята, испачкана и порвана; руки, даже лицо черны от пороха — он явился прямо из гущи борьбы. Бланки с грохотом поставил на паркет грозно лязгнувшее тяжелое ружье и с выражением ликующего торжества провозгласил:

— С романтиками покончено!

Как, значит, кровопролитная борьба шла лишь ради того, чтобы сокрушить какое-то, пусть и крупное литературное направление? Неужели люди сражались и умирали ради того, чтобы покончить с дюжиной писателей и поэтов, воспевавших средневековую феодальную романтику, превозносивших, подобно Шатобриану и Ламартину, добродетели легитимизма и Бурбонов? Но ведь религиозно-мистическим и легитимистским идеалам романтиков эпохи Реставрации уже нанесен сильнейший удар новым, передовым романтизмом, хотя бы Стендалем. Разве бодцы июльских баррикад сражались из чувства протеста против ложной сентиментальности, фразерства, готических образов? Видимо, для Бланки романтизм служил символом чего-то более значительного и более осязаемого, то есть режима Реставрации. Но для литературной публики салона мадемуазель Монгольфье именно этот символ яснее всего мог объяснить смысл происходящего. Восклицание Бланки отразило одновременно и его собственное смутное представление о событиях, которые оставались совершенно непонятными для большинства их участников.

«Июльской неразберихой» называл Бальзак французскую революцию 1830 года. Действительно, в истории трудно найти другой революционный переворот, который мог бы сравниться с ней запутанностью и двусмысленностью. Только потом, когда покажет себя новый режим, удастся ясно представить и раскрыть сущность событий.

В борьбе сталкивались три главные силы.

Это, во-первых, Карл X, его министры вроде князя Полиньяка, стоявшее за ним дворянство, надменно верившее в свое «божественное право» владеть Францией как наследственной вотчиной. Отчаянно и безнадежно они цеплялись за власть.

Против них поднялся второй главный участник июльской драмы — народ Парижа, рабочие и ремесленники, измученные нищетой. Вместе с ними студенты, молодежь, увлеченная

революционными идеями свободы, равенства п братства, охваченная ненавистью к Бурбонам и пылкой любовью к униженной Франции. Они героически сражались, выступая стихийно, без всякого руководства. Эти обездоленные люди вдохновлялись чувством, а не сознанием. Никто из них не имел ясных политических взглядов, если не считать наивного, но справедливого убеждения, что им живется плохо, а заслуживают они лучшего. Мысль о том, чтобы взять власть в свои руки, им просто не приходила в голову. Поэтому в конце концов они оказались слепым орудием чуждых, враждебных сил. В их рядах и был Бланки, смело перешедший из буржуазной среды в стан восставших угнетенных.

Наконец, третья сила, скрывавшаяся до поры до времени и выжидавшая исхода борьбы, влияла на нее незаметными, но решающими закулисными махинациями. Это — либеральные политики, представлявшие крупную буржуазию, мир денег и наживы. Она уже владела богатствами страны, ее промышленностью, торговлей, финансами, хозяйничала всюду, но еще не в политике. Эти промышленники, торговцы, банкиры хотели сами управлять Францией. Они хотели добиться своей цели чужими руками, не жертвуя, не рискуя ничем, прежде всего своей шкурой. В дни баррикадных сражений они отсиживались в богатых особняках. Случилось так, что под окнами дома банкира Казимира Перье собрались революционные студенты. Они хотели руководства, лозунга, указания на цели и задачи борьбы. Но в этот момент на них напали конные жандармы. В поисках укрытия они стали стучаться в двери особняка Казимира Перье, где заперлись десятка два либеральных депутатов. Но им не открыли дверь, и молодые энтузиасты были изрублены на глазах либеральных политиков. Самое крупное сборище либеральных депутатов происходило в доме другого банкира — Лаффита. Здесь произошел эпизод, показавший подлинный облик этих «отцов отечества». Внезапно послышался оглушительный залп, вызвавший панику. Многие вообразили, что королевская гвардия побеждает, что пришли их арестовать. В страхе они бросились к задним дверям, начали прятаться в саду, скрываться в стойлах лошадей на конюшне. Тревога оказалась ложной: залп был дан в честь полка, перешедшего на сторону восставших. Переполох прекратился, лишь когда струсившие законодатели убедились, что стреляли в воздух, чтобы выразить радость...

Когда исход борьбы стал ясен, именно здесь и решили взять в свои руки руководство революцией. Сначала создали муниципальную комиссию во главе с банкирами Лаффитом и Перье. Последний стал командующим полками, перешедшими на

сторону революции. В сущности, образовалось временное правительство. Больше всего оно боялось конкуренции Ратуши, где засели республиканцы, терявшие время в бесплодных дебатах. Удалось переманить оттуда генерала Лафайета, весьма популярного, имевшего славу героя двух революций на двух континентах. Он воевал за независимость Соединенных Штатов, а потом участвовал на первых порах во французской революции. Банкиры легко уговорили семидесятишестилетнего генерала помочь им и поддержать планы, разработанные Тьером, Минье и другими либеральными монархистами, больше всего боявшимися установления республики в духе 1793 года. Привлекли и других популярных людей вроде Беранже. Замысел состоял в том, чтобы изгнать Бурбонов, но вместо них поставить у власти нового короля, который защищал бы не старую аристократию, а новую знать денежных мешков. Нашлась и подходящая фигура — герцог Орлеанский.

У него была любопытная родословная и биография. В начале XVII века у Людовика XIII и Анны Австрийской родились два сына. Старший сын стал королем Людовиком XIV, а младший получил титул герцога Орлеанского и сделался родоначальником младшей линии ветви Бурбонов. Представитель этого дома герцог Филипп Орлеанский в начале XVIII века из-за малолетства Людовика XV сделался регентом и прославился расточительностью и развратом (отсюда выражение «нравы эпохи регентства»). Во время революции другой герцог, Орлеанский, начал заигрывать с ней, отказался от своего титула, принял имя Филиппа Эгалите (Филиппа Равенство), но кончил плохо, сложив голову на гильотине. Его сын, будучи совсем юным, служил в революционной армии, но бежал вместе с Дюмурье, а затем жил в эмиграции. Во время Реставрации он вернулся во Францию, и Людовик XVIII возвратил ему не только титул, но и огромные владения. К моменту описываемых событий ему было уже за пятьдесят, и он не расставался с мыслью о троне. Понимая необратимость основных революционных преобразований, он изображал себя демократом, близким к заботам простых людей, разыгрывал из себя мелкого буржуа, любящего народ. Его-то банкиры и решили сделать управляющим огромного доходного коммерческого предприятия, в которое они намеревались превратить Францию, используя июльскую революцию.

Уговаривать герцога не пришлось. Он немедленно, согласился играть главную роль в фарсе, постановщиками которого были Лаффит, Перье, Тьер и даже старый прожженный мастер великих махинаций, сам «отец лжи» Талейран. Утром 30 июля на парижских улицах расклеили манифест, подписанный

Тьером: «Карл X уже не может вернуться в Париж: он пролил народную кровь. Учреждение республики возбудило бы среди нас гибельные раздоры и поссорило бы нас с Европой. Герцог Орлеанский предан делу революции... Он король-гражданин». В духе подобной лжи был выдержан не только текст манифеста, но и вся процедура передачи власти новому королю. Главная задача состояла в том, чтобы обмануть республиканцев, засевших в Ратуше. Герцог Орлеанский сам отправился туда, встречая по пути еще не разобранные баррикады и настороженно-враждебные взгляды бойцов. державших в руках оружие. Одной театральной сцены оказалось достаточно, чтобы успокоить уставших от трехдневных боев инсургентов. Герцог вышел на балкон с трехцветным знаменем в руках, его заключил в объятия Лафайет, который произнес при этом печально-знаменитую фразу:

— Вы — лучшая из республик!

За воцарение Луи-Филиппа голосовали депутаты палаты, созванной Карлом X. Единственное существенное изменение состояло в том, что теперь право голоса получили не 100 тысяч французов, а 250. Погибших на баррикадах было около 800, их еще не успели похоронить, как Лаффнт произнес с удовлетворением:

— Отныне наступает царство банкиров.

А участники сражения должны были довольствоваться крестами на голубой ленте с красной каемкой, которыми их наградил новый король — Луи-Филипп. Такую побрякушку получил и Огюст Бланки...

Неужели только ради этого люди шли умирать на баррикады? В момент революции все признавали, что рабочие заслуживают более существенной награды. Хотя во время июльской революции парижские рабочие шли за либеральной буржуазией, на борьбу их толкнули глубокие социальные причины. За несколько лет до революции начался экономический кризис, и положение рабочих ухудшалось с каждым днем. За нищенскую плату они трудились по 16 часов в день. Они находились в таком состоянии, что даже либеральные политики и их газеты выражали им сочувствие. Но добрые слова и обещания парижские труженики слышали в основпом до революции и в первые недели после ее «победы». 30 июля газета умеренных либералов «Иасьональ» писала, что «народ всегда делал все: он был могуч и велик; победил он, и все плоды победы должны достаться ему». Даже министры новоиспеченного орлеанистского правительства говорили о рабочих с сочувствием. «Когда династия приходит к ***власти*** благодаря героизму рабочих, — заявил 10 августа 1830 года министр Дюпен, — как это было в наши дни, она должна что-

нибудь предпринять для того, чтобы их положение улучшилось». Но напрасно наивные люди ожидали благодарности от Луи-Филиппа. Ни одной, абсолютно ни одной меры для улучшения участи рабочих не последовало. Тогда рабочие, среди которых во время стрех славных дней» революции, пожалуй, впервые зародились проблески классового сознания, немедленно начинают сами требовать удовлетворения своих нужд. В августе, когда следы июльских боев еще были заметны на многих улицах, происходят забастовки типографских рабочих, булочников, кожевенников, каменщиков. Они требуют сокращения продолжительности рабочего дня, повышения оплаты труда. Устраивают мирные демонстрации под официальным ныне трехцветным знаменем. Но новое «революционное» правительство остается глухим к требованиям тех, кто дал ему власть. 25 августа префект департамента Сены официально объявил рабочим: «Ни одна обращенная к нам просьба о вмешательстве в спор между хозяином и рабочим по вопросам удовлетворения заработной платы, длительности рабочего дня или найма рабочих не будет удовлетворена как находящаяся в противоречии с законами, освятившими принцип свободы промышленности ».

Вот, оказывается, за какую свободу сражались рабочие на июльских баррикадах! Орлеанская династия стала еще более решительным защитником привилегий собственников, хозяев предприятий, торговцев, банкиров. Если Бурбоны защищали главным образом интересы дворянства от «третьего сословия», то есть от буржуазии и всего народа, то новая власть стала выразителем интересов буржуазии, орудием ее борьбы с формировавшимся рабочим классом. Господство дворянской земельной аристократии сменилось безраздельной властью крупной буржуазии. Никакой демократизации, никакого расширения прав подавляющего большинства французов не произошло. Напротив, новый режим во многом оказался более деспотическим, чем свергнутая система Реставрации. Только некоторые внешние изменения вроде замены белого флага Бурбонов трехцветным знаменем 1789 года напоминали о революции «трех славных дней», плоды которой были украдены у народа. Революционные республиканцы, рабочие имели теперь против себя более сильного врага, ибо социальная опора нового режима расширилась за счет присоединения к нему прежней либеральной оппозиции.

Бланки видит страшный финал революции. По Сене медленно движется огромная баржа, над которой колышется черный флаг. Трупы убитых, одни в гробах, другие просто навалены на ней чудовищной грудой. Их увозят из морга на

Марсовом поле, ибо августовская жара способствовала разложению, и люди, молча стоящие у берегов Сены, ощущают удушливый трупный запах. Течение реки уносит из Парижа тех, кто отдал жизнь за свободу оставшихся в живых. Зато судьба избавила их от чувства горечи, оскорбления и сознания бесплодности их жертвы...

Писатель и историк Гюстав Шеффруа так передает состояние парижан: «Второй день после революции! Внезапное пробуждение тех, которые уснули после лихорадочной деятельности, еще продолжая переживать вчерашние героические события, пораженные быстротой совершившегося переворота. Энтузиасты, которые вчера еще боролись на улицах и врывались в дворцы, оглашая воздух криками надежды и триумфа, сегодня поражены собственной победой и утомлением от нечеловеческих усилий... Их энергия растрачивается в наивном созерцании, их воля теряет цель, и они из действующих лиц превращаются в зрителей. Они воображали, что исполнили всю пьесу, тогда как на самом деле они участвовали только в прологе. На смену им выступают другие люди, которые держались в стороне от опасной борьбы, а теперь чувствуют себя храбрыми, видя утомление борцов. Эти новые люди пришли, чтобы восстановить порядок: оставить почти все на старом месте и лишь кое-где переменить этикетки. Революцию ликвидируют хитрые, осторожные люди себе на уме, чины судебного ведомства, нотариусы, адвокаты и дельцы. Они рождаются и воспитываются, чтобы править».

Конечно, среди июльских борцов распространяется горькое разочарование, тоскливое уныние, мрачный пессимизм, чувство безнадежности и отчаяния. Но именно в этот тягостный момент Бланки обнаруживает величие и твердость духа революционера. Из плачевного опыта июльской революции он извлекает возросшую веру в революционные возможности Франции. «Три славных дня» окончательно и бесповоротно утвердили его решимость посвятить все свое существование делу революционной борьбы. В июльские дни он воочию увидел в действии огромную реальную силу революции — рабочий класс. Он почувствовал, что почва для революции стала более плодотворной, ибо украденная крупной буржуазией победа революции избавила людей от множества иллюзий. Прежде всего он сам окончательно изверился в либерализме, который отныне станет для него ненавистным. Бланки отчетливо увидел также причину неудачи июльских борцов. У них не было вождей, руководителей, организации, программы. «Три славных дня» в жизни Бланки явились концом его ученичества, исканий и сомнений. Отныне его судьба решена, и он видит единственный

смысл жизни в профессиональной революционной деятельности.

Но, чтобы обеспечить свое повседневное существование, он возвращается к работе в редакции «Глоб» и снова аккуратно записывает речи депутатов палаты. Наблюдая вблизи это сборище отборных представителей французской буржуазии, он видит, как сквозь господствующее настроение довольства вновь захваченной властью пробивается чувство трусливого облегчения, избавления от страха перед восставшим народом, от которого буржуа дрожали в июльские дни. И Бланки, находясь в самом логове врага, проникается все более ясным сознанием паразитизма, ограниченности, безнравственности правящего буржуазного класса.

Он по-прежнему живет в отеле Нассау, точнее, в меблированных комнатах для студентов в Латинском квартале. Он возобновляет изучение юридических наук. Его положение здесь изменяется. Если раньше мало кто обращал внимание на этого скромного, молчаливого, невысокого студента, то теперь он окружен ореолом июльского борца. Он приобретает заслуженный авторитет в студенческой среде, где чаще всего не признают никаких авторитетов. Изменились и студенты, даже внешне. Все больше среди них таких, кто носит теперь одежду рабочих. Это не просто мода, а результат боевого братства, обретенного на июльских баррикадах.

«Друзья народа»

Революция изменила политический климат во Франции. Она не только не успокоила страсти, но дала им небывалый импульс. При Реставрации после краткого периода движения карбонариев на политической сцене не было никого перед лицом власти, кроме либеральной оппозиции в виде группы депутатов палаты, нескольких близких к ним газет и частных салонов, где болтали о политике. Июльская революция оказалась необыкновенно эффективным средством политического просвещения масс.

Народ был спровоцирован на вооруженную борьбу. Он вступил в нее, не считаясь с жертвами. Он верил в туманные призывы либеральной оппозиции и надеялся на какое-то улучшение своей участи. Но на другой день после победы раскрылась картина чудовищного обмана. Завоеванное народом стало добычей новой денежной знати, аристократии барыша и денег. Вот почему имела такой всеобщий шумный успех короткая, но необычайно сильная чувством справедливого негодования в связи с грабежом плодов июльской революции поэма молодого Огюста Барбье «Раздел добычи», опубликованная спустя месяц после ***«трех*** славных дней». В грубой, резкой, бичующей форме поэт нарисовал отвратительную картину раздела хищниками капитала завоеванного народом богатства. Поэма оказалась по своему воздействию сильнее сотеп политических деклараций и манифестов. Она символизировала начало новой эпохи политической истории Франции. Борьба народа вместе с буржуазией против дворянства и легитимизма сменилась борьбой между рабочими и буржуазией. Начало этой новой эры в извечной классовой борьбе было еще очень неопределенно, смутно; классовая природа событий еще скрывалась за множеством традиционных конфликтов прошлого. Но новая эпоха началась.

Возникает множество клубов, своеобразных зародышей политических партий. Вот некоторые из них: «Общество трех дней», «Конституционное общество», «Общество порядка и прогресса», «Галльское общество», «Унион», «Возрожденные франки», «Друзья родины» и т. п. Эти клубы представляли самый разнообразный набор идей и взглядов — от бонапартизма до утопического коммунизма. Самым крупным, наиболее левым и революционным было республиканское общество «Друзья народа», возникшее в июльские дни. Вождем общества был уже упоминавшийся Годфруа Кавеньяк. Этот высокий молодой человек с блестящими глазами и орлиным носом, одетый в

длинный, наглухо застегнутый сюртук, поражал своей энергичной, категорической манерой речи. Сын члена Конвента, Кавеньяк страстно прославлял якобинцев. Преклонение перед монтаньярами заменяло ему политическую программу. «Друзья народа» выражали возмущение тем, что крупная буржуазия предала революцию и узурпировала ее плоды. К этому обществу примкнули Огюст Бланки. Сначала оно действовало совершенно легально, выдвигая демократические требования вроде введения бесплатного школьного обучения, сокращения косвенных налогов и т. н. Это вызвало немедленную реакцию властей. Собрания общества начали разгонять с применением вооруженной силы. Тем не менее оно продолжало действовать, хотя число его активных членов не превышало 600 человек. «Друзья народа» выпускали брошюры, в которых пропагандировались даже социалистические идеи. Публичные собрания, устраиваемые обществом, собирали большую аудиторию.

Бланки все еще студент, и, естественно, он не остается в стороне от студенческого движения. После июльских дней ‘стало обычным, что Сорбонна первой откликалась па все события политической жизни. Революционная энергия Бланки проявляется и здесь, одновременно с деятельностью в обществе «Друзей народа». 10 декабря 1830 года умер Бенжамен Констан, крупный писатель и выдающийся оратор партии либералов. Бланки немедленно пишет воззвание, призывающее студентов к участию в похоронах. Это первый документ, напечатанный в виде листовки, который свидетельствует об активном и самостоятельном вступлении Бланки в общественную борьбу. Ведь два текста, написанные им в июльские дни, света не увидели. Вот выдержки из воззвания: «Бенжамен Констан скончался. Франция оплакивает потерю великого гражданина... Мы, студенты, оплакиваем в нем друга. Вы знаете, какие пламенные речи произносил он в 1820, 1821, 1822 и 1827 годах, когда власть обрушивала на нас клевету. Бенжамен Констан гордился тем, что он был другом юношества. До последней минуты голос его звучал в нашу защиту... Я призываю всех товарищей собраться на площади Пантеона в воскресенье ровно в девять утра. Те, кто имеет оружие, пусть возьмут его с собой, чтобы воздать погребальные почести. Луи-Огюст Бланки, студент-юрист».

В этом призыве интересно предложение студентам явиться на похороны с оружием. В то время обстановка в Париже накалилась до предела. Возмущение июльских борцов тем, что борьба оказалась напрасной, что ее плоды присвоила свора разбогатевших хищников, выливалось в бурные волнения.

Поводом служила судьба министров Карла X во главе с Полиньяком, подписавших знаменитые провокационные ордонансы. Их вынуждены были заключить в Венсеннский замок и предать суду. Но Луи-Филипп отчаянно пытался избавить их от заслуженного наказания, которого требовал народ. Демонстрации из-за этого происходили почти непрерывно. Дело доходило до вооруженного штурма Венсенского замка. Бланки считал, что в любой момент и по любому поводу может вспыхнуть новая революция. Такой момент нельзя упустить. Поэтому оружие, возможно, пригодится. Так начинает выявляться постоянная тактика Бланки, тактика восстания и вооруженной борьбы. Правда, похороны Констана прошли спокойно, до стрельбы дело не дошло. Миссию успокоителя страстей, а по существу — защитника Луи-Филиппа опять взял на себя тщеславный и слабохарактерный Лафайет.

Бланки не обескуражен. Он без колебаний берет на себя опасную, но благородную миссию инициатора новых революционных акций. В январе 1831 года публикуется воззвание группы студентов во главе с Бланки, призывающее создать общестуденческий союз борьбы против монархии Луи-Филиппа. В сущности, это призыв к восстанию. Министр просвещения Барт, некогда боровшийся с Бурбонами, теперь превратившийся в ревностного орлеаниста, запрещает создание союза, ссылаясь на королевский закон времен Реставрации. Бланки немедленно составляет новую декларацию. В ней разоблачается предательство человека, выступающего в роли выразителя июльской революции: «Этот министр, которого многие из нас помнят как участника заговоров, не нашел ничего лучшего, как присоединиться к нашим злейшим врагам. Этот бывший карбонарий пытается воскресить кровавый ордонанс 5 июля 1820 года, угрожая нам судьбой Ла-ламанда (студента, убитого при Людовике XVIII. — ***Н. М.)…»*** Бланки призывает к преобразованию системы высшего образования, к разрушению «всего этого здания, воздвигнутого Империей и Реставрацией». Он требует для студентов свободы: «Мы ее завоевали в июле, но она уже потеряна в январе! Однако она стоит того, чтобы за нее сражаться дважды. Справедливость и будущее на нашей стороне. Наступит день торжества справедливости!»

Газета «Глоб» печатает эту вызывающую декларацию. Тогда студентов, подписавших ее, вызывают на Академический совет. Одного из них исключают из университета сроком на год. Других лишают права зачетов. Бланки наказан лишением сразу трех. Но когда члены совета, министр Мерилу и генеральный прокурор Персиль покидают Сорбонну, стекла их карет студенты разбивают

камнями, осыпают их бранью, забрасывают тухлыми яйцами. Против «мятежников» организуется кампания в газетах, на них натравливают «хороших» студентов. Идет борьба лпстовок, собрании, демонстраций. Правительство принимает решительные меры. 23 января 1831 года Бланки п два его товарища, Самбюк и Плок (с которым он когда-то путешествовал. — Я. М.), арестованы.

После нескольких дней в доме предварительного заключения они оказались в тюрьме Ла Форс. Если не считать короткого ареста во время путешествия в Ницце, то это первое настоящее знакомство Бланки с настоящей тюрьмой. Тюрьма находится на улице Сицилийского короля в районе Марэ. Здесь возвышается мрачный четырехугольный старый особняк, построенный еще в эпоху Возрождения н считавшийся одним из самых красивых в Париже. Тюрьма сохранила имя первого владельца здания и после того, как Людовик XIV превратил этот огромный дом в место заключения. В 1831 году оно выглядело крайне мрачно, особенно из-за того, что его большие окна были прикрыты накладными деревянными щитами. Сверху они пропускали немного света, но не позволяли заключенным видеть окружающий мир и не давали возможности увидеть их самих с улицы. Для молодого революционера первая тюрьма — серьезное испытание. Она как бы говорит ему: вот что тебя ждет, если ты будешь продолжать бороться против власти. Очень часто этого достаточно, чтобы человек предпочел спокойное существование, хотя для этого и придется пойти па отказ от убеждений, надежд, стремлений, от казаться ***от*** самого себя. Такой вопрос, естественно, встал и перед двадцатшпе-стплетнпм Бланки. Тем более интересно его поведение в момент, когда после недавней победившей революции он вдруг оказался жертвой продолжения борьбы за дело, за которое он сражался в июльские дни.

Бланки спокойно переносит обрушившийся на него удар, в то время как его родные и друзья крайне встревожены. Старший брат Адольф выражает свое возмущение письмом в газету и требует освобождения Огюста. Мадемуазель Монгольфье немедленно пишет ему и предлагает свое содействие с целью освобождения. Характерно, что Бланки отвечает не сразу и пишет ей только 6 февраля: «Тысячу раз прошу извинить меня, но я очень ленив. К тому же нас 15 человек в камере размером с ваш салон. Здесь также 10 коек, печь, три стола, 12 стульев. С 7 утра до 10 вечера раздаются такие крики, гомон, шум, что невозможно услышать друг друга.

При всем желании невозможно даже читать, и к тому же я ленив. Знайте, что я приведен к чисто животному материальному

существованию: для этого здесь сделано все. Я весьма благодарен вам за то, что вы хотите сделать для меня. Но, по правде говоря, не хочется сознавать, что вы будете прилагать усилия совершенно бесполезно... Все идет нормально в соответствии с последствиями июльской революции, и мне становится менее горько при мысли, что мы страдаем вместе с народом...»

Бланки просит передать друзьям, чтобы они не сокрушались о его участи, и дает понять, что он знал, на что шел. Он спокойно сообщает также, что формальный повод для его заключения лжив, ибо всем известно, что его не было в Сорбонне, когда там происходили волнения. Его истинная вина — активное участие в революции. «Здесь, — пишет он, — имеется множество людей, сражавшихся в июле. С каждым днем их становится все больше среди арестованных под разными предлогами. В Ла Форс сейчас заключены около 50 участников революции».

Слабое здоровье Бланки, особенности его организма, не выдерживающего обычную пищу, делают его заключение в битком набитой камере особенно тяжелым. Власти к тому же применяют гнусные средства «перевоспитания» молодых революционеров. Их помещают вместе с уголовниками, которые в угоду тюремному начальству подвергают студентов самым мерзким издевательствам. Тем более поразительна выдержка Бланки. В тюрьме к нему попадает номер газеты «Насьональ», в которой префект полиции Бод в связи с протестами родственников заключенных успокаивает их лживой басней о якобы райских условиях содержания молодых людей. Бланки немедленно пишет письмо в «Насьональ», и газета печатает его. Он разоблачает наглую ложь полицейского чиновника. В этом письме особенно показательно другое: Бланки твердо заявляет, что сломить волю революционеров властям не удастся. «Мы предпочитаем, — пишет он, — жить вместе с уголовниками, чем просить у наших врагов снисхождения». На другой день после опубликования письма, 13 февраля 1831 года, Бланки был освобожден.

Орлеанистский режим чувствовал себя пока непрочно. У него еще слишком много врагов, и Луи-Филппп опасался не только угрозы слева, но и происков дворянской аристократии, духовенства, то есть старой феодальной монархии. В борьбе с ними иногда приходилось опираться на народ. На другой день после освобождения, 14 февраля, Бланки стал свидетелем новых бурных событий в Париже. Аристократы и духовенство, которых именовали «карлистами», устроили в соборе Сен-Жермен л'Оксеруа пышную религиозную церемонию по поводу годовщины убийства герцога Беррийского и в честь его малолетнего сына Генриха V. Его отныне сделали надеждой и знаменем

легитимистов. Устроили также сбор денег в пользу раненых в дни июльской революции королевских гвардейцев. Этот демонстративный вызов свергнутого абсолютизма немедленно вызвал гневную реакцию парижан. Сначала был разгромлен собор, а аристократов избили. На другой день разнесли дворец архиепископа. Бланки наблюдал это народное возмущение и лишь утвердился в своем убеждении, что католическая церковь справедливо заслужила ненависть своим раболепием перед свергнутым режимом феодальной монархии. Власти не препятствовали проявлению страстей, ибо Луи-Филипп вовсе не мечтал вернуть корону представителю старшей ветви Бурбонов. К тому же если бы он стал защищать легитимистов, то ярость обрушилась бы и на него. А больше всего он боялся новой революции.

Правда, первое время Луи-Филипп пытался скрывать истинный деспотический характер своего режима. Но постепенно он обнаруживается, и при этом в борьбе не только против республиканцев, но даже и против левых монархистов. В конце концов в марте 1832 года сравнительно либерального Лаффита сменит во главе правительства другой, более реакционный банкир — Казимир Перье. Он возглавит так называемую «партию сопротивления». Речь пойдет, естественно, о сопротивлении революционному движению республиканцев. А самой передовой силой этого движения становится «Общество друзей народа». Хотя ему приходится вести полулегальное существование, его деятельность активизируется. И в ней все большую роль играет Бланки. В начале 1831 года он начинает выступать на собраниях «Общества друзей народа» с первыми публичными речами. Возникает идея выпускать газету общества.

Три человека берутся за это дело. Старший среди них — Франсуа Распай, президент «Общества друзей народа». Тридцатисемилетний ученый уже приобрел известность своими научными трудами. Но теперь все свои силы и время он отдает политике. Здесь также Антони Туре, студент-юрист, очень молодой, но уже грузный, непременный громогласный участник студенческих волнений. Наконец, Бланки, маленький и щуплый, ослабевший от болезни, перенесенной после выхода из тюрьмы. Но именно он проявляет наибольшую энергию, настойчивость и стремление действовать. Первый номер газеты, называвшейся «К народу», вышел 1 июля 1831 года. Под названием газеты (она печаталась в виде тонких брошюр) указывалось, что она служит органом «Общества друзей народа». Всего вышло пять номеров этого ярко выраженного республиканского издания. Редакторы газеты подчеркивают, что она предназначена исключительно для

трудящихся разных профессий, для рабочих, ремесленников, крестьян. Они выступают за удовлетворение их интересов и требований. Тем самым газета отражает новый этап в политическом и социальном развитии Франции. Если в ходе июльской революции трудящиеся выступали вместе с буржуазией, то теперь они расходятся с ней. Революция принесла щедрые плоды крупной буржуазии, но ничего не дала народу, после нее его положение стало еще тяжелее. Это было время экономического кризиса, который сильно ударил по рабочим. В сентябре 1831 года в Париже было 40 тысяч безработных. В других городах положение оказалось не лучше. В конце года в Лионе произошло вооруженное восстание рабочих, жестоко подавленное войсками «короля-гражданина».

«Общество друзей народа» выступает теперь не только за республику, но и за интересы трудового народа против буржуазии. Это огромный шаг вперед в политическом сознании его руководителей, шаг в социалистическом направлении. Правда, речь идет о направлении еще очень неопределенном. Газета «К народу» взывает к чувству справедливости и осуждает порядок, при котором громадная масса французского населения тяжело трудится и живет в нищенских условиях, а небольшая кучка привилегированных ведет паразитическое, праздное существование за счет большинства. Пока на страницах газеты «К народу», где треть материалов писал Бланки, не отражается серьезного представления о классовой структуре общества, об экономическом механизме эксплуатации и тем более о принципах и основах нового общественного устройства, которое объявляется целью борьбы «Общества друзей народа». Но ведь рабочее движение только зарождалось. Возмущение рабочих в то время часто выливалось, например, в попытки разрушения машин, в которых видели источник зла. Тем не менее такие требования рабочих, как сокращение рабочего дня, доходившего до 16 часов, увеличение заработной платы, уже занимают большое место. Примитивные формы борьбы рабочего класса соответствовали уровню тогдашнего развития капитализма. Труд рабочих еще близок по характеру к труду ремесленников. Они часто владеют простыми орудиями производства, которое еще остается мелким и раздробленным. Иллюзии в сознании рабочих, больше половины которых оставались неграмотными, отражались и в мыслях тех, кто стремился выражать их интересы.

Участие в выпуске газеты «К народу» знаменует новый важный сдвиг в развитии самого Бланки. Если при Реставрации он примыкал к либералам, требовавшим только некоторых политических реформ и ограничения монархии, то теперь он не

только становится решительным республиканцем, но идет дальше, к социалистическим замыслам. Его идеал воплощается не в буржуазной, а в социальной республике. Правда, ее конкретный облик вырисовывается пока крайне туманно и неопределенно. Но важно, что перед ним, так же как и перед другими наиболее активными деятелями «Общества друзей народа», встала такая проблема. У них не было никакой единой программы, общпх политических и социальных воззрений. Вступив в революционное движение под влиянием чисто сентиментальных, идеалистических побуждений, из чувства возмущения царящей в обществе несправедливостью, сочувствия к страданиям народа, эти благородные и самоотверженные люди часто блуждали среди иллюзий, обманчивых надежд, наивных увлечений. И все же в сознании у них пробивала путь идея социалистического преобразования общества. Некоторые из них оказались связанными с конкретными течениями утопического социализма. Здесь были сенсимонисты, такие, как Филипп Бюше, бывший карбонарий, или Шарль Тест, друг и ученик соратника Бабефа Ф. Буонарроти. Вопрос о влиянии учения Бабефа на Бланки особенно важен и интересен, поскольку в исторической литературе довольно прочно утвердилась версия о том, что бабувизм оказал большое влияние на зарождение и развитие бланкпзма как самостоятельного течения в освободительном движении пролетариата.

Гракх Бабеф — одна из самых интересных фигур, выдвинутых французской революцией. Правда, его звезда появилась на политическом горизонте не в период подъема, а ближе к закату революции. Собственно, из забвения имя Бабефа извлек его уцелевший соратник Ф. Буонарроти, который в 1828 году выпустил в Бельгии книгу «Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа». Затем, после июльской революции, книга вышла во Франции, и ее наверняка читал Бланки. «Заговор Бабефа» — первая в истории ***попытка*** революционного введения коммунизма. Но коммунизм Бабефа был призрачной мечтой, утопией. Правда, в отличие от других социальных утопистов Бабеф был революционером. Он мечтал, а затем и конкретно планировал создание общества, в котором «все будет общим». Коммунизм Бабефа был принудительным, грубо уравнительным и, конечно, не мог опираться на реальные предпосылки экономического и социального развития. Попытка Бабефа подготовить захват власти и установить революционную диктатуру окончилась плачевно. Заговор был раскрыт, а его руководители сложили голову на гильотине. Но если бы в организации Бабефа не было предателя, все равно его затея с

самого начала обрекалась на неудачу из-за несоответствия мечтаний Бабефа и объективных потребностей развития тогдашней Франции. Более того, бабувисты не хотели такого развития. Они отвергали даже технический прогресс. В одном из их манифестов говорилось: «Пусть погибнут, если это нужно, все искусства, лишь бы только у нас осталось действительное равенство». Речь шла о равенстве всеобщей нищеты в условиях казармы. Такая проповедь аскетизма и первобытного равенства побудила Маркса и Энгельса в «Коммунистическом манифесте» назвать ее реакционной.

Тем не менее благородство самой идеи равенства привлекало к Бабефу симпатии в «Обществе друзей народа» и Буонарроти оказал на молодого революционера определенное влияние. Нет никаких данных о том, что Бланки был знаком с Буонарроти. Несомненно только его знакомство с последователями этого старого революционера Шарлем Тестом и Буайе д'Аржансоном. Известный исследователь бланкизма Самуил Бернстайн писал: «Нельзя утверждать с уверенностью, что Бланки был прямым наследником Буонарроти, как это делают некоторые историки. Нигде в рукописях Бланки не говорится о бабувизме или об уроках Буонарроти, нет там выражения признательности ему. В беседе с корреспондентом

«Таймс» Бланки отверг мысль, что он был учеником Ба-бефа».

И все же бабувизм оказался ближе к идеям и методам революционной деятельности Бланки, чем все другие течения утопического социализма. Дело в том, что в отличие от них только бланкизм носил революционный характер. Крупнейшие из этих течений, связанные с именами и учениями Сен-Симона и Фурье, стремились не к революции, а к тому, чтобы предотвратить ее.

Но здесь необходимо сказать о том, какой смысл вкладывался в 30-х годах XIX века в слова «социализм» и «коммунизм», которые еще только входили в обиход. Под социализмом понимали любое стремление улучшить условия существования низших слоев общества и обеспечить социальный мир. Это было очень неопределенно, и поэтому в противовес такому «социализму» использовали слово «коммунизм», когда хотели сказать о необходимости установления общественной собственности на средства производства для достижения всеобщего равенства. Коммунизм предусматривал в качестве метода установления такого порядка насильственную революцию, а социализм — только мирные средства.

Крупнейшим представителем такого «мирного» социализма был выходец из аристократической семьи граф Анри де Сен-

Симон. Он объявил целью своего учения улучшение участи наиболее многочисленного и наиболее бедного класса общества. Но руководящую роль в общественном преобразовании он отводил «истинным вождям народа» — капиталистам. Помощи в этом деле он добивался от Наполеона, Людовика XVIII, даже от Александра I. И все же во взглядах Сен-Симона наряду с множеством иллюзий оказалось немало прозорливых догадок, послуживших позднее ценным материалом для создания научного, а не утопического социализма. В его произведениях родились легендарные формулы, такие, как «эксплуатация человека человеком», «от- каждого — по способностям, каждому — по труду»...

Когда Бланки начинал самостоятельную политическую деятельность, самого Сен-Симона уже не было в живых; он умер в 1825 году. Последователи внесли в его доктрину много своего. С одной стороны, они развили социалистические моменты сенсимонизма, но с другой — усилили элементы иррационализма. Во главе с «отцом» Анфантеном в квартале Менильмонтан возникла сенсимонистская религиозная община, прославившаяся в особенности скандальными попытками произвести реформу половых отношений. Больше всего шума наделали разные внешние чудачества сенсимонистов. Они носили специальную одежду с пуговицами, которые застегивались на спине. Поскольку самому в такой одежде нельзя было ни одеться, ни раздеться, то таким способом надеялись воспитать чувство коллективизма. В 1832 году сенснмонистская секта была разгромлена, ее руководителей привлекли к суду. Но как идейное течение сенсимонизм будет существовать долго, хотя многое из его представителей станут преуспевающими банкирами или промышленниками.

Бланки непосредственно имел с ними дело, поскольку после июльской революции газета «Глоб» стала рупором сенспмонизма. Его пропагандой занимался также основанный Пьером Леру журнал «Ревю энциклопедии», в котором сотрудничала мадемуазель Монгольфье, приятельница Бланки. Некоторые общие идеи Сен-Симона встретили его понимание, но надежды на преобразование общества исключительно силой нравственного чувства, попытки примирить классы, а главное — отказ не только от революции, но п от политики вообще вызывали его решительное осуждение. Претили ему и религиозные увлечения сенсимонистов, которых он считал «подражателями католицизма».

Среди безумцев, которые тогда, по выражению Беранже, навевали человечеству золотые сны, выделялся также Шарль

Фурье, создавший свои проекты «соцпетарно-го» общества путем организации фаланстеров, своего рода коммун из нескольких десятков семей, которые постепенно должны вытеснить капитализм. Их опыт должен был явиться зажигательным примером для всех. На практике опыт оказался жалким; фаланстеры быстро распадались. Но Фурье не терял надежды, уповая на финансовую поддержку состоятельных людей. В ожидании их бескорыстной помощи он установил ежедневные приемные часы, но никто и никогда не приходил к нему. Реальное влияние фурьеристов было невелико. Их журнал «Фаланстер» имел в 1833 году всего 200 подписчиков. Сочинения Фурье содержали в себе немало удачных и научно правильных моментов, особенно в том, что касалось его критики капитализма. Он уловил историческую закономерность прогрессивной смены социальных систем. «Каждое общество, — писал Фурье, — несет в себе способность порождать новое общество, которое его заменит. Рождение его наступает в момент, когда основные, характерные черты старого общества достигают полноты своего развития». Но наряду с такими жемчужинами мысли в сочинениях Фурье встречаются всякие теоретические чудачества, касающиеся образа жизни в будущем обществе всеобщего счастья. Он уверял, что там все плохое, опасное обретет противоположные качества. Например, львы — хищные животные — превратятся в антильвов, которые будут служить людям. Фурье уверял, что, путешествуя на антильве, можно будет, позавтракав в Париже, пообедать в Лионе и поужинать в Марселе. Надо только менять этих добрых зверей по мере их усталости.

Сочинепия Фурье вряд ли могли оказать влияние на Бланки, прежде всего из-за антиреволюционности. Неприязнь Бланки вызывали и концепции Фурье об освобождении и удовлетворении всех страстей, в том числе сексуальных. Пуританин Бланки отвергал такую проповедь с негодованием.

— Я не фурьерист, — говорил он, — поскольку я моногамен и не могу поступать иначе, как не могу есть в день больше одного обеда. Фурье мне отвратителен помимо моей воли, хотя я вовсе не хотел бы бросать камни в его фаланстер, в котором, впрочем, больше никого нет.

Разные другие утопические школы социалистической окраски также вызывали весьма скептическое отношение Бланки, всегда отдававшего предпочтение действию, а не проповеди. Особенно если речь заходила о религиозных исканиях. Он отвергал христианский социализм Ламен-не, «религию прогресса» Билле, «религию человечества» Пьера Леру и т. п. Все это представлялось ему связанным с лицемерным буржуазным филантропизмом.

Доминирующая идея решительного революционного действия определяет все мировоззрение, всю деятельность Бланки.

Но сделал ли он выбор своего жизненного пути? Пока еще этот выбор не окончательный. Ведь обычная черта биографий множества участников революционного движения состоит в том, что эта деятельность охватывает только годы молодости. А затем подавляющее большинство таких революционеров примерло годам к тридцати возвращается на проторенный, «праведный» путь спокойной и благонамеренной карьеры. Не случайно почти у всех крупных французских буржуазных политических деятелей XIX века обязательным элементом биографии является революционная молодость, постепенно, с наступлением зрелости, часто совпадающей с женитьбой, сменяющаяся «остепенением», приобретением надежной службы или политической пристани в партиях, движениях, имеющих шансы на приобретение власти. Путь Бланки будет другим.

Выбор

Луи-Филипп призывал к власти Казимира Перье, чтобы навести порядок в своем королевстве, которое непрерывно потрясали заговоры, бунты, забастовки рабочих, начавшиеся вскоре после того, как мираж «трех славных дней» рассеялся. Перье рьяно взялся за решение этой задачи. Желая иметь послушное парламентское большинство, он в конце мая 1831 года распустил палату и назначил на ***5*** июля внеочередные выборы. Но в новой палате правительственное большинство получило перевес над оппозицией всего в один голос. Однако гораздо страшнее была оппозиция большинства населения, особенно беднейшего. Казимир Перье решил нанести удар по наиболее опасным очагам смуты. «Общество друзей народа», в которое входило всего лишь 600 активных членов, вызывало крайнее раздражение своей деятельностью, в особенности с момента, когда оно стало выпускать газету.

13 июля 1831 года к Бланки явилась полиция, и он был арестован. Одновременно арестовали Распая, Трела, Туре, одиннадцать других активистов общества. Всем предъявили обвинение в заговоре с целью установления республики. Что касается Бланки, то ему вменяют в вину его статьи в газете «К народу» и то, что он передавал номера этой газеты в казарму Верт. Кроме того, полиция перехватила частное письмо Бланки, адресованное Туре и Распаю. В этом письме он требует отложить теоретические рассуждения и взяться за практическое дело. «Будем стремиться к организации восстания, — пишет Бланки, — надо вложить в работу больше страсти, о доктринах поговорим потом». Все это грозит вылиться в очень серьезные обвинения.

На этот раз Бланки оказался в тюрьме Сент-Пелажи, находившейся в нынешнем пятом округе Парижа. Она занимала целый квартал, обнесенный высокой стеной. Старые, мрачные здания с узкими оконцами построены еще в XVII веке. Сначала здесь было исправительное заведение для женщин дурного поведения и для уличных детей. С 1797 года в Сент-Пелажи также долговая тюрьма. После июльской революции сюда стали сажать и политических заключенных. Режим был относительно свободным. На обширном дворе арестанты могли проводить долгое время, возвращаясь в камеры лишь для ночлега. Но для слабого здоровья Бланки и эти условия тяжелы. Он снова болен. Мадемуазель Монгольфье устраивает ему временное полуосвобождение. 25 августа его переводят в больницу на улице Пикпюс. В тот же день он отвечает на письмо Аделаиды

Монгольфье, которая советует ему попытаться смягчить своих следователей: «Что вы хотите от этих людей? Вы хорошо знаете, что они охвачены желанием мести и хотят создать базу для политического процесса. Попробуйте после этого смягчить их. Они будут в восторге, если их будут просить, они будут рады мольбам о помощи со стороны своих жертв, и они обретут еще больше смелости, чтобы наносить удары, считая просьбы свидетельством слабости. Это их разуверит только в одной вещи, в которой они сомневаются, в энергии их противников... Разве вы уже не убедились, что в этих сердцах не может заключаться ничего благородного, великодушного, человечного?»

Бланки не желает милости от ненавистного врага. Июльская революция, плоды которой были целиком присвоены Луи-Филиппом и крупной буржуазией, многому научила его. И это новое заключение в тюрьму лишь укрепляло, усиливало его решимость вести смертельную борьбу против орлеанистского режима.

Между тем после пребывания в больнице Бланки отправляется в деревню для отдыха, чтобы восстановить свои силы. Отсюда оп с болью в сердце следит за событиями во Франции. Рабочее восстание в Лионе произвело на него особое впечатление, подкрепив его наихудшие опасения и предчувствия. Июльская монархия, жестоко расправившись с рабочими, окончательно обнажила свою деспотическую, антинародную природу. Революционная страсть Бланки становится еще сильнее, ненависть к режиму безраздельного хищничества растет, укрепляется воля к борьбе. Но на свободе он находится временно. Впереди судебный процесс. Правда, здесь перспективы как будто улучшаются. Властям пришлось снять обвинение в подготовке заговора с целью свержения монархии. Кроме частного письма Бланки, в котором выражались лишь революционные намерения, никаких конкретных данных следствие не добыло. Остается лишь обвинение в нарушении законов о печати.

10 января 1832 года процесс начинается допросом подсудимых. Вот выдержки из стенограммы допроса Бланки председателем суда:

— Ваше имя, фамилия, возраст, место рождения и адрес?

— Луи-Огюст Бланки, 26 лет, родился в Ницце, живу в Париже на улице Монтрей, 96, в предместье Сент-Антуан.

— Чем вы занимаетесь?

— Пролетарий.

— Это не профессия.

— Как? Это не профессия? Да ведь ею занимаются тридцать миллионов французов, живущих своим трудом и лишенных

политических прав.

— Хорошо! Пусть так. Секретарь, запишите, что подсудимый — пролетарий...

В ходе судебного разбирательства Бланки не раз пытались заставить замолчать. Но 12 января, в последний день суда, из-за отсутствия адвоката ему вынуждены были предоставить слово. Он сам ведет свою защиту, которая превращается в обвинение всего орлеанпстского режима. Бланки тщательно подготовился и в полном молчании зала методически и чеканно произносит свою защиту-обвинение.

Перед выступлением Бланки прокурор заявил присяжным заседателям, что перед ними не просто нарушители закона, а враги, посягающие на само существование и собственность судей. Поэтому Бланки констатирует прежде всего, что он и его товарищи находятся «не перед судьями, а перед врагами, а поэтому бесполезно защищаться... Что касается нашей роли, то она заранее определена. Угнетаемым подходит лишь одна роль — роль обвинителей». Бланки решительно заявляет:

— Не думайте, что мы пришли сюда с целью оправдаться в тех преступлениях, которые нам приписывают! Отнюдь нет, мы гордимся тем, что нам приписывают, и с этой скамьи подсудимых, сидеть на которой теперь мы считаем за честь, мы будем обвинять презренных людей, разоривших и оиозорившнх Францию.

И далее Бланки резкими красками рисует картину классовой войны, раздирающей Францию, войны между богатыми и бедными. В этой войне на одной стороне — тридцать миллионов французов, которые работают п платят налоги, а на другой — «собственники, которых общество должно прикрывать своим могуществом, — эти двести тысячи тунеядцев, которые спокойно пожирают миллиарды». Их охраняет государство, он характеризует его словами Поля Курье: «Это безжалостная машина, которая топчет одного за другим двадцать пять миллионов рабочих, выжимая из них чистейшую кровь и перекачивая ее в вены привилегированных». Бланки приводит неотразимые факты, показывающие действие этого страшного механизма, работающего на благо «всех этих гадов из дворцов и салонов».

Бланки выводит необходимость и смысл своей собственной деятельности, борьбы своих товарищей в следующих словах:

— Я спрашиваю, господа, как могут люди с умом и сердцем, отброшенные пошлой денежной аристократией в ряды парий, не почувствовать жестокого оскорбления? Как могут они оставаться равнодушными к позору своей родины, к страданиям

пролетариев, их братьев по несчастью? Их долг — призывать массы сбросить ярмо нищеты и бесчестья; этот долг я выполнял, несмотря на то, что сидел в тюрьмах, и мы выполним его до конца, не боясь никаких врагов!

Бланки объясняет последовательно и точно, что пролетарии, лишенные всяких прав и возможностей, имеют полное право добиваться справедливости и бороться за ликвидацию режима грабежа и угнетения, и так характеризует цель этой борьбы:

— Мы требуем, чтобы тридцать три миллиона французов сами выбрали себе форму правления и назначили на основе всеобщего голосования своих представителей, поручив им составить законы. Когда эта реформа будет проведена, налоги, которые теперь ведут к ограблению бедняка в пользу богатого, будут немедленно отменены и заменены другими, основанными на противоположных принципах.

Бланки не питает иллюзий, когда произносит слово «реформа»; достигнута она будет лишь с помощью революции. Он напоминает 93-й год и особенно ярко рисует картину недавней июльской революции, величие, самоотверженность и благородство борьбы народа, который затем был обманут и ограблен. Поэтому нужна новая революция, ибо, как заявляет Бланки, «каждая революция — прогресс».

Он напоминает затем о недавнем восстании рабочих в Лионе, показавшем необходимость и закономерность революции. И он заканчивает прозорливым пророчеством:

— Народ вновь обретет июльские ружья, и их пули будут разить до тех пор, пока не останется в живых ни одного врага свободы и счастья народа!

Речь Бланки была резкой, гневной, даже угрожающей. И он смело бросал в лицо своим судьям бичующие обвинения. Он предупреждал их о возмездии. Публика ответила на речь бурными аплодисментами, и председателю с трудом удалось восстановить тишину.

Другие обвиняемые тоже выступили в роли обвинителей, особенно Распай, Туре и Трела. Таких грозных речей от имени пролетариата еще никогда не слышали в стенах Дворца правосудия. И в довершение всего присяжные после трехчасового совещания объявляют всех 15 подсудимых невиновными. Тогда королевский суд, нарушая закон, произвольно приговаривает Бланки и четырех его товарищей «за возбуждение ненависти и нарушение спокойствия» к штрафу и тюремному заключению. Бланки получает год тюрьмы и 200 франков штрафа.

Даже один из присяжных возмущается:

— Какая гнусность! Суда присяжных больше не существует.

Незачем заставлять нас сюда являться.

Пока Бланки остается на свободе. Однако моральная и политическая победа обошлась ему в год предстоящего заключения. Но он знал, на что шел, и такая самоотверженность становится для него обычной манерой поведения. Он готов платить любую цену, идти на любые страдания ради успеха своего дела.

Власти в любой момент могут заключить Бланки в тюрьму. Но временно его оставляют на свободе. Таким методом часто добивались отказа от революционной активности. Но на Бланки это не производит впечатления. Уже через три недели после суда, 2 февраля 1832 года, он выступает на большом собрании «Общества друзей народа». Об этом событии сохранилось интересное свидетельство Генриха Гейне, который жил в Париже и писал для немецких газет статьи о французских политических делах. «Там было, — писал поэт, — свыше полутора тысяч человек, сжатых в кучу, в узком зале, похожем на театр. Гражданин Бланки, сын одного из членов Конвента, держал большую речь, полную насмешек над буржуазией, над торгашами, избравшими в короли какого-то Луи-Филиппа, воплощенную лавку, и притом сделавшими это в своих собственных интересах, а не в интересах народа, который ничем не способствовал этой возмутительной узурпации. То была речь, полная ума, искренности и гнева, но свободе, которая в ней излагалась, не хватало свободы в изложении... От собрания шел совсем такой запах, как от зачитанного, замусоленного экземпляра «Монитера» 1793 года. Оно состояло главным образом из очень молодых и из очень старых людей... Но стар и млад в зале «Общества друзей народа» сохраняли полную достоинства серьезность, которую можно встретить у людей, чувствующих свою силу. Лишь глаза их сверкали, и лишь по временам восклицали они: «Верно!», «Правильно!», когда оратор приводил какой-нибудь факт».

На собрании выступал также Годфруа Кавеньяк. Его речи Гейне уделил гораздо меньше внимания, хотя это был значительно более известный и опытный оратор. Но Бланки превосходил его силой убежденности, глубокой верой. Это была лишь его вторая большая речь после выступления на суде. Однако она показывает, что он уже овладел искусством влияния на слушателей. Он использует иронию, заставляет смеяться или возмущаться, вызывает воодушевление или гнев. Сохранился полный текст этой речи Бланки. Она посвящена одной теме — урокам июльской революции.

— Народ сумел победить, — говорил Бланки, — но не сумел воспользоваться своей победой. Не вся вина тут ложится на него.

Бон был так короток, что естественные вожди народа, те, что могли закрепить его победу, не успели еще выделиться из толпы.

Главная мысль, которую оратор хочет внушить слушателям, состоит в том^ что буржуазии нельзя доверять, что отныне между нею и пролетариатом «начинается беспощадная война», в которой народ должен рассчитывать только на себя. И он предсказывает революцию, рисует не только внутренние, но и международные условия, с которыми ей придется столкнуться. Речь Бланки для тогдашнего уровня французского революционного движения поразительна по ясности и четкости анализа расстановки политических и социальных сил в стране. В ней отражается наступление зрелости молодого революционера. Не случайно вскоре, 29 февраля, Бланки становится в свои 27 лет вице-президентом «Общества друзей народа».

Усиливающаяся болезнь мешает его деятельности.

Никто не может поставить точный диагноз, выяснить причину постоянно испытываемой им внутренней боли, растущей слабости. А между тем 8 апреля 1832 года он вместе со своими товарищами должен явиться в тюрьму для отбытия наказания. Врачи находят его здоровье таким, что, по их мнению, тюрьма будет для него убийством. И здесь к нему на помощь приходит его мать Софи Бланки, проявлявшая некогда такое пренебрежение к детям. Теперь она живет в Париже. Здесь же и его старый отец, который обитает в другом месте. Этот фактический развод назрел уже давным-давно, но совершился только теперь. А Софи Бланки словно вернулась к дням своей молодости, когда она навещала заключенных революционным Конвентом в тюрьму жирондистов. Теперь она хлопочет за сына, хотя политическая роль заключенного и обстановка резко отличаются от того, что было почти сорок лет назад. Она обращается к министру юстиции, к генеральному прокурору п добивается отсрочки тюремного заключения. Энергичная забота Софи Бланки о сыне нисколько не свидетельствует о ее симпатиях к его политической деятельности. Это скорее проявление свойственного ей духа противоречия. Только теперь он обращен не против близких родственников, а против властей. Во всяком случае, хлопоты матери спасают Бланки, здоровье которого ухудшается. Софи добивается новых отсрочек и в июне увозит больного сына в Гренобль, где он пробыл несколько месяцев. По газетам он следит за жизнью страны. Один за другим обнаруживаются роялистские заговоры, правда, трагикомического характера. В палате развертываются бурные антиправительственные дебаты. В апреле на Парии; обрушилась страшная эпидемия холеры, которая не пощадила самого главу правительства — Казимира Перье. Холера унесла 20

тысяч жизней В возрасте 75 лет умер отец Бланки. Особенно серьезным событием года было новое республиканское восстание. Поводом для него послужили похороны генерала Ламарка, который приобрел широкую популярность своей оппозицией режиму Луи-Филиппа. Собралась грандиозная толпа. Недалеко от Аустерлицкого моста на нее напала королевская гвардия. Кварталы Тампль, Сен-Мартен, Сен-Дени, площадь Бастилии немедленно покрылись баррикадами. В ночь с 5-го на 6 июня восставшие уже, казалось, брали верх над войсками. Но в критический момент буржуазные республиканцы, сами не ожидавшие такого поворота событий, отказались от борьбы. Только рабочие дрались до конца, защищая баррикады на углу улиц Сен-Мерри и Сен-Мартен.

В письме к Аделаиде Монгольфье Бланки так писал о перспективах событий: «Знаете ли вы, что Франция может прпйти только к самой ужасной катастрофе? Знаете ли вы, что сегодня мне не кажутся невозможными такие события, когда потоки крови затопят страну? Я очень боюсь, что 93-й год будет выглядеть шуткой по сравнению с тем, что, возможно, произойдет очень скоро. Ясно, что третье сословие заменило аристократию и оно действует глупее, чем аристократы 89-го года. Недовольство народа приводит буржуазию в бешенство, и теперь нам угрожает самый жестокий деспотизм этой касты. Не надо питать никаких иллюзий. Буржуазия чувствует себя многочисленной и сильной своими богатствами; она испытывает страх и хочет отбросить массы в еще более рабское состояние, но народ, в свою очередь, стремится к борьбе».

Бланки всегда будет отличаться склонностью считать положение более близким к революции, чем это происходило в действительности. В данном случае мрачный тон его предсказаний явно усиливался болезненным состоянием. Только в конце осени здоровье позволило ему вернуться в Париж. Вскоре его мать решила, что теперь он сможет перенести тюремное заключение. Но она добилась разрешения на заключение Бланки не в старых смрадных парижских тюрьмах, а в относительно просторной и чистой версальской тюрьме, куда он и явился 1 декабря 1832 года.

В регистрационной книге тюрьмы указывается под его именем в качестве профессии заключенного «пролетарий». Такой род своих занятий он определил еще на суде. Конечно, в этом проявилась некоторая претенциозность. Ведь он мог бы назвать себя юристом или журналистом, что гораздо больше соответствовало правде. Если считать слово «пролетарий» синонимом слова «рабочий», но Бланки не имел для этого

никаких оснований, ибо рабочим не был никогда. Но слово «пролетарий» для него имеет совсем не тот смысл, какой в него стали вкладывать после «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса. Бланки зачислял в разряд пролетариев все население Франции, за исключением нескольких сотен тысяч богатых людей. Присваивая звание пролетария, он скорее всего хотел объявить себя представителем угнетенного народа. Вместе с тем он определил этим свою жизненную роль, ибо занятие пролетария в данном случае соответствовало миссии профессионального революционера. Именно такую роль в эти годы окончательно выбирает Бланки.

Еще когда он лежал больной в Гренобле, к нему приходили сочувственные письма некоторых друзей. Среди них были и такие, в которых ему советовали серьезно задуматься над своей судьбой, наносившей ему все более чувствительные удары. Зачем ему, такому славному молодому человеку, очертя голову бросаться в эту безнадежную и опасную революционную борьбу? Зачем ему эта бесплодная политическая деятельность бунтаря, которая не может иметь другого результата, кроме тюрьмы? Мадам Кансон, завсегдатай салона Монгольфье, советовала ему «бросить эту революцию, положиться на время и добрую волю правительства, от которого и ждать улучшений». Совет вызвал лишь саркастическую улыбку Бланки.

Тюрьма не оказывала на него никакого воспитательного воздействия, на которое всегда рассчитывают хозяева тюрем. Как должное воспринял он очень быстрое окончание сравнительно легких условий тюрьмы в Версале. В конце января 1833 года его переводят в уже знакомую ему тюрьму Сент-Пелажи. Он сознательно развивает в себе единственное доступное ему средство противодействия тюремным тяготам — презрение к ним. Тем же самым он отвечает и на соблазнительные намеки и предложения тех, кто говорит ему о возможности лучшей участи. В этом отношении постоянную линию проводит его давняя приятельница мадемуазель Монгольфье, которая подробно рассказывает ему в своих письмах о своей приятной светской жизни, об интересных встречах, беседах в ее салоне. Собственно, уже с дней июльской революции между ними углубляется пропасть. Сейчас, в тюрьме Сент-Пелажи, ее письма становятся просто неприятными для него. И он ничего не пишет ей в ответ. Тем более что возвращение в Сент-Пелажи привело к новому резкому ухудшению его здоровья. Жаловаться и вызывать сочувствие он не желает. А его состояние таково, что даже тюремное начальство вынуждено вновь перевести его в больницу на улице Пикшос. Он уже не в силах стоять на ногах, его

направляют туда на носилках.

Впрочем, в больнице он вскоре почувствовал себя лучше. И даже ответил на письма Аделаиды Монгольфье. Но не из-за вежливости или симпатии к ней, а чтобы внести ясность в их довольно странную дружбу. Тем более что одно из ее писем, в котором она жаловалась на невзгоды в жизни людей ее круга, вызвало его возмущение. 11 августа 1833 года он пишет ей: «Мадемуазель, я не отвечал вам из Сент-Пелажи. Я совершенно не согласен с вами в отношении нынешнего положения. Вы видите страдания богатых. Вас волнуют их скука и их затруднения. Я же вижу бедствия и нищету народа. Я не скрываю эгоизм своего поведения, поскольку я сам являюсь жертвой этой нищеты и этих бедствий. Я достаточно натерпелся от них за три года, хотя и имел возможность избежать их. Что касается нынешних преуспевающих людей, богатых или торжествующих, то они могут поменяться своей судьбой с нами, взять на себя наши страдания и уступить нам свои несчастья. Они всегда найдут людей, готовых на такой обмен. При случае вы сообщите им мое предложение. Из вашего последнего письма видно, что они так несчастны, что просто не смогут не воспользоваться с облегчением этой возможностью».

Бланки старается соблюсти приличия, сохранить любезный тон, но за его сарказмом явно стоит решение о разрыве. Вольно или невольно он демонстрирует благородство своей позиции, адресуя презрение друзьям Аделаиды Монгольфье, а фактически ей самой. Бланки дает понять, что судьба гонимого и преследуемого узника для него предпочтительнее презренного буржуазного благополучия. Разрыв со средой «благонамеренных» людей он доводит до стремления ограничить связь даже со своими родными. «Я вас также прошу, — пишет он из больницы в том же письме, — не сообщать моим близким, где я сейчас нахожусь. Чем дольше я остаюсь в одиночестве, тем для меня лучше. Хорошо бы как можно дольше не могли обнаружить мое местопребывание, пока я в таком состоянии. Я не могу помешать тому, чтобы оно стало известным, но я сообщу об этом сам, чтобы выиграть хотя бы один лишний день одиночества. Поэтому не говорите никому, что я здесь, ни моим друзьям, ни всем прочим. Сент-Пелажи имеет хотя бы одну положительную сторону тем, что там нет свиданий, а это благо для меня почти неоценимое. Нельзя не признать, что в своих благодеяниях правительство доходит до крайних границ, запрещая всем заключенным принимать своих родителей, своих матерей, сестер, жен. Ум и добродетель правительства достойны восхищения... В тюрьме остался один из моих друзей, который давно уже болеж.

Представьте себе, этот бедняга не хочет умирать и отчаянно пытается продлить свое существование. К счастью, его мать и сестра не смогли пробиться к его убогому ложу. Они все время заняты беготней из одной канцелярии в другую, доставляя радость тюремному начальству, которое забавляется и играет ими, как в мяч, чтобы, вероятно, рассеять ту скуку, ужасы которой вы так бесподобно описали в своем письме, что по сравнению с ними страдания заключенных в тюрьме — истинное наслаждение».

Подобные откровения были возможны для Бланки лишь с Аделаидой Монгольфье, да и то до поры до времени. Порывает он и со старшим братом Адольфом Бланки, некогда столь трогательно заботившимся об Огюсте. Старший считает его неблагодарным, даже просто ненормальным. Адольф Бланки к этому времени становится директором Коммерческой школы. Он спокойно примирился с июльской монархией, и она его вполне устраивала, хотя он активно сотрудничал в сенсимонистском журнале «Продуктер», где он развивал консервативные стороны идейного наследия Сен-Симона.

Бланки холоден даже с темп, кого он называл друзьями, контакты и связи с ними сводятся до минимума. Все чаще он проявляет какое-то мрачное пристрастие к одиночеству. Чем глубже он проникается идеалом общественного блага и всеобщего счастья людей, тем более замкнутым, неприступным и непроницаемым с конкретными людьми он становится.

Такое поведение Бланки в значительной мере служит защитной реакцией. Звание революционера тогда во Франции было необычайно распространенным, даже модным, особенно среди молодых интеллигентов. Но чаще всего его присваивали себе люди, для которых революция служила лишь вывеской незаурядности. Бланки не хотел иметь ничего общего с этими фразерами, очень много и очень пылко распространявшимися о революционных идеалах. Для него революция была слишком серьезным делом, и ее дешевая реклама претила ему. С другой стороны, люди из его буржуазного окружения, с пониманием относившиеся к такого рода революционерам и не принимавшие всерьез их разглагольствования, в случае с Бланки приходили в недоумение. Они не имели ничего против тех, кто болтал о революции, но оставался в стороне от реального, особенно от опасного дела. Здесь все было иначе. Поведение Бланки обнаруживало такие признаки революционного подвижничества, что благонамеренные буржуа смотрели на него как на опасного фанатика. Его отказывались понимать в той атмосфере расцвета идеалов буржуазного преуспеяния, которая царила в эпоху Луи-

Филиппа, от начала до конца пронизанной духом практицизма, расчета, выгоды. Бланки вызывал удивление, даже страх. Так возникала стена отчуждения .между ним п родственной ему по происхождению социальной средой. И он уже сам сознательно отгораживался от нее, усугубляя и без того свойственные его характеру сдержанность, замкнутость, пессимизм.

И кто бы мог подумать, что в груди этого аскета и пуританина, сурового революционера, отрешенного от всех простых радостей жизни, чуждавшегося малейшей внешней сентиментальности, бьется чувствительное и нежное сердце? Что в нем, как драгоценное сокровище, сохраняется уже много лет любовь к обожаемой юной девушке? Пошел седьмой год со дня его знакомства с Амелией-Сюзанной Серр. Девочкой двенадцати лет полюбила она своего учителя, а теперь, достигнув восемнадцатилетнего возраста, еще больше укрепилась в своем чувстве. Она уже хорошо знала, что ее возлюбленный не может принести ей безоблачного счастья. По принятым тогда нормам, помолвка с этим молодым человеком — чистейшее безумие. Давно ее родители терпеливо и настойчиво доказывали ей это. Если в начале романа они довольно спокойно согласились на помолвку, то затем их настроение переменилось. Не оправдались надежды на то, что детская любовь дочери не выдержит испытания временем. Зато подтвердились самые худшие опасения относительно жениха. Его активность в борьбе с Бурбонами еще можно было понять как дань юношескому задору. Но после установления «лучшей из республик» в лице Луи-Филиппа революционная деятельность Бланки, по мнению богатого и респектабельного архитектора г-на Серра, не имела больше никакого смысла и оправдания. К тому же молодой человек в своей революционной страсти не хотел знать никаких границ. Едва выйдя из одной тюрьмы, он попадал в другую. Сначала Ла Форс, потом Сент-Пелажи, тюремная больница, версальская тюрьма, снова Сент-Пелажи. А его нашумевшая речь на «процессе пятнадцати» не оставляла никаких сомнений в намерениях этого прирожденного каторжника. К тому же он постоянно болен, не говоря уже об отсутствии у него всяких средств к существованию. Нечего было и думать, что он окажется способным, содержать семью. Все эти неотразимые доводы против брака родители многократно повторяли дочери.

Но Амелия-Сюзанна была не только цветущей юной красавицей и талантливой художницей, но и поистине героической личностью. У нее хватило воли выдержать жестокий скандал, но настоять на своем и получить согласие родителей! Браки для людей их круга всегда являлись лишь хорошо

рассчитанной сделкой. Амелия добилась торжества романтического чувства над священным принципом буржуазной собственности. 14 августа 1833 года в мэрии 8-го округа Парижа состоялась церемония бракосочетания. До церкви дело не дошло. И в этом невеста согласилась с Бланки, давно исключившим религию из своей жизни и принимавшим ее в расчет только в качестве своего смертельного врага.

Молодожены сняли квартиру на улице Фоссе-Сен-Жак в Латинском квартале, недалеко от Люксембургского сада. Как видно, они располагали средствами. Молодая семья, в которой через 13 месяцев после свадьбы родился сын, смогла нанимать няню. Поскольку Бланки сам никогда не имел никаких денежных средств VI со времени работы в «Глоб» не занимался ничем, кроме революционной деятельности, то ясно, что источником существования служило прпданое Амелии. Семья Бланки могла тогда вести обеспеченный буржуазный образ жизни. Главное же состояло в том, что они были счастливы. Амелия целиком посвящала себя семье, если не считать ее занятий живописью. Она разделяла и поддерживала взгляды своего любимого супруга. Первые годы после женитьбы были самым счастливым временем жизни Бланки. Бесспорно, судьба как бы вознаграждала его этим счастьем за бесконечные страдания.

А как же политическая борьба? Осталось ли для нее место? Первый и самый выдающийся биограф Бланки Гюстав Жеффруа писал в книге «Заключенный»: «Этот человек живет двойной жизнью, его поглощают две страсти. В часы, которые он проводит со своей молодой женой, а позже и с детьми, у него проявляется такая нежность взгляда, в его речи звучат такие задушевные ноты, которых не слышит и не видит ни один посторонний человек. Но в то же время его мучает беспокойство опоздать на деловое свидание; ему кажется, что он слышит вдали угрожающий ропот толпы или, что еще хуже, ее жалобы, что она обманута и разочарована в нем... Он удваивает энергию, как будто желая доказать и другим, и самому себе, что он не покидает своего поста и что радости человека не находятся у него в противоречии с обязанностями гражданина».

Действительно, сама мысль, что кто-то может подумать об ослаблении его энергии в революционной борьбе из-за эгоистического личного счастья, возмущала Бланки. Позднее он ярко обнаружил это своим отношением к содержанию биографической заметки о нем, написанной в 1848 году типографским рабочим Ногесом. В заметке говорилось: «На протяжении нескольких лет новая трусливая монархия, вооруженная своими превентивными законами, принудила его к

мнимому отдыху». Против этого текста Бланки возмущенно написал: «Ничего подобного! Никогда ни мгновения отдыха, ни мнимого, ни реального!» И он напоминал далее о всей своей деятельности с 1827 года, об участии в июльской революции, о его осуждении, о заключении в тюрьму. Он писал о себе в третьем лице: «С июльских дней Бланки не прерывал даже на 24 часа свою ожесточенную войну против власти. Естественно, что в первые ряды борцов сразу не выдвигаются. Но из-за отдыха этого не происходило никогда!»

Категорическая настойчивость, с которой Бланки отвергал мысль о том, что июльская монархия вынудила его к видимости отдыха, не кажется, однако, убедительной. Разве не было явным отрывом от революционной деятельности заключение в тюрьму? В результате он не вошел, например, в «Общество прав человека», которое сменило «Общество друзей народа», обреченное на распад из-за шести судебных процессов. Хотя это новое политическое общество не отличалось высокой организованностью, не отвергало частную собственность, поддерживало идею примирения рабочих с буржуазией, все же оно стало важнейшим центром республиканских сил. В «Обществе прав человека» было до 6 тысяч членов, объединенных в 300 секций. Из них только 170 действовали в Париже, а остальные в других городах и даже в армии. Общество не отличалось идейной сплоченностью и ясностью целей, но ничего лучшего не было.

Таким образом, тюремное заключение и вызванное этим ухудшение здоровья не могли, естественно, не сказаться на активности Бланки в революционном движении. Он сам чувствовал этот отрыв и решил в конце 1833 года напомнить о себе изданием собственного печатного органа. Выпуск газеты во Франции был делом огромной трудности. Приходилось преодолевать не только прямое противодействие властей. Главным образом нужны были деньги как на типографские расходы, так и на неизбежные для оппозиционной газеты штрафы. Деятельность печати вообще представляла собой одно из важнейших проявлений напряженной политической борьбы при июльской монархии. Только с шоля 1830 года по сентябрь 1834 года состоялось 520 процессов по делам печатн. За опубликование неугодных правительству статей журналисты были приговорены в целом к 106 годам тюрьмы. Редакции заплатили больше 400 тысяч франков штрафа.

2 февраля 1834 года вышел в свет первый номер газеты «Лпбератер» — «Освободитель». Сразу под названием на первой странице указывалось: «Газета угнетенных, выступающая за социальную реформу путем создания республики, руководимая

Огюстом Бланки, главным редактором». Газету украшал республиканский девиз «свобода, равенство и братство» с некоторым изменением: слово «свобода» было заменено словом «единство». В самой газете добиться его было нетрудно: Бланки был единственным сотрудником и автором газеты. Что касается удаления из республиканского девиза слова «свобода», то это, видимо, прежде всего реакция на безудержную спекуляцию буржуазных политиков этим словом, означавшим на деле свободу капиталистической эксплуатации. Вообще теоретическая точность формулировок не была сильной сторопой у Бланки. Ведь передовая статья в его газете посвящена именно свободе! Он страстно отстаивает в ней свободу печати: «Из всех тягот, которые угнетают граждан, лишенных богатства, самой болезненной и самой горькой является лишение их свободы выразить свои мысли». Газета Бланки и служит протестом против такого положения. «Одинокий человек, — пишет он о себе, — без денег, не имеющий ни одного су даже на первые основные расходы, намерен не бояться запрета, введенного денежной аристократией против бедных, которые осмеливаются думать».

Смелость н отвага не заменили денег. Первый номер газеты оказался последним. Основатель газеты слишком много взял на себя, обещая регулярно выпускать газету «в первое воскресенье каждого месяца» и объявляя о приеме подписки на нее. Подписчиков не нашлось. Но Бланки взял на себя в передовой статье и другое, значительно более серьезное обязательство. В ней объявлялось, что Бланки «будет стремиться раскрыть в простых, ясных и четких понятиях вопрос о том, почему народ несчастен и каким образом он должен перестать быть таким. Он объяснит природу отношений, существующих сегодня между хозяевами и рабочим; социальный вопрос, один составляющий почти целиком содержание всей политической экономии, о котором официальные профессора опасаются сказать хотя бы одно слово». Газета будет излагать также «своп идеи о принципе, на основе которого должно произойти преобразование социального порядка».

Бланки ставит перед собой задачу поистине грандиозную: множество выдающихся умов бились над ее решением, но к тому времени достигли лишь очень скромных результатов. Они свелись к созданию массы подготовительного материала, из которого еще предстояло создать подлинно научную революционную теорию. Далек от этого оказался и Бланки, о чем свидетельствует не увидевшая свет статья, написанная нм для второго номера газеты.

Вся статья пронизана страстным протестом во имя

справедливости, против существовавшего во Франции порядка. Но от понимания законов общественного развития Бланки по-прежнему далек. Частная собственность, по его мнению, возникла из-за того, что «некоторые лица хитростью или насилием захватили ее». Туманные принципы, возмущение несправедливостью определяют ход мыслей Бланки. Как и в своих прежних публичных устных пли письменных выступлениях, он выражает в основном моральное негодование, сочетающееся с теоретической слабостью. Преобладает яркая публицистика фразы, но не логика. Основные понятия — «пролетариат», «буржуазия», «эксплуатация» — очень смутны и противоречивы. Он не видит существенной разницы между рабством в древнем мире и колониях и положением свободного наемного рабочего при буржуазном строе. Источник несчастья «бедных», то есть эксплуатацию и угнетение, он видит в их «невежестве», а не в объективных законах капиталистической системы. Эта система, по его убеждению, обречена на гибель не в результате действия этих законов, а потому что она противоречит принципу равенства. Режим эксплуатации и система частной собственности погибнут лишь из-за того, что «благородные умы предсказывают и призывают» к этому.

Все эти идеалистические порывы мысли сдобрены революционным национализмом. Франции отведена роль «главного участника» борьбы между рабством и равенством, и в этой борьбе именно «французы ведут народы к победе». Ничего не говорится о конкретных нуждах, задачах, проблемах борьбы рабочего класса. Указывая на пример расправы с рабочими Лиона, Бланки не видит пользы в забастовках. Единственной конкретной задачей па первом плане у Бланки выступает проблема распределения земельной собственности, имеющая к рабочему классу отнюдь не прямое отношение.

Но наряду с туманной фразеологией подобного рода в статье Бланки фигурируют, несомненно, злободневные вопросы. Он убедительно разоблачает мифы о том, что «богатые дают бедным работу», что существует какая-то «общность интересов» хозяев и рабочих, что другой, более справедливый социальный строй невозможен и т. п. Вся статья в целом ярко отражает реальный накал классовой борьбы, хотя сам этот термин Бланки и не употребляет. Он убедительно показывает непримиримость интересов трудящихся и эксплуататоров. Но наиболее точные формулы Бланки вроде «глубокого антагонизма интересов» пролетариата и его угнетателей уж очень напоминают фразы презираемых им сенсимонистов. Это особенно заметно, когда он своими словами пространно пересказывает (без ссылки на

источник) знаменитую «параболу» Сен-Симона, которую он суммирует в следующих словах: «Аксиома такова: нация беднеет от потери трудящегося; она обогащается от потери бездельника. Смерть богача — это благодеяние».

Свой идеал будущего справедливого строя Бланки определяет понятием «ассоциация», которое, видимо, следует считать синонимом уже применявшегося утопистами слова «социализм». В заключение он пишет: «Все сильнее становится стремление борцов за будущее осветить сущность ассоциации. Быть может, и мы внесем нашу долю в общее дело». Вклад Бланки в общее дело в газете «Либератер» незначителен. Это скорее пылкий протест без серьезного научного понимания существа социальных проблем. Таким образом, свое обещание раскрыть суть этих проблем на страницах «Либератер» Бланки не воплотил. Сумеет ли он это сделать в своей дальнейшей революционной деятельности? Посмотрим...

Во всяком случае, реальный итог попытки Бланки издавать свою газету современный французский историк Алэн Деко в книге «Бланки или революционная страсть» оценивает так: «Либератер» не имел ни малейшего успеха... Эпизод с ним мог иметь только один результат: утвердить роль личности Бланки в воинствующей оппозиции против Луи-Филиппа. Отныне в глазах республиканцев всех оттенков необходимо считаться с Бланки».

Однако мало кто заметил выход в свет первого и единственного номера газеты Бланки. Францию потрясали гораздо более грозные события. Бурное развитие промышленного капитализма влекло за собой рост пролетариата. Не того «пролетариата», численность которого Бланки определил в 30 миллионов человек, а настоящего класса наемных фабричных рабочих. Их было уже около одного миллиона с четвертью. Поскольку никаких законов, регламентирующих труд, не существовало, хозяева доводили эксплуатацию до чудовищных масштабов, непрерывно снижая зарплату. Порой за 18-часовой рабочий день рабочий получал по 18 су. Широко использовался детский труд. Только в 1841 году будет издгп закон, запрещающий нанимать на фабрики детей, не достигших восьмплетнего возраста. Нищета рабочих объявлялась естественным и вечным положением, которое не подлежало изменению. В конце 1833 года «Журналь де деба» писала: «Богатые и бедные будут существовать всегда. Тут уж ничего не поделаешь». Рабочим советовали ограничивать свои потребности до разумных пределов. Наиболее заботливые «филантропы» рекомендовали рабочим не иметь детей. В то время мэрии многих городов получили, например, циркуляр, в котором говорилось:

«Для семей бедняков есть только один выход из положения: они могут выйти в люди лишь в том случае, если они будут трудолюбивыми, бережливыми и осторожными; особенную осторожность им следует соблюдать в брачном союзе, стремясь всеми силами избежать того, чтобы их брак стал более производительным, чем их труд».

Автором этого циркуляра был господин Дюпуайе, член Академии моральных наук. Рабочие отвечали на проповедь такой морали массовым забастовочным движением. Стихийные проявления протеста против невыносимого гнета начинают сочетаться с попытками создания первых примитивных рабочих организаций. Например, среди рабочих Лиона широкое распространение получают коалиции и союзы по профессиям, общества «мютюэлистов», основанные на принципе взаимопомощи. Рабочие начинают проявлять все большую политическую активность. Уже в «Обществе друзей народа» было немало рабочих. «Общество прав человека» имело целые рабочие секции. Правительство Тьера и Гизо объявило о намерении «обуздать тигра анархии». Но существовавшее законодательство не содержало ограничений для республиканских и рабочих союзов, которые насчитывали менее 20 человек. Этот закон обходили путем деления коалиций на мелкие секции, число членов которых не превышало этой цифры. В конце февраля 1834 года в палату был представлен законопроект, который запрещал ассоциации, даже если они насчитывали меньше 20 членов. В случае нарушения закона к суду привлекались не только руководители, но и рядовые члены ассоциаций. 25 марта новый драконовский закон был принят. Эго и вызвало бурное движенпе протеста, в котором слились все проявления недовольства.

Оно разразилось в Лионе, где жили традиции восстания 1831 года и где положение рабочих оказалось особенно невыносимым. Здесь уже в феврале началась стачка из-за решения фабрикантов снова снизить зарплату. Когда был принят закон о запрещении любых объединений, лионские рабочие заявили, что «никогда не склонят головы перед столь грубым произволом и не распустят своих объединений». 9 апреля «Объединенный комитет» всех лионских союзов и объединений попытался провести демонстрацию протеста против суда над руководителями февральской стачки. Но уже накануне город был занят войсками. Рабочие ответили постройкой баррикад. Четыре дня в городе шло сражение, не прекращались массовые убийства и пожары. Остатки восставших были загнаны в церковь Кордельеров и расстреляны. Итог восстания — 342 убитых и свыше 600 раненых. Одновременно революционные выступления произошли еще в

десяти крупных французских городах. Повсюду генералы Луи-Филиппа старались осуществлять знаменитое пожелание одного лионского фабриканта: «Если у них в желудке нет хлеба, мы всадим туда штыки».

10 апреля в Париже наиболее воинственные члены «Общества прав человека» потребовали решения о восстании в поддержку Лиона. Но пока буржуазные республиканцы колебались, в квартале Марэ на улицах Бобур, Обри-ле-Буше и Трансноне появились баррикады. Однако Париж уже был наводнен десятками тысяч солдат. Министр внутренних дел Тьер, начинавший свою карьеру палача народа, приказал никого не щадить. 14 апреля восстание закончилось кровавой расправой. На улице Трансноне у дома 12 был ранен один офицер. Солдаты ворвались в дом и закололи пггыками всех жителей без различия пола и возраста. Уже в первый день восстания было арестовано свыше 100 видных участников «Общества прав человека». В последующие дни число арестованных превысило две тысячи человек. Правительство решило полностью уничтожить республиканскую партию. Для этого затеяли грандиозный судебный процесс над 164 обвиняемыми в связи с восстанием в Лионе, Париже и Люневиле. Судить их поручили палате пэров, превращенной в верховный суд. Подсудимые отказались от официальных адвокатов и выбрали своими защитниками «наиболее уважаемых людей среди республиканцев и демократов». Среди них оказались ветераны революционного движения Буонарроти, Вуайе д'Аржансон, Одри Пгонраво, а также «молодые»: Барбес, Карно, Огюст Конт, Ламенне и Бланки. Он и стал фактически главой этого «Комитета национальной защиты», который собирался на его квартире. Суд пэров отказался поручить им защиту обвиняемых, как не имеющим звания адвокатов. Комитет ответил резким заявлением протеста, заканчивавшимся словами: «Подлость судьи есть слава обвиняемого...»

Алэн Деко пишет о роли Бланки в деле «апрельских повстанцев»: «Слишком предусмотрительный, чтобы одобрить безумную импровизацию, он не участвовал в апрельских днях. Но поскольку его выбрали руководить, это свидетельствовало об авторитете, который он приобрел к этому времени в тлазах республиканцев». Между тем главное заявление комитета защиты вызвало ярость правительства, начавшего судебное преследование подписавших. Бланки также был вызван дать объяснение палате пэров. Но на этот раз он не вел себя так, как обычно перед властями, то есть вызывающе. Напротив, он проявляет странную сдержанность и осторожность, явно опасаясь

нового осуждения. Многим это казалось непонятным, особенно правительственным чиновникам. Уж не иссякла ли революционная страсть Бланки, успокоенного своим семейным счастьем? В действительности Бланки в это время занят делом, которое он считал нас только важным для подготовки революции, что опасался ставить его под угрозу ради лишнего разоблачительного выступления. Правительство узнало об этом совершенно случайно в ходе новых чрезвычайных событий, потрясших Францию.

Они были связаны с личностью самого короля Луи-Филиппа. Уже вскоре после того, как с помощью наглого обмана он захватил плоды июльской революции и узурпировал трон, обнаружилась вся гнусность этого коронованного вора. Маска «короля-гражданина» недолго скрывала истинную натуру этого ненасытного стяжателя. Сначала он затеял скандальный торг с палатой депутатов по поводу цивильного листа, то есть суммы бюджетных ассигнований на содержание королевского двора. Его аппетиты намного превзошли даже прославленное мотовство и расточительность свергнутой династии Бурбонов. Затребованная Луи-Филиппом сумма в 20 миллионов франков настолько превосходила реальные потребности, что дело дошло до разбора в парламенте каждой статьи королевских расходов. При этом выяснилось, например, что на отопление дворцов он запросил такую сумму, что, по словам одного современника, на нее можно было бы «обогреть целую Сибирь». Такая же картина раскрылась и с расходами на вино, лекарство, на содержание 300 королевских лошадей. Голодавшим рабочим было особенно интересно узнать, что на каждого коня ассигнуется 5 тысяч франков в год, сумма, намного превышающая ежегодные расходы нескольких рабочих семей. Достоянием публики стала история с наследством герцога Конде. Этот убежденный легитимист, то есть противник орлеанской династии и сторонник Бурбонов, вдруг неожиданно завещал старшему сыну Луи-Филиппа колоссальное состояние. Благодаря слухам французы узнали, что завещание подписано по принуждению, а смерть герцога наступила отнюдь не естественным путем. Множество других неприглядных фактов следовали один за другим и дополняли колоритный образ Луи-Филиппа. Поскольку его физиономия с узким лбом и одутловатыми жирными щеками напоминала по форме грушу, то изображение этого плода карикатуристы сделали символом короля-торгаша, который все больше превращался в короля-убийцу. Легитимисты называли его «королем баррикад», желая подчеркнуть его недостойное монарха «революционное» происхождение. Но когда восстания и мятежи стали постоянным

явлением при Луи-Филиппе, когда его войска занимались почти исключительно штурмом и взятием баррикад, то это одиозное прозвище приобрело совсем иной смысл. Луи-Филипп превратился, таким образом, в объект всеобщей ненависти, и частым явлением становятся попытки покушений на его жизнь. Ни один монарх не был мишенью такого большого числа покушений, как Луи-Филипп...

28 июля 1835 года утром из ворот Тюильри выехала пестрая кавалькада всадников. Впереди на белом коне — король, рядом с ним три его сына: принц Шуан-виль, герцог Орлеанский, герцог Немурский. За ними многочисленная свита маршалов. Предстояло произвести смотр Национальной гвардии, построившейся вдоль улиц, а затем принять парад войск на Вандомской площади. Ведь отмечалась очередная годовщина «трех славных дней», которые привели Луи-Филиппа к власти. Но революция сама напомнила о себе совершенно неожиданным образом. Когда кортеж, сверкающий всеми красками, достиг бульвара Тампль, раздался грохот ружейного залпа, как будто дружно стреляли солдаты целого взвода.

Король оказался невредим, хотя его лошадь получила пулю. На месте были убиты 18 человек и 22 ранено. После невообразимой паники выяснилось, что сработала «адская машина», сооруженная в одном из домов на пути движения процессии. А там нашли укрепленные в общей раме десятки ружей, которые при помощи не слишком сложного приспособления выстрелили одновременно. Полиция очень быстро арестовала организатора покушения корсиканца Фиески и его двух помощников — Морейя и Пенена, которые были членами «Общества прав человека». Их судили и в январе 1836 года приговорили к смерти. До самого последнего момента власти стремились, естественно, узнать от них как можно больше. Не стоит ли за ними какая-либо организация, о которой им ничего не известно? Один из приговоренных, Пепен, пытаясь получить помилование накануне казни, рассказал, что существует тайное, очень опасное общество, в котором он состоял, имеющее целью свержение орлеанского режима. Он сообщил также, что заранее рассказал о предстоящем покушении в день парада 28 июля некоторым деятелям революционного движения. Пепен назвал имена Рекюре, Флорко, Кавеньяка и... Бланки!

Бланки, как и другие названные, решительно протестовал и утверждал, что это выдумка. Он заявил, что никогда не был знаком с Пепеном, не встречался с ним и вообще в принципе отвергает убийство короля в качестве революционного средства. Но о тайном обществе он не упомянул. В действительности

тайное общество существовало, и Бланки был его руководителем. Но основной припцип этого общества — секретность — требовал от Бланки скрывать его существование. Сложнее обстояло дело с причастностью Бланки к заговору Фиескп. Чтобы разобраться во всем этом, надо вернуться к событиям 1834 года.

Пороховой заговор

Весной 1834 года республиканские силы Франции потерпели поражение. «Общество прав человека» фактически перестало существовать. Бланки решил, что отныне всякие легальные способы борьбы исключены, пбо режим Луи-Филиппа окончательно растоптал небольшие делюкратичеекие завоевания июльской революции, и поэтому против нето надо бороться другими методами. Ведь законы, принятые в начале 1834 года, запрещали любое открытое объединение или союз. Надо было выбирать: либо отказ от борьбы, капитуляция перед Луи-Филиппом и крупной буржуазией, либо беспощадная война, нелегальная, тайная подготовка революции. Идея создания подпольной организации занимает умы многих революционеров. Было два исторических прецедента: заговор Бабефа и движение карбонариев. Оно и послужило образцом для множества тайных союзов. Самым кружным и серьезным среди них явилось «Общество семей», возникшее летом 1834 года. Непосредственным инициатором оказался некий Адо-Дезаж, но сразу же душой и главным организатором этого дела стал Бланки.

Личный революционный опыт, долгие размышления о результатах и уроках прошлой борьбы продиктовали ему основные принципы организации «Общества семей». Среди них важнейшее место занимали секретность и централизация, безоговорочное подчинение всех членов общества верховному тайному комитету. В него входили революционные представители, каждый из которых командовал группой начальников кварталов. Эти последние, в свою очередь, имели под своим руководством по три-четыре секции, а каждая секция объединяла пять или шесть «семей», то есть групп заговорщиков. Каждая инстанция в этой многоступенчатой иерархии не знала ни-

чего о вышестоящих или параллельных органах. Верховный комитет действовал секретно и анонимно. Не велось никаких протоколов его заседаний, вообще избегали любых письменных документов. Каждый член общества знал только своего непосредственного начальника; главные руководители оставались ему неизвестны. Таким образом, делалось все для сохранения тайны.

Чтобы стать членом «семьи», необходимо достичь возраста в 21 год, уметь хранить секреты, пользоваться хорошей репутацией, иметь средства существования. Новичков принимают в «семью» ее

члены, но их решение нуждается в одобрении верховного комитета.

После этого кандидата подвергают испытанию в процессе торжественного посвящения. Ритуал этой церемонии, напоминающий обычаи карбонариев и масонов, был составлен Бланки. Вступающий в общество входит с завязанными глазами, клянется хранить в глубокой тайне все, что узнает. Но к этому уже музейному и анахроничному церемониалу добавляется нечто новое: кандидат в члены общества в ответах на вопросы принимает и признает определенную политическую платформу общества. Вот выдержка из процедуры посвящения в виде вопросов и ответов, как они были сформулированы Бланки:

«— Что ты думаешь о теперешнем правительстве?

— Что оно является предателем народа и страны.

— В чьих интересах оно управляет?

— В интересах небольшого числа привилегированных...

— По какому праву они управляют?

— По праву силы.

— Какой порок господствует в обществе?

— Эгоизм.

— Что заменяет честь, честность, добродетель?

— Деньги.

— Кого уважают в обществе?

— Богатого и могущественного.

— Что такое народ?

— Народ — это совокупность граждан, которые трудятся.

— Как обходится закон с народом?

— Закон обходится с ним как с рабом.

— Какой принцип должен служить основой правильно организованного общества?

— Равенство.

— Какую революцию нужно осуществить, политическую или социальную?

— Необходимо провести социальную революцию».

Вопросы принимающего в общество и ответы абитуриента — это своеобразная программа и устав тайной организации. Характерно, что многое здесь совпадает с текстами материалов, написанных Бланки для газеты «Либератер». Это дает основание предположить, что общество задумывалось и организовывалось Бланки примерно в это же время, то есть весной 1834 года. Цели, задачи, характер общества особенно ясно видны из тек: та заявлений председательствующего на процедуре приема. Так, он говорит:

— Мы объединились в общество для того, чтобы с

наибольшим успехом бороться против тирании угнетателей нашей страны, политика которых состоит в том, чтобы держать народ в невежестве и разобщении, а наша политика, следовательно, должна стремиться распространять просвещение и сплачивать в одно целое силы народа... Каждому члену поручается распространять всеми возможными средствами республиканские учения, одним словом, вести активную неутомимую пропаганду...

Позднее, когда пробьет час, мы возьмемся за оружие, чтобы свергнуть правительство, которое является нреда-телем отечества. Будешь ли ты с нами в тот день? Подумай хорошенько, это опасное предприятие: наши враги могущественны. У них — армия, богатство, поддержка иностранных королей; они царствуют при помощи террора. Мы же, бедные пролетарии, обладаем лишь нашим мужеством и справедливым правом. Чувствуешь ли ты в себе силы не бояться опасности?

Решил ли ты умереть с оружием в руках за дело человечества, когда будет дан сигнал к борьбе?

После того как вступающий дает положительные ответы на все поставленные ему вопросы, он произносит такую клятву:

— Я клянусь не раскрывать никому, даже ближайшим родственникам, то, что будет сказано или сделано в нашей среде; я клянусь повиноваться законам ассоциации, клянусь ненавидеть предателей, проникших в наши ряды, и мстить им, клянусь любить моих братьев, помогать пм п пожертвовать моей свободой и моей жизнью для торжества нашего святого дела.

Вступление в «Общество семей» уже само по себе было актом самоотречения. Главная обязанность каждого его члена состояла в беспрекословном повиновении, в соблюдении строгой, чисто военной дисциплины. В этом отношении общество имело мало общего с традиционными политическими партиями; его члены не могли выражать свое мнение; всякое демократическое обсуждение, а тем более коллективные решения важнейших вопросов исключались. Доведенная до предела секретность и слепое повиновение были спецификой «Общества семей». В моменты острой борьбы с монархией такая крайняя централизация и полное отсутствие внутренней демократии давали ему преимущества. Это могло оказаться очень эффективным в случае вооруженного выступления. Но эти же качества обусловливали и слабость общества, его крайнюю уязвимость. Провал руководства означал немедленный распад всей организации. Самые пагубные последствия имели бы, естественно, и разногласия в этом руководстве. Такая жесткая структура и организация годились лишь для кратковременного

существования и для борьбы за близкую, четко определенную цель.

Тем не менее «Общество семей», возникнув летом 1834 года, существовало более года, оставаясь неизвестным для властей, а число его участников росло. Правда, его численность оказалась меньше численности «Общества прав человека». Ведь строгая конспирация требовала особой осторожности при приеме новых членов. К тому же в отличие от движения карбонариев оно распространяло свою сеть не на всю Францию, а только на Париж. Однако, несмотря на жесткие правила приема и суровые обязательства, которые брал на себя каждый вступающий, общество вовлекло в свои ряды более 1200 человек.

Все держалось на временном согласии главных руководителей общества, оказавшихся очень разными людьми. Среди них — студент-медик Эжен Ламьесан, который раньше возглавлял секцию в «Обществе прав человека», рабочий-печатнпк Мартин Бернар, также начавший свою политическую деятельность в «Обществе прав человека». Это был пылкий поклонник якобинцев 1793 года, а раньше он увлекался идеями Сен-Симона и Фурье.

Гораздо большую роль наряду с Бланки играл Арман Барбес. Даже внешне они резко отличались друг от друга. Маленький, тщедушный, суровый Блэнки и огромный, пышущий здоровьем, силой, темпераментный Барбес не дополняли, а противостояли друг другу во многом. Барбес был креолом, родившимся на Гваделупе на пять лет позже Бланки. Затем он жил на юге Франции, где владел богатым поместьем, унаследованным от отца. В отличие от Бланки он не был поклонником социальной республики. Он увлекался идеями Великой французской революции, верил в бога, считал необходимым сохранение в будущем частной собственности. Барбес е его романтической, экспансивной натурой казался антиподом сдержанного, замкнутого Бланки. Если один всегда молчал, то другой говорил беспрерывно, говорил громко, восторженно или яростно, но всегда наивно и поверхностно. И все же Барбес привлекал Бланки своей страстью к действию. А это было, по его мнению, главной задачей «Общества семей». Не случайно одним нз условий приема, разработанных Бланки, служило обязательство доставить и передать в его фонд максимально большее количество пороха. Каждый должен был также иметь личный запас не менее двух фунтов. На опыте революционных сражений в июле 1830 года Бланки убедился, сколь опаспо для восставших отсутствие боеприпасов в критический момент. Поэтому необходимо создать достаточный запас. Поскольку приобрести готовый порох не

удалось, решили наладить его производство.

Наняли маленький двухэтажный дом на тихой улочке Лурсин, в районе больниц и монастырей. Здесь была устроена мастерская по изготовлению пороха. Бланки ежедневно ходил сюда и следил за работой. Мартин Бернар по вечерам являлся за готовой продукцией и переносил ее на улицу Дофин, где делали пули и патроны. Дело шло быстро, ибо работали и по ночам.

Но вокруг смелого предприятия уже сжималось полицейское кольцо. Смутные, неопределенные сведения об «Обществе семей» стали поступать давно, еще с 1834 года. Но решающий толчок слежке дали последние показания сообщника Фиески — Теодора Пенена, казненного в феврале 1836 года. Полиции удалось внедрить в ряды общества студента-фармацевта Лукаса, наемного шпиона, который и доставил сведения о пороховой мастерской. Власти узнали также от других осведомителей о подозрительном, необычном шуме, который слышен по ночам кз дома ИЗ по улице Лурсин. 10 марта дом был окружен. Арестовали занятых изготовлением пороха нескольких студентов и рабочего-столяра Адриена Робера. Было известно, что это он сделал по заказу Фпески деревянную раму для его «адской машины». В доме на улице Лурсин обнаружили 150 фунтов готового пороха, еще больше

сырья для его производства, сушильные аппараты, разные инструменты, учебник для военных инженеров. Мало того, полиция нашла некоторые документы «Общества семей», в частности, большой список условных псевдонимов членов общества. Правило Бланки — не иметь никаких письменных документов — оказалось нарушенным, и это имело самые плачевные последствия.

12 марта полиция явилась к Бланки, в его квартиру на улице Фоссе-Сен-Шак. Но его уже предупредили, и он успел скрыться. 13 марта постучали в квартиру Барбеса. Открыл сам хозяин, по впустить непрошеных гостей не захотел. Завязалась рукопашная схватка, в которой нескольким представителям закона только ценой отчаянных усилии удалось скрутить руки этому силачу. Войдя в квартиру, полицейские увидели лежащего в постели Бланки. Он также, по примеру Барбеса, оказал яростное сопротивление, хотя далеко пе с таким эффектом. Полиция немедленно начала обыск. Бланки с ужасом увлдел в руках у агентов список членов общества. Тогда он, обнаружив невероятное проворство, вырвал у них из рук документ и проглотил его. По все же многие важные бумаги были захвачены, в том числе и правила приема а «Общество семей». Всего в эти дни полиция арестовала 43 человека. Правда, некоторых

освободили под залог, как Барбеса. Но Бланки оставлен в тюрьме.

Итак, полный провал. Беда случилась из-за того, что «Общество семей» стало слишком большим. Разве легко держать в голове имепа более тысячи человек? А ведь может случиться так, что окажется необходимым быстро отдать им распоряжения. Поэтому вопреки первоначально принятому решению пришлось составлять списки с адресами. Да и работа целого порохового завода в самом центре Парижа не могла остаться незамеченной. Провал был предрешен, и речь могла идти лишь о том, чтобы предпрппять восстание как можно раньше, не дожидаясь его. На это и рассчитывал Бла_нки. Но все пошло прахом. Потерпело неудачу первое крупное самостоятельное революционное предприятие Бланки. До этого он попадал в тюрьму за открытые революционные выступления. Теперь же провал произошел еще в процессе подготовки к выступлению. Правда, готовилось нечто значительно более серьезное, чем все, что делал Бланки раньше. Тогда он не был и руководителем. Ныне речь шла о деле, которое он сам задумал, направил, организовал, над которым долго и упорно трудился. В жизни революционера это еще небывалое испытание. Выдержит ли он его? Для многих, вступивших на путь революционной борьбы, это могло бы оказаться непоправимым ударом, после которого люди падают духом, отказываются от борьбы, теряют веру в себя и в свое дело. Но именно здесь и происходит знаменательный акт рождения легендарной несгибаемости Бланки, его удивительной способности черпать в поражениях, провалах, неудачах новые силы и новую волю для продолжения борьбы.

В августе 1836 года Бланки и его товарищи предстали перед судом. Естественно, сначала они пытаются оправдаться, утверждая, что порох на улице Лурсин изготовлялся для продажи. Но, увы, они не могут назвать ни одного покупателя... Среди защитников — друг юности Бланки Плок. Он стал адвокатом и теперь пытается защитить обвиняемых. Однако факты слишком очевидны, опровергнуть их невозможно. Что касается Бланки, то прокурор хочет, кроме того, используя показания Пенена, связать его с заговором Фиески. Ведь казненный дал противоречивые показания. Сначала он сказал, что встречался с Бланки и рассказал ему все о покушении на Луи-Филиппа. Но затем он стал говорить, что лично Бланки не видел. Прокурор задается вопросом, мог ли член «Общества семей» Пепеп не предупредить руководителя общества о деле, которое резко изменило бы всю политическую ситуацию в стране? Но Бланки продолжает отрицать знакомство с Пепеном. Кроме того, у него имеется алиби в отношении обвинения в причастности к покушению на

Луп-Филиппа: «Самое неотразимое свидетельство состоит в том, что няня с моим сыном находилась на бульваре Тампль. Как же я мог послать моего сына на верную смерть?»

Однако он умалчивает, что няне было строго приказано находиться с ребенком в кафе и ни в коем случае ке выходить из него. Как в этом, так и других случаях Бланки, подобно многим революционерам, всегда будет отрицать очевидные факты и всеми силами вводить судей в заблуждение. Не противоречит ли это нравственным, моральным нормам революционера? К тому же предельная честность, искренность, правдивость Бланки гсег-да были вне подозрений. Как же можно совместить это с тактикой постоянного обмана судей, полиции, властей? В действительности здесь мнимое противоречие. Если тиранический режим вынуждает вести против него тайную, нелегальную борьбу, если он применяет против революционеров любые, самые грязные и подлые средства, то они, со своей стороны, не только могут, но и обязаны обманывать врага, вводить его в заблуждение. Это есть та самая ложь во спасение, которая нравственно полностью оправдана. Она даже необходима, ибо речь идет, в конце концов, о спасении не только лично самого революционера, но о спасении революционного дела, за которое он борется. Такова жестокая, неумолимая логика революционной борьбы во все времена и во всех обстоятельствах.

Почти все историки, писавшие о Бланки, сходятся на том, что он действительно ничего не знал о покушении Фиески и не имел к нему отношения, что противоположная версия сфабрикована полицией. Однако его новейший биограф академик Алэн Деко думает иначе: «Бланки не только знал, что готовится покушение на Луи-Филиппа... но верил, что оно может быть успешным». При этом он опирается на документ, захваченный полицией в квартире Барбеса в момент ареста Бланки. Это текст призыва к восстанию, написанный Барбесом под диктовку Бланки. В нем содержится такая фраза: «Граждане, тиран больше не существует; народная ненависть поразила его, уничтожим теперь тиранию...»

Ясно, что обращаться с таким воззванием можно было лишь в определенной ситуации, то есть в случае убийства Луи-Филиппа, которое явилось бы поводом для восстания с целью установления республики. Впрочем, на суде Бланки не столько оправдывается, сколько обвиняет, как это он уже делал раньше. В ходе рассмотрения дела во второй инстанции он выступает с трехчасовой речью, в которой излагает и отстаивает свои взгляды, снова беспощадно разоблачает режим июльской монархии. Председатель суда несколько раз прерывает его. Другие подсудимые бурно протестуют. Во всяком случае, Бланки не

побоялся выступить от имени «Общества семей» в роли обвинителя монархии Луи-Фплпппа и пропагандиста революционных идей. Он знал, что такое поведение никак не может способствовать смягчению его приговора. Действительно, Бланки приговорили к самому суровому наказанию по сравнению с тем, что получили большинство подсудимых. Если Барбеса, например, осудили на год тюрьмы и штраф в тысячу франков, то Бланки приговорили к двум годам заключения и к уплате штрафа.

Его прежние пребывания в тюрьме были далеко но столь продолжительны. К тому же раньше он был один. Но сразу после выхода из последнего заключения он женился. Три года он не разлучался с семьей. По мнению всех биографов Бланки, его женитьба создала «чудесный союз» с Амелией. «В семейной жизни, — пишет А. Деко, — они были счастливы. Она знала о всех его предприятиях. Поскольку он ввязывался в них, она не могла и вообразить, что можно было не одобрять их. Это было только так, п это было прекрасно».

В свою очередь, С. Бернстайн рассказывает: «Они принадлежали друг другу без остатка. Она отвлекала его от меланхолии и становилась убежищем, где его душа находила успокоение; она заполняла его горизонт. По ту сторону была лишь пустота. Возможно, она не могла понять, куда ведут его идеи, но, как бы далеко он не шел, она следовала за ним».

Двухлетнее тюремное заключение Бланки предстояло отбыть в тюрьме Фонтевро около Сомюра, довольно далеко от Парижа. Было решено, что Амелия с двухлетним сыном оставит Париж и свою благоустроенную жизнь и поселится вблизи тюрьмы, где будет заключен ее муж. Правда, вот уже несколько месяцев состояние Амелии, которая еще недавно была воплощением цветущего здоровья, внушает тревогу. Она больна н должна лечиться. Постоянные заботы п волнения, связанные с заговорщической деятельностью мужа, резко сказались на ней. Теперь, в начале зимы, ей предстоит нелегкий переезд, устройство на новом месте с неизбежными трудностями и новые заботы о заключенном узнике. Но Бланки считает приезд Амелии совершенно естественным делом, а она уже давно привыкла жнть только заботами мужа. За это Бланки нежно и горячо любит ее. Мысли о ней не оставляют его. Пока Бланки везут в Фонтевро, на протяжении недели он отправляет ей восемь писем. Он подробно описывает все, что происходит с ним, и дает советы в связи с ее переездом. «Я чувствую себя хорошо, — пишет он, — я провел спокойную ночь в одной комнате с жандармом, посаженным под арест на восемь суток. Всю дорогу пдет дождь п холодно. Надо в

дороге принять все предосторожности тебе и Ромео (сын Бланки. — ***Авт.).*** Может быть, лучше ехать пароходом, об этом я разузнаю в Сомюре».

Вообще брак Бланки оказался на редкость счастливым. Он приобрел семейный очаг, очаровательную любящую юную супругу. К тому же семья избавляет этого

бедняка, не имеющего ни гроша, от всех забот о повседневном существовании. У него нет необходимости зарабатывать себе на кусок хлеба, и он может всецело отдаться своим революционным делам. Амелия предельно самоотверженна. Ради Огюста она пошла на тяжелый скандал с отцом и матерью. Она полностью порвала связи с людьми из ее прежнего буржуазного круга и безоговорочно соглашалась со всем, что делал ее муж, хотя л не очень разбиралась в его делах, что для него не имело значения. Единомышленниками и соратниками в борьбе они не стали, но она создавала для него прекрасный и удобный оазис отдыха, покоя и благополучия. Теперь со всем этим пришлось расстаться, и утешением ему служила мысль, что его любимая жена и сын будут все же совсем рядом, за стеной тюрьмы.

19 ноября 1836 года Бланки привезли в Фонтевро. Здесь в конце XI века был основан монастырь, стены и храмы которого частично сохранились. Многое напоминает о далеком историческом прошлом. В бывшем монастыре сохранились могилы легендарных людей средневековья: Генриха II Плантагенета, Ричарда Львиное Сердце, супруги Иоанна Безземельного — Елизаветы. Но неумолимый прогресс человеческой истории вторгся и сюда. Место, где некогда молились за спасение душ христиан, стало тюрьмой. В стенах монастыря соорудили новые тюремные здания, превратив живописный исторический памятник в полицейский застенок.

Здесь, кроме уголовников, были и другие политические заключенные. Но общение с ними не доставило Бланки радости — это были легитимисты, которых посадили за попытки восстановить власть Бурбонов. Естественно, они встретили уже знаменитого мятежника крайне враждебно. В письме к Амелии он пишет, что его жизнь находится в опасности. Начальство тюрьмы поместило Бланки совершенно отдельно от других заключенных, и это успокоило его, но обрекло на полное одиночество. Правда, Адольф Бланки, несмотря на все их разногласия, не оставляет своего брата; он посылает ему целую библиотеку книг, и заключенный может использовать свой вынужденный досуг для чтения. А затем приезжает Амелия. Она сумела ценой отчаянных усилий добиться от министра внутренних дел разрешения

ежедневно посещать мужа в его камере. Но скоро ее визиты прекратились: Амелия опасно заболела. Охваченный страхом за ее жизнь, Бланки умоляет начальство позволить ему отлучаться из тюрьмы и навещать живущую прямо в доме за стеной Амелию. II ему дают право несколько часов в день находиться у постели больной. Заключение в Фонтевро продолжалось пять с половиной месяцев. А потом на долю Бланки выпало неожиданное счастье. Герцог Орлеанский, младший сын Луи-Филиппа, в мае 1837 года женился на немецкой принцессе Елене Мекленбургской. По поводу этой свадьбы объявили всеобщую амнистию всем политическим заключенным. Освобожден и Бланки, хотя ему запретили жить в Париже.

...Неподалеку от столицы, километрах в пятнадцати к северо-западу от нее, на берегу реки Уазы, впадающей в Сену, в деревне Жанси стоит небольшой дом, уютный и опрятный, похожий на обычные загородные дачи парижских буржуа. Дом стоит на берегу реки, он окружен садом, с которым смыкается опушка леса. На огороде копается в грядках невысокий человек в серой куртке, широких штанах и грубых башмаках с соломенной шляпой на голове. Своим видом и спокойной возней с землей он напоминает горожанина, выбравшегося отдохнуть на лоне природы. Это Бланки, поселившийся здесь с семьей после освобождения из тюрьмы. Царит полный покой, и раздающиеся порой звуки только усиливают это ощущение: пение птиц, иногда звучание пианино, на котором играет Амелия, смех и крики ребенка. Райский уголок, в котором Бланки мог бы и забыть недавние тюремные страдания, лихорадочную подготовку восстания, опасные дела с производством пороха, споры с товарищами в «Обществе семей». Здесь совсем другая, простая, гармоничная жизнь среди природы в кругу счастливой семьи. Бланки заботливо поливает свои овощи, которые так кстати для его вегетарианской диеты быстро растут. Словом, счастье, реальное, осязаемое, о каком только и может мечтать человек.

В Жанси Амелия занялась любимым делом — живописью. Она написала маслом портрет Огюста Бланки. Удивительно точно передан образ сурового, решительного, беспощадного к себе и другим человека, не созданного для обычного человеческого счастья. Его мысли не здесь, он во власти одной навязчивой идеи революции. Амелия написала и свой автопортрет; даже в расцвете красоты и молодости она не выглядит счастливой, на ее лице печать обреченности.

Сразу после выхода из тюрьмы Бланки провел несколько дней в Париже. Шумная столичная жизнь не для него, а то, чем он озабочен, — «Общество семей», лишенное своих вождей,

практически распалось. Но с этим Бланки не хочет и не может примириться. И под покровом неожиданно обретенного счастья спокойной жизни в деревне скрывается напряженная работа его мысли, сосредоточенной по-прежнему на том, что составляло суть его жизни.

Безмятежная жизнь в Жанси не могла не оказаться искушением для Бланки. А не бросить ли эту безнадежную, опасную неравную борьбу с правительством, борьбу, обещавшую лишь новые тяжкие испытания? Он ведь уже внес свой вклад в дело революции. Пусть пострадают и другие. Его совесть могла быть спокойной. Такие мысли, конечно, приходили в голову Бланки. Но его неиссякаемая революционная страсть брала верх над этим соблазном.

Огюст не переставал думать об уроках злосчастного провала «порохового заговора». А он показал крайнюю уязвимость тайной организации, руководимой всего лишь несколькими людьми. Сразу после выхода из тюрьмы в Фонтевро Бланки провел несколько дней в Париже и убедился, что «Общество семей» перестало существовать. Ведь рядовые его участники не знали даже имен своих руководителей, которые исчезли вместе с известной только им системой связей между отдельными звеньями общества. Но возможна ли другая, более устойчивая организация? Легальное, широкое, массовое объединение вроде возникших позднее политических партий создать было невозможно прежде всего из-за жестокого полицейского надзора. Бланки считал, что действовать можно только прежними методами, но с еще более строгой конспирацией, которая возможна лишь в малочисленной организации. Но если в ней по-прежнему будет около тысячи человек, то она явно не способна добиться успеха в открытой вооруженной борьбе с правительством, у которого есть стотысячная дисциплинированная армия. Вооруженное выступление горстки людей могло привести к победе только при условии поддержки его народом. Бланки хорошо помнил июльские дни 1830 года, энтузиазм народа в баррикадных боях, его все преодолевающую ситу. Но готов ли сейчас народ к такой новой революции? Ведь в 1834 году на парижских улицах снова выросли баррикады, снова гремели выстрелы. Но народ в своей массе проявил пассивность, и правительство без особого труда справилось с республиканским восстанием.

Каким же было положение во Франции, когда Бланки получил возможность насладиться покоем сельской жизни на живописных берегах Уазы? Не так-то просто ответить на этот вопрос. На поверхности, как всегда, находились шумные, но

отнюдь не решающие для истории Франции события в высших сферах государства. А там происходила борьба между королем Луи-Филиппом, стремившимся к неограниченной личной власти, и политиками крупной буржуазии, желавшими править самостоятельно, такими, как Тьер или Гизо, которые, в свою очередь, соперничали между собой. Министры сменялись часто, хотя их политика в главных вопросах не менялась. С осени 1836 года у власти находилось правительство графа Моле, исполнителя волн Луп-Филиппа. В противоположность Тьеру он считал, что палата депутатов должна быть послушным орудием короля. Но он сам в последнем счете служил лишь прикрытием господства банкиров. «При Лун-Филиппе, — писал Маркс, — господствовала не французская буржуазия, я лишь одна ее фракция: банкиры, биржевые и железнодорожные короли, владельцы угольных копей, железных рудников и лесов, связанная с ними часть земельных собственников — так называемая финансовая аристократия. Она сидела на троне, диктовала в палатах законы, она раздавала государственные доходные места, начиная с министерских постов и кончая казенными лавками.

Конечно, основная масса буржуазии проявляла недовольство тем, что правом голоса пользовались только самые богатые. В ответ на это Гизо говорил: «Обогащайтесь, господа, и вы станете избирателями'). И это удовлетворяло всех буржуа, предававшихся безудержной гонке за богатствами, за прибылью. То было время неслыханно бурного развития капиталистического предпринимательства. Франция переживала настоящий промышленный переворот, хотя она намного отстала в этом от Англии. За первое десятилетне правления Луи-Филиппа количество паровых машин увеличилось в восемь раз. потребление хлопка возросло вдвое, добыча каменного угля — в три раза. Франция быстро покрывалась сетью железных дорог. Требовалось все больше рабочих рук. Но в них недостатка не было. Разорялись крестьяне, .мелкие ремесленники ради куска хлеба готовы были работать на любых условиях. Поэтому рост промышленного могущества Франции сопровождался чудовищным обнищанием рабочих. Их жизненные условия были жалкими.

Они почти не ели мяса, довольствуясь хлебом и овощами. Но и это было роскошью. Цены на хлеб непрерывно росли. Нечего и говорить о жилищных условиях. Рабочие в буквальном смысле жили хуже скота. Брат Огюста Бланки Адольф, к этому времени ставший крупным либеральным экономистом, писал, что были рабочие, вся пища которых состояла из двух килограммов

хлеба в неделю. Он же приводил слова одной старой работницы в Лилле, которая с удовлетворением говорила ему: «Я не богата, но у меня, слава богу, есть своя вязанка соломы,>. Значит, были рабочие, которые после 14—16-часового рабочего дня не могла даже мечтать отдохнуть на соломенной подстилке! Положение рабочих стало особенно тяжелым в результате экономического кризиса ***183***7— 1838 годов, когда промышленные города охватила безработица. Рабочие были совершенно беззащитны: им запрещали объединяться в союзы, устраивать забастовки. Власти, судьи, полиция обращались с ними как с рабами. А власть имущие считали положение совершенно нормальным. Газета Гизо «Ревю франсез» удовлетворенно писала: «Взаимные отношения больших и малых, бедных п богатых урегулированы сегодня на основе справедливости п либерализма. Каждый имеет свое право, свое место, свое будущее».

Правительство и его чиновники ***пребывали*** в ***уверенности,*** что все во Франции обстоит благополучно, что порядку в стране ничто не угрожает и народ доволен своим положением. В 1838 году префект департамента Лозер писал в своем докладе, что «никакое событие не может нарушить счастливого спокойствия, которым во всех отношениях пользуется департамент. Наше прекрасное население со свойственной ему приверженностью к религии, порядку, подчинению законам, уважению к судебным учреждениям продолжает проявлять свою преданность монархии...»

Префект другого департамента спустя год писал, в свою очередь: «Цивилизация, как никогда раньше, проникает в самые отсталые районы. Она вскоре сделает невозможным возвращение к потрясавшим их волнениям. Уже можно предвидеть наступление эпохи, когда никакие политические страсти не смогут больше их смущать». Но, по-видимому, префекты имели в виду в основном буржуазную часть общества, которой не приходилось переносить тяготы рабочих. А их нищету признавали все, высказывая неопределенные сомнения и опасения го поводу поведения этого «нового класса». О его бедствиях уже писал новый социалистический теоретик Прудон. Тем более характерно, что он видел революционные тенденции среди рабочих, но считал их бесперспективными: «Их нынешние революционные настроения представляются мне сегодня граничащими с безнадежностью. Они знают, что план Парижа изучен правительством с тем, чтобы при первом же мятеже быстро занять все ключевые позиции. Они знают, что они не могут выступить сейчас без тысячных жертв. Но именно эта беспомощность делает их особенно грозными».

Объективные наблюдатели заключали, что даже среди задавленных нищетой, ограбленных не только материально, но и духовно рабочих (половина их были неграмотны) находили отклик идеи социализма. Генрих Гейне, который все еще находился во Франции, писал в эти годы: «Я посетил несколько мастерских в предместье Сен-Марсо и увидел, что читают рабочие, самая здоровая часть низшего класса. Именно я нашел там несколько новых .зданий речей старого Робеспьера, а также памфлетов Марата, изданных выпусками по 2 су, «Историю революции» Кабе, ядовитые пасквили Корменена, сочинение Буонарроти «Учение и заговор Бабефа», — все произведения, пахнувшие кровью; и тут же я слышал песни, сочиненные как будто в аду, припевы которых свидетельствовали о самом диком волнении умов... Республика рано или поздно грозит взойти на почве Франции».

Гейне скептически оценивал шансы на длительное существование этой республики, он предсказывал ее неизбежную гибель. Но Бланки гораздо оптимистичнее смотрел на будущее. Он был убежден, что положение во Франции чревато взрывом. И он произойдет от одной искры, которой явится новое тайное общество. На берегу Уазы, в идиллической обстановке своего второго «медового месяца», Бланки обдумывает план организации такого общества. Видимо, жизнь в общении с природой оказала .влияние на выбор его названия. Из соображений конспирации оно не должно содержать в себе даже намека на его цель. Это будет «Общество времен года», напоминающее непосвященному название какого-то кружка садоводов-любителей, путешественников или натуралистов, исследователей природы. Но это объединение решительных людей, намеренных силой оружия уничтожить государство Луи-Филпппа и учредить республику равенства и социальной справедливости. Провал «Общества семей», по мнению Бланки, требует резко усилить секретность, тайну в подготовке п организации задуманного им дела. Он считает, что в прежнем обществе было слишком много людей, и теперь речь идет о строго ограниченном числе участников, количество которых предопределяете» самой структурой организации.

Вместо прежних «семей» должны быть созданы «недели» из шести членов, подчиненных «воскресенью». Четыре «недели» составят «месяц» под управлением «июля». Три «месяца» войдут в состав «времени года». Во главе этого «сезона» встанет командир — «весна». Четыре «времени года» образуют «год» под руководством революционного представителя. Таким образом «год» будет состоять из 365 человек. Общество в целом не должно

включать более трех «лет».

Уже в самом начале 1838 года в Жанси появляются один за другим ведущие члены прежнего «Общества семей». Сюда приезжают Барбес, Ламьесан и Дюбок. Встревоженная полиция в феврале устраивает обыск в доме Бланки, но не обнаруживает ничего. Поскольку за домом ведется слежка, Бланки иногда сам тайно уходит в Париж. Чтобы избежать полицейского надзора, он сбривав г бороду, носит темные очки. Практически все дело новой организации осуществляет один Бланки. Строгие меры конспирации дают свои плоды. Если «Общество семей» полиция обнаружила довольно быстро, то о существовании «Общества времен года» она не знала до самого конца, то есть до его открытого выступления.

Вообще новая организация не была простой копией старой, хотя ее структура отличалась лишь большим числом ступеней в иерархии, своеобразной пирамиде из многих слоев, связанных между собой через одного человека. «Общество времен года» возглавлял триумвират: Бланки, Барбес и Бернар. Но руководящая роль Бланки закреплялась теперь формальным наделением его званием главнокомандующего. Само это слово предопределило боевой характер организации, предназначенной вести вооруженную борьбу за власть. Уже в 1838 году в обществе было около 700 членов, а в марте 1839 года их число превысило 900.

Главной обязанностью вступающего в общество оставалось абсолютное повиновение руководству. Член общества получал только одно право — сражаться и умирать в борьбе за свержение власти Луи-Филиппа и буржуазии, за установление социальной республики. Рядовые участники этой борьбы не оказывали никакого влияния на выработку политики общества, никакой внутренней демократии не существовало. Оно сохраняло свой чисто парижский характер. Правда, предпринимались попытки распространить его деятельность за пределы столицы. Барбес пробовал, например, создать его филиал в Лионе. Но когда дело дошло до открытой борьбы, никакой активности общества в других городах не наблюдалось. В Париже возникали в это время и другие тайные революционные организации. Так, существовал «Союз справедливых», состоявший из рабочих-эмигрантов, главным образом немцев. В союзе участвовал знаменитый рабочий — теоретик утопического коммунизма Вейтлинг. «Союз справедливых» во многом копировал организацию общества Бланки, его члены приняли участие в решающем открытом выступлении «Общества времен года».

По-прежнему Бланки считал целесообразным использование

романтически-таинственного ритуала при приеме в общество. Вступающему завязывали глаза, вкладывали в реки кинжал, и он произносил такую клятву: «Пусть меня накажут смертью изменника, пусть я буду пронзен этим кинжалом, если я нарушу эту клятву! Я согласен, чтобы меня считали изменником, если я расскажу хоть что-нибудь кому бы то ни было, даже близкому родственнику, если он пе состоит членом этого общества».

Председательствующий на церемонии строго предупреждал вновь принятого: «Гражданин, твое имя не будет произноситься среди нас. Вот твой номер... Ты должен раздобыть себе оружие и боеприпасы. Комитет, руководящий обществом, останется в неизвестности до тех пор, пока мы не возьмемся за оружие».

Однако наряду с архаичными обрядами, с расплывчатостью н неопределенностью задач борьбы в «Обществе времен года» обнаружились новые чрезвычайно интересные моменты. Это прежде всего его несомненная социалистическая тенденция. Она заметна уже в вопроснике для вступающего, написанном Бланки. В нем ставится задача уничтожения «всяких аристократов». При этом разъясняется, что речь идет пе о старой родовой аристократии, а об аристократии денег, о богачах, то есть о буржуазии. Наряду с республиканскими требованиями, такими, как избирательное право, общество провозглашало, что «каждый трудящийся должен иметь обеспеченное существование», Знаменательно также, что в новом об-

ществе резко увеличилось число рабочих. Некоторые «недели» специально формировались из рабочих одной общей специальности. Это была, таким образом, организация рабочего класса, хотя ее и возглавляли интеллигенты, как Бланки, или буржуа, как Барбес.

Другим новшеством служила идея революционной диктатуры. «Для оздоровления зараженного гангреной государства, — писал Бланки, — народу необходимо будет иметь на некоторое время революционную власть... которая даст ему возможность использовать свои права». Хотя в анонимном документе, найденном у одного из членов «Общества времен года», эта идея развивалась подробнее и речь шла о конкретных задачах революционной диктатуры, все же она оставалась в очень туманной форме. Там говорилось о необходимости вырвать с корнем старую систему, об упразднении старых заколов, назначении своих представителей на административные посты, об обеспечении неотложных нужд населения, о предохранении страны от внутренней контрреволюции и иностранной интервенции. Однако ни о каких мерах действительно социалистического характера вроде упразднения частной

собственности не упоминается.

Некоторые историки указывают на связь бланкистской идеи революционной диктатуры п марксистской теории диктатуры пролетариата. Гозорят даже, что Бланки предвосхитил эту теорию. Но это не так. Ведь у него не было даже простого научного представления о пролетариате как классе; под словом «пролетариат» он вообще понимал все население Франции, кроме самых богатых. Тем более далек он был от идеи исторической миссии рабочего класса.

Мысль о необходимости установления революционной диктатуры пришла к Бланки не в результате подлинно научного знания законов общественного развития. Французский историк Морис Доманже пишет: «Не нужно

больших усилий, чтобы найти, откуда взяты у Бланки отдельные черты этого понятия о диктатуре. Действительно, Бланки изучал Макиавелли. Он читал и перечитывал трактат о государе. Он усвоил некоторые выводы знаменитого флорентийца, а именно следующие: всегда перемена оставляет камень для возведения нового; переходное время всегда необходимо. Когда овладевают государством, надо создать сильную власть и действовать смело и тотчас. Задача трудная, потому что те, которые заведовали старыми учреждениями, делаются непримиримыми врагами, а люди, призванные воспользоваться новым, — недоверчивы, недостаточно опытны. От этого происходит страстность в нападении, с одной стороны, и нерешительность в защите — с другой. Кроме того, по природе народ непостоянен, и надо всегда помнить, что если легко его убедить, то трудно держать его долго в этом убеждении».

Последняя мысль особенно характерна для Бланки. Он был уверен, что народная борьба за прогресс может быть успешной при условии руководства народом элитой вождей-интеллигентов, способных внести в народные массы идею борьбы, зажечь его, увлечь и вести за собой. ***Масса,*** по ***мнению*** Бланки, всегда нуждается в том, чтобы ее возглавляли прозорливые вожди, сама же она не способна ни на что, кроме стихийного порыва, слепой ненависти к эксплуататорам. Здесь опять сказывалось огромное определяющее воздействие, которое оказал на Бланки опыт июльской революции 1830 года. События тогда развивались так, что даже небольшая, но сплоченная и активно действующая организация революционеров могла помешать украсть плоды революции крупной буржуазии и ее ставленнику Луи-Филппу. Этого не произошло бы в случае существования уже тогда организации, подобной «Обществу времен года». Бланки был убежден, что историю творят герои, возглавляющие народ. Лишь

они могут принести ему счастье. Эта идеалистическая точка зрения проявилась в деятельности Бланки не только в связи с «Обществом времен года». Она останется постоянной чертой его мировоззрения на протяжении всей жизни революционера.

Между тем работа по организации нового тайного общества поглощала все силы и все время Бланки. По свидетельству члена «Общества времен года» Лакамбра, «Бланки был первым и единственным руководителем общества. Барбес являлся лишь членом того, что называли комитетом. Бланки включил в него несколько человек, в которых он больше всего нуждался для организационной работы». После него наибольшую роль играл Мартин Бернар, которого сам Бланки называл «несравненным начальником главного штаба». В комитет входил также Ламьесан. Правда, его пришлось отстранить из-за возникших подозрений з кенаденшости. Выяснилось, что его любовница является женой полицейского чиновника. В комитет входили также Петре, Мейер и другие.

Первой задачей был прием новых членов. Но это дело шло быстро, поскольку в новое общество в основном вошли те, кто раньше состоял в «Обществе семей». На этот раз Бланки решил не заниматься организацией собственного производства пороха, упитывая недавний печальный опыт. Теперь его закупали небольшими порциями и накапливали. Расходы покрывались за счет взносов членов общества и отдельных добровольных пожертвований. Затем Бланки начал проводить учебные сборы. Они показали, что, как правило, почти все члены общества являются по условному сигналу, готовые к выступлению. Вообще недостатка в энтузиазме и готовности к вооруженному мятежу Бланки не обнаруживал среди основной массы членов «Общества времен года». Это, несомненно, способствовало тому, что Бланки с самого начала явно переоценивал шансы на успех восстания. Однако чувство ответственности у него не снижалось и он готовил выступление очень тщательно и осторожно. Но это относилось лишь к чисто теоретическим, вернее, тактическим моментам намеченного восстания. Весной 1839 года Бланки часто отправляется в Париж, чтобы на месте разработать план восстания.

Центральная идея тактического замысла Бланки предусматривала ' овладение ключевыми пунктами Парижа. Затем, когда к боевым отрядам «Общества времен года» начнут присоединяться массы трудящихся (само собой подразумевалось, что это произойдет обязательно), развернутся баррикадные бои с королевскими войсками. Но так далеко планы Бланки не заходили. Они касались только действий в первой, самой

начальной фазе восстания. Бланки намечает постройку баррикад именно на тех улицах Парижа, где начались бои в июле 1830 года, в кварталах Сен-Дени и Сен-Мартен. Он составил перечень мостов через Сену, казарм, министерств, оружейных складов и мастерских, лавок ростовщиков (чтобы запастись деньгами), которые должны быть заняты восставшими. Штабом восстания и резиденцией революционного правительства должна стать Парижская ратуша. Бланки стремится учесть все; он предусмотрел даже необходимость лазаретов для раненых, разработал технические детали сооружения баррикад, предусматривая каждую мелочь.

Правда, совершенно неразработанной осталась линия поведения на тот случай, если к кучке заговорщиков никто не присоединится. Ведь тогда нескольким сотням революционеров придется иметь дело с армией, насчитывающей десятки тысяч солдат. В чем планы Бланки были действительно безупречны, так это в пх безумной смелости.

Впрочем, внутри руководящего комитета «Общества времен года» обнаружились сомнения и колебания. Как это ни странно на первый взгляд, их выразителем оказался Арман Барбес, этот романтический рыцарь без страха и упрека. Сначала в январе 1839 года он объявил, что срочные дела требуют поездки на юг, где около Каркассона находилось его богатое имение. Однако прошел назначенный срок, а Барбес не возвращался. Две недели превратились в три месяца. Дело в том, что привольная жизнь на юге слишком притягивала Барбеса. Ведь ему предстояло все это поставить на карту ради крайне сомнительной авантюры. Издали ему казалось особенно ясной огромная диспропорция в предстоящей борьбе. И Барбес явно охладел к заговору. Бланки отправляет ему письмо за письмом, но получает холодные ответы, в которых не чувствуется никакого энтузиазма. А между тем Бланки, подталкиваемый нетерпением некоторых пылких соратников, решил, что откладывать выступление нельзя. Бланки и Бернар напоминают Барбесу о его обещании явиться в Париж по первому требованию. Ему дают понять, что выступление состоится и без него. Весьма самолюбивый и гордый Барбес был очень чувствителен в вопросе личной чести, он понял, что надо выполнить прежнее обязательство ради сохранения своего революционного ореола, и в апреле поехал в Париж.

А здесь, по мнению Бланки, наступил такой благоприятный момент, упускать который было нельзя. Он назначает выступление на 5 мая 1839 года.

Майское восстание

Невозможно идти на дело, какое решили совершить Бланки и его товарищи, не испытывая сомнений. Вопрос в том, чтобы сомнений было поменьше, а уверенности в успехе как можно больше. Такую уверенность внушал Бланки величайший разброд, который, как он считал, царил в стане врага. В самом деле, с декабря 1838 года Франция наблюдала поразительный спектакль на сцене высшей власти. Оппозиция, желавшая, чтобы король царствовал, но не управлял, развернула в палате шумные дебаты, пытаясь урвать у Луи-Филиппа свою долю власти. Наступление возглавляли воинственные, честолюбивые лидеры — Гизо, Тьер, Барро. 12 дней продолжались прения. Депутатам пришлось выслушать 128 речей. Правда, кабинет во главе с Моле, преданный Луи-Филиппу, все же удержался, собрав 221 голос против 208. Но король и его правительство решили, что такое слабое большинство ненадежно. В январе 1839 года Моле подал в отставку. Назначили новые досрочные выборы. Они состоялись в начале марта, когда оппозиция выиграла дополнительно 45 мест. Король вынужден был принять новую, на **этот** раз окончательную отставку Моле, верно служившего ему, как раньше он служил Наполеону, а затем Бурбонам.

Однако обстановка не только не прояснилась, но еще больше осложнилась. Лидеры оппозиции, выступавшие вместе за ограничение власти короля, теперь вступили в распри между собой. А Луи-Филипп играл на их противоречиях и пытался сговориться с кем-либо из них. Несколько месяцев Франция существовала без правительства, пресса пздевалась над всей этой кутерьмой, кое-где усилились республиканские настроения, и на разных собраниях пели «Марсельезу». 29 апреля провалилась шестая попытка сформировать правительство. Все это Бланки рассматривал как показатель острейшего кризиса верхов, потерявших способность управлять.

Но это было довольно поверхностное заключение. Раздоры в правящих кругах выражали лишь столкновения личных амбиций. Существо орлеанистского режима, то есть власть крупной буржуазии, оппозиция и не думала ставить под сомнение. В своем самом резком антикоролевском документе она заверяла короля в верности. В этом пресловутом адресе содержалось такое обращение к Луи-Филиппу: «Мы глубоко убеждены, ваше величество, что только тесное единение властей, сдерживаемых в границах, определенных конституцией, способно обеспечить безопасность страны и силу вашего правительства. Твердая и

искусная администрация, опирающаяся на благородные чувства... представляет вернейший залог того содействия, которое мы с такой охотой готовы вам оказать». Таким образом, то, что Бланки принимал за кризис власти, было всего лишь соревнованием в борьбе за право наиболее эффективно служить королю банкиров.

Подготавливая восстание, Бланки тщательно изучал узкие улочки, измерял их ширину, вычерчивал планы баррикад, но очень поверхностно представлял себе противника. О его состоянии он судил по парламентским демагогическим скандалам, по соперничеству тщеславных

политиканов и продажных депутатов из-за выгодных постов и привилегий. Подлинные глубинные процессы социального развития основных классов французского общества ускользали от его внимания. Очень приблизительно он представлял себе и готовность к борьбе рабочего класса. Он видел, что рабочие живут все хуже, их ограбление, эксплуатация усиливаются и недовольство растет. Но от этого еще далеко до решимости браться за оружие. Ведь подлинных, органичных связей с рабочими Бланки не имел, хотя в «Общество времен года» и входило немало их представителей. Стремление к крайней секретности препятствовало установлению широких связей с массами. Бланки просто не приходила в голову мысль о том, что народ, то есть все бедняки в его представлении, даже испытывая страдания, чувствуя недовольство, могут и не броситься по первому внезапному зову к оружию. Тем более что по своему еще довольно свежему опыту 1830 года эти люди помнили, что их жертвы оказались совершенно напрасны и плодами победы воспользовались лишь самые богатые да разные политические авантюристы. Ощущение безнадежности революционной борьбы после 1830 года оказалось очень живучим среди парижских рабочих.

Многое другое тоже вызывало сомнения в успехе заговора. Но Бланки, как никто другой, понимал, что если бы революционеры решались действовать только при всех благоприятных условиях и верных шансах на победу, то революции вообще никогда бы не происходили. Способность идти на риск, надежда на удачу всегда будут составлять одновременно его необычайную силу и роковую слабость...

5 мая 1839 года утром члены общества в составе своих «недель» и «месяцев» собрались в условленных местах, готовые к выступлению. Их собирали уже не первый раз. Так проверялась готовность к борьбе, хотя такие сборы и не считались учебными. Собственно, рядовым членам общества и пе полагалось знать заранее о дне восстания. Только руководители во главе с Бланки

знали, сто именно сегодня начнется настоящее дело. Однако и на этот раз после совещания и споров последовала команда незаметно разойтись, переданная условными знаками.

Решили перенести день восстания на воскресенье, 12 мая. На этом настаивал Барбес; слишком мало заготовили патронов, всего 10 тысяч. Но главный довод, который произвел впечатление на Бланки, был связан с полученным сообщением о том, что на днях должна произойти смена войск парижского гарнизона. Естественно, что солдаты новых частей, не изучившие запутанных улиц города, будут хуже ориентироваться в предстоящем сражении. К тому же на 12 мая назначены большие конные состязания на Марсовом поле, что отвлечет туда массу полиции, чиновников, офицеров. Вообще считалось особенно удобным начать восстание именно в воскресенье, поскольку рабочие не будут заняты в мастерских и это ускорит их присоединение к революционерам.

Такое присоединение казалось верным делом, хотя никакой специальной подготовительной работы среди народа не проводилось. Бланки рассчитывал, что достаточно будет огласить перед толпой в день выступления написанное им воззвание комитета «Общества времен года».

Воззвание отличалось главным образом своей краткостью. В остальном оно повторяло обычные фразы, содержавшиеся в документах многих французских революционных организаций разных времен:

«К оружию, граждане!

Пробил роковой час для угнетателей. Презренный тиран в Тюильри потешается над тем, что народ мучительно страдает от голода. Но мера преступлений переполнилась, пород наконец будет отомщен.

Францию предали. Кровь наших замученных братьев взывает к вам о мщении; пусть оно будет ужасно, так как оно пришло слишком поздно. Да погибнет наконец эксплуатация и да воцарится торжествующее равенство па обломках свергнутой королевской власти и аристократии...

Временное правительство выбрало военных вождей для руководства боем. Эти вожди вышли из ваших рядов; следуйте за ними, они поведут к победе!

Воспрянь, народ! И твои враги исчезнут, как пыль перед ураганом. Бей, уничтожай без жалости подлых сатрапов, добровольных соучастников тирании; протяни руку тем солдатам, которые, будучи выходцами из твоей среды, не обратят против тебя отцеубийственного оружия.

Вперед! Да здравствует республика!»

Итак, как свидетельствует этот документ, восстание должно было начаться тем, чем оно обычно завершалось: созданием временного правительства. Под воззванием стояли имена его семи членов. Трое из них были совершенно реальными и действующими лицами: Бланки, Барбес и Бернар. Двое — Дюбок и Лапоннерэ — находились

в это время в тюрьме. Наконец, Буайе д'Аржансоп и Ла-меннэ впоследствии категорически отрицали свою причастность к этой затее. Бланки просто поставил их имена, чтобы придать авторитет самому воззванию, ибо только они среди всех членов «правительства» обладали тогда широкой известностью и авторитетом. Он считал допустимой такую мистификацию ради блага революции. Воззвание извещало также, что временное правительство избрало военных вождей для руководства боем; пятерых начальников дивизий несуществующей республиканской армии. Ее главнокомандующим объявлялся Огюст Бланки.

Из текста воззвания следовало, что восстание не имеет никакой конкретной политической или социальной программы, кроме свержения монархии Луи-Филиппа и замены его республикой. Остается непонятным, на что рассчитывал Бланки, составляя документ в такой общей, туманной, даже загадочной форме...

Во всяком случае, полученную недельную отсрочку из-за переноса дня восстания Бланки активно использует для более тщательной подготовки дела. Он несколько раз приезжает из Жанси в Париж, снова бродит в районе Ратуши, полицейской префектуры, около других намеченных им объектов нападения. Вновь и вновь он изучает места для постройки баррикад, распределение спл той тысячи бойцов, на которых Бланки рассчитывал для начала восстания. Вообще суть его тактики, видимо, сводилась к известному правилу Наполеона: «Сначала надо ввязаться в бой, а потом будет видно, как действовать дальше».

Между тем роковой миг приближается. Последние часы Бланки проводит в кругу семьи, с Амелией и маленьким сыном. Вот как рассказывает о его мыслях и настроении Алэн Деко: «В сущности, он бросался в страшную и опасную игру. Через несколько часов, возможно, его ждет власть, приветствия и слава. Но столь же возможно, что его ожидает смерть или тюрьма. Кто может знать заранее, чем завершится мятеж? Но без этого риска пе теряет ли он ***вообще*** смысл и интерес? Когда в июле 1530 года сам Тьер ехал по Парижу в Нейи предлагать власть Луи-Филиппу, он тоже шел на огромный риск. Представим, что Карл X двинулся на Париж с войсками и подавил восстание. Для Тьера это

означало смертный приговор и казнь. Орлеанисты 1830 года вступали в опасную игру. Но они завоевали власть и выиграли. Почему же я, Бланки, не могу прийти к власти?»

Приведенные соображения Бланки накануне восстания — плод воображения Алэна Деко. Но эта историческая реконструкция основана на всестороннем знании множества фактов, новых документов. II в ней верно схвачен психологический момент, хотя совершенно забыта социально-политическая сторона дела. Тьер шел на риск ради интересов крупной буржуазии, ради личной политической карьеры. Бланки стремится к власти во имя рабочего класса, ради его интересов, конечно, как он их себе представлял. И хотя социально-политический идеал Бланки очень смутен, между его действиями в 1839 году и поведением Тьера в 1830 году не только разница, но и пропасть...

На рассвете в воскресенье 12 мая 1839 года Бланки уже в Париже. Он наблюдает за тем, как в районе Сен-Мартен и Сен-Дени в винных погребках, пивных, в квартирах, на скамейках бульваров собираются члены «Общества времен года». Погода стоит великолепная, и на улицах все больше прогуливающихся парижан. Правительственные и административные здания как будто вымерли.

К полудню в кафе на углу улиц Мандар и Монторей собираются руководители общества. Здесь Бланки объявляет, что на этот раз предстоит не обычная репетиция, но настоящий бой. Его заявление встречено возгласами одобрения, ибо уже давно многие из революционеров обвиняют комитет в медлительности. Это нетерпение было одним из важных факторов, толкнувших Бланки на окончательное решение. Чтобы сохранить руководство людьми, рвавшимися в бой, необходимо быть всегда впереди; иначе заговор может вообще расстроиться, если бойцы перестанут верить в смелость вождей. Это Бланки чувствовал прежде всего.

Затем он и члены комитета отправляются в другие кафе поблизости, где собрались руководители «недель». Им также объявляют о принятом решении. Эту полость встречают с удовлетворением. Сэм Бланки вспоминал позднее об этой сцене: «Напрасно было искать в этой молчаливой и суровой группе людей признаков волнения или страха. Они готовы слушать роковые приказы. Уста молчат, поскольку говорить будет теперь оружие».

Бланки подает условный знак. Оп вынимает пистолет, к стволу которого привязан красный платок. «К оружию!» — провозглашает Бернар. «Да здравствует республика!» — громовым голосом кричит Барбес. Первый объект атаки — оружейный

магазин братьев Лепаж на улице Бурт л'Аббе. Быстро взламывают двери. Через разбитые витрины Бланки и Барбес раздают захваченные ружья. Их нашлось свыше 150, Затем Барбес бежит к складу патронов, устроенному неподалеку, Мартин Бернар идет за другим снаряжением.

Когда они возвращаются, то застают Бланки в окружении группы возмущенных участников восстания. Они соглашались соблюдать строгую тайну и полную секретность до начала открытого выступления. Но сейчас, когда встает вопрос о жизни или смерти, люди хотят знать состав комитета, его планы и приказы. Некоторые даже заговаривают об измене. Мартин Бернар без колебаний раскрывает сокровенную тайну и объявляет состав комитета, чем сразу вызывает растерянность, а главное — разочарование. Ведь члены «Общества времен года» воображали, что их возглавляют сильные личности, известные, влиятельные. Такие, например, каким для движения карбонариев был прославленный Лафайет. Особенно всех разочаровывает фигура Бланки, маленького, худого, потерявшего от волнения голос. Реакция такова, что некоторые члены общества начинают расходиться, иначе говоря, просто дезертируют с поля боя. Вновь появившийся Барбес видит всю эту жалкую картину и набрасывается на Бланки с упреками. Но тот обретает наконец дар речи и, в свою очередь, напоминает Барбесу о его долгом отсутствии в решающие месяцы подготовки восстания.

Видя, что войско восставших быстро уменьшается, Бланки предлагает отказаться от захвата префектуры полиции и направить все силы на взятие Ратуши. Барбес решительно возражает и, забыв о том, что главнокомандующим является Бланки, призывает тех, кто верит ему, идти к префектуре без Бланки.

Отряд во главе с Барбесом удаляется в сторону Дворца правосудия. Здесь его встречает у полицейского участка лейтенант Друдино с группой полицейских. Раздаются первые выстрелы. Офицер убит на месте, падают и несколько полицейских. Убитые и раненые есть и среди восставших. Полицейский участок взят, но префектуру полиции штурмовать даже и не пытаются. Тогда отряд Бар-бзса отступает и приходит к площади Шателе, где условлена егг стрела с отрядами Бланки и Бернара. А они уже движутся к Ратуше, как и было предусмотрено заранее. Здание Ратуши почти не охраняется. Начальник охраны даже пожимает руку одному из восставших, не понимая смысла происходящего. Охрану обезоруживают, и Ратуша взята. Итак, если Барбес потерпел неудачу, то Бланки добивается успеха. Это восстанавливает согласие, и все трое — Бланки, Барбес и Бернар

— действуют совместно. Барбес выходит на балкон Ратуши и зачитывает перед не слишком многочисленной толпой текст воззвания, о котором уже шла речь. Производит ли это впечатление? Почти никакого. Правда, к восставшим кое-кто присоединяется. Прежде всего это иностранцы, в частности члены «Союза справедливых». За оружие берутся и отдельные рабочие. Но их очень мало. Когда отряды восставших передвигались в районе кварталов Сен-Дени и Сен-Мартен, то они выкрикивали революционные лозунги, пели революнионные песни. И многие прохожие им аплодировали. Однако того массового всенародного порыва, о котором мечтал Бланки, не произошло.

Но что же делать теперь, когда главная позиция — Ратуша — захвачена, а Бланки фактически признан главнокомандующим? Гюстав Жеффруа пишет в своей книге о Бланки: «Апатия скоро овладеет инсургентами, недавно столь экзальтированными, когда они заметят, что толпа не следует за ними и что им приходится действовать во враждебной им, индифферентной среде. Бунты, как бы ни были героичны их участники, быстро замирают в несочувственной атмосфере, сломленные дисциплинированным войском. Едва одержав кажущуюся победу и приняв внешние знаки власти, предводителям восстания приходится занимать своих солдат, удивленных и разочарованных своей изолированностью, выдумкой новых целей».

Именно этим и объясняется, видимо, приказ Бланки взять штурмом мэрию седьмого округа Парижа. После жаркой схватки ее занимают, так же как и рынок Сен-Жак. Но это ничего не решает. Число восставших остается ограниченным и составляет всего около шестисот человек. Попытка привлечь к участию в восстании студентов успеха не имела. Поэтому десяток построенных баррикад некому защищать, когда к вечеру восставших начали окружать правительственные войска и отряды Национальной гвардии. Теперь огромное неравенство сил стало совершенно явным. Но восставшие до кошта продолжают свою безнадежную борьбу, отступая от баррикады к баррикаде. Всего было убитых 50 человек, раненых — 190. Пулей в голову был ранен Барбес. Бланки даже сначала думал, что он лбпт. В половине девятого вечера все было кончено. Более двухсот человек арестованы. В последний момент Бланки удалось скрыться. Как же держался Бланки в ходе всей этой безнадежной затеи? Имеются некоторые свидетельства, что главнокомандующий в отдельные моменты испытывал растерянность. Морис Доманже, описывая захват оружейного магазина Лепажа, утверждает: «В эту минуту Бланки проявляет некоторую нерешительность, он дрожит, боится. Быть может, ему

уже ясно, что восстание преждевременно? Или он поддается простому рефлексу? Все равно».

В самом деле, в дальнейшем Бланки действует со смелостью и уверенностью обреченного, как, впрочем, все остальные участники восстания. Алэн Деко так описывает настроение сражавшихся 12 мая революционеров, уже понявших, что победы не будет: «Существуют правила игры, которые некоторые называют честыо. Сражаться до конца, чтобы показать приспешнпкам Луи-Филиппа, что республиканцы умеют умирать».

Любопытно, что на другой день, 13 мая, в том же районе Парижа и на тех же улицах вспыхивают бои. Но их ведут уже не члены «Общества времен года». Это как раз те самые рабочие, на которых рассчитывал Бланки. Однако их оказалось слишком мало, и к вечеру они были разгромлены.

Главной особенностью восстания 12 мая явилась, таким образом, его почти полная изолированность от народа. В этот день Виктор Гюго прогуливался по городу. II он пишет, что не заметил на улицах ничего необычного, кроме услышанного им издалека барабанного боя. Исчерпывающую оценку майскому восстанию дал Ф. Энгельс. Он писал, что «...произошло то, что обычно происходит при заговорах: люди, которым надоело вечное сдерживание да пустые обещания, что вот-де скоро начнется, потеряли, наконец, всякое терпение, взбунтовались и тогда пришлось выбирать одно из двух — либо дать заговору распасться, либо же без всякого внешнего повода начать восстание. Восстание было поднято (12 мая 1839 г.) и вмиг подавлено».

Если в подготовке майского восстания решающая и руководящая роль Бланки несомненна, то в самих событиях 12 мая все проходило иначе и сложнее. Здесь его руководство ощущалось слабо. Собственно, первым и последним актом его самостоятельного воздействия на события был момент, когда он вынул и высоко поднял пистолет с прикрепленным к нему красным платком, отдавая тем самым приказ начать восстание. Потом же события развертывались как бы сами по себе в обстановке хаоса неожиданностей, и они несли Бланки по течению. Словом, происходило то, что случается всегда, когда человек пытается влиять на происходящее, не понимая пи его смысла, ни направления его движения. В этом случае люди обычно сталкиваются с неожиданностями. Разве мог Бланки представить себе, что единственный «позитивный» результат организованного им восстания выразится в том, что длительных! правительственный кризис, принятый им за кризис всей

орлеанской системы, разрешится как раз благодаря этому восстанию? В самом деле, как только стало известно о выступлении революционеров, в тот же день, 12 мая, все разногласия в верхах были немедленно отодвинуты в сторону и образовался кабинет во главе с маршалом Сультом.

Новое правительство, обязанное своим появлением майскому восстанию «Общества времен года», прежде всего приступило к расправе над его участниками, сначала с теми, кто попал в руки полиции. 27 июня перед палатой пэров, заседавших в Люксембургском дворце, предстала первая группа пз девятнадцати заговорщиков, привлеченных к суду, во главе с Барбесом и Бернаром.

В обвинительном акте, в сущности, верно раскрывались корни мятежа, поскольку в нем напоминалось о заговоре Бабефа при Директории, устанавливалась связь с покушением Фиески на Луи-Филиппа, с пороховым заговором на улице Лурсин. В нем показывалась органичная связь всех тайных обществ, республиканских газет и «Общества времен года». На заседании были оглашены правила приема в общество, найденные у Барбеса в Каркассоне, но написанные Бланки, а также показания множества свидетелей. Однако подсудимые разочаровали судей: выполняя клятву, данную ими при вступлении в общество, они отказались отвечать на вопросы.

Неожиданно центральной фигурой процесса стал Бар-бес. Ему предъявили обвинение в убийстве полицейского офицера у здания префектуры. Но он решительно возражал против того, чтобы считать убийством смерть в бою, где противники находились в одинаковом положении. Барбес категорически отметал малейшие попытки объявить его действия бесчестными или неблагородными. Эта забота о своей репутации благородно-безупречного рыцаря довела его до того, что он назвал одного себя организатором «Общества времен года», единственным руководителем восстания 12 мая. Он взял всю вину только на одного себя; другие виновны лишь в том, что подчинялись ему.

Внешне все это выглядело как великодушное самопожертвование. В действительности за этой позой скрывалось тщеславное притязание Барбеса на ореол героизма и мученичества. Таким образом, отсутствие Бланки в первой группе подсудимых было эффектно использовано Барбесом. Но «забота» об облегчении участи других подсудимых и попытка возложить всю вину на себя не удалась. Хотя Барбес приобрел заветную славу, цели он не достиг. Оправдали только четырех; остальные получили разные наказания: от трех лет тюрьмы до вечной каторги. Мартина Бернара осудили на изгнание из Франции.

Самого Барбеса приговорили к смертной казни.

Но многие французы, очарованные «благородством» яркой личности подсудимого, выступают в его защиту. Собирают подписи под петицией, требующей его помилования, и представляют ее в палату. Проводятся многолюдные демонстрации. За Барбеса просят знаменитые поэты Гюго и Ламартин. 14 июля Луи-Филипп вопреки мнению совета министров заменяет смертный приговор пожизненной каторгой.

А Бланки еще пять месяцев остается неуловимым для полиции. Его ищут повсюду, но он меняет свои убежища. Известно, что одно время его скрывал видный художник Давид д'Анже. Он сделал карандашный портрет Бланки с натуры. Перед нами меланхоличный профиль без бороды, сбритой, видимо, из соображений конспирации.

13 октября 1839 года на станции дилижансов около Ратуши полиция арестовала опознанного предателем Бланки в момент, когда он садился в экипаж, направлявшийся к Швейцарии. У него обнаружили географические карты, два паспорта на чужие имена и 400 франков денег. В тот же день Бланки заключен в тюрьму Консьер-жери.

13 января 1840 года начинается второй процесс над участниками майских событий. Среди трех десятков подсудимых находится и Бланки. Он оказался в центре всеобщего внимания. Действительно, все присутствовавшие в зале Люксембургского дворца, члены палаты пэров и те, кто до предела заполнил места для публики, ищут его среди обвиняемых. Он впервые стал известен, даже знаменит...

Политический деятель приобретает известность разными путями (если не считать возможности чисто случайной известности). Обычно это действия в роли депутата, министра, руководителя политической организации. Это речи, статьи, книги, то есть все виды общественной активности. Но Бланки мало занимался журналистикой, не опубликовал ни одной книги. Несколько статей и речей — вот и все, что дошло до сведения очень небольшого круга людей. Единственное, чем Бланки был известен, так это его судебными процессами и речами на этих процессах. Но основная, главная часть жизни Бланки связана с идеей тайного заговора. Поэтому она либо остается совершенно неизвестной, либо становится темой всяких вымыслов. Как раз это последнее обстоятельство и принесло Бланки неожиданную и далеко не радостную славу.

Во время первого процесса над майскими заговорщиками эффектная защита Барбеса, смешанная с саморекламой, поставила Бланки в такое положение в общественном мнении,

когда на долю Барбеса в общей картине майского заговора достались все яркие и светлые краски, а Бланки — темные и мрачные. Буржуазные газеты, падкие до «пикантных» разногласий внутри революционного движения, устроили из майского восстания драму двух противоречивых характеров. Барбеса превратили в «благородного героя», а Бланки — в козла отпущения. Писали о его подлости, трусости: его бегство от ареста приравнивали к измене. Словом, на голову Бланки обрушилась самая низкая клевета, против которой он был бессилен. Ведь не мог же он тогда выступить с опровержениями претенциозных утверждений Барбеса, будто бы он основал «Общество времен года», подготовил и организовал восстание 12 мая.

Собравшаяся в суде публика, естественно, ожидала увидеть его в облике закоренелого каторжника. Теперь же все с удивлением взирали на этого маленького бледного человека в скромном черном одеянии. Только сверкающий норой взгляд выдавал силу характера, скрывавшуюся за невзрачной внешностью. Он был старше почти всех остальных, в основном двадцатилетних подсудимых; ему было уже 35 лет.

С самого начала Бланки ведет себя на суде совсем иначе, чем Барбес. Он отказывается отвечать на вопросы. Он стал говорить, лишь когда инсургентов стали обвинять в бесчестных и жестоких поступках. Бланки но-казал, что восстание было оправданным ответом народа на преступления июльской монархии, о которых он напомнил.

На седьмой день процесса с обвинительной речью выступил генеральный прокурор Франк-Каррэ. Его речь почти целиком направлена против Бланки.

— Господа, — начал он, — есть одно имя, которое доминирует во всем этом деле, имя, которое было у всех на устах в момент мятежа, имя, концентрирующее в себе одном всю мысль и всю организацию этого преступления. Это имя — Огюст Бланки!

Затем прокурор ярко осветил всю «преступную» биографию Бланки. Он пытался, в свою очередь, разжечь враждебность, уже существовавшую между Барбесом и Бланки. Первого он изобразил пылким рыцарем, вовлеченным на преступный путь, коварным, по трусливым, способным якобы сбежать с поля битвы в час опасности руководителем «общества бланкистов». Так впервые появляется новое слово, означавшее утверждение самостоятельного течения во французском революционном движении. Прокурор объявил Бланки опаснейшим врагом существующего строя, способным создавать и объединять большие группы заговорщиков, подготавливать восстания,

подстрекать к насилию и вести за собой людей. Он потребовал для него смертной казни.

На другой день в палату пэров невозможно пробиться. Должен был выступать защитник Бланки, знаменитый республиканский адвокат, журналист и блестящий оратор Дюпон де Буссак. Ясно, что его задача прежде всего очистить личность своего подзащитного от грязной клеветы, жертвой которой он оказался. Открылась наконец прекрасная возможность спасти честь Бланки, не говоря уже о необходимости сделать все возможное для спасения его от смертной казни. Вот почему 21 января палата пэров была переполнена — все ждали эффектной развязки событий. И вот председатель палаты Паскье предоставляет слово адвокату. Дюпон де Буссак встает и заявляет:

— По соглашению с моим клиентом я отказываюсь защищать его.

В обстановке оцепенения и замешательства адвокат садится на свое место. Тогда Паскье обращается к Бланки и спрашивает, не хочет лн он что-либо сказать.

— Ничего, господин председатель, абсолютно ничего.

Почему Бланки отказался от защиты? Этот вопрос несколько месяцев интриговал воображение французов, пока Дюпон де Буссак в журнале «Ревю де Прогре» не раскрыл тайну. Адвокат рассказал, что с самого начала он со всем своим огромным опытом защиты многих революционных республиканцев был поражен трудностью возникшей перед ним задачи. Во время встречи с Бланки в его камере Консьержери он говорил своему клиенту, что если он будет говорить о его непричастности к заговору и отсутствии доказательств вины, то это окажет самое пагубное воздействие на репутацию Бланки. Все его враги получат новую возможность поливать грязью имя революционера, который вовлек в опасную авантюру столько неопытных и простодушных людей, а сам, скрывшись с поля боя, пытается выйти сухим из воды. Не дослушав объяснения своего адвоката, Бланки решительно заявил, что на суде не должно быть сказано ни одного слова. Действительно, если открыто признать фактическую картину, то есть главную руководящую роль Бланки в «Обществе времен года», признать тот факт, что он был вождем восстания 12 мая, то это будет выглядеть просто пародией на тот благородный спектакль, который устроил на первом процессе Барбес. К тому же это жалкое подражание «рыцарству» Барбеса, спасшему ему жизнь, не поможет Бланки. Если же просто оправдываться и опровергать обвинения, то, значит, подтверждать клевету. Бланки предпочитал быть казненным, но

необесчещенным. Отсюда и неожиданная для всех сцена отказа от защиты на суде.

Но если проблему защиты на суде Дюпон де Буссак решил по соглашению с Бланки путем замены красноречия молчанием, то ему пришлось долго и терпеливо объяснять эту тактику трем женщинам, мучительно переживавшим судьбу сына, мужа, брата. Мать Бланки, его сестра и Амелия в ужасе. Они умоляют Дюпона сделать все, чтобы спасти жизнь Огюста. Как объяснить им всю сложность возникшей ситуации, требующей вообще отказаться от защиты? Как убедить их, что смерть родного человека на гильотине предпочтительнее, чем потеря его непонятной для них «чести»? Дюпон де Буссак долгими часами выдерживает мучительное объяснение.

Особенно тяжелы муки Амелии. Кажется, что она уже перенесла все мыслимое и немыслимое: неудачи, страх, клевету, тягостные месяцы неизвестности, когда Бланки скрывался от полиции. Несколько раз в ее доме полиция устраивала обыски. У нее забрали все, даже письма от любимого Густо, как ласково называла Амелия своего мужа. Ее вызывает судья и грубо повторяет ей все клеветнические вымыслы против ее мужа, убеждая, что эшафот — единственное, чего он достоин. А потом она, охваченная ужасом, горем, сомнениями, скрывается среди публики в палате пэров и слышит ужасающе хладнокровное заявление мужа о том, что ничего, абсолютно ничего он не будет говорить. 31 января объявляют приговор. Двоих оправдывают, 28 осуждены к тюремному заключению на срок от трех до 15 лет. И только ее муж осужден на смерть.

Бланки ожидал решения в своей камере в Консьер-жери. Здесь, в самом центре Парижа, на месте дворца французских королей — древняя тюрьма. За восемь веков ее старые камни видели множество обреченных. Последние дни и часы перед казнью провели здесь знаменитости вроде убийцы Генриха IV Равайяка. В эпоху революции в этих камерах готовились к встрече с гильотиной королева Мария-Антуанетта, Шарлотта Корде, жирондисты, якобинцы, сам Робеспьер...

Смертный приговор ему объявляют ночью, когда внезапно с лязгом открывается дверь камеры и входит целая группа людей: начальник тюрьмы, офицеры суда, несколько жандармов. Еще много толпится в коридоре.

Бланки внезапно просыпается. Он молча сидит на своей койке. Офицер говорит, что им поручено зачитать приговор. Чтение продолжается долго. Без всяких признаков волнения Бланки внимательно слушает. Но вот слова: «Приговаривается к смертной казни». Офицер невольно понижает голос, произнося их

почти шепотом. Бланки просит повторить, и роковые слова звучат громко и отчетливо. Руки Бланки непроизвольно вздрагивают, он подымает их к груди. Это чисто рефлекторное движение. Но оно вызывает у жандармов опасения, что осужденный может в припадке отчаяния совершить самоубийство или нападение на охрану, как случалось в таких обстоятельствах. И на него напяливают смирительную рубашку, хотя Бланки ведет себя совершенно невозмутимо и не произносит ни слова. Он ждал смерти, и он готов...

Иначе воспринимает фатальный удар Амелия. Казалось бы, и для нее в этом нет ничего неожиданного. Но из-за слабости, а может быть, напротив, из-за какой-то особой жизненной силы она не в состоянии поверить в очевидное. У этой нежной молодой женщины вдруг просыпается энергия и воля, чтобы бороться за жизнь мужа,

когда как будто нет никаких шансов на успех. Ведь если Барбесу, получившему помилование, помогла широкая волна общественного протеста, то Бланки совершенно одинок. Более того, клевета преградила путь какому-либо сочувствию к нему. Но умный и прозорливый Дюпон де Буссак советует Амелии просить аудиенции у короля Луи-Филиппа, которого так ненавидит и презирает ее осужденный на смерть супруг. Адвокат все предусмотрел и продумал. Луи-Филипп, царствование которого от начала до конца было сплошным преступлением, играл в милосердие. Он театрально распространялся о том, что вообще питает отвращение к смертной казни. Ведь его отец герцог Орлеанский, принявший во время революции новое имя Эгалите (Равенство), после неудачи маневров с целью использования событий для личного спасения кончил жизнь на эшафоте. Так почему же не воспользоваться мнимым милосердием лицемера?

Амелия едет в Тюильри, король принимает ее и, не слушая мольбы, с непроницаемой улыбкой подписывает 1 февраля 1840 года декрет о замене смертной казни пожизненным заключением. Он хорошо знает, что оно будет означать лишь другой вид смерти, медленный и более мучительный. Зато история прославит его милосердие...

3 февраля происходит свидание Амелии с мужем в Консьержери. В мрачной комнате, разделенной двойной деревянной решеткой, в присутствии жандармов Бланки видит свою любимую прелестную жену. Но она неузнаваема; страдания словно преобразили ее. Бледное, изможденное лицо, она похудела так, что платье висит на ней. Любовь, нежность, безнадежность, отчаяние в ее глазах. Бланки сразу почувствовал,

что она больна. Ведь во время его заключения в Фонтевро Амелия переносила ужас тюрьмы тяжелее, чем сам заключенный. Теперь же она превратилась в какой-то призрак прежней цветущей красавицы. Увидятся ли они еще когда-нибудь? Бланки предлагает, чтобы, как только она поправится, Амелия поселилась рядом с той тюрьмой, где ему придется отбывать заключение. Она, конечно, немедленно соглашается. Но свидание уже подошло к концу. Все.

Холодной ночью 4 февраля Бланка и еще семеро его осужденных товарищей поднимают, выводят из камер и сажают в особую тюремную повозку для перевозки заключенных, именуемую в просторечье «корзиной для салата». Этот окованный железом огромный ящик на колесах должен доставить их в тюрьму, где им предстоит отбывать наказание. Осужденным объявляют, что их повезут в государственную тюрьму Мон-Сен-Мишель («Гора Святого Михаила»).

«Милосердный» король, выбравший это место для наказания майских инсургентов, действовал с хладнокровным садистским замыслом. Храм и монастырь Мон-Сен-Мишель был известен во Франции прежде всего как великолепный памятник готического искусства. Но Луи-Филипп знал, что под величественными залами и колоннадами, за стенами, покрытыми прекрасной древней скульптурой, находятся страшные каменные мешки, высеченные в скале. Еще в детстве, когда он и не мечтал о королевской короне, а был лишь герцогом Шартрским, он посетил эту древнюю монастырскую тюрьму в сопровождении своей гувернантки. Мальчик, еще не потерявший человеческий облик от обладания властью, которая всегда развращает высших правителей, он пришел в ужас и негодование от увиденного. Тогда он пытался сломать решетку, поставленную еще Людовиком XI. Но теперь он вспомнил о существовании столь прекрасного издалека, но ужасного внутри древнего монастыря...

Ныне это один иэ самых знаменитых исторических памятников Франции, расположенный между департаментами Ламанш и Иль-е-Вилен. Гигантская гранитная скала возвышается возле полуострова Бретань, у берега старой провинции Авранш. Ее естественная высота, дикое величие давно привлекали внимание. Здесь некогда друиды совершали жертвоприношения, чтобы успокоить море. Скала была островом во время прилива и становилась доступной только в момент отлива. В наше время Мон-Сен-Мишель связан с сушей насыпной шоссейной дорогой, по которой к знаменитому памятнику приезжают многочисленные туристы.

Согласно легенде еще' в 708 году епископ Авранша Обер

имел здесь чудесное видение. Явившийся ему святой архангел Михаил приказал соорудить на скале храм. Затем возник монастырь, и постепенно скала обросла башнями многочисленных монастырских построек. Мон-Сен-Мишель одновременно служил крепостью. Его безуспешно пытались захватить англичане во время Столетней войны и гугеноты в период религиозных войн. При Наполеоне здесь была учреждена каторжная тюрьма, которая и ожидала Бланки.

Говорят, что и сейчас Мон-Сен-Мишель является единственным историческим памятником Франции, который не разочаровывает, когда его впервые видят воочию. Эта вырастающая из моря и песка громадина, поразительное единство природного и человеческого творения, выражающая необыкновенную устремленность вверх, к небу, вот уже тысячу лет никого не оставляет равнодушным.

Бланки, питавший неприязнь к романтике и к такому ее воплощению, как готическая архитектура, не испытывал никаких приятных чувств, когда ему приказали выйти из тюремной повозки и идти под конвоем по единственной улочке деревушки, прилепившейся к скале. Он видел неспокойное по-зимнему море, другую, необитаемую скалу Томблен, возвышавшуюся севернее, однообразный скалисто-песчаный берег, омываемый прибоем. Узников вели к башне Клодин, к находившимся рядом тюремным воротам Шателе, которые открылись, чтобы, как страшная пасть, поглотить свои жертвы.

Совершаются обычные формальности приема заключенных в тюрьме, столь знакомые Бланки. Потом его снова ведут все выше по каменным лестницам, сводчатым коридорам, внутренним дворам, чтобы после перехода по этому лабиринту запереть в одиночную камеру. «Он чувствует себя, — пишет Гюстав Жеффруа, — глубоко запрятанным в эту каменную громаду, очертание которой он заметил лишь мимоходом. Расположенная на скале, окруженная зыбучими песками, где почва всегда готова провалиться и уходит из-под ног путника, тюрьма кажется заключенной в естественную тюрьму суровым тюремщиком, которой является сама природа. Поднимаясь по лестницам, проходя сводчатые коридоры и дворы, Бланки своим проницательным взглядом быстро уловил тайну постройки. Усилия человека здесь были направлены к тому, чтобы использовать материал и форму скалистой пирамиды, От основания до вершины здесь сплошной камень. Глыбы тесаного камня как бы прирастали непосредственно к скале. В каждом углублении, на каждом выступе скалы укреплена глыба, воздвигнута стена. Гранитные выступы оформлены в могучие

устои, гранит же превращен в каменные кружева, украшен скульптурными изображениями и высится остроконечными башнями. Скала же является основанием для романских столбов и готических колонн. Иногда на высоте ста метров над уровнем моря гребень скалы торчит между плитами пола, как будто ее острый хребет прорезал гранит, под которым его хотели спрятать. Происходит борьба между дикой скалой и камнями, которые взвалили на нее».

Теперь здесь начинается борьба между человеком, которого решили нравственно, духовно раздавить, парализовать его волю, его яростный бунт против жестокой несправедливости жизни, и теми, кто пытается использовать суровую обстановку заточения в Мон-Сен-Мишель для сохранения своей власти и привилегий.

Мон-Сен-Мишель

Камера, в которую поместили Бланки, находилась в части тюрьмы, называвшейся «малое изгнание». Но для него это вечное, пожизненное изгнание из среды нормального существования. После того как тяжелая, окованная железом дверь захлопнулась и он остался один, Бланки подошел к нише, в которой было узкое окно, похожее на амбразуру, заделанную решеткой. За ней открывалась широкая перспектива, простирающаяся на много километров. Окно выходило на юго-восток. На фоне монотонных, серых, однообразных прибрежных песков справа Виднелась река Куэснон, отделяющая Нормандию от Бретани. За блеклым пейзажем высилась вершина горы Рош-Тюренн, в туманной дымке просматривался край Авранша. Взглянув в другую сторону, можно увидеть каменистые холмы вплоть до Сервена, выступавшие светлыми пятнами на сером фоне песков. Но главное, что открывалось взору во время прилива, — это волнующееся море с белыми гребнями волн прибоя. На зеленоватом пространстве моря виднелись одинокие паруса рыбаков. Однако созерцание моря, которое всегда успокаивает человека, не могло разогнать тоску заключенного...

Бланки мерит шагами площадь своей камеры, в которой около десятка квадратных метров. В ней тяжелая деревянная кровать, стол, стул, неизбежная параша. Зимой, когда окно приходится закрывать, спасаясь от жестоких порывов ветра, дождя и снега, в камере тяжелый воздух. Печь растапливают в большие холода, и тогда камера наполняется дымом из-за плохой тяги, так что заключенный буквально задыхается. Не потребовалось много времени, чтобы изучить свою камеру, в которой Бланки суждено провести много времени, возможно, всю жизнь.

Но камера — только маленькая клеточка тюрьмы, и ее безмолвные камни лишь орудия, средство в руках людей, которые по воле королевского правительства безраздельно властвуют над заключенными, чтобы карать или миловать их. Любая служба, любой вид деятельности в конце концов как бы находит таких людей, которые лучше всего отвечают своему назначению. Так было и в данном случае. Начальником тюрьмы Мон-Сен-Мшпель был выходец из крупной буржуазии Орлеана Террье. Необычайно тучный, с огромным животом и заплывшими жиром глазами, он сначала удивлял любезностью, даже слащавостью. Однако под маской добродушного человека скрывался злобный садист, для которого издевательские пытки заключенных превратились в

высшее удовольствие. У него был преданный помощник, аббат Лекур, изощрявшийся не в распространении божественной благодати среди заключенных, а в изобретении хитроумных запоров, задвижек и решеток в их камерах. Другой помощник, Гожу, брал на себя самую грязную работу: непосредственное исполнение жестоких правил для заключенных и их наказание за малейшую провинность. Был еще доктор, который «лечил» больных не в зависимости от их здоровья, а только по указаниям начальства. Два старших надзирателя, грубые и злобные, неукоснительно и придирчиво следили за соблюдением бесчеловечного режима. Всех этих людей, дороживших своей службой, объединяла общая ненависть к политическим узникам. Если у них и были остатки человеческих чувств, то они предназначались лишь для уголовников. К ним относились по крайней мере в два раза снисходительнее, чем к политическим. Точнее всего это отражалось в праве заключенных на ежедневную прогулку, когда они могли какое-то время подышать свежим воздухом и окинуть взором более широкое пространство, чем стены своей камеры, где они быстро и навсегда запоминали каждую трещину.

Уголовники имели право на две ежедневные прогулки, по часу каждая. Политических заключенных выводили из камер только один раз. Если уголовники пользовались для гуляния большим двором, то политических вели под усиленной охраной по лестнице вниз, проводили под арками старого монастыря мимо церкви и позволяли им потолкаться на небольшой площадке длиной в восемь метров. Край этой платформы, обрывающийся бездной скалы, огражден решеткой. Отсюда когда-то бросился вниз на камни заключенный Готье, доведенный до этого условиями заключения в Мон-Сен-Мишель. С уступа скалы открываются такие просторы моря и воздуха, которые необычайно усиливают мучительное стремление узника к свободе.

Разрешено получать передачи от ближайших родственников, но отнюдь не от друзей. Бланки получает несколько заботливо собранных Амелией передач. Но они грубо вскрыты и перещупаны самим начальником тюрьмы. В сентябре 1840 года мать Бланки ценой настойчивых усилий добивается разрешения на свидания с сыном. В ней снова как бы оживает молодость, когда она во времена якобинской диктатуры девочкой научилась проникать в парижские тюрьмы и поддерживать связь с заключенными, среди которых был и отец Бланки. Но начальник тюрьмы Террье, вынужденный подчиняться приказу из Парижа, делает все, чтобы превратить эти свидания в издевательство. Так, перед свиданием с матерью и после Бланки подвергают самому

тщательному обыску. Он бурно протестует, и этот конфликт будет еще продолжаться долго.

Но свидания, передачи, право читать книги и писать вовсе не говорят о том, что в Мон-Сен-Мишель все же шли на какие-то поблажки для заключенных, которые скрашивали им жизнь в тюрьме. В действительности это были показные либеральные жесты для маскировки превращения пребывания в тюрьме в сплошную невыносимую пытку. Еще до появления там Бланки, за семь месяцев раньше, в Мон-Сен-Мишель заключили Барбеса, Бернара, Делькада и Остэна. В конце 1839 года здесь появляется новая группа осужденных участников майского восстания: Ноэль, Рудиль, Гильмен и Базелак. Но Бланки отделен от них каменными стенами и строжайшим запрещением узникам иметь какие-либо контакты друг с другом. Под страхом сурового наказания запрещено произносить хоть одно слово, когда заключенного ведут по коридору мимо дверей камеры друга. Запрещается также разговаривать с охранниками. Запрещено писать письма кому бы то ни было, кроме родителей и близких родственников. А в этих письмах не должно содержаться даже малейшего намека на условия жизни в тюрьме. Однако официальные запреты, как ни строги они были, еще не самое страшное. Ужасен был режим полнейшего произвола. Наказание могло обрушиться на несчастного узника из-за любого каприза, прихоти, придирки, самодурства начальника тюрьмы и его приближенных. Их фантазии в изобретении поводов для самых мучительных и издевательских наказаний не было предела.

Как раз в момент прибытия Бланки в Мон-Сен-Ми-шель происходила чудовищная расправа над его товарищем по «Обществу времен года» Мартином Ноэлем. Он хотел взять взаймы у богатого Барбеса 20 франков. Но Террье, не допускавший никаких связей между заключенными, сам предложил ему взаймы. Ноэль не пожелал быть должником своего палача. Это было расценено как оскорбление начальства, и ежедневно почти каждые полчаса днем и ночью в камеру к Ноэлю врывалась свора охранников, под предлогом контроля и обыска они сбрасывали заключенного с койки и жестоко избивали его. Протест Ноэля вызвал припадок ярости Террье, и он приказывает заключить его в карцер. Несчастного хватают за ноги и тащат по длинным коридорам, а затем по длинным и крутым лестницам в глубокое подземелье. Голова Ноэля разбивается о каменные ступени. Изуродованного, избитого, раненного в спину саблей, его бросают в карцер, представлявший собой нишу в полтора метра высотой, высеченную в скале. Здесь нет света, стены сочатся холодной водой. Ноэля заковывают в кандалы и цепью

прикрепляют их к кольцу, вделанному в стену. Израненный и избитый, он мог только лежать ничком на куче соломы, брошенной на каменный пол. К его голове ставят лишь черный хлеб и кружку с тухлой водой. И так продолжается несколько недель. Минимальным сроком заключения в карцер считались семнадцать суток...

Подобные расправы не были случайными или редкими. Никто не был ни на минуту гарантирован от такой же участи. И сознание бессилия, ужасы заточения жестоко травмировали психику заключенных. Штауб, один из политических узников, кончает самоубийством, перерезав себе горло бритвой. Другой, Остэн, сходит с ума. Его объявляют симулянтом и бросают в карцер. На протяжении полугода он оглашает тюрьму безумными криками. Несчастный вообразил, что здесь же, рядом с ним, заключены его отец и брат, и он без конца взывает к ним. Его громкие призывы, особенно по ночам, слышит и Бланки, сердце которого сжимается от жалости и гнева.

Единственное право заключенного — возможность читать и писать. И Бланки пытается забыться, читая все подряд. Он получил несколько книг, позволивших ему изучить многовековую историю Мон-Сен-Мишель, узнать, кто здесь страдал до него. А их список был поистине бесконечен и разнообразен. Кого здесь только не было,

включая трех пленных русских генералов во времена Наполеона!

У него хватает воли сосредоточить свои мысли на занятиях наукой. Несколько тысяч страниц он исписал в своей камере. К сожалению, невозможно узнать, о чем он писал. Рукописи оп передал матери, а она с ее своеобразной мерой ценностей решила однажды уничтожить их и сожгла как ненужный и даже, возможно, опасный хлам. Так оказался утраченным бесценный источник сведений о годах жизни и деятельности Бланки во время заключения в Мон-Сен-Мишель. И все же мать Бланки достойна благодарности: ведь она одна в это время поддерживает его связь с внешним миром. Огюст ждал приезда Амелии. Но в сентябре приехала ее мать и то лишь для того, чтобы сообщить ему о болезни его жены, не позволяющей осуществить задуманный план поселиться вблизи тюрьмы.

Между тем свидания Бланки с матерью, разрешенные по приказу из Парижа, крайне раздражают начальника тюрьмы Террье. Якобы из предосторожности он приказывает перевести Бланки в другую камеру. Если бы этот садист и лицемер знал, к каким последствиям приведет его злобное решение! Новая камера Бланки находится как раз над камерой другого заключенного по

делу «Общества времен года», Гильмена. Через дымоход Бланки смог установить с ним связь и узнать важные новости. Оказывается, недалеко от Мон-Сен-Мишель, в Авранше, живет его друг Фюльжанс Ширар, адвокат, не раз защищавший в судах революционных республиканцев. Он узнает также, что Жирар уже несколько месяцев поддерживает связи с заключенными в Мон-Сен-Мишель, особенно с Барбесом. В сознании Бланки мгновенно просыпается надежда, и он с лихорадочной торопливостью пишет письмо другу. В нем Огюст говорит, что до сих пор его попытки установить связь с внешним миром не имели никакого успеха. «Тем более я рад, — пишет Бланки Жирару, — что ты поддерживаешь связь с нашими друзьями. До сих пор я ничего не знал об этом из-за системы камер, изолирующих меня от тех, кто поддерживает отношения с тобой. Моя мать собирается в Авранш перед последним свиданием со мной, и я вручаю ей это письмо, чтобы она передала его тебе. Представь себе, как я буду рад узнать о твоих новостях, что я приобрету возможность получать их от тебя и впредь. Если ты сможешь прислать мне газету, которую ты выпускаешь, то это будет для меня большой радостью. Я очень спешу, ибо моя мать вот-вот должна прийти. Передай ей на словах то, что ты не хочешь или не можешь написать».

Вскоре мать доставляет Бланки ответ Жирара, который преображает моральное состояние Огюста. Осужденный на смерть, замененную пожизненным тюремным заключением, которое равносильно смерти, но лишь медленной, он воодушевляется надеждой на свободу. Речь идет, конечно, о мысли, которую он подавлял в себе как несбыточную, — о свободе! Об этом он и пишет другу в письме 10 октября 1840 года:

«Мой дорогой Фюльжанс!

Месяц назад я получил твое письмо, доставившее мне много удовольствия: ведь так давно голос человека не проникал ко мне из внешнего мира. Мне показалось, что я снова родился на свет, что я воскрес из могилы. Живя на этой несчастной скале, забываешь рано или поздно, что где-то есть общество, уделом которого являются не одни только страдания. В конце концов начинаешь думать, что в мире нет ничего, кроме тюремщиков, ключей, стен в сто футов высоты и часовых, которые ходят вокруг тебя, как алчущие добычи львы...

И здесь, конечно, живут люди. Ведь я и мои товарищи все еще живы, но во всяком другом месте гораздо лучше. Было бы, право, лучше сбежать тайком из Мон-Сен-Мшнель. У меня рождается такое желание, но одна мысль тотчас же меня удерживает. Если

благодаря исключительному счастью нам и удалось бы вырваться из этого ада, то у наших врагов явилось бы сильнейшее желание вернуть нас обратно. За нами устроили бы быструю и энергичную погоню, а между тем, допуская самый благоприятный случай, мы могли бы выиграть не больше двух часов до того, как наше бегство заметят. За это время далеко не уйдешь. Нас начали бы преследовать н без заранее составленного плана бегства поймали бы, конечно, очень скоро.

Мы находимся на берегу моря, и этим надо воспользоваться, не теряя времени. Я знаю, что ты уже занимался этим проектом, который, однако, пришлось отложить из-за непредвиденных обстоятельств. Кажется, у тебя в Гранвиле есть знакомый лодочник, моряк, который перед тобой в долгу, который мог бы доставить нас на Джерсей после того, как мы убежим отсюда...

Если бегство удастся, то оно произойдет ночью; у нас впереди не будет и двух часов. От Мон-Сен-Мишель до Гранвиля около тридцати километров. Как, по твоему мнению, мы должны действовать после бегства? Куда лучше всего нам направиться?.. Как мы погрузимся ь лодку? Надо ли предупреждать тебя заранее днем или ночью? Мое письмо дойдет до тебя верным путем, который тебе уже известен. Перешли мне ответ таким же образом и набросай наиболее подходящий, по твоему мнению, план...»

Из письма видно, что Бланки не сломлен тюрьмой. Целеустремленная энергия, как всегда, просыпается в нем, как только обнаруживается хотя бы малейшая возможность действовать. Шансы на успех невелики. Риск огромен. Но Бланки полон оптимизма и заканчивает письмо в шутливом тоне. Он смеется над тем, что Жирар в одной своей статье превозносит растущие на скале якобы очень хорошие фиги: «Знай, ищи дорогой Фюльжанс, что на Мон-Сен-Мишель нет ничего хорошего, ничего решительно. Я не дам и двух грошей за твой Мон-Сен-Мишель, и если бы от меня зависело, то я начинил бы его брюхо шестью тысячами килограммов пороха и взорвал бы этот дьявольский савойский пирог».

В ответном письме Жирар предлагает детальный план побега, указывает место, где удобнее сесть в лодку, приготовленную под видом поездки на охоту или рыбную ловлю. Когда она достаточно удалится от берега, то можно будет взять курс на остров Джерсей, находящийся под властью Англии. Он считает, что бежать надо ночью, что если его предупредят, то он сам будет проводником прямо от Мон-Сен-Мишель. Он предусмотрительно указывает и на другие детали предстоящего предприятия, за исключением самого главного: как выбраться заключенным из тюрьмы. В дальнейшей переписке Бланки отвергает некоторые идеи Жирара.

Нельзя использовать как временное убежище ферму, принадлежащую ему, ибо она наверняка уже находится под подозрением. Трудно рассчитывать на помощь солдат из охраны тюрьмы, так же как и на жену одного заключенного, уже находящуюся под подозрением. Он приходит к выводу, что все разработанные части плана носят второстепенный характер по сравнению с немыслимой задачей выхода заключенных пз самой тюрьмы, в которой все силы природы и людей объединились, чтобы наглухо запереть кучку обреченных революционеров.

В довершение всего Фюльжанс Жирар сообщает Бланки, что он заметил тревожные признаки усиленной слежки полиции за каждым его шагом. Попытки установить какие-то связи с людьми из охраны крайне опасны. Даже сама по себе тайная переписка с заключенными друзьями, если она обнаружится, содержит огромный риск еще больше ухудшить их участь. Идея побега остается заманчивой, сладкой, неотвязной, но фантастической мечтой. Сознание мучительного бессилия и эта мечта терзают всех, но мучения Бланки особенно болезненны. «Кто из моих товарищей испытал столько горьких страданий, как я?» — напишет он однажды. Ведь его терзает не только тюрьма и все, что в ней происходит. Вдали от него медленно, но неотвратимо погибает его единственное счастье, надежда, радость. Из писем он узнает, как ухудшается здоровье Амелии. С конца 1840 года она уже не встает с постели... Наступает день, когда равнодушно-бесстрастное сообщение начальника тюрьмы звучит в его камере страшными раскатами грома: 31 января 1841 года Амелия умерла.

Внешне Бланки просто впадает в оцепенение, редко, непроизвольно, механически он совершает какие-то мелкие, судорожные движения. Сознание его отключилось от этого мира, он охвачен страшными и одновременно прекрасными грезами, образы недавнего счастья, радости мешаются с картинами ужаса, горя, смерти. Позднее Бланки вспомнит, что он долго находился в состоянии бреда, галлюцинации, сумасшествия.

Гюстав Жеффруа так описывает это: «Он видит гроб, медленно покачивающийся на волнах. Гроб изменяет форму, превращается в неопределенную фигуру, которая становится мумией, эта мумия разрывает свои покрывала, движется, колыхаясь на волнах. Это она, любящие глаза узнают ее. Но как она изменилась, как она бледна. Ее длинные руки висят вдоль тела, ее ноги сжаты вместе, как были в гробу. Вытянутая, прямая, она приближается, моментами исчезает, чтобы появиться еще ближе, и на волнах моря появляется у самой решетки окна. Она ищет входа, приходит, удаляется, ее бледное лицо выражает

упрек и любовь. Ее волосы распущены и падают, как у утопленницы. Ее черные глаза расширены и прозрачны мертвой прозрачностью. Теперь ей ничто не мешает проникнуть к нему: ни тюремщики, ни запоры, ни решетки. Воздушная, как облако, она проникает в камеру, и она снова, навсегда с ним, его верная подруга...»

Кто знает, что он чувствовал в действительности? Разве можно вообразить невообразимое? Но картина, изображенная Жеффруа, наверное, недалека от того, что было на самом деле, ибо замкнутый, внешне невозмутимый, кажущийся абсолютно хладнокровным Бланки будет вспоминать о «постоянном свидании наедине в одиночестве камеры с призраком той, которой уже нет». Она мертва, но остается «дорогой спутницей его дней и ночей». Так написано рукой Бланки в бумагах, извлеченных из архивов спустя более века.

В тюрьме Мон-Сен-Мишель все заключенные постоянно испытывали столь тяжкие страдания, что, казалось, никакие муки уже не могут привлечь внимание или удивить кого-либо. Однако горе Бланки было столь велико, что оно прорывалось через преграду его обычной холодной сдержанности и внешней непроницаемости. Даже тюремная администрация с ее садистской ненавистью к своим узникам вынуждена проявить проблески человеческого сочувствия к нему. Бланки разрешили свидание с матерью и сестрой Амелии, с Огюстом Жакмаром, назначенным опекуном его сына. Бланки предчувствовал, что он потерял не только любимую жену, но и сына. Действительно, его воспитают в духе, совершенно чуждом отцу...

Но по-настоящему могли понять горе Бланки только его товарищи, хотя у них почти не было способов выразить ему свои соболезнования. Один из политических узников, Ногес, переведенный в Мон-Сен-Мишель из другой тюрьмы в конце февраля 1841 года, писал: «Я узнал, что супруга Бланки недавно умерла. Умереть такой молодой, в 27 лет! Та, которую я видел недавно прелестной и здоровой, мертва. Что может убить так быстро, кроме горя?.. Бедный Бланки, никто тебе ее не заменит...»

Это признание свидетельствует о том, что привычка Бланки всегда скрывать свои чувства, казалось, изменила ему на время. Ведь его замкнутость проявлялась и в тюрьме, где Бланки находился в состоянии явной отчужденности не только из-за особенностей его характера. Как ни ограничены были тюремным режимом связи между заключенными, между ними установились довольно сложные отношения. Вспомним кампанию клеветы против Бланки, поднятую во время второго судебного процесса над участниками мятежа 12 мая 1839 года. Так вот и здесь, в

тюрьме, она продолжалась хотя не столь громко, по не менее болезненно для Бланки, чем тогда, когда в газетах его изображали коварным и трусливым подстрекателем благородного Барбеса, втянутого в немыслимую авантюру мятежа, закончившегося жалким провалом! И по вине Бланки, конечно! Так утверждали поклонники Барбеса, составлявшие большую часть осужденных по делу 12 мая. Странным образом все эти люди, связанные общим делом, общими интересами, целями, убеждениями, люди, все в той или иной мере благородные, отважные и бескорыстные, были расколоты личной борьбой, где тщеславие, индивидуальные склонности, заблуждения, обиды и подозрения омрачали величие их самопожертвования, их' подвига во имя освобождения французского народа от тирании. Увы, в повседневной жизни жалкие мелочи и дрязги человеческих отношений и здесь заслоняли подчас то главное, что определяло судьбу каждого из узников Мон-Сен-Мишель.

Арман Барбес, яркий, сильный, красноречивый, отважный и дерзкий до безрассудства, не слишком обремененный высокими идеями и нравственным долгом, вносил и в революционное дело много явного эгоизма, честолюбивого стремления к личной славе. И он сильнее привлекал к себе людей, чем Бланки. Этот богатый землевладелец из Каркассона пожертвовал всем ради революции, тогда как Бланки, в сущности, нечего было терять. Да, именно так рассуждали некоторые из поклонников Барбеса, выражая неприязнь к Бланки. Сказывалась также любопытная особенность психологии французов вообще. Историки сравнивают этот случай с отношением «среднего француза» к знаменитым героям Великой французской революции Робеспьеру и Дантону. Суровый пуританин, строго добродетельный Робеспьер, прозванный «неподкупным», вызывает у французов гораздо меньше симпатий, чем пылкий, страстный, яркий, но не слишком щепетильный в вопросах морали Дантон!

Так было и здесь. Тот же Ногес, любивший и уважавший Бланки, сочувственные слова которого по поводу смерти Амелии были приведены, пишет о своеобразном моральном одиночестве Бланки в Мон-Сен-Мишель. Он не обвиняет, а скорее намекает на то, что причиной тому были некоторые особенности личности самого Бланки: «Он оказался жертвой рокового закона собственной натуры: либо гордой, либо неуживчивой; он никогда не был способен внушать к себе любовь. Все, кто находились вне его круга, также избегали его. Он воодушевлял только свое окружение, не приобретая влияния за его пределами».

Этот отзыв стал известен Бланки, который почувствовал себя жестоко уязвленным. Видимо, импульсивно он сразу написал

возмущенное опровержение, причем в очень своеобразной форме. В этом любопытнейшем психологическом документе Бланки пишет о себе в третьем лице, обозначая имя только двумя буквами «Бл.». Не предназначался ли текст, совсем недавно найденный в рукописном фонде Бланки в Национальной библиотеке в Париже, для того, чтобы опубликовать его за подписью кого-либо из друзей Бланки? Возможно. Во всяком случае, вот как Бланки опровергает больно задевший его отзыв Ногеса: «Никто не был более популярен и любим, чем он (то есть Бланки. — *Н. М.),* в «Обществе друзей народа» и позднее... Но по мере роста его влияния множились ненависть и враждебность к нему, они не переставали увеличиваться из-за расширения его авторитета, уважения к его способностям, которые ему особенно не могли простить. Впрочем, это невольно признает сам автор (то есть Ногес. — *Н. М.),* когда пишет, что Бл. воодушевлял свое окружение, не приобретая влияния вне его. Но кто же может судить о человеке, кроме окружающих? Антипатия людей, не знавших его близко, не может быть ничем иным, кроме заблуждения или слепоты. Сказать, что человека никто не любит, — это тяжелое обвинение. Бл. стал жертвой такого суждения только в результате грубого извращения истины. Никто и никогда не внушал более искренней и глубокой привязанности. Его старая тетка, его мать, его жена, его давний близкий друг с восторгом обожали его. Несколько окружавших его искренних политических друзей, все они любили его. Но что могут значить горячие дружеские чувства узкого круга по сравнению с широким разгулом клеветы, порожденной завистливыми амбициями? Человек, которого боятся, всегда остается виноватым. Впрочем, Бл. из-за своего отвращения к лицемерным рукопожатиям и к бесстыдной лести предпочитает терпеть нападки. Много неразборчивых подхалимов, расточающих лесть кому попало, приобретают благодаря этому популярность, секрет которой в их цинизме».

Негодование Бланки во многом справедливо, но, увы, далеко не во всем он прав. Само его раздражение, болезненная обидчивость, уязвленная гордость, наконец, явные преувеличения в степени его «обожания» анонимными друзьями подтверждают, а не опровергают суждения Ногеса. Когда Юпитер сердится столь гневно, то, значит, он не прав... Беспристрастная объективность вынуждает признать, что в отчуждении между Бланки и многими его товарищами был виноват отчасти он сам.

К счастью, а вернее, благодаря общему несчастью, чем, в сущности, было заключение в Мон-Сен-Мишель, разногласия между политическими заключенными отступают перед той

непрерывной войной на уничтожение, которую вела администрация тюрьмы против них. Облегчением участи этих несчастных была возможность созерцания моря и неба, песчаного или скалистого побережья. Поэтому так много времени они проводили, прильнув лицами к решеткам окон своих камер. С высоты скалы открывалась широкая панорама берега, омываемого прибоем. Они жадно вдыхали свежий морской воздух. Какое это было неоценимое благо, хоть как-то смягчавшее их страдания! Внезапно нависла угроза и над этой маленькой привилегией. Нетерпеливому и предприимчивому Дельсаду пришла в голову идея установить связь с кем-либо из часовых. Он написал записку и бросил ее из окна незнакомому солдату. Начальник тюрьмы немедленно доложил министру. Возникли опасения, что имеющиеся среди солдат уроженцы Парижа проявят симпатию к узникам и станут их сообщниками. Уже до этого *состав* гарнизона *крепости-тюрьмы обновлялся* каждые три месяца. Теперь же заключенным запретили приближаться к окнам, а солдатам приказали следить за выполнением этого распоряжения и в случае отказа отойти от окна — стрелять. Первой жертвой нового порядка оказался Бланки. Затем та же история случилась с Дельса-дом, Бернаром, Киньо и другими. Бланки и его товарищи протестуют, но все тщетно. Однажды вечером Дель-сад приблизился к окну. Немедленно часовой пригрозил стрельбой, и тогда заключенный схватил горящую свечу и поставил ее на окно, крикнув часовому: «Стреляй же, гадина, так тебе будет удобнее целиться!» Он прибавил еще несколько крепких бранных слов. Так возникло дело об оскорблении солдат. А затем заключенных обвинили еще и в том, что они бросают камни в часовых. При всем желании они не могли этого сделать, ибо им неоткуда было взять эти камни. Однако камни в часовых действительно бросали, но не из камер заключенных, а из квартиры начальника тюрьмы. Так забавлялся его сын.

Предлог был найден, и вскоре в окнах камер, кроме одной прежней решетки, не позволявшей человеку лишь вылезти наружу, но не мешавшей, например, птицам залетать в камеры, появились еще две дополнительные. Снаружи окна установили мелкую сетку, через которую нельзя просунуть даже пальца. Другая представляла собой более крупное сооружение. Окно Находилось в глубокой нише, устроенной в двухметровой стене. Теперь нишу закрывал прочными брусьями частокол решетки, державшей заключенного в пяти-шести шагах от окна. Невозможно было не только смотреть из окна, нельзя было получить глоток свежего воздуха. Особенно тяжело страдал от этого Бланки, который буквально задыхался. Вообще его крайне

чувствительный организм болезненно реагировал на все «прелести» тюремного режима. Он совершенно не мог есть пищу для заключенных, которую готовили из гнилого мяса и гороха. Он питался только овощами; ему удалось отвоевать себе право получать их с воли. Тяжело было и с водой. На скале вообще не было никаких источников свежей пресной воды. В специальных цистернах скапливали дождевую воду, часто гнилую. Когда долго не шли дожди, порции воды строго ограничивались.

В первые месяцы 1841 года Бланки, казалось, окончательно погрузился в апатию; его охватывало порой полное безразличие ко всему, временами он впадал в забытье. В безмолвном одиночестве Огюст перестал замечать ход времени. Предприимчивость матери внезапно вывела его из этого тягостного состояния. Во время свиданий она напоминает ему о свободе, а однажды приносит ему напильник и небольшую пилу. Как и все его товарищи, он горел страстным желанием если не убежать из тюрьмы, то хотя бы в какой-то маленькой степени обрести кусочек свободы, вроде возможности общения с друзьями по несчастью. Теперь заключенные заполняют свой вынужденный досуг головоломными ухищрениями, чтобы решить задачу свободного общения между собой. Замки, засовы, которые держат окованные железом двери, становятся объектом тщательного изучения. Неутомимый Дельсад опередил всех; он изготовил систему крючков, которыми смог открыть дверь своей камеры. Затем он отпирает двери камер Барбеса, Бернара и Гильома. Бланки проделывает в стене отверстие в камеру своего соседа Вилькона. Через печную трубу он поднимается к Мартину Бернару. Сколько радости и счастья доставляют им минуты общения! Теперь после вечерней проверки они могут собираться вместе в одной из камер.

Но 17 апреля вечером Барбес и Бернар были застигнуты внезапным обходом в камере Дельсада. Немедленно производятся тщательные обыски у всех. У Бланки обнаруживают дыру, проделанную в стене. Бланки и восемь его товарищей, также уличенных в грубом нарушении режима заключения, переводят в так называемые исправительные ложи. Эти крохотные, по четыре метра, камеры расположены на чердаке под самой крышей. Камеры не отапливаются, и через слуховое окно, перегороженное одной решеткой, свободно врывается холодный морской ветер. Заключенные дрожат, буквально замерзают на своей соломенной подстилке, тщетно пытаясь защитить себя от холода тонким одеялом. Но приближается лето, и обстановка здесь постепенно меняется. Вскоре после восхода солнца камера превращается в раскаленную печь. Тех, кто пытается протестовать, заковывают в

кандалы и оставляют жариться под раскаленной крышей. Некоторых тащат в подвальные карцеры, где они попадают в атмосферу сырого, холодного подземелья. И так продолжается все три летних месяца. Но вот Бланки перестает слышать какие-либо звуки от своих соседей; оказывается, их перевели в обычные камеры, которые здесь кажутся просто раем, а его оставили.

Совершенно изнуренный, Бланки заболевает жестокой лихорадкой, и только тогда, 23 августа, после 127 дней пытки, его возвращают в камеру внизу. Но болезнь продолжается, кроме лихорадки, его мучают боли в спине и нарывы в ушах, ему все хуже, но он не просит помощи. Однако, когда Бланки забывается во сне, он уже не может сдержать стоны. Их слышит сосед внизу Годар, который вызывает начальника тюрьмы. .

И вот в камеру Бланки являются Террье и тюремный врач. Они видят изможденного, измученного лихорадкой больного. Его спрашивают, что он требует.

— Ничего, — отвечает Бланки.

Тогда вмешивается врач и задает вопрос: не нужны ли ему какие-либо лекарства? Неожиданно Бланки вспыхивает, приподнимается на своем жалком ложе и с негодованием, столь необычным для него, вступает в яростный диалог с представителем медицины:

— Уберите нож от моего горла. Никакого другого лекарства не существует. Ведь вы хотите сгноить меня в карцере! Почему я здесь, а не в больнице?

— Для вас нет больницы. Для вас существует исключительное положение, и вы должны всегда оставаться в камере.

— Но уголовники имеют право лечиться в больнице!

— О, уголовники — это совсем другое дело...

— Вы просто хотите довести нас в этих застенках до мучительной смерти. Это хуже, чем Бастилия. Там хотя бы был госпиталь для больных.

— Если вы говорите о Бастилии, то там были заключенные, которые по тридцать лет находились в камерах, совершенно лишенных света. И они в конце концов там акклиматизировались.

Бланки отворачивается от врача и, обращаясь к начальнику тюрьмы, протестует против установки новых дополнительных решеток, лишающих его свежего воздуха. Террье отвечает, что таков приказ, и вызывает новый взрыв негодования Бланки.

— Это приказ об убийстве. Учтите, что если мы будем умирать один за другим, то общественное мнение возмутится этим.

— Вас здесь 27 человек, и по закону природы естественно, что вы время от времени будете умирать.

Террье не только не испытывает какого-либо сочувствия к явно больному Бланки. Напротив, этот прирожденный садист находит особое удовольствие, чтобы поиздеваться над ним.

— Вы очень ошибаетесь, — обращается он к Бланки, — если думаете, что найдется кто-то, чтобы вас защищать. Правда, в общественном мнении раздаются протесты, но они направлены против вас. Только что люди, посетившие наше учреждение, возмутились тем, что к вам здесь слишком хорошо относятся. Вчера я показывал им кухню, где готовят пищу для политических заключенных. Они негодовали: неужели для них готовят специально? Это невероятно, ибо этих людей надо кормить так же, как и воров. Вот как плохо для вас выглядит это дело. Общественное мнение возмущается тем, что с вами обращаются слишком мягко. Впрочем, тяготы заключения тяжелы лишь для трех или четырех среди вас, которые имеют состояние и средства обеспечить свое существование на воле. Остальные питаются здесь бесплатно, ничего не делая. На свободе им было бы очень трудно заработать себе на хлеб. Поэтому им не на что жаловаться.

Бланки уже вновь обрел видимость полного внешнего хладнокровия и ничего не отвечает своим палачам, явившимся сюда только для того, чтобы доконать свою жертву. Но его гордость не может восполнить его иссякающие силы. Он со спокойствием обреченного, примирившегося со своей участью, наблюдает за тем, как усиливается практика зверских расправ с заключенными. Некоторые из них сломали дополнительные решетки и жестоко поплатились за это истязаниями и заключением в карцеры. Доведенные до отчаяния люди бросаются на вооруженных тюремщиков с голыми руками, но кровавые столкновения везде заканчиваются не в их пользу. В поведении политических узников начинает исчезать даже инстинкт самосохранения. Назревает атмосфера общего мятежа, равносильного для них самоубийству. В это время Бланки писал Фюльжансу Жирару: «Катастрофа неизбежна. Эти разбойники провоцируют нас, и мы не можем терпеть их насилия без сопротивления. Я не думаю, что мы действуем безумно. Что касается меня лично — мне нечего жалеть и бояться. Я не дорожу жизнью, она тяготит меня. Да и жить-то осталось немного. Я хотел бы только продать свою жизнь дорого...»

В декабре 1841 года наступает неожиданная разрядка. Смещен начальник тюрьмы Мон-Сен-Мишель Террье, жестокость которого могла сравниться только с его тучностью. Прошел слух, что в Париже сочли его слишком мягким в обращении с политическими заключенными. Однако новый хозяин тюрьмы

Бонне вопреки ожиданиям проводит некоторую либерализацию режима. Он восстанавливает ежедневные прогулки, запрещенные Террье. Узники получают право общаться друг с другом. Но тюрьма остается тюрьмой, и тоска по свободе не перестает мучить людей. Идея побега отнюдь не оставлена. Напротив, именно в момент смены начальства она окончательно созревает. Конкретный план принадлежал Барбесу. Прогулки по платформе на «скале Готье», откуда этот несчастный совершил свой прыжок к смерти, привели Барбеса к открытию пути на волю. Он обратил внимание, что здесь строители монастыря-тюрьмы не соорудили внешних защитных стен, понадеявшись на неприступность самой скалы. На совещании, в котором участвовали Барбес, Тома, Бернар и Бланки, решено было использовать это слабое место.

Бланки выходит из своего оцепенения. Его натянутые отношения с Барбесом не помешали выработать план, по которому бежать должны те, кто обречен на пожизненное заключение, как Барбес и Бланки, или на очень долгий срок, как Бернар и Юбер. Нет смысла идти на огромный риск таким, как Тома, Дюбурдье, Беро, у которых срок заключения скоро кончается. Но они с энтузиазмом соглашаются сделать все, чтобы облегчить побег четверки.

Фюльжанс Жирар взялся достать все необходимое вне тюрьмы. А постепенно переносит это снаряжение Софи Бланки. Шестидесятилетняя женщина, поселившаяся в Авранше, каждый раз проходит пешком путь в шестнадцать километров. Так участники побега получают пилы, сверла, напильники, веревки п многое другое, необходимое им для осуществления дерзкого плана. Исходным пунктом маршрута беглецов избрана камера Юбера. Ее окно находится как раз над тем местом, откуда можно выйти на прогулочную площадку «скалы Готье». Предстоит дважды спускаться по веревке. Сначала с высоты в тринадцать метров. Затем с платформы для прогулок к подножию скалы более долгий и опасный спуск *в* двадцать семь метров.

Но прежде всего беглецы и те, кто им взялся помогать, должны собраться в камере Юбера. И вот люди, вооруженные маленькими инструментами, проделывают чудовищную работу. Они расширяют дымоходы, чтобы через них мог проползти человек, пробивают дыры в потолке и стенах. И все это надо делать совершенно незаметно, под бдительным наблюдением стражи, которую нелегко обмануть. Право ежедневных прогулок, о которых так мечтали, .становится досадной помехой. Ведь во время этих прогулок охранники обычно тщательно осматривают внутренность камер. Юбер отказывается от прогулок, притворяясь больным. Ни одна крошка от разбиваемого камня не должна

попасть на глаза стражи. А как избежать шума, когда надо пробивать отверстия в камне старинной прочной крепостной кладки? В конце концов участники побега решают сверхчеловеческую задачу и создают сложный лабиринт переходов, который позволит им в назначенный день и час оказаться всем вместе в одной камере.

Но если такие сложности встречаются в самом начале маршрута бегства, то конец содержит не меньше трудностей, среди которых главная — неизвестность. Что будут делать беглецы, если они сумеют все же вырваться из тюрьмы? Чтобы отдалить момент неизбежного преследования, каждый изготовляет манекен, изображающий подобие спящего человека. Побег должен открыться как можно позже, чтобы успеть уйти подальше от Мон-Сен-Мишель. Здесь все надежды возлагаются на Жирара. На этот раз решили бежать пе морем, как предполагалось во время первой попытки, а по суше. Политический единомышленник Жирара, мэр города Витре Шовен, взялся добыть паспорт для целой семьи, направляющейся в Швейцарию. Бланки — маленький и стройный — должен переодеться в женское платье. Другому предстоит изображать слугу. Жирар брал на себя заготовку одежды и экипажа. Но эта романтическая идея натолкнулась на практические соображения об огромных и неожиданных трудностях, которые пришлось бы встретить, пересекая всю Францию с востока на запад.

В конце концов решили, выбравшись из тюрьмы, разойтись в разные стороны, чтобы каждому пробираться отдельно на свой страх и риск. Теперь предстоит выбрать темную дождливую ночь, под покровом которой легче будет уйти незаметно. Но, как нарочно, дождей нет. 10 февраля 1842 года скалу окутывает густой туман. Тем лучше. Решено больше не откладывать побег. По дымоходам передается условный сигнал. Участники предприятия переодеваются в приготовленную одежду. Берут с собой свои жалкие сбережения. У Бланки всего шестнадцать франков. Уже полночь, когда они осторожно проползают в камеру Юбера. Здесь окончательно удаляют уже подпиленные решетки. Один за другим спускаются по веревке вниз. Это происходит успешно, и в три часа ночи все уже внизу на лестнице, по которой идут дальше, к «скале Готье». Только здесь замечают, что туман совершенно рассеялся. Но отступать уже поздно. Они у края пропасти, в которой абсолютная, таинственная темнота. Сбрасывают веревку вниз. Тихо. Доносится только шум прибоя. Первым спускается Арман Барбес. Половину почти тридцатиметрового пути он двигается успешно, перебирая руками натянутую под его тяжестью веревку. Ногами он опирается о

скалу. Но вот полная пустота, ибо здесь стена имеет углубление. Барбес раскачивается в темноте, его руки, стертые в кровь, уже не слушаются, и он начинает просто скользить вниз. Он уже падает, и наверху замечают, что натяжение веревки внезапно ослабело. Сверху ничего не видно, а там, внизу, Барбес упал спиной на камни, больно ушибся и скатился вниз, прямо на дорожку, по которой ходят часовые. Туда бегут охранники с фонарями. Барбеса поднимают, схватывают, и он, совёршенно обессиленный, покорно отдается во враждебные руки. На платформу врываются стражники и захватывают остальных. Поднятые по тревоге, они с изумлением обнаруживают всю подготовленную с таким трудом работу, видят в камере Юбера зияющее пустотой окно без решетки...

Вся ситуация в тюрьме резко, в корне меняется н худшему, хотя она и без Того была невыразимо отвратительной. Тюремщики превращаются в разъяренных зверей; ведь многие из них наказаны за упущения по службе из-за этих преступников! От временного либерализма не остается и следа. На узников обрушиваются жестокие кары.

Но провал побега сам по себе явился страшным ударом для тех, кто уже ощущал вкус вожделенной свободы. От радостной надежды они мгновенно переносятся к ужасному состоянию мрачного отчаяния. Все кончено, а счастье освобождения казалось таким близким! Невыразимая горечь, чувство катастрофы, гибели повергают Бланки, Барбеса, Бернара, Юбера, как и их друзей, в бешенство безнадежности. Открытая война не на жизнь, а на смерть вспыхивает с новой силой между узниками и охраной. Бернар Ноэль бьет стражника ногами. Многие ломают мебель, крушат решетки. Бланки бросает в надзирателя поленом... Но на каждый такой удар скованных неволей, отчаявшихся людей тюремщики отвечают стократными ударами изощренных наказаний. Лето 1842 года Бланки и многие другие проводят в мучительных, раскаленных «ложах» чердака. Урезают и без того жалкий рацион питания узников. Даже некогда цветущий Барбес с его могучим здоровьем страдает кровохарканьем и дрожит в припадках лихорадки. Бланки в письме к Фюль-жансу Жирару просит его хоть чем-то помочь Барбесу. Оппозиционные газеты поднимают шум, и в январе 1843 года истощенного Барбеса перевозят в тюрьму в Ним, где более мягкий климат восстановит его здоровье.

Бланки остается в Мон-Сен-Мишель, хотя сам в еще более жалком состоянии. Он мучается горловой чахоткой, болями в желудке, превращается в жалкую развалину. Он равнодушно глядит на маленькое кладбище у подножия скалы, которое, как он

знает, нетерпеливо ждет его... Апатия, тоска, прострация. Но книги, работа мысли, иллюзии, мечты спасают его. Он много пишет, пишет без конца то, чего никто никогда не прочитает. Время как бы остановилось, будущего нет.

Но вот неожиданный проблеск в его монотонной полужизни-полусмерти. Проблеск прошлого. В октябре 1843 года приезжает сестра Бланки мадам Барелье с его шестилетним сыном Ромео (Эстевом), и отец видит из-за решетки камеры, как его очаровательный ребенок гуляет по платформе «скалы Готье». Снова просыпаются призраки короткого прошлого счастья, обостряя горькую радость от этой картины. Неужели у него не проснулось сожаление о том, что он мог бы все это не потерять, сохранить жизнь Амелии и жить спокойной жизнью нормального человека, если бы не встал на свой путь, явно гибельный, по мнению почти всех? Нет никаких следов, никаких, даже косвенных, случайных, непроизвольных симптомов сожаления или признания ошибочности избранного им пути. Никогда. Ни в дни пребывания в Мон-Сен-Мишель, ни позже...

Наступает зима. Громче становится рев штормового моря, грохот прибоя, сильнее порывы северного ветра, проникающего в камеру, где они смешиваются с чадом дымящейся печи. Бланки болен постоянно. Его терзают ноющие кости позвоночника, новое обострение болезни горла, он бьется в непрерывных приступах кашля. Дело доходит до того, что этот никогда не жалующийся на судьбу человек сам просит Фюльжанса Жирара прислать муниципального врача, ибо тюремный врач заинтересован не в исцелении узников, а скорее наоборот... Но под нажимом коллеги и перед фактом явного угасания больного и он вынужден подписать заключение о необходимости перевода Бланки в тюрьму, расположенную в месте с лучшим климатом. Друзья хлопочут о юге, но министр внутренних дел выбирает тюрьму в городе Тур, куда Бланки отправляют 18 марта 1844 года. По этому случаю вновь приехала сестра с его сыном. С полными слез глазами, в ужасе смотрит она, как два жандарма выносят Бланки в соломенном кресле и укладывают его в повозку. Они спокойны за заключенного: не только бежать, но и пошевелиться он не в состоянии. Группа крестьян с удивлением смотрит на этот живой труп, в который превратили здорового человека четыре года и сорок дней пребывания в Мон-Сен-Мишель.

Пробуждение

— Этот долго не протянет, — сказал начальник исправительной тюрьмы в Туре, взглянув на нового заключенного. Но он вовсе не был заинтересован, чтобы Бланки умер в его тюрьме. Власти в Париже тем более опасались этого. Ведь оппозиционные газеты немедленно используют такой факт против правительства Гизо. В конце апреля 1844 года Бланки переводят в больницу для безнадежно больных и престарелых. И хотя он не в состоянии даже поднять голову, а не только бежать, к нему приставили постоянного полицейского агента.

Тур расположен примерно в 200 километрах к юговостоку от Мон-Сен-Мишель. Климат здесь более теплый, умеренный, и вместо шума прибоя Бланки слышит теперь пенье птиц и шелест листвы. Но этого мало, чтобы внезапно исцелить больного. Его положение остается тяжелым. Местная оппозиционная газета «Курье л'Эндр э Луар» поместила статью, обвиняющую министра внутренних дел Дюшателя в преднамеренном умерщвлении Бланки, в рассчитанной жестокости по отношению к нему. Сообщение встречает отклик в Париже, где обстановка иная, чем пять лет назад, во время процесса над участниками восстания 12 мая 1839 года. Теперь в палате наряду с правительственным большинством, сформированным с помощью системы подкупа правых депутатов, заседают и республиканцы, называющие себя радикалами и демократами. Парижская республиканская газета «Реформ» сразу вспомнила о Бланки и осудила жестокость Гизо: «Неужели мстительность правительства еще не удовлетворена? Не намерено ли оно превратить тюрьмы в кладбища?»

Июльская монархия боялась оппозиционной прессы. Вот почему 4 декабря 1844 года у постели больного Бланки собрались сразу пять врачей. В составленном ими протоколе после длинного перечисления болезней, которыми страдал Бланки, они пришли к заключению, что «крайне необходимо, чтобы Бланки был немедленно перемещен в южный климат, где он мог бы воспользоваться теплым воздухом и помещением, проветриваемым и солнечным». Медики откровенно сказали властям, что дни Бланки сочтены и надо спешить.

Уже в декабре Луи-Фплипп подписывает помилование Бланки. Этот акт милосердия типичен для морального облика «короля-гражданина». Помилован был умирающий. Если же он выживет, то пожизненное заключение будет лишь заменено на строгое пожизненное полицейское наблюдение. Королевская милость преследовала и еще более коварную цель: усилить

раскол среди революционеров, оживить конфликт между Бланки и Барбесом, который вместе с другими участниками дела 12 мая оставался в тюрьме. Король хотел скомпрометировать Бланки своей милостью, вызвав недоброжелательство, зависть его товарищей.

Во всяком случае, 9 декабря королевский прокурор Тура сообщил начальнику тюрьмы, что Бланки свободен. Когда больному объявили о помиловании, то он испытал явное замешательство. Само по себе слово «свобода» должно бы, казалось, вызвать восторг, радость, счастливое удовлетворение. Но почему помилован только он, тогда как Барбес, Бернар, Дельсад, Киньо, Годар, Валь-ер, Эспинуз остаются в тюрьме? Он, Бланки, который вовлек их в опасное предприятие, окончившееся трагической неудачей, получает свободу, а его товарищи остаются в тюрьме! Как ни измучен был Бланки болезнью, его сознание оставалось совершенно ясным, и он немедленно понял, что речь идет о коварном маневре, предназначенном скомпрометировать его честь революционера и тем самым навсегда лишить доверия товарищей. Он уже никогда не сможет рассчитывать на то, что его призывы к революции найдут отклик, что они воодушевят людей на подвиг. Следовательно, речь идет о том, чтобы он, приняв помилование, отказался от продолжения дела, которое было смыслом его жизни. И Бланки пишет гневное письмо адвокату Дэну, с тем чтобы он передал его решение министру: «Я не только не желаю принять помилование, но я, будучи тяжело больным, предпочитаю, чтобы меня немедленно возвратили в карцер, чем выйти на свободу без моих друзей. Скажите министру, заявите ему категорически, что я настаиваю на полной солидарности с моими единомышленниками. Уж не думают ли они, что эта святая солидарность может быть разорвана насилием пыток? Никогда! Это она поддерживала меня в страшных испытаниях; в ней одной состоит наша сила».

Он также пишет мэру Тура и вновь повторяет, что чувствует себя ответственным за тюремное заключение товарищей: «И если я выйду из тюрьмы, то только последним из них всех. Если мне удалось сохранить жизнь во время всех испытаний, то лишь благодаря шансам на продолжение борьбы. Но стать свободным без них было бы для меня крайним несчастьем. Я протестую со всей силой, которая еще у меня остается, против этого «помилования», которым хотят окончательно меня доконать. Я отвергаю его с негодованием...»

«Реформ» публикует письма Бланки, которые производят огромное впечатление. Дело в том, что обстановка тогдашней Франции остро ставила вопрос политической этики вообще и

морального облика революционера в частности. Революционер изображался господствующими верхами в облике бандита, разбойника, если не хуже. Эта тенденция служила маскировкой и оправданием полнейшего аморализма орлеанистского режима. В истории Франции три политических периода ознаменовались временем господства безнравственности во всех ее проявлениях. Это эпоха Регентства (начало XVIII века), Директории (период от якобинцев до Наполеона) и Орлеанской монархии. Все эти три отрезка французской истории отличались чудовищным моральным падением в политике, жизни и нравах верхов. Правление Луи-Филиппа было, пожалуй, самым грязным из них. Пороки старой монархии сочетались в ней с бесстыдством жадно хватавшей все блага буржуазии. Самые низменные вожделения царили в верхнем слое французского общества. Олицетворением порочности и ханжества был сам Луи-Филипп. Спекуляция, подлог, все виды мошенничества и разврата процветали среди самых влиятельных и самых богатых. Один из ярких представителей революционеров 1848 года, Марк Коссидьер, писал: «Все высшие классы, не опасаясь суда общественного мнения, отдавались, под влиянием развращенности монархического строя, одной лишь болезненной страсти — стяжанию. Между тем Франция страдала в самых глубоких своих жизненных основах. Страна энтузиазма и великодушных порывов, поколебленная в своих навыках, насилуемая в нормальных проявлениях жизни великой нации, не могла долго покоряться такому гибельному правлению».

Революционная сила, выступавшая против режима Луи-Филиппа, должна была обладать моральной чистотой, благородством не только в целях, но и в средствах борьбы. Поэтому акция Бланки, его отказ от помилования, его защита безупречности своей революционной чести служили не только проявлением его личных качеств или интересов, но своего рода знамением эпохи. И эта акция Бланки, как и многие другие подобные действия в защиту чести революционера, играли для французского, да и не только французского, освободительного движения огромную роль. Революция и ее вожди должны, чтобы победить, обладать превосходством не только в материальной силе, но и в своем нравственном благородстве.

Но отказ Бланки от помилования озадачивает власти. Вся их хитроумная затея отделаться от Бланки как опасного революционера, даже если он останется в живых, провалилась. Луи-Филиппу не удалось сыграть на своем лживом милосердии, унизив и тем самым уничтожив авторитет Бланки помилованием. Умирающий выиграл партию, поставив правительство в глупое

положение. Ему не остается ничего другого, как оставить Бланки в больнице. А для Бланки это было и практически необходимо. Тяжелобольной, совершенно нетрудоспособный, он был самым нищим из французов и не имел ни гроша за душой, чтобы прожить на свободе. Властям оставалось лишь надеяться, что природа сделает свое дело и Бланки вот-вот умрет. Словно чувствуя эти настроения, Бланки загорается желанием победить до конца, то есть опровергнуть мрачные прогнозы медиков и выжить! Нет, он не умрет хотя бы потому, что не хочет доставить этой радости своим смертельным врагам! И здоровье его постепенно восстанавливается.

Бланки уже в состоянии приподняться на постели. Апатия, отрешенность оставляют его. Теперь он может принимать посетителей, а их оказалось немало. Газетная шумиха вокруг помилования и отказа от него Бланки привлекли внимание к больному революционеру. Республиканцы и демократы Тура спешат выразить ему свои симпатии. Многих он разочаровывает своей сухостью, нежеланием тратить время на пустой обмен любезностями. Но некоторые, понявшие характер Бланки, посещают его регулярно.

20 месяцев провел он в постели. Только в октябре 1845 года он смог подняться в первый раз. Но еще всю зиму медленно продолжается процесс его выздоровления. А весной Бланки, едва переставляя ноги, мелкими шагами выходит в больничный сад. Одетый в серый халат, колпак, как и все здешние обитатели, он внешне ничем не отличается от них. На солнце у подножия стены он сидит вместе со всеми. Сидит целыми днями, ощущая целительные солнечные лучи. Ему, уроженцу юга, они особенно приятны и необходимы. Потом он возвращается в свою комнату, и здесь его ждет то, чего ему так не хватало в Мон-Сен-Мишель, — газеты. По мере физического выздоровления в нем просыпается прежняя страсть к политике. Тем более что за прошедшие годы в стране произошло много изменений, хотя Луи-Филипп по-прежнему на троне.

Сороковые годы в истории орлеанистской монархии именуют периодом «личного управления». Действительно, все органы власти, от палаты депутатов до последнего муниципалитета, служат исполнителями воли короля. Во главе правительства стоит маршал Сульт, старый вояка, не пользовавшийся популярностью, но зато являвшийся слепым орудием короля. Военного у власти французы обычно называют «знаменитой шпагой». Но Суль-та прозвали «ножнами от шпаги», ибо сам он никакой особой политической роли не играл, предоставляя первую роль министру иностранных дел Гизо; известный историк

и политнк, некогда, при Империи и Реставрации, слыл либералом. В новых условиях ничуть не изменившийся либерализм выглядел крайним консерватизмом, который сам Гизо с тяжеловатой торжественностью провозглашал в качестве идеальной политики: «Все политические направления обещают прогресс, но дает вам его только консервативная политика».

Хотя говорили, что лично Гизо является честным человеком, но именно он возвел в главный принцип государственного управления систему подкупа депутатов; многие из них, чуть ли не половина, были чиновниками, и получаемое ими жалованье, по существу, являлось взяткой; других подкупали разными синекурами, выгодными подрядами, чем угодно, вплоть до орденов и почетных званий. Взяточничество процветало, и непрерывно разоблачались скандальные махинации высокопоставленных мошенников. Гизо патологически ненавидел любое новшество, особенно идею избирательной реформы с целью расширения круга избирателей, в который по-прежнему входила незначительная часть богатого населения.

Он и слышать не хотел о парламентской реформе, хотя ее добивались политики, еще недавно служившие опорой режима. Недоволен был даже лидер «левого центра» (левого в современном понимании ничего в нем не было), уже известный нам Тьер. Он требовал в интересах крупных промышленников более активной внешней политики. Так называемая «династическая оппозиция», представляемая Одилоном Барро, тоже добивалась в рамках сохранения июльской монархии расширения круга избирателей. Большая часть средней и даже крупной буржуазии хотела этого. Она возмущалась также открытой продажностью чиновничества.

Но укреплялась и республиканская оппозиция. Она состояла из умеренных, или «трехцветных», противников монархии. Их рупором была газета «Насьональ». Радикальнее действовали левые республиканцы, или «красные», со своей газетой «Реформ». Они хотели всеобщего избирательного права. Их красноречивым выразителем был адвокат Ледрю-Роллен.

Своеобразным символом политической сущности господствующего класса служила эволюция известного поэта-романтика Ламартина. Начинал он свою политическую карьеру как правый легитимист, сторонник Бурбонов. Ламартин поддерживал орлеанистскую монархию с момента ее установления до 1842 года, когда перешел в оппозицию и заговорил неслыханно демократическим языком: «Опорой правительства должны быть массы, поскольку они страдают, они олицетворяют право, они представляют силу».

Подобный лексикон напоминал декларации самого Бланки! Но это словесное совпадение не могло, конечно, скрыть кардинальной разницы в целях, идеалах, стремлениях этих людей. Но как бы то ни было, изменения в стране произошли. И они были таковы, что Бланки, пробуждаясь вновь к политической жизни, не мог не испытывать горького удовлетворения. Все происшедшее за годы его заключения подтверждало полную обоснованность его глубокой ненависти к монархии Луи-Филиппа. Теперь это чувство уже не является монополией Бланки и его единомышленников. Только то, что он увидел раньше других, — тираническую природу власти Луи-Филиппа, за годы «личного управления» начали понимать даже прежние консерваторы. Система, отрицавшая полезность любых, самых безобидных изменений, не считавшаяся с потребностями даже господствующей буржуазии, все больше как бы отдалялась от реальной Франции, ее нужд и запросов. Что касается рабочих, то их положение было совершенно безнадежным. Не было никаких ограничений в деле их грабежа и эксплуатации. Орлеанистский режим не допускал и мысли о том, чтобы предоставить им хотя бы какую-то возможность защищать свои права. Любые проявления недовольства беспощадно пресекались.

Нельзя сказать, что идея социализма, то есть мысль об улучшении участи трудящихся, умерла, нет, она проявлялась в различных не только старых, но и новых формах. Но всем им не хватало главного: боевого, наступательного духа, энергии, действия, решительности. И в этом смысле за прошедшие годы не появилось ничего нового, что было бы более передовым, чем взгляды и действия Бланки. Практически социалистического движения как такового во Франции тогда не существовало. Речь

шла лишь о распространении и разработке социалистических идей, теорий, взглядов, в которых в разной форме и довольно слабо воплощалось наследие социалистов-утопи-отов Сен-Симопа и Фурье. Фурьеризм продолжал жить главным образом в трудах его популяризатора Виктора Консидерапа, в специальной фурьеристской газете, основанной им в 1843 году. Но идеи фурьеристов ие пользовались успехом среди рабочих. Причиной этого был прежде всего их политический консерватизм. Они считали, что для осуществления их идей тип, форма государства не имеют никакого значения. Кроме того, они выступали за сотрудничество классов, труда и капитала. И фурьеристы совершенно игнорировали конкретные нужды того времени, обещая райскую жизнь лишь в своих фаланстерах. Что касается сенсимонистов, то их мелкие группы в основном соперничали между собой.

Отзвуки социалистических идей шире всего распространялись в романах Жорж Санд и Эжена Сю, в стихах Берапже и Пьера Дюпона. Известная писательница, кроме художественных произведений, публикует серию статей «Политика и социализм», где называет себя социалисткой. Но ее социализм, изолированный от политической борьбы, проявляется как философская утопия. В туманной, мистической и религиозной форме социалистические пастроепия отражались тогда в сочинениях Пьера Леру и Ламеннэ. Наиболее серьезные попытки пропаганды и разработки идей социализма связаны в это время с именами Луи Блана, Жозефа Прудона и Этьена Кабэ.

Луи Блан в 1840 году выпустил книгу «Организация труда», первое издание которой было изъято и запрещено властями. Между тем никакой революционной опасности эта книга собой не представляла. Только тупое полицейское сознание могло принять утопическую проповедь классового соглашательства за революционную угрозу. Оригинальных идей он не выдвигал, но очень ловко компилировал отдельные мысли Сен-Симона и Фурье, которые благодаря его бесспорному литературному таланту приобретали видимость оригинальной доктрины. Луи Блан противопоставлял капиталистической конкуренции идею рабочих ассоциаций, производственных товариществ. Такие ассоциации должны создаваться при помощи государства, призванного стать «банкиром бедных». Государство, конечно, должно превратиться в республику, основанную на всеобщем избирательном праве. Новее должно осуществляться мирным путем сотрудничества трудящихся и капиталистов. Оп считал, что оба эти класса одинаково страдают в тогдашней Франции. Теории Луи Блана были всего лишь прекраснодушной мелкобуржуазной фантазией, в чем скоро французским рабочим придется убедиться па собственном горьком опыте.

Гораздо более шумную известность приобрел в это время другой виднейший представитель социалистической мысли — Жозеф Прудон. Сын крестьянина, затем рабочий-наборщик, он сумел получить образование. Прудон обладал незаурядным литературным талантом. В 1840 году шокирующее впечатление па всю французскую буржуазию произвела его книга «Что такое собственность?».-Дело в том, что на этот вопрос Прудон давал сногсшибательный ответ: «Собственность — это кража». Его даже пытались привлечь к суду, но, разобравшись в безобидности его намерений, оправдали. Оказалось, что Прудон вовсе не враг всякой собственности. Он осуждал только крупный финансовый, ростовщический капитал, крупнейших промышленников, торговцев. И уж пи в коем случае он не требовал коллективной

собственности. Свой путь к «социализму» Прудон видел в сохранении мелкой собственности, в поддержке и поощрении ремесленников, крестьян, которые обменивались бы между собой продуктами своего труда. Поэтому идеи Прудона встретили поддержку и понимание мелкой буржуазии Франции, составлявшей большинство ее населения. Но оп отвергал всякую политическую, особенно революционную, борьбу. Идеи Прудона были чистейшей утопией, ибо он рассчитывал повернуть экономическое развитие общества назад, к докапиталистическим отношениям. Прудон был искренним, субъективно честным, талантливым человеком. Он позпакомился с Марксом и сначала произвел на него самое благоприятное впечатление. Однако вскоре Марксу пришлось убедиться в умственной ограниченности Прудона, оказавшегося не в состоянии воспринять действительные научные представления об общественном развитии. Когда в 1846 году Прудон опубликовал свою новую книгу «Философия нищеты», Маркс подверг ее уничтожающей критике в книге «Нищета философии».

Среди мыслителей социалистического толка, подвизавшихся во Франции в сороковые годы прошлого века, нельзя не упомянуть, наконец, Этьена Кабэ. За это время пятью изданиями вышла его книга «Путешествие в Икарию». Это был фантастический роман о жизни на острове, где процветает полный коммунизм. Идеи Кабэ, которые, в сущности, не представляли собой ничего принципиально нового, завоевали широкую популярность, его газета «Популер» имела 2800 подписчиков, что для того времени было много. Последователи Кабэ говорили, что их число составляет 200 тысяч. Но это было сильное преувеличение. Когда, потерпев неудачу в создании коммунистических общин во Франции, Кабэ решил попытать счастья в Америке, с ним отправилось в это безнадежное предприятие всего 500 человек. Он также был весьма миролюбивым социальным реформатором и говорил, что если бы он держал революцию в кулаке, то никогда не разжал бы свой кулак.

Вот и все новое в области социализма, что появилось во Франции за время, проведенное Бланки в тюрьме. Социализм в основном существовал в форме обмена мнений, идей и имел мало общего с реальной жизнью и борьбой рабочих. Ни одна из новых доктрин не могла привлечь, а тем более увлечь Бланки, поскольку в них, во-первых, оказалось очень мало нового и, во-вторых, все они отрицали революцию, без которой Бланки не мыслил никаких серьезных социальных или политических изменений во Франции. И в этом он оказался прав.

Так, выздоравливая в турской больнице, Бланки как бы познавал заново духовную и политическую обстановку тогдашней Франции. Конечно, процесс физического а духовного возрождения происходил очень медленно. Слишком тяжелы были удары, жертвой которых он оказался, чтобы легко от них оправиться. Самым тяжелым из этих ударов оставалось сознание поражения, неудачи в его революционной деятельности. Конечно, новые явления в жизни Франции, подтверждавшие правильность избранного им пути, сами по себе оказывали целительное воздействие на него. Но их было не так уж много, чтобы сразу восстановить его душевное равновесие, уверенность в себе, прежнюю спокойную решимость. До этого еще было далеко. Условия, в которых он находился в Туре, не были столь тяжелыми, как в Мон-Сен-Мишель. Но жизнь продолжала испытывать его. Смягчение мук физических лишь обостряло душевные переживания. Время не стирало в его сознании прекрасного, но теперь трагического образа Амелии. Он не мог не чувствовать своей ответственности за ее роковую судьбу. Это не было угрызениями совести по отношению к другому человеку, ибо Амелия была для него как бы частью его собственного существа. А себя он обрек на любые муки ради своего революционного идеала. В борьбе за него сам он обнаружил необыкновенную жизненную силу, чтобы пережить обрушившиеся на него тяготы. Но Амелия оказалась, естественно, несравненно слабее. Правда, у Бланки оставался их маленький сын Эстев. В марте 1846 года он пишет резкое письмо его опекуну Огюсту Шакмару, в котором настаивает на своем праве воспитывать сына в том духе, в каком хочет отец. Требуя осуществления своих естественных прав, он заявляет ему: «Я заключенный уже шесть лет, но я заключен не в Шарантоне», то есть не в сумасшедшем доме. Родители его покойной жены втайне от него проделали над его ребенком обряд крещения, тогда как Бланки хотел воспитать сына атеистом. Более того, они с малых лет внушали мальчику неприязнь к отцу, чего в конце концов и добились. Сбылось горькое предвидение Амелии, которая во время последнего свидания в тюрьме Консьержери сказала: «Они восстановят его против тебя».

Неожиданно политика снова непосредственно вторгается в его жизнь, которая казалась надежно изолированной монастырской больницей. Это случилось в связи с бурными событиями, разразившимися в Туре из-за неурожая, вызвавшего резкое повышение цен на хлеб. Доведенное до массового голода трудовое население города захватило баржу, груженную зерном и мукой. Полиция арестовала около 300 участников этого

стихийного грабежа, которому решили искусственно придать организованный характер. Арестовали 28 жителей города, известных своими левыми убеждениями. Но никакие самые упорные допросы не давали полицейскому начальству необходимых материалов для политического «дела». Тогда взялись за турских социалистов. В Туре 26 человек выписывали газету Кабэ «Популер». Здесь продавалось и его сочинение «Путешествие в Икарию». Полиция узнала, что участники хорового общества, носившего одиозное название «Сыновья дьявола», занимались не только пением, но и распространением социалистической литературы. Оказалось, что некоторые из них посещали Бланки в больнице. Полицейские агенты составили список всех его посетителей. Среди них были двое, Беас и Беро, которые уже подвергались заключению в тюрьму за революционную деятельность. Был получен донос о том, что Бланки якобы редактировал Устав рабочего Общества взаимопомощи. Узнали также о его встречах с двумя местными республиканцами. Полицейские решили из всего этого создать дело, которому «участие» Бланки придавало сенсационный характер. Вся эта затея была грубо, примитивно сфабрикована. 21 апреля 1846 года полиция арестовала Бланки, Бееаса и Беро и отправила их в тюрьму соседнего города Блуа. Кстати, по этому поводу Бланки впервые в жизни проехал по железной дороге. Во Франции в это время бурно развивалось железнодорожное строительство.

В Блуа Бланки и Беро предстали перед судом. Королевский прокурор обвинил их в том, что они были закулисными вдохновителями мятежа, выразившегося в разграблении барж с хлебом. Бланки держался во время трехдневного процесса твердо, даже презрительно по отношению к своим судьям. Он не преминул обвинить орлеанистский режим в том, что он и устроил голод, толкнувший голодных на отчаянные действия. Тогда прокурор напомнил ему, что из милосердия король его помиловал, а он проявляет такую черную неблагодарность. Бланки гневно ответил на это:

— Да, я плачу неблагодарностью за многие благодеяния. Вот они: моя семья разрушена, мой сын одним ударом превратился в двойного сироту и оторван от отца подобно тому, как отнимали детей у родителей-про-тестантов во время драгонад. Я измучен физическими пытками тюрьмы, душа истерзана муками; вот ваши благодеяния!

Бланки и Беро суд вынужден был оправдать за недостатком улик. Но Бланки еще месяц остается в тюрьме, ибо ему просто негде жить. Никто из запуганных полицией жителей Блуа не

решался приютить его. Наконец один чудак, мелкий ремесленник Гуте, поселил его у себя. За это ему пришлось поплатиться потерей своей клиентуры и установлением полицейского надзора над его домом. Если Бланки выходил на улицу, то специально приставленный к нему полицейский агент не отходил от него ни на шаг.

Префект обратился к министру внутренних дел с просьбой разрешить высылку Бланки из департамента. Однако предпочли другую, более эффективную меру борьбы с революционером, объявленным «очень опасным». Решили любой ценой обнаружить какое-либо столкновение Бланки с законом, чтобы упрятать его в тюрьму. Но он ведет себя настолько осторожно, что придраться трудно. Правда, он ежедневно ходит в редакцию местной оппозиционной газеты «Курье де Луар-э-Шер». Здесь он внимательно прочитывает все парижские газеты: выписывать их он не в состоянии. Нет у него, по существу, и своего постоянного дома. Живет он в бедном рабочем пригороде, где теснятся убогие домишки. Именно здесь, в Блуа, 24 февраля 1848 года Бланки узнал о революции в Париже, о свержении Луи-Филиппа, о провозглашении республики.

Для всех, кто интересовался политикой, это не было неожиданностью. Ее приближение предсказывали многие. Ламартин еще в прошлом году говорил о надвигавшейся «революции презрения». Действительно, король и Гизо давно уже вызывали не только ненависть, но и презрение своей тупой консервативной политикой, которая привела дела Франции к полному расстройству. Июльская монархия обанкротилась в прямом и переносном смысле. «Июльская монархия, — писал Маркс, — была не чем иным, как акционерной компанией для эксплуатации французского национального богатства». Острейший финансовый, промышленный и торговый кризис со всей силой ударил по делам этой компании, которая умела только грабить, но уже была неспособна хоть как-то управлять. Кроме кучки богатейших финансистов, наживавшихся на новых бедствиях, недовольны были все, включая основную часть буржуазии. Что касается рабочих, то их положение оказалось отчаянным. Только в Париже было 200 тысяч безработных.

Но внешним признаком приближения революции стал, как это ни странно, звон бокалов] Уже летом 1847 года началась кампания по устройству оппозиционных политических банкетов. «Я пью за рабочих, — провозгласил Ледрю-Роллен на банкете в Лилле, — за их неотъемлемые права, за их священные интересы, до сих пор остающиеся неудовлетворенными...» Разглагольствования деятелей типа Ледрю-Роллена имели на

деле мало общего с делом рабочего класса. Но они, несомненно, свидетельствовали о резком ослаблении политических устоев июльской монархии. Луи-Филипп, как и его любимый министр Гизо, не видели особой опасности. Правда, в декабре король осудил кампанию банкетов, «возбуждаемую враждебными или слепыми страстями». Назначенный на 19 января очередной банкет был запрещен. Тогда его перенесли на 22 февраля и призвали провести в этот день демонстрацию протеста против посягательств на свободу собраний. Организаторы этого банкета либеральной буржуазии вовсе не стремились к революции. Не хотел ее и левый республиканец Ледрю-Роллен. Против вооруженного восстания выступал и социалист Луи Блан, предостерегавший против «безрассудных увлечений».

Эти призывы не успокоили никого, и демонстрация 22 февраля оказалась неожиданно очень многочисленной. «Долой Гизо!», «Да здравствует реформа!» — таковы были главные лозунги ее участников. Речь шла сначала лишь о смене ненавистного министра и об увеличении числа избирателей. Но произошли стычки демонстрантов с полицией, а кое-где начали строиться баррикады. На следующий день все это приобретает более значительные масштабы. Луи-Филипп был в этот день ошеломлен очевидными признаками того, что буржуазная по своему составу Национальная гвардия не будет его защищать. Тогда король увольняет в отставку Гизо, который немедленно бежит в Англию, и назначает во главе кабинета известного консерватора Моле. В Тюильри все еще рассчитывают отделаться видимостью уступок. Король обманывал себя любопытным соображением о «сезонном» характере революций. В 1789 году, в 1830-м они начинались летом. Разные мятежи во время его правления также вспыхивали в летнее, теплое время. На этот раз природно-климатический фактор как будто не сказывался.

23 февраля события приобретают грозный характер. Вечером войска расстреливают безоружных демонстрантов у здания министерства иностранных дел. Ночью тела убитых, положенные на две телеги, при свете факелов возили по улицам Парижа. Гнев, ненависть вызывало это зрелище. Началась массовая постройка баррикад. Более полутора тысяч их перегородили улицы, особенно в восточной части Парижа. Восставший народ 24 февраля захватывает казармы, склады оружия, префектуры, Ратушу.

В Тюильри предпринимаются запоздалые судорожные маневры. Король поручает сформировать правительство Тьеру, который обещает избирательную реформу. Но одновременно командующим войсками назначается маршал Бюжо,

прославившийся резней на улице Транс-нонен в 1834 году, само имя которого вызывает взрыв возмущения. Теперь восставшие требуют уже не реформы, а свержения монархии и установления республики. Король подписывает отречение и в почтовой карете бежит из дворца. Вскоре туда врывается восставший народ. Королевский трон вытаскивают на площадь и торжественно сжигают на костре.

А в Ратуше водворилось Временное правительство — плод стихийного волнения, путаницы, случайностей. Главными фигурами оказались консервативный республиканец Ламартин, неоякобинец, щеголявший старыми лозунгами революции 1789 года Ледрю-Роллен, социалист Луи Блан. Первого поддерживал восьмидесятилетний Дюпон де л'Эр, астроном Франсуа Араго, умеренные журналисты Арман Марраст и Луи Гарнье-Пажес, а также Кремье и Мари. Редактор «Реформ» Фердинанд Флокон выступал заодно с Ледрю-Ролленом. Вместе с Луи Бла-ном действовал рабочий Александр Мартэн, известный под именем Альбера, бывший участник тайных революционных обществ. Никто в правительстве не имел ясной, откровенной политической программы. Вместо этого получилось сочетание пустого фразерства, маскировавшего замешательство и страх. Последнее, пожалуй, действовало прежде всего. Восставший народ еще верил им, а они больше всего боялись народа. А он и сам не был един в своих стремлениях. Рабочие возлагали смутные надежды на республику в своих интересах, мелкие буржуа ждали от нее совсем другого, а богатая, крупная буржуазия, сначала крайне испугавшаяся революции, быстро пришла в себя и теперь добивалась того, чтобы все ограничилось сменой политической формы, а ее господство осталось бы нетронутым. Временное правительство, буржуазное в своей сущности, несмотря на присутствие в нем Блана и Альбера, в первое время решило дать какое-то удовлетворение вооруженному народу. Его оно боялось больше всего.

Чтобы снискать благосклонность и успокоить тех, кто еще с ружьями в руках находился на баррикадах, немедленно издается целая серия декретов. Освобождаются политические заключенные, отменяется смертная казнь за политические преступления; вещи, отданные в заклад ростовщикам бедняками, возвращаются, но ростовщики получают компенсацию от государства; оказывается помощь семьям инсургентов, погибших в боях, раздается хлеб бойцам баррикад, рабочим туманно обещают улучшить их участь. Несколько позже издаются декреты о введении всеобщего избирательного права, об отмене рабства в колониях, о предоставлении рабочим права объединяться в

профсоюзы. Уж не оказалось ли Временное правительство действительно народным и революционным? Поверить в это могли лишь очень наивные люди. Гарнье-Пажес цинично признал, что первые декреты были «ценой спокойствия как в Париже, так и во всей Франции».

Правительство обнаружило свой антиреволюционный характер уже тем, что не хотело даже сразу ликвидировать монархию. Ламартин предлагал отложить решение вопроса о государственном строе Франции до проведения выборов и созыва Учредительного собрания. Но в Ратушу явилась делегация вооруженных инсургентов во главе с революционным демократом Распаем и заставила правительство провозгласить республику. Это произошло 25 февраля. Но в этот же день новоиспеченным министрам пришлось столкнуться с еще более головоломной задачей. С утра Гревскую площадь перед Ратушей заполнили толпы вооруженного народа. Цвет площади изменился: преобладал красный цвет. Многие украсили себя красными лентами, прикололи красные кокарды. Над толпой колыхались красные знамена, они развевались на крышах, свешивались из окон. Трехцветные флаги, под сенью которых начиналась революция, теперь тонули в потоке красного цвета. От правительства потребовали, чтобы эмблемой Франции отныне стало не трехцветное, опозоренное Орлеанами, а красное знамя. Ламартин и большинство членов правительства решительно выступили против этого, указывая на традицию 1789 года, на славу трехцветного знамени, завоеванную в наполеоновских войнах. За красное знамя выступили только Луи Блан и Альбер. Луи Блан, будучи историком, указал, что именно оно было национальной эмблемой в XI—XV веках, что исторически оно более оправдано, чем трехцветное. Но дело заключалось не в исторической традиции. Красное знамя представляло рабочий класс, трехцветное — буржуазию. Поэтому решающую роль сыграло соображение министра финансов:

— Если Франция возьмет как эмблему красное знамя, то Биржа, которая уже находится в состоянии величайшего маразма, рухнет.

В конце концов был издан декрет о том, что эмблемой Франции останется трехцветный флаг. Правда, члены Временного правительства будут носить бант красного цвета, его привяжут к древку трехцветного знамени.

Но эта вынужденная уступка только подчеркнула смысл сделанного выбора: революция является буржуазной с некоторым, временным пролетарским, социалистическим дополнением,..

Но не успели министры прийти в себя от волнений по поводу

решения символического внешне, но принципиального по существу вопроса, как снова им пришлось столкнуться с не менее важным, но более конкретным требованием восставшего народа. Коридоры и залы Ратуши заполнили вооруженные люди, явившиеся прямо с баррикад. Их лица и особенно руки были черны от пороха, их одежда представляла собой живописные лохмотья. Группа инсургентов без всяких церемоний ввалилась прямо в зал заседаний правительства. Вперед выступил высокий, атлетического сложения человек в рабочей блузе. О нем ничего не известно, кроме имени. Его звали Марш. Он с грохотом опустил на паркет приклад тяжелого ружья и громко заговорил:

— Граждане! В течение одного часа мы требуем принять решение о праве на труд и об организации труда! Такова воля народа!

Министры молчали, пораженные не столько краткостью, сколько огромным и страшным содержанием этой по-пролетарски красноречивой речи. Между тем Марш сделал всего один столь же лаконичный жест, указав рукой на окна:

— Народ ждет.

Члены правительства заговорили о своем сочувствии к нуждам трудящихся. Но тут же указали на исключительную сложность вопроса. Право на труд не было новым требованием. О нем писали еще французские просветители и демократы XVIII века. Сторонники Бабефа объявляли его естественным правом. Фурье объявил его первым среди всех прав человека. Для Луи Блана оно было равносильно праву на жизнь и являлось главной целью его проектов организации труда. Совершенно неожиданным было второе требование — об организации труда, то есть передаче государству функций частных владельцев предприятий, капиталистов. Речь шла о лишении буржуазии одной из ее величайших привилегий. Решить вопрос об организации труда, да еще за один час, невозможно. Один из министров, однако, не растерялся. Он предложил Маршу написать или продиктовать то, чего хотят рабочие. Делегат рабочих смутился. Он был грамотным, но оказался явно неподготовленным, чтобы в виде импровизации изложить текст декрета. Вмешался Луи Блан и коротко изложил свой проект производственных ассоциаций. Завязалась острая дискуссия. Дело завершилось компромиссом, то есть новой уступкой Луи Блана. Правительство обязалось гарантировать рабочему его существование трудом и обеспечить работу для всех граждан.

Но окончательно провалить идею «организации труда», имевшую явно социалистический характер, не решились. 28 февраля новая демонстрация рабочих потребовала «организации

труда» и учреждения особого «министерства труда» с целью «уничтожения эксплуатации человека человеком». Вее попытки Временного правительства уклониться от принятия этих требований не удались. Пришлось создать «Правительственную комиссию для рабочих» во главе с Луи Бланом и Альбером, которая должна была заседать отдельно от правительства в Люксембургском дворце. Затем родились Национальные мастерские и другие мнимые социалистические затеи. Вскоре выяенится, что все это было лишь маневрами, предназначенными сохранить и укрепить господство буржуазии и отвергнуть все стихийно социалистические притязания рабочих. Но для начала новорожденная республика обзавелась впервые в истории социальными учреждениями.

25 февраля Бланки уже приехал в Париж. Исполнилось восемь лет с тех пор, как его увезли из столицы в тюремной карете. У него были основания для торжества: его смертельный враг Луи-Филипн изгнан, а он, преодолев страшные испытания, вернулся. Но вернулся ли он победителем? — вот в чем заключался для него главный вопрос. Не произойдет ли с новой революцией то, что случилось в 1830 году, когда победу подло украли у народа? И вот по улицам Парижа идет маленький человек, которого с трудом могут узнать даже друзья. Он выглядит так, будто отсутствовал не восемь, а тридцать лет. Он совершенно поседел, его бледное лицо носит следы тюремного изнеможения. Он одет во все черное и никогда не снимает черных перчаток — символ его вечного траура по незабвенной Амелии. Ему всего 42 года, но можно дать все шестьдесят. Вокруг него необычно бурлящий, но уже торжествующий Париж с еще не разобранными баррикадами. Происходит какой-то всеобщий политический карнавал. Гремят барабаны, звучит «Марсельеза», всюду трехцветные и краевые флаги и толпы ликующих людей, в которых настоящие борцы за революцию все больше теряются среди тех, кто ждал решающего перелома событий и теперь присоединился к победителям. В демонстрациях участвует множество священников, они освящают торжественно сажаемые деревья свободы...

Бланки потребовалось всего несколько часов, чтобы встретить друзей по старым тайным обществам. Они вышли прямо из битвы и буквально пахнут порохом. С первых слов торопливых рассказов Бланки стало ясно, что, как он и предполагал, дела в Париже обстоят не так-то просто. В Пале-Рояле, где зарождалась уже не одна революция, Бланки окружила плотная толпа друзей. Весть о его приезде разнеслась молниеносно. Друзья предостерегают его, говорят, что внешняя радостная атмосфера Парижа обманчива.

Среди членов Временного правительства нет истинных революционеров. Еще ничего не решено. Гарнизон Венсеннского замка еще не сдался. Форт Мон Валерьен еще грозит Парижу своими пушками, а в Ратуше спешат разобрать баррикады и поскорее разоружить народ. Вилкок, сидевший в Мон-Сен-Мишель в соседней камере, рассказывает Бланки историю с красным флагом, пересказывает заявления Ламартина и Луи Блана. И все предостерегают его. Но Бланки уже видел список членов правительства и понял все, нет необходимости его убеждать, что революция не решила реально пока ничего из того, чего добивались революционные социалисты. Все хотят знать, что думает сам Бланки, и он наконец заговорил своим сухим, резким голосом:

— Если мы предоставим событиям идти своим ходом, то революция закончится сегодня вечером. Мы не можем терять времени. Нам надо объединиться, чтобы дать республиканскому правительству более широкую базу. Недостаточно изменить слова, надо в корне изменить вещи по существу. Признаком того, что правительство хочет вести страну по старому пути, служит то, что оно не соблаговолило призвать испытанных борцов, что оно окружает себя развращенными людьми. Необходимо, друзья, потребовать от него отчета о его намерениях, и если оно не пойдет правильным путем, его надо сокрушить.

Итак, пока речь идет не о безоговорочном осуждении Временного правительства, но о недоверии, о необходимости бдительности. Первое, что практически делает Бланки, выражается в написании прокламации по вопросу о красном знамени, которая будет напечатана и распространена предстоящей ночью:

«Сражающиеся республиканцы с прискорбием прочитали прокламацию Временного правительства, которое восстановило галльского петуха и трехцветный флаг. Этот флаг, введенный Людовиком XVI, прославленный первой республикой и империей, был опозорен Луи-Филиппом. Народ водрузил красный цвет на баррикадах 1848 года. Пусть не пытаются его опозорить. Он красный от крови, пролитой народом и Национальной гвардией.

Он, сверкая, развевается над Парижем, его необходимо отстоять. Победивший народ не спустит свой флаг».

Это первое вмешательство Бланки в революцию еще недостаточно определенно выражает его политическую линию. Он сам говорил, что это был скорее протест, чем призыв. Но совершенно ясно, что Бланки спешит найти силу, на которую он может опереться, и в этом отношении прокламация о красном флаге служит своего рода пробным шаром. Поразительна

быстрота, с которой Бланки начинает действовать в Париже. Уже в первый день он созывает своих сторонников собраться вечером в зале Прадо, причем с оружием. Он не хочет напрасно потерять даже те два часа, которые остаются до начала собрания. Вместе с двумя товарищами — Вилькоком и Бутоном — он решил попытаться установить контакт с теми вождями победившего восстания, которым он доверяет. Бланки думал встретиться с Распаем, старым, испытанным революционером. Но ему рассказали, что Рас-пай, возмущенный Временным правительством, объявил, что не желает иметь с ним никакого дела. Тогда Бланки решил обратиться к Марку Коссидьеру, назначенному префектом полиции Парижа. Он знал его, испытанного члена тайных обществ, побывавшего в тюрьмах, что для Бланки служило лучшей рекомендацией. Коссидьер имел довольно неопределенную политическую линию, руководствуясь свободно толкуемыми принципами 1793 года. И вот Бланки в префектуре полиции на Иерусалимской улице, в том самом здании, которое он намеревался штурмовать в мае 1839 года.

Перед ним — Коссидьер, огромный, грузный, но нерешительный и растерянный. Он также разочарован Временным правительством, но вместо продолжения борьбы намеревается подать в отставку. Находившийся здесь член правительства рабочий Альбер говорит, что он тоже намерен сделать это. Для Бланки их позиция равносильна дезертирству. Поскольку ни тот, ни другой в отставку не подали, можно предположить, что они просто не хотели или боялись вступать в соглашение с опасным заговорщиком, о появлении которого в Париже уже недовольно говорили в правительстве. Единственное, чего добился Бланки у Коссидьера, был пропуск в здание Ратуши. Туда и направился Бланки, решив попытаться там найти единомышленников. Неизвестно с кем из членов Временного правительства встретился Бланки. Во всяком случае, ожидавшим его товарищам он сказал, что встретил «ледяной прием». Он не обескуражен, хотя и поражен крайней сложностью положения, в котором оказалась революция. Бланки снова возвращается в префектуру и опять пытается договориться с Коссидьером о союзе в борьбе против Временною правительства. Ведь, имея в своих руках префектуру полиции, можно быстро поставить у власти подлинных революционеров. Но Коссидьер на этот раз откровенно заявил, что намерен поддерживать Временное правительство, и окончательно отклонил предложение Бланки. После этого Бланки беседовал еще с двумя знакомыми ему участниками прежних революционных выступлений. И снова он убедился, что Временное правительство пользуется поддержкой,

что объединить против него значительные силы сейчас невозможно.

Когда Бланки пришел наконец в зал Прадо, то увидел его заполненным вооруженными людьми. Здесь были его товарищи по Мон-Сен-Мишель. Собралось много последователей Бабефа. Выступления уже начались, и Бланки услышал многое из того, что он сам думал еще за несколько часов до этого. Ламартина открыто обвиняли в предательстве дела революции. Всеобщим энтузиазмом было встречено предложение свергнуть Временное правительство и захватить власть. И когда Бланки взял слово, то многих охватило удивление. Те, кто знал его, были поражены его хладнокровной сдержанностью. Неужели годы тюремных испытаний превратили его из неукротимого революционера в человека, склонного к компромиссам и уступкам? Речь Бланки действительно показала его с совершенно новой стороны, явно не соответствовавшей его укоренившейся репутации поборника тайных заговоров, мятежей любой ценой и в любое время. На этот раз устами Бланки заговорил осторожный, предусмотрительный, расчетливый и дальновидный политик:

— Франция еще не республиканская страна. Совершившаяся революция — счастливая случайность, и ничего больше. Если мы сегодня захотим привести к власти людей, скомпрометированных в глазах буржуазии политическими процессами, то провинция испугается; она вспомнит о терроре и Конвенте, вспомнит, быть может, бежавшего короля. Сама Национальная гвардия была только нашим невольным соучастником; она состоит из трусливых лавочников, которые могли бы завтра разрушить то, что создали вчера под крики: «Да здравствует республика!»

Его слушают с огромным, напряженным вниманием, хотя он вовсе не был оратором во французском стиле, в духе Дантона, который юрел сам и воспламенял слушателей, поражал бешеным каскадом ярких, сочных, чеканных, отточенных фраз. Нет, он строг, суров, сдержан; его голос тусклый, скрипящий, размеренный. Да и весь его облик совсем не отличается величием и монументальностью народного трибуна в традиционном представлении. Вот он в тот вечер согласно описанию участника собрания Альфреда Дельво: «Маленький, хилый; голова, достойная кисти Гольбейна или Рибера, обрита, как у монаха; глаза глубоко впали в орбиты... лицо покрыто болезненной бледностью; тело, согбенное под двойной тяжестью физических и моральных пыток».

Но его словам эти люди внимают как зачарованные! Кто он, в сущности? Гонимый, замученный тюрьмой пария общества. Его общественное положение? Известность? Все это величины

незначительные, несравнимые с масштабами славы тогдашних французских знаменитостей. Но его слушают затаив дыхание, хотя он говорит совсем не то, что от него ожидали! Вместо призыва к оружию Бланки призывает к выдержке и осторожности, к спокойствию. Его слушатели готовы с оружием в руках пойти сейчас, немедленно, захватить Ратушу, уничтожить это вероломное правительство, а «н говорит, что нельзя пугать провинцию, нельзя восстанавливать против себя всю Францию, страну крестьян, мелких торговцев, верующих католиков. И никто из этих энтузиастов не протестует, не возмущается. Действует магия доверия к Бланки, непостижимая тайна его обаяния. Он уже вождь, а его имя — символ революции, смелости, мужества, преданности народу. Вот чего добились его беспощадные гонители и тюремщики!

Однако что же все-таки следует делать революционным борцам, у которых, как это было в 1830 году, снова хотят украсть плоды победы? Оставаться в бездействии, наивно ожидая естественного развития событий, не вмешиваясь в них? Неужели Бланки не выдвинет никакой программы действий? Нет, он предлагает программу, которая в высшей степени показательна для эволюции политики и тактики самого Бланки.

— Предоставьте, — говорит он, — людей из городской Ратуши их бессилию; их слабость — верный признак скорого падения. В их руках эфемерная власть; у нас же народ и клубы, где мы его организуем по-революционному, как некогда его организовывали якобинцы. Найдем в себе достаточно благоразумия, чтобы подождать еще несколько дней, и революция будет принадлежать нам! Если же мы, как воры во тьме ночной, захватим власть внезапным нападением, кто поручится, что наша власть будет длительной? Разве, кроме нас, не найдутся энергичные и честолюбивые люди, которые загорелись бы желанием низвергнуть нас подобным же способом? Нам нужны широкие народные массы, предместья, пылающие в огне восстания... Тогда, по крайней мере, мы будем обладать престижем революционной силы.

Итак, человек, который до этого видел такую силу лишь в действиях узкой, тайной организации заговорщиков, теперь видит ее в массах. Это явный крупный сдвиг в его революционной стратегии и тактике. Он учитывает условия борьбы, считает, что нельзя свергать Временное правительство, пока оно пользуется народной поддержкой. Он отдает себе отчет в том, что импровизированный захват власти будет кратковременным и вызовет новые заговоры, а затем анархию. Он выступает как осторожный и мудрый политик. И ему верят даже самые

воинственные из революционеров. Он хочет, теперь создать клуб, то есть организацию, открыто проповедующую свои цели, усиливающую свое влияние в массах, без которых ничего сделать нельзя...

Поздно вечером Бланки в сопровождении тех же двоих друзей возвращается с собрания. Вдруг он спрашивает: обедали ли они сегодня? Оказывается, они тоже забыли о еде. Каждый подсчитывает свои деньги. У одного 70 сантимов, у другого один франк, у Бланки — тридцать су. С такими «капиталами» рестораны недоступны. Но Бланки считает, что ему хватит этого на завтра. Он заходит в булочную и покупает хлебец за два су. Этого ему достаточно. На бульваре Пуассоньер они расстаются; Бланки удаляется, и никто не знает, где он проведет ночь.

А Бланки направляется к своей матери, которая живет около Барьер дю Трон, где возвышаются две старинные колонны, воздвигнутые некогда в честь Людовика XIV. Мать и сын теперь вместе, и их отношения наладились, судя по их характерам, без излишних откровений. Просто мадам Бланки счастлива в старости быть не одинокой, и она довольна, что ее сын весь ушел в политику...

Весна 1848

Временное правительство, которое многие ругали за бездарность, в действительности совершило «чудо»: оно за несколько дней уничтожило страх, который вызывали среди буржуазии слова «революция», «республика», «социализм». В сознании французской буржуазии они были связаны с террором 1793 года, с конфискацией богатств, с разгулом «анархии». Но все страхи оказались напрасными. Если не считать отдельных случаев вроде сожжения виллы банкира Ротшильда, уже через несколько дней после провозглашения республики все привилегированные с облегчением перевели дух. Ламартин и его коллеги сумели удивительно ловко приручить опасного зверя — восставший вооруженный народ. Беднякам вернули их вещи из ломбардов, снизили цены на хлеб, сократили на один час продолжительность рабочего дня. Если еще недавно приходилось тщетно добиваться избирательного права для большинства буржуазии или, для людей интеллигентных профессий, то теперь оно было предоставлено последнему нищему. Королевский дворец Тюильри отдали для жилья инвалидам труда! А для безработных открыли Национальные мастерские, где каждый из них мог иметь обеспеченный кусок хлеба.

Все эти временные, показные меры, столь же лицемерные, как речи Ламартина, сделали из грозных баррикадных борцов скромных, преданных правительству граждан. Буржуазия сразу успокоилась и выразила самую пылкую привязанность к новой республике. Счастливы были даже легитимисты, ибо ненавидели Орлеа-нов. В республиканскую веру обратились и члены семьи Бонапартов. Сам Луи-Наполеон изъявил горячее желание служить под знаменем республики. Церковь, исконная опора монархии, объявила революцию орудием божественного провидения. Еще бы, революция не приняла никаких антиклерикальных мер. Все высшие органы монархического государства дружно перешли на службу республике. Также поступили и высшие военачальники, выразившие безоговорочную преданность Временному правительству. Монархические до недавнего времени газеты, такие, как «Пресс», «Сьекль», «Журналь де деба», стали республиканскими, как вся остальная французская печать. Деятели Временного правительства, удалив Луи-Филиппа, сумели не затронуть ни в чем привилегий господствовавшего и прежде класса. Ламартин с удовлетворением заявил о «прекращении страшного недоразумения, существовавшего между различными классами».

Однако то, что Ламартин называл «недоразумением», служило проявлением неумолимого, как рок, закона неизбежной борьбы классов. Ее можно было временно замаскировать, обманув простодушных пролетариев, сражавшихся на баррикадах, можно было создать видимость «примирения», «согласия», «единения». Но этот кратковременный внешний классовый «мир», неустойчивый и призрачный, не мог продолжаться долго, ибо именно онто и был подлинным недоразумением. А классовая борьба неизбежно продолжалась, хотя и в смягченной, замаскированной форме поверхностных компромиссов и экивоков, на которые вольно или невольно шли противостоящие друг другу буржуазия и рабочий класс.

Бланки своим инстинктом прирожденного революционера чувствовал это яснее любого другого политического деятеля революции 1848 года. И он продолжает борьбу, в которой, как он сказал в зале Прадо, «мы имеем народ и клубы». Появление клубов служило отзвуком традиции Великой французской революции, когда клубы якобинцев или жирондистов являлись своего рода политическими партиями. Собрание в зале Прадо и послужило как бы основанием первого такого клуба, который будет называться Центральным республиканским обществом.

В конце марта в Париже уже насчитывалось 145 клубов, а через три месяца их число удвоилось. Правда, существование некоторых было эфемерным и прекращалось через одно-два заседания. Самые значительные и влиятельные среди этих стихийно возникших организаций были связаны с деятельностью известных представителей республиканского и социалистического движения. Рас-пай организовал Клуб друзей народа, Кабэ — Центральное братское общество, последователи Фурье — Центральный клуб организации труда.

Арман Барбес сначала создал Клуб революции. Он же объединил затем несколько других клубов в Общество прав человека. Клуб Барбеса с самого начала был антибланкистским. Ревнивый соперник Бланки проповедовал культ бога, Жанпы д'Арк, Конвента и Робеспьера. Естественно, что эта мешанина фразеологии явилась просто отражением настроений мелкой буржуазии и амбиций самого Барбеса. Он отчаянно боролся за создание единого фронта всех сил в Париже, а затем и в других городах против Бланки и его сторонников. Барбес стремился объединить всех республиканцев не столько против реакции, сколько главным образом против бланкистов. Ангелом-хранителем Общества прав человека оказался Ледрю-Роллен. Став благодаря революции министром внутренних дел, он оказывал обществу финансовую поддержку, чтобы использовать

его на выборах в Учредительное собрание. Жажда власти и славы, завистливая ненависть к Бланки вдохновляли бешеную активность Армана Барбеса. Он помпезно играл роль благородного странствующего рыцаря революции, а Бланки изображал в роли ограниченного Санчо Пансы.

На самом же деле к образу Дон Кихота революции, несмотря на свой маленький рост, больше всего приближался именно Бланки. Героический идеализм, сентиментальный социализм и утопические иллюзии сочетались в нем с истинно революционной страстью и преданностью народу. Если влияние Барбеса основывалось на театрально-эффектной манере слов и действий, то влияние Бланки объяснялось тем, что массы почувствовади именно в нем лучшего выразителя интересов рабочего класса и всех трудящихся. Он не получал от правительства тайных субсидий. Напротив, ему противодействовали всеми средствами. И, несмотря на это, Бланки успешно соперничал с обществом Барбеса, насчитывавшим более 20 тысяч членов.

Центральное республиканское общество явилось своего рода зародышем политической партии. Но только зародышем, не более. У него не было, например, программы. В качестве таковой можно рассматривать еще очень неопределенные взгляды самого Бланки, который был вообще слабым теоретиком, а в то время еще просто не успел изложить тех довольно эклектичных взглядов, которые он выразит значительно позже на основе накопленного опыта и его осмысления.

Бланки поддерживал старый революционный девиз: «Свобода, равенство и братство». Но в отличие от неоякобинцев типа Барбеса или Ледрю-Роллена, щеголявших фразами Робеспьера, он не ограничивался принципами 1793 года. Он не хотел также подражать социали-стам-утопистам в создании иллюзорных, но детально разработанных проектов будущего социалистического общества. Он вообще считал возможным строить планы на будущее лишь на основе общей направляющей идеи. Такой идеей был для него последовательно проведенный принцип равенства. Для его осуществления необходимо прежде всего взять власть в свои руки. После этого предстоит долгий и трудный путь. Однако его можно преодолеть при соблюдении двух условий: во-первых, единство цели между революционным правительством и массами: во-вторых, свержение тирании напитала над трудом. Что касается методов решения этой задачи, то они должны выбираться на ходу, в зависимости от обстоятельств. Гарантией правильности выбора должно служить то, что в состав правительства войдут истинные революционеры, вышедшие из народа.

Нельзя утверждать, что у него уже сложилось социалистическое мировоззрение. Он не обладал способностью включать конкретные социальные и политические явления в какую-то общую теорию социального прогресса. Его не без основания считали социалистом чувства, инстинкта, а не науки, политическим романтиком, которого обуревала страеть к революционному действию. Все это в сочетании с его героической деятельностью революционера и создавало ему авторитет вождя Центрального республиканского общества.

Общество, которое называлось просто клубом Бланки, хотя сам он решительно возражал против такого названия, было самой передовой и революционной организацией среди всех многочисленных организаций, родившихся в ходе революции. Оно выражало наиболее определенно интересы революционного рабочего класса Парижа. Не случайно последователи Бабефа, возглавляемые Дезами в Клубе Гобеленов, примыкали к бланкистскому обществу. Напротив, Луи Блан, наприме;>, с неприязнью относился к нему, поскольку революционные идеи Бланки были прямой противоположностью его планам введения социализма путем сотрудничества между классами. Враждебно относился к нему Ледрю-Роллен, отражая органическую враждебность мелкой буржуазии к идеям революционного социализма. Что касается прямых представителей буржуазии, вообще всех консерваторов, всех правых в политике, то Бланки п его клуб были для них воплощением дикой, разрушительной силы, против которой надо беспощадно бороться всеми средствами. Хотя Бланки в это время явно отказался от заговорщической тактики, его обвиняли в подготовке опасного заговора. Правые говорили, что в клубе Бланки занимаются составлением списка лиц, которые на другой день после захвата власти будут обезглавлены на гильотине.

В такую ложь могли и поверить; ведь на заседаниях других клубов иногда выдвигались самые дикие и фантастические проекты. Например, в Обществе прав человека некий гражданин Дювивье предложил радикально решить социальный вопрос путем поголовного истребления всех людей старше тридцатилетнего возраста, поскольку они слишком испорчены старыми нравами и не в состоянии приспособиться к новому порядку. Другой предлагал установить строгую охрану вокруг домов богачей, с тем чтобы они там умерли с голоду. Курьезов подобного рода было очень много. Ведь неожиданно обретенная свобода после тридцатилетнего монархического застоя выплеснула на поверхность все, даже самые нелепые страсти. Они кипели не только в клубах, но выливались и на страницы газет,

число которых только в Париже достигло 170. Появились такие левые издания, как «Народный представитель» Прудона, «Мирная демократия» фурьериста Консидерана, «Популер» коммуниста Кабэ, «Друзья народа» Распая и другие. Газеты соперничали крикливостью названий, среди которых фигурировали «Спартак», «Робеспьер», «Кровожадный», «Вулкан», «Красный колпак», «Рабочий набат», «Революционный трибунал». Как правило, эти издания с зажигательными заголовками имели эфемерное существование и быстро исчезали.

Вернемся, однако, к Центральному республиканскому обществу Бланки. Начиная с 26 февраля оно заседало ежедневно, кроме воскресений; в первые дни в разных помещениях, а затем укоренилось в Консерватории на улице Бержер. Каждый вечер в полошне восьмого у входа наблюдалась сцена, похожая на то, что происходит у театрального подъезда перед спектаклем. Активисты общества с красными галстуками проверяли пропуска у членов общества и приглашенных. Но в зал заседаний мог пройти каждый желающий за плату. И таких находилось очень много. Даже светские дамы с интересом приходили послушать, что происходит в клубе Бланки.

Обычно подобная публика испытывала разочарование, ибо никаких кровожадных призывов здесь не было слышно. И сам Бланки, сидевший вместе с членами бюро за столом, покрытым зеленым сукном, вовсе не походил на того неистового заговорщика, образ которого создавали буржуазные газеты. К несчастью, даже весьма почтенные люди имели о Бланки самое превратное представление. Вот что писал о нем, например, знаменитый писатель Виктор Гюго, который прошел сложный путь политического развития справа налево: «Не повышая голоса, он требовал голову Ламартина... В его глазах были все отблески 1793 года. Его идеал был двойным: для мысли — Марат, для действия — Алибо (он пытался убить Луи-Филиппа. — ***Н. М.)***. Ужасный человек, предназначенный для мрачной участи, который выглядит как призрак, когда вспоминает о прошлом, и как демон, когда грезит о будущем».

Бланки никогда не требовал голову Ламартина или кого-либо другого. Просто Гюго совершенно не знал и не понимал Бланки. Кстати, вот что писал о нем сам Ламартин, встретившийся с Бланки в это время: «Бланки сам посетил меня однажды утром в то время, когда уверяли, что он замышляет недоброе против моей жизни. Я пошутил с ним по этому поводу. Я не верю, что владеющие духовным оружием берутся за кинжалы. Бланки заинтересовал меня более, чем испугал. Это была одна из тех натур, которые слишком насыщены электричеством времени и

нуждаются в постоянной разрядке. Он страдал революционной болезнью, что и сам признавал. Долгие моральные и физические страдания наложили на его лицо отпечаток скорее горечи, чем злобы. Он говорил остроумно и обладал широким умом. Мне он показался потерявшимся в хаосе человеком, ищущим ощупью света и дороги в окружающем движении. Если бы мы встречались чаще, я мог бы надеяться сделать из него человека, очень полезного для республики. Но он был у меня только раз...»

Этот высокомерный, самодовольный отзыв знаменитого поэта и посредственного буржуазного политика тем более характерен, что во время встречи говорил один только Ламартин, а Бланки внимательно слушал и молчал, сразу поняв, что сделать из Ламартина человека, полезного для французского рабочего класса, никогда не удастся.

Чем же занималось Центральное республиканское общество? В основном там, естественно, говорили. И говорили о многом, если учесть, что среди членов общества были очень разные люди; рабочих там насчитывалось не так уж много. Зато в клубе состояли, например, Шарль Бодлер, другой известный поэт Леконт де Лиль, литературный критик Сент-Бёв, певец Пьер Дюпон, философ Шарль Ренувье и многие другие очень известные тогда люди. Разумеется, выступления интеллигентов, охотнее всех выходивших на трибуну, были часто непонятны для рабочих, то есть для тех, ради кого Бланки и создавал свой клуб, кто был объектом всех его размышлений, для кого он жил и боролся. Бланки терпеливо слушал все, даже самые нелепые речи. Но событием в деятельности общества всегда были выступления самого Бланки. Снова надо дать слово Альфреду Дельво (его описание внешности Бланки уже приводилось):

«Ничто во внешности Бланки не обнаруживало трибуна, а между тем его ораторская мощь была огромна; его скрипучий, резкий, шипящий, металлический, вместе с тем густой, как шум тамтама, голос заставлял дрожать, как в лихорадке, всех тех, кто его слушал. Его красноречие, — бившее не из прозрачного родника, а питавшееся у источников, кипевших величайшим пылом и благородством, — носило дикий характер и изобиловало поразительными, дисгармоничными нотами, раздражавшими слух и рвавшими, как клещами, сердце. Это красноречие, холодное, как лезвие шпаги, было, как и сталь, режущим и опасным; и тем не менее оно возбуждало мрачных энтузиастов, жадно ловивших его слова... Его энергичным речам, его полным ядовитого сока резолюциям, неизменно вызывавшим бурные аплодисменты, помогали еще некоторая ловкость, какая-то хитроумная гибкость, свидетельствующие о том, что этот человек

никогда не давал увлекать себя своему воображению и бурному полету своего духа, а, наоборот, сдерживал их, друг за другом, одним дуновением своей воли... Он говорил лишь о том, что надо было сказать для получения желаемого эффекта. Его ум был чем-то вроде математической формулы: он оперпровал только с такими конкретными величинами, как история, человечество и т. и. Я восхваляю в этих строках его силу и выдаю вместе с тем секрет его мощи. Короче говоря: красноречие и характер Бланки были не огнем, тлевшим под золой, а льдом, положенным под костер...»

Именно благодаря этим своим качествам Бланки сумел придать работе Центрального республиканского общества целеустремленный характер. И ему удалось превратить его в самую передовую силу революции, выражавшую революционно-пролетарскую тенденцию. Это ясно обнаруживается в постановке обществом коренных, самых злободневных вопросов, выдвигавшихся событиями. Что же это были за вопросы?

Как это ни странно на первый взгляд, проблемы социализма, будь то в форме практических действий или теоретических принципов, занимали в работе клуба Бланки наименьшее место. Этот факт подтверждают все сохранившиеся источники и документы, и ***од*** вполне объясним. Ведь Бланки вообще считал нелепостью строить заранее планы социального переустройства, не получив главное орудие для этого, то есть власть. Утопические мечты подобного рода всегда вызывали у него саркастическую усмешку.

Но была ***еще*** одна более практическая и более непосредственная преграда, мешавшая Бланки выдвигать социальные проблемы. Уже говорилось об учреждении «Правительственной комиссии для рабочих» во главе с Луи Бланом. С 1 марта она начала заседать в Люксембургском дворце, где раньше заседала палата пэров, то есть самых избранных и почетных представителей орлеанистской монархии. Теперь, как шутили тогда, в роскошном зале заседали «рабочие-пэры». Действительно, сначала в Люксембургской комиссии было 200 делегатов рабочих, затем их число возросло почти до 700. Там же происходили заседания более 200 представителей от промышленников. Внешне все выглядело довольно помпезно: роскошный зал, на трибуне — красноречивый и образованный Луи Блан, который произносил длинные речи, излагая свои проекты введения социализма путем создания с помощью правительства рабочих ассоциаций.

Однако все это оказалось смешным, а потом и трагическим маскарадом. Бланки понял это сразу. Он сравнивал комиссию с

прилганной, на которую клюнул ее председатель Луи Блан, сделавшийся из пророка социальной республики преподавателем политической экономии. Возможно, Бланки допустил ошибку, не разоблачив сразу лживую, демагогическую миссию Люксембургской комиссии, а изложив свое мнение о ней, лишь когда она уже перестала существовать? Видимо, он сначала хотел присмотреться к тому, что же действительно выйдет из этой затеи, а кроме того, опасался, что подобная критика будет компрометировать вообще идею социализма, столь близкую его сердцу.

Ведь вначале комиссия кое-что сделала практически. Это по ее предложению сократили на один час продолжительность рабочего дня. В Париже создали три рабочие ассоциации: портных, седельщиков и прядильщиков. Они получили правительственный заказ на изготовление мундиров и амуниции для Национальной гвардии. Комиссия занималась разбором конкретных конфликтов между рабочими и хозяевами отдельных предприятий. Но больше всего она занималась слушанием речей, а вернее лекций, самого Луи Блана. Тем самым она внушала всем рабочим Парижа мысль о том, что их делами, заботами, интересами серьезно занимаются. А за это время реакционные члены Временного правительства исподволь готовили реальную вооруженную силу для того, чтобы вернуть рабочих в их прежнее рабское состояние...

Луи Блан в это время призывал рабочих к терпению и умеренности и доказывал им, что от буржуазии ничего нельзя добиться силой, что это и не требуется, ибо все будет достигнуто мирным соглашением.

— Принцип, торжество которого мы должны подготовить, — сказал Луи Блан на первом заседании комиссии, — это принцип солидарности интересов... Да, защищать дело бедных, значит — я не устану повторять это — защищать дело богатых, значит защищать общие интересы. Поэтому мы не защищаем здесь интересов какой-нибудь отдельной группы.

Люксембургская комиссия была очень удобной для буржуазии ширмой, действуя за которой она в конце концов оставила от февральской революции только то, что было выгодно ей самой. Временное правительство возложило на Луи Блана и его заместителя рабочего Аль-бера фиктивную почетную миссию, а на деле оно просто удалило их из правительства, которое делало реальную политику, в то время как в Люксембургском дворце увлекались болтовней.

Клуб Бланки, например, под влиянием своего лидера встает на путь практической борьбы за то, чтобы революция приобрела

как можно более демократический и даже социалистический характер. Такая тактика явилась ответом на явное движение вспять, которое стремились придать революции ее реакционные или так называемые умеренные члены во главе с Ламартином. Начало этого движения назад Бланки отметил уже в первый день своего пребывания в Париже 25 февраля в связи с выбором национального флага. Отказ от красного флага и избрание национальной эмблемой трехцветного ясно обнаружили опаснейшую тенденцию. Бланки почувствовал угрозу повторения истории 1830 года, когда плоды революции были сразу украдены у народа банкирами и Луи-Филиппом. Теперь происходил тот же процесс, но в замедленном темпе, не сразу, как во время июльской революции, а постепенно революционные завоевания растаскивались по кускам. Вслед за первой совершилась и вторая капитуляция, когда Луи Блан отступил от требования создать министерство труда, согласившись на замену его опасной фикцией Люксембургской комиссии. Необходимо было предотвратить дальнейшее сползание вправо и защитить завоевания революции. Для этого надо было прежде всего не допустить сокращения или ликвидации гражданских свобод, без которых деятельность левых клубов, и в первую очередь клуба Бланки, была бы парализована.

1 марта Центральное республиканское общество с энтузиазмом принимает написанную Бланки петицию Временному правительству. В ней говорилось: «Мы твердо

надеемся, что правительство, рожденное на баррикадах 1848 года, не захочет следовать примеру своего предшественника и, восстанавливая разрушенные мостовые, не восстановит законов, ведущих к угнетению народа. Убежденные в этом, мы предлагаем Временному правительству наше содействие в осуществлении прекрасного девиза: Свобода, Равенство, Братство».

Петиция требовала далее немедленно издать декреты о полной и неограниченной свободе печати, об отмене налогового почтового сбора на печатную продукцию, о полной свободе ее распространения, о свободе типографского производства. Но петиция не ограничивалась требованием полной свободы печати. Она настаивала на отмене всех старых законов об ограничении свободы ассоциаций и собраний, требовала новой организации Национальной гвардии, с тем чтобы в ней могли служить не только буржуа, но и рабочие, которые получали бы за это по 2 франка в день.

Делегация во главе с Бланки явилась в Ратушу и вручила петицию. Представитель правительства, а им был сам Ламартин, заверил, что требования либо уже выполнены, либо будут

отражены в новых декретах. Такое заверение давалось тем более охотно, что в борьбе против наиболее революционной организации, против рабочего класса, прежде всего намеревались использовать именно демократические свободы, особенно ставшее отныне всеобщим (для мужчин) избирательное право.

Вручение петиции происходило 7 марта. А за два дня до этого, 5 марта, правительство издало декрет о всеобщем избирательном праве, которое увеличило число избирателей во Франции с 240 тысяч человек до 9 миллионов. Тот же декрет определил дату выборов в Учредительное собрание, назначив их на 9 апреля. Это было важнейшим политическим завоеванием февральской революции, торжеством демократии. Тем более странная на первый взгляд беседа произошла в Ратуше при вручении петиции Центрального республиканского общества, в которой о выборах ничего не упоминалось. Выслушав ответ Ламартина по поводу петиции, Бланки заявил:

— Мы намереваемся также вручить Временному правительству новую петицию, которая покажется, быть может, несколько запоздалой, чтобы потребовать отложить проведение выборов, которые мы считаем преждевременными.

Преждевременными? Но ведь за право народа выражать свою волю сам Бланки вел героическую борьбу! Поэтому его слова выглядели парадоксом. В самом деле, человек, посвятивший себя тому, чтобы народ обрел лучшую участь, получил больше прав, вдруг выступает против скорейшего предоставления этому народу возможности сказать свое решающее слово на выборах, то есть реально участвовать в управлении страной. А между тем Бланки выражал самые благородные демократические стремления. Он справедливо рассматривал всеобщее избирательное право, демократию вообще не как отвлеченные категории или форму политического красноречия. Бланки думал об их практическом осуществлении в условиях тогдашней Франции. Ее население уже полвека непрерывно жило при монархических режимах. Большинство французов составляли крестьяне, которые имели очень смутное представление о политике. События февраля 1848 года в Париже казались им странными и непонятными. Жорж Санд писала, что крестьяне провинции, где она жила, считали, что в Париже действует кровожадный человек по имени «Отец Коммунизм», от которого идут все беды. Они думали, что Ледрю-Роллен — это герцог Роллен, а Ламартин и Мари — любовницы герцога Роллена, которых зовут Мартина и Мари. Конечно, не везде и не все видели события в таком фантастическом облике. Во всяком случае, голосовать на выборах они будут так, как им подскажет, например, местный кюре-или кто-то другой, кому они

привыкли верить...

Ламартин, конечно, знал это не хуже Бланки. Но тем легче предстоящее голосование и выборы законного Учредительного собрания смогут ликвидировать влияние парижских революционных клубов. Как признавался тогда министр иностранных дел Ламартин в доверительных беседах с послами Англии и России, его цель — «борьба против клубных фанатиков, опирающихся на несколько тысяч негодяев и уголовных элементов». Но с представителями восставших рабочих он говорил, конечно, другим языком. Выслушав заявление Бланки, он встал в позу оскорбленной добродетели и торжественно объявил, что Временное правительство взяло на себя обязательство спасти свободу и вернуть власть нации путем всеобщих выборов. Поэтому их долг не продолжать «более одной лишней минуты осуществление диктатуры, которую мы взяли на себя под бременем обстоятельств».

На заседании своего клуба Бланки предлагает написанную им петицию о выборах, которая единодушно одобряется:

«Граждане, немедленные выборы в Национальное собрание были бы опасностью для республики...

Внимание народа, в особенности в деревнях, привлекают только знатные представители побежденных партий; люди же, преданные демократическому делу, остаются почти неизвестными народу. Свобода выборов была бы фиктивной; сплотившиеся против народа враждебные ему силы неизбежно извратили бы его волю...

Если же в результате выборов, поспешное проведение которых было бы столь же опрометчивым, сколь и неоправданным, Учредительное собрание окажется контрреволюционным, Республика не отступит. Сколько же кровавых событий уготовит эта борьба в будущем?..

Мы требуем поэтому отсрочки выборов и посылки в департаменты граждан, уполномоченных просветить сельское население».

Опасность гражданской войны, которую предсказывал Бланки, представлялась тем более реальной, что иллюзия чуда ликвидации «недоразумения», как называл Ламартин классовую борьбу, рассеялась буквально в первые же недели после революции. Монархию Луи-Филиппа Маркс именовал «акционерным обществом», которое отделалось от своего директора, то есть от короля. Но это не спасло его от банкротства. Казна была пуста, французский банк оказался под угрозой краха. Это означало бы катастрофу для господства финансовой буржуазии. Но Временное правительство, его

министр финансов Гарнье-Пажес решили спасти банкиров за счет мелкой буржуазии, крестьянства, за счет всего народа. Этой цели служила целая серия финансовых декретов. 8 и 9 марта в Париже происходит демонстрация мелких торговцев и предпринимателей, так называемый «финансовый мятеж». Они требовали отсрочки выплаты своих долгов банкам. Им отказали, обрекая их на разорение. Так рушился союз средней и мелкой буржуазии, возникший в дни революции. Затем правительство повышает налог на землю почти в полтора раза («45-сантимный налог»). Бланки говорил, что эта мера «привела его в отчаянье» и что в ней «смертный приговор для республики». Действительно, последовал взрыв недовольства крестьян революцией. Его усиливали слухи о том, что деньги крестьян идут не на спасение богатейших банкиров, а на содержание Национальных мастерских и Национальной гвардии. Крестьяне гневно заявляли, что не желают кормить «парижских дармоедов», то есть безработных. Ясно, насколько обоснованной была растущая тревога Бланки по поводу проведения выборов в таких условиях. Но тем более активно выступают за них все контрреволюционеры — крупная буржуазия, банкиры, монархисты всех мастей: легитимисты, орлеанисты, бонапартисты. Проблема выборов становится в центр политической деятельности Бланки.

Он понимает, что влияния одного Центрального республиканского общества недостаточно, чтобы поднять народ на выступление за отсрочку выборов. За объединение демократических сил выступают и другие клубы. Этьен Кабэ, Центральное братское общество, Клуб демократического прогресса выдвигают идею проведения массовой демонстрации с требованием отсрочки выборов и удаления войск из столицы. 13 марта клуб Бланки единодушно голосует за призыв ко всем другим республиканским обществам к объединению. Хотя речь идет о том, чтобы оказать давление на правительство, член этого правительства, социалист Луи Блан поддерживает план проведения демонстрации. 13 марта он прямо заявил другим членам Временного правительства, что если они не отложат проведение выборов, то им придется иметь дело с «демонстрацией ста тысяч граждан, которые явятся в Ратушу выразить свой протест». Луи Блан обвинил также большинство членов правительства в том, что они слишком медлят с проведением социальных реформ. Этот маленький человечек (ростом он был ниже Бланки, не достигавшего и полутора метров. — Н. М.), к покладистости которого все так привыкли, вдруг заговорил небывало решительным тоном. Да и само его участие в подготовке демонстрации свидетельствовало о совершенно

несвойственной ему смелости.

14 марта собирается центральный комитет действия пятнадцати обществ, к которому через несколько дней присоединится до 300 разных организаций трудящихся. Собрание происходит у друга Бланки Флотта на улице Буше около Нового моста. Место выбрано не случайно. Теперь здесь второй дом Бланки, ибо Флотт предоставил ему на время мансарду. Практически своего постоянного жилища у него нет, так же как и приличной одежды. Он довольствуется несколькими су в день, чтобы купить хлеба и овощей, его обычную пищу...

Таким образом, совещание пятнадцати обществ собирается фактически у Бланки. В качестве представителя Люксембургской комиссии участвует и Луи Блан. Он не хочет допустить того, чтобы демонстрация носила открыто антиправительственный характер. Он согласен только на то, чтобы оказать давление на самых правых членов правительства, таких, как Марраст и Мари, открытых противников всяких реформ. Однако другие участники собрания хотят идти гораздо дальше, они стремятся даже сменить правительство, составив его из настоящих социалистов. К этому склоняется Бланки, считающий Луи Блана слишком робким. Для него главное — мобилизация народа для массовой демонстрации. На месте выяснится, какими силами можно располагать, и в зависимости от этого решить, что делать дальше. Если Блан настаивает в основном на социальных реформах, то Бланки прежде всего добивается отсрочки выборов. Ведь победа реакции на выборах все равно ликвидирует любые реформы, тогда как успех на хорошо подготовленных выборах обеспечит действительные и прочные социальные завоевания. В конце концов на совещании 14 марта так ничего и не решили. Согласились с тем, что тактика будет выработана перед самым началом демонстрации.

Но в тот же день клуб Бланки принимает обращение к гражданам столицы, в котором содержался призыв добиваться отсрочки выборов в Учредительное собрание, а также выборов офицеров Национальной гвардии. В нем говорилось, что в Париже в избирательные списки внесено очень небольшое число рабочих. Бюллетени буржуазии окажутся в большинстве. В других городах рабочие еще не проявляют политической активности и могут пойти на поводу своих хозяев. Еще хуже положение в деревне, где влиянием пользуются духовенство и дворяне.

«Мы полны негодования при мысли о том, — писал Бланки в обращении, — что угнетатели могут таким образом использовать плоды своего преступления; было бы святотатством заставлять десять миллионов человек лгать во имя спасения угнетателей и

вырывать у них, пользуясь их неопытностью, санкцию на их порабощение. Это было бы слишком наглым вызовом февральским баррикадам.

Народ не знает правды; надо, чтобы он ее узнал. Это дело не одного дня и не одного месяца. Если в течение пятидесяти лет слово принадлежит одной лишь контрреволюции, то неужели нельзя хотя бы на один год предоставить слово свободе, которая готова разделить трибуну со своим противником, не препятствовать его выступлениям? Надо, чтобы свет проник всюду, в самые маленькие, бедные деревушки, надо, чтобы согнутые рабством трудящиеся разогнули спины и поднялись из того состояния прострации и отупления, в котором держат их под своей пятой господствующие классы».

Бланки снова решительно предостерегает против преждевременных выборов, предсказывая победу реакции, которая неизбежно повлечет за собой жестокую гражданскую войну. Обращение Центрального республиканского общества указывало основную цель намеченной на ближайшее время общенародной демонстрации. Однако непредвиденные события осложнили дело. 14 марта правительство по предложению Ледрю-Роллена решило сделать уступку рабочим, допущенным отныне в Национальную гвардию, установив в ней полное равноправие. Решено было распустить привилегированные отряды «стрелков» и «гренадеров», состоявшие исключительно из буржуа, которые растворились в общей массе гвардейцев. Это вызвало резкий поворот в отношении буржуазии к правительству, вернее, к его левому крылу, представляемому Ледрю-Ролленом. Внешне все выглядело так, будто нанесено оскорбление гордости привилегированных отрядов гвардии. Но за этим скрывалось недовольство буржуазии всеми социальными и экономическими мерами, которые задевали ее интересы, особенно такими, которые хотя бы внешне носили «социалистический» характер. Национальные мастерские, Люксембургская комиссия, провозглашение права рабочих на труд, вообще разговоры Луи Блана о социализме — все это очень раздражало их.

16 марта «медвежьи шапки», как называли гвардейцев привилегированных отрядов из-за их головных уборов, двинулись к Ратуше. К отрядам «стрелков» и «гренадеров» присоединились другие гвардейцы из буржуазии. Уже на пути они столкнулись с рабочими, из толпы которых раздались враждебные возгласы: «Долой медвежьи шапки!», на что последовали ответные крики: «Долой Ледрю-Роллена!» Когда демонстрация, в которой участвовало до 25 тысяч человек, вышла на площадь Ратуши, здесь как раз проезжал экипаж с двумя министрами: Ледрю-

Ролленом и Араго. Враждебные первому из них возгласы возобновились, последовали угрозы сбросить Ледрю-Роллена в Сену. Министрам с трудом удалось вырваться из толпы гвардейцев. Когда делегация гвардейцев явилась в Ратушу, то она натолкнулась на отказ поддержать требования «медвежьих шапок». Более того, им выразили порицание за то, что своим поведением они подают дурной пример рабочим: провоцируют их на мятеж.

Демонстрация буржуазной части Национальной гвардии и в самом деле вызвала возмущение трудящихся. Вечером 16 марта срочно вновь собралась комиссия клубов и решила призвать население 17 марта выйти на демонстрацию протеста против буржуазии. Таким образом, намеченная ранее антиправительственная демонстрация превращалась стихийно в демонстрацию защиты правительства. С утра 17-го началась подготовка к сбору, уже были расклеены прокламации, посланы делегаты, загрохотали барабаны. Но никакой программы требований к правительству еще не было. Утром около Пале-Рояля снова собралась комиссия клубов. Бланки зачитал подготовленный им проект резолюции, в котором требовалось отложить выборы на неопределенное время. Бланки действовал, исходя из того, что кратковременная отсрочка ничего не даст.

Однако Этьен Кабэ подготовил свой проект, в котором предлагалось назначить выборы вместо 9 апреля на 31 мая. Автор утопических проектов коммунизма, который он надеялся ввести без революции, мирным путем, не осмеливался посягнуть во имя подлинной демократии на демократию формальную. Началось торопливое обсуждение двух проектов, Бланки и Кабэ. Верх взяла примиренческая линия Кабэ. Бланки считал это тяжелой ошибкой. Он был обескуражен, но народ уже шел от предместий к Ратуше. Скрепя сердце Бланки не отказался от участия в демонстрации. В глубине души он рассчитывал на то, что при благоприятном стечении обстоятельств, возможно, удастся исправить положение путем, например, удаления из правительства его правых членов.

Демонстрация, начавшаяся после полудня, приобрела огромный размах. В ней участвовало около 150 тысяч человек. Несли множество знамен, красных и трехцветных. Не смолкала «Марсельеза». В демонстрации участвовали также эмигранты из других стран, жившие в Париже. Среди них выделялись двое русских: писатель Иван Тургенев и анархист Михаил Бакунин.

Когда толпа плотно окружила здание Ратуши, от нее отделилась делегация из пятидесяти человек, среди которых находился и Бланки. Правительство приняло делегатов,

собравшись на эстраде. Вокруг министров были руководители многих клубов: Распай, Собрие, Кабэ и Бар-бес. Освобожденный из тюрьмы февральской революцией Барбес стал действовать в Обществе прав человека и, кроме того, командовал батальоном Национальной гвардии. Эго была первая встреча Бланки и Барбеса после февраля. Бланки хорошо знал, что Барбес относится к нему с непризнью. Однако в интересах объединения демократических сил он готов был сотрудничать с ним. И он делал соответствующие предложения через ‘некоторых общих знакомых. Но Барбес не реагировал на эти авансы. Более того, политически пути этих людей разошлись. Барбес безоговорочно поддерживал тогда Ламартина и сохранял свою враждебность к Бланки.

Вопреки мнению некоторых историков Бланки не выступал перед правительством от имени делегации. Он вообще не произнес ни слова, ибо считал требование отложить выборы лишь на 31 мая совершенно неприемлемым. Правительство поручило ответить делегации Луи Блану. Это был тонкий расчет. Блан был социалистом, самым «левым» в правительстве. Ему и предстояло успокоить народ неопределенными обещаниями. Но это означало, что он изменяет самому себе, поскольку в комиссии клубов он высказывался за отсрочку выборов. Луи Блан легко пошел на эту измену, что вполне соответствовало его натуре. «Эта демонстрация напугала меня», — заявит он в августе 1848 года.

Луи Блан произнес длинную речь, в которой высказал множество восхвалений в адрес народа, он даже похвалил делегацию, обещая, что правительство рассмотрит требование клубов безотлагательно и в крайне благожелательном духе. После этого он попросил делегацию удалиться. Однако один из бланкистов резко прервал эту сладкую песню:

— Мы не уйдем отсюда, пока не получим ответ для передачи его народу!

В ответ Луи Блан заговорил о достоинстве правительства, о необходимости спокойно обсудить требования. Однако единство делегации было нарушено.

— Мы не хотим, — заявил Кабэ, — оказывать влияние на правительство и тем более принуждать его.

Ледрю-Роллен немедленно зааплодировал по этому поводу и сказал, что нельзя принимать решение об отсрочке выборов без консультации с провинцией. Кабэ сразу заявил, что делегатам не остается ничего другого, кроме как уйтп. После этого он повернулся и пошел к выходу. Одпако бланкисты не двинулись с места и потребовали конкретного ответа. Луи Блан снова начал говорить о до-стшкениях правительства, о доверии к нему народа.

Но бланкисты продолжали стоять на своем и заявили, что не доверяют Ледрю-Роллену. Тогда вмешался сам Ламартин:

— Если меня будут принуждать силой, то я вам скажу то, что я уже говорил: вы не вырвете из моей груди согласия, даже если ее прострелят пули. Будьте осторожны с собраниями такого рода, как бы они вам ни нравились: 18 брюмера народа может породить 18 брюмера деспотизма!

Все, в том числе и Бланки, поняли, что ничего больше не добьются, и двинулись к выходу. Один из них, Флотт, повернулся к Луи Блану и крикнул:

— Значит, ты тоже предатель?

А толпа на площади вызывала правительство на балкон. Туда двинулись Ледрю-Роллен со своим большим животом и крошечный по сравнению с ним Луи Блан. Раздались приветственные возгласы. Демонстранты решили, что требования приняты, и показывали свое единение с правительством. Демонстрация имела только видимость успеха. Однако ее масштабы все же напугали политиканов, и они решили отложить выборы в Учредительное собрание на две недели, до 23 апреля, на день пасхи. Такая уступка ничего не меняла. Гигантская демонстрация напугала буржуазию, увидевшую опасность возвращения к атмосфере февральских дней. Классовому «единению» пришел конец. Правые объединяют свои силы и готовят наступление на революционных рабочих Парижа. Все брошено на подготовку выборов, на захват большинства в будущем Учредительном собрании. Для этого создаются многочисленные избирательные комитеты правых республиканцев и монархистов всех оттенков. Но контрреволюция рассчитывала не столько на собственные силы, сколько на раскол среди республиканцев. Большинство среди них объединяются в федерацию демократических клубов. Инициатором выступил Барбес и его Клуб революции. Барбеса поддерживает Ледрю-Роллен. Используя положение министра внутренних дел, он оказывает ему денежную помощь из секретных фондов. Луи Блан призвал Люксембургскую комиссию включиться в подготовку выборов. С/на создала для этого Центральный комитет рабочих департамента Сены. Но такие люди, как Ледрю-Роллен, Луи Блан и даже «рыцарь» революции Барбес, вступивший в союз с буржуазными республиканцами, не хотели и не могли держаться на революционных позициях. Их роль в борьбе за отсрочку проведения выборов в Учредительное собрание прямо играла на руку крайне правым, монархическим силам.

После 17 марта Бланки понял, что союз с ними означает

капитуляцию, превращение рабочего класса в безропотное охвостье буржуазии. И он убедился, что никто из них, даже «социалист» Луи Блан, не будет искренне защищать интересы рабочего класса. Республика этих людей будет продолжением старого режима угнетения рабочих под новой республиканской вывеской. Она ничего не сделала для них, кроме издевательских затей вроде Люксембургской комиссии. Более того, в перспективе — новая гражданская война, к которой рабочие должны подготовиться, чтобы спасти себя от полного поражения. Для этого прежде всего необходимо, чтобы они осознали свои собственные интересы. Бланки решительно меняет свою тактику и делает попытку объединения революционных пролетарских сил на основе не просто республиканской, но социалистической программы, сутью которой служит идея, что республика без социализма, без свержения тирании капитала ничего не даст рабочим.

Бланки намеревается объединить вокруг Центрального республиканского общества всех, кто разделяет его взгляды. 25 марта публикуется манифест, адресованный демократическим клубам Парижа. В нем новая тактика Бланки:

«Республика будет ложью, если она станет только сменой одной правительственной формы другою. Недостаточно изменить слова, надо изменить вещи. Республика — это освобождение рабочих, это конец господству эксплуатации, это наступление нового порядка, который освободит труд от тирании капитала.

Свобода! Равенство! Братство! Этот девиз не должен быть пустой театральной декорацией. Довольно погремушек! Мы не дети. Нет свободы, если нет хлеба. Нет равенства, если изобилие выставляется напоказ рядом с нищетой. Нет братства, если работница со своими голодными детьми валяется у ворот дворцов. Работы и хлеба! Существование народа не может быть отдано на милость махинаций злой воли капиталистов».

Таким образом, если до 17 марта Бланки выдвигает лишь политические требования, стремясь обеспечить лучшие условия для борьбы за социальные цели рабочих, то теперь он действует иначе. Раз не удалось путем сотрудничества всех демократических сил добиться принятия политических требований, то он переходит к социальной борьбе. Теперь Бланки добивается не республики вообще, а социальной республики.

Манифест Бланки и другие проявления его новой тактики не остаются незамеченными. В то время как все политические организации поглощены подготовкой к выборам, Бланки вообще не говорит о них ни слова. Зная заранее, что выборы ничего хорошего не дадут пролетариату, он ставит перед собой другую

цель. Отныне Бланки хочет действовать не в рамках буржуазного республиканского строя; он посягает на существо самого этого строя. Все буржуазные республиканцы, все монархисты и клерикалы немедленно сознают это.

Бланки давно уже внушал подозрение многим «благонамеренным» людям. Теперь он становится воплощением страшной угрозы для всех, кто заинтересован в сохранении буржуазного строя. Ведь он хочет организовать рабочих под знаменем социализма, снова вывести их на баррикады. Но на этот раз они будут сражаться не за чужие, а за свои собственные цели. Ненависть к Бланки резко возрастает. Его имя становится символом смертельной опасности. Из уст в уста передают, что он требует 200 тысяч голов буржуа! Его необходимо остановить, обезвредить, уничтожить — эта идея терзает сознание многих. Вот почему против Бланки, как пишет французский историк А. Зеваэс, «совершается наиболее чудовищное и гнусное из нападений, которому он когда-либо подвергался за все время своей боевой и страдальческой жизни, наиболее бесчестное из нападений, когда-либо произведенных на политического деятеля».

Провокация

Политическая цель может быть достигнута разными средствами. В данном случае цель заключалась в необходимости устранить Бланки. 17 марта правые ощутили грозное могущество людского моря. Если народ обретет вождя, пользующегося безоговорочным авторитетом, если этот вождь одарен способностью к целеустремленному энергичному действию, то призрак новой революции станет неотвратимой реальностью. Как же вывести Бланки из этой игры, приобретавшей опасный характер?

Проще всего было бы физически уничтожить его, использовав какого-нибудь подонка, которых всегда хватало в Париже, а в это смутное революционное время их обнаружилось особенно много. Но политическое убийство удесятерит любовь народа к Бланки, превратит его в героический образ мученика, зовущего к отмщению. Мертвый он может оказаться опаснее, чем живой. Это сообразил даже Луи-Филипп, когда он перевел умирающего Бланки из Мон-Сен-Мишель в Тур, а затем вообще помиловал его. Нет, убийство — дело слишком рискованное.

Нельзя ли договориться с ним, приручить его, вступить в союз, соблазнив его приманкой мнимой власти? Такой метод блестяще оправдал себя с Луи Бланом. Этот социалист так успешно защищал дело буржуазии, как этого не смог бы сделать самый талантливый и ловкий буржуа. Даже Барбес из пылкого революционера, выступавшего заодно с Бланки, превратился в человека, преданного правительству, вернее, его министру внутренних дел. Увы, Бланки имел совсем иной характер. Он не отступит с избранного пути. Но все же, может быть, стоит попытаться? В окружении Ледрю-Роллена склонились к этому варианту. Во всяком случае, министр уже решил 31 марта встретиться с Бланки для серьезного разговора. Но вряд ли он пойдет на сделку...

Нет, самое верное — уничтожить Бланки политически, подорвать веру в него, скомпрометировать революционера так, чтобы он был убит морально. Ведь люди, особенно простые, доверчивы как дети. Честные сами, они легко верят в честность других и больше всего тех политических деятелей, которых выдвинула революция, свергнувшая короля воров Луи-Филиппа. Они отвернутся от человека, который не внушает нм доверия. Стечение злонамеренных действий и непредвиденных случайностей привели именно к этому, третьему, самому эффективному и неотразимому методу покушения на Бланки.

31 марта 1848 года вышел первый номер «Ревю ретроспектив» («Историческое обозрение»), выпущенный неким Жюлем Ташеро. Собственно, он лишь возобновляет издание, выходившее при Луи-Филиппе и публиковавшее разные старые полицейские документы скандального характера. Тогда Ташеро служил секретарем префектуры департамента Сена и занимался мелкой литературной возней. Сразу после февраля он сблизился с некоторыми членами Временного правительства, с Гарнье-Пажесом и Ледрю-Ролленом. Последний допустил его к архивам старого правительства.

И вот в первом номере издания Ташеро и напечатал текст документа, который, как уведомляли читателей, получен из архивов министерства внутренних дел. Издатель сообщал, что публикует заявление, сделанное лицом, имя которого не названо, министру внутренних дел 22, 23, 24 октября 1839 года. Это были показания о создании, деятельности организации, о руководителях, о связях, об истории тайных обществ, начиная с покушения Фиески, «Общества семей», «Общества времен года» до подготовки и хода восстания 12 мая 1839 года.

Первая часть, датируемая 22 октября, начинается словами: «Происхождение «Общества семей» восходит к июню 1835 года. Я был его создателем...» И далее рассказывается все, включая характеристики личных данных руководителей общества.

Вторая часть, помеченная 23 октября, излагает события 12 мая. Рассказывается о всех деталях этого трагически неудачного дня, закончившегося провалом **и** арестом большой группы участников во главе с Барбесом. Здесь приводятся подробные данные о всех боевых группах общества с указанием их руководителей.

Третья часть, относящаяся к 24 октября, содержит рассуждения о перспективах мятежа бонапартистов. Рассказывается также о денежных ресурсах «Общества времен года», о его связях с офицерами и солдатами разных полков армии.

Ташеро сообщает, что сам документ не подписан, и поэтому он не называет имени человека, сделавшего это заявление, ибо участники событий сами должны назвать того, кто сделал опубликованные спустя восемь лет разоблачения. Определить его легко, ибо всем давно было известно, что руководитель «Общества времен года» — это Бланки.

Итак, речь шла о том, что незадолго до суда Бланки, находившийся тогда в тюрьме, подробно рассказал министру внутренних дел Луи-Филиппа Дюшателю всю историю восстания 12 мая 1839 года, со всеми деталями. Это не донос, ибо основные

его участники были либо уже осуждены, как Барбес, либо сидели в тюрьме в ожидании суда, как Бланки. Но это, во всяком случае, необычайная и странная, хотя и запоздалая, выдача врагу сведений о революционных заговорщиках, часть которых еще оставалась на свободе. Бросались в глаза много несуразностей. Если это письменные показания, то почему они не подписаны? С какой целью все это было сообщено властям, если судьба автора, а им, как явствовало из документа, мог быть только Бланки, уже была, в сущности, решена? Поскольку почти все, что содержалось в «признании», и без того уже было известно полиции, зачем ей потребовались эти новые показания, которые и не были использованы на суде над второй группой бланкистов во главе с самим Бланки? Когда был вообще написан этот документ и почему он был опубликован именно 31 марта 1848 года?

Все это производило отвратительное впечатление какой-то липкой паутины, намеков, двусмысленности, грязной инсинуации, подозрительной затеи, где ясно было только одно: чье-то стремление очернить Бланки с его репутацией героического революционера, разоблачив его как подлого предателя своих товарищей. Ясно было также, что Ташеро не сам лично был заинтересован в этой публикации, а кто-то другой, стоящий за его спиной.

Первое впечатление всех, кто хотя бы что-то знал о событиях 12 мая 1839 года, о последующей жизни Бланки, о его деятельности после февральской революции, выражалось в недоумении, замешательстве, растерянности.

Что же касается самого Бланки, то можно только догадываться о потрясении, которое он испытал; потрясении более сильном, чем все его неудачи, все его тяжкие испытания...

На другой день «Газет де трибуно» и «Журналь де деба» перепечатывают текст «документа Ташеро». Сразу же, 1 апреля, Бланки направляет в обе редакции следующее письмо, которое они затем публикуют:

«Господин редактор.

Вы поместили сегодня документ, который Вы перепечатали, по Вашим словам, из «Ревю ретроспектив». В этом документе на меня указано с такой ясностью, как если бы в нем было напечатано мое имя.

Этот документ был сфабрикован моими недостойными врагами, которые скрываются, но которых я разоблачу.

Я прошу Вас напечатать настоящее письмо в ожидании того ответа, который я дам, на направленное на меня неслыханное нападение.

Л.-О. Бланки».

Итак, Бланки сам признал то, что понял уже весь Париж. Но совершенно неожиданное событие оставалось тяжелой, мучительной загадкой. Все знали непримиримо враждебные отношения между Бланки и полицией, между Бланки и его судьями. Жгучая ненависть и холодное презрение, гордость своей ролью и судьбой революционера, отсутствие малейших признаков страха — вот что отличало его поведение на всех судебных процессах, в тюрьмах, куда он был заточен. Представить себе, что этот человек одновременно мог оказаться предателем, доносчиком, было немыслимо для всех, кто верил, знал, любил, кто восхищался Бланки и готов был следовать за ним всегда и всюду.

Вот почему в тот же день у дверей Консерватории, где происходили заседания Центрального республиканского общества, люди начали собираться задолго до начала заседания. Наконец явился и он сам, старый, испытанный борец, известный заговорщик, человек, уже превратившийся в легенду, которую осмеливаются переделывать в дикий, чудовищный фарс! Все ждали, что, как только появится Бланки, он с его неумолимо четкой логикой, ясностью мысли, пылом убежденности и честности не оставит камня на камне в лживом построении «документа Ташеро». Сердца друзей Бланки бились и замирали, они страдали за него, почувствовав в этот критический момент, как много он значил для них. Бланки заговорил.

Он спокойно, холодно сообщил, что публикация в «Ревю ретроспектив» является гнусной клеветой, что документ даже не имеет подписи. Он ответит на эту ложь и заклеймит ее, но ему необходимо время для изучения документов, чтобы сделать разоблачения, которые коснутся репутации некоторых членов правительства. Он объявил, что временно сложит с себя обязанности президента и не появится в клубе до тех пор, пока не добьется своей полной реабилитации. И все. Потом он уступил председательское кресло заместителю и сел в глубине зала. Больше он не сказал ничего.

Он не появлялся в клубе почти полмесяца. Бланки продолжал жить у Флотта на свои жалкие 50 франков в месяц. Эти деньги, вероятно, ему давали сестры. У него уже не было никаких отношений со старшим братом Адольфом. Он один, но все же выходит, чтобы встречаться с бывшими членами обществ «Семей» и «Времен года». Он собирает их подписи под каким-то документом. Бланки встречается с Ташеро, но эта встреча не дает никаких результатов. За это время он отправил два письма в газеты, касающиеся странных пустяков по сравнению с объяснением, которое нетерпеливо ждут его друзья, появления

которого опасаются его враги. В одном письме он отрицал, что префект Коссидьер предлагал ему заграничный паспорт, в другом указывал, что Ламартин и Лед-рю-Роллен до публикации «документа Ташеро» предлагали ему встречи. Все это странно и непонятно. Многие думали: не лучше ли было поскорее объясниться, чтобы прекратить состояние замешательства, воцарившееся среди революционеров? Непонятная затяжка вызывает слухи, подозрения. Алэн Деко объясняет ее так: «Истина состоит, несомненно, в том, что Бланки не учитывал фактор времени. Сказался рефлекс, приобретенный в течение долгих лет. Время заключенного измеряется не так, как у свободного человека. Оно существует для него только ради намеченной цели. Но цели нет в жизни заключенного. Бланки потребовалось время для ответа. Но он не имел его».

Действительно, те, кто сомневался, кто искал ответа на вопросы, естественно, шли к Барбесу. А он, бывший соратник Бланки, превратился в его главного, смертельного врага! Отношения этих двух людей уже давно были отравлены завистливой ревностью Барбеса. Человек яркий, талантливый, но сумбурный и беспринципный, давно уже возмущался тем, что Бланки, этот невзрачный коротышка, почему-то пользуется большими влиянием, авторитетом, славой, чем он, Барбес. А славу он любил больше всего и ради нее ринулся в авантюру революционных дел, оставив удобную и приятную жизнь богатого человека! Но этот нищий, жалкий человечек, оказывается, был более привлекательным для глупой толпы, чем он, красавец, умеющий пышно говорить, которого уважают сильные мира сего, Ламартин, Ледрю-Роллен. Они советуются с ним и просят его помощи. Неизвестно, узнал ли от них Барбес о «документе Ташеро» еще до его публикации. Ведь в Ратуше документ появился еще 22 марта, и именно там решили пустить его в ход. Нет точных дапных, что Барбес замешан в этот заговор против Бланки. Но такая возможность не исключена.

Временное правительство, предпринимая свою злобную акцию по устранению Бланки, явно рассчитывало на Барбеса. Ведь его органическая ненависть к революционеру была хорошо известна. Еще в июле 1844 года Барбес направил Луи Блану, который был крупным историком и собирал тогда материал для своей «Истории десяти лет», письмо на 15 страницах, которое, однако, историк не использовал в своей книге. Дело в том, что вместо информации о фактах широкого политического значения, все письмо представляло собой злобное описание личности Бланки. С одержимостью завистливого маньяка он изображает Бланки болезненно тщеславным человеком, претендующим на

первенство любой ценой, в любое время и по любому поводу. Тем самым Барбес обнаруживает собственные претензии. В действительности многочисленные факты свидетельствуют, что Бланки часто намеренно держался в тени, тогда как стремление к славе было главной чертой Барбеса. Еще более нелепы попытки обвинить Бланки в трусости. Уже рассказывалось, как Барбес хотел уклониться от участия в мятеже 12 мая 1839 гора и только настойчивое упорство Бланки заставило его покинуть свое богатое поместье. Но он и не мог простить этого Бланки, сожалея о том, что из-за Бланки променял роскошную жизнь на юге Франции на камеру в Мон-Сен-Мишель.

Барбес сразу занял совершенно враждебную позицию. Он заявил без колебаний: только он или Бланки могли сделать такое заявление министру внутренних дел, ибо данные, приведенные в документе, были известны полностью им двоим и частично Ламьесану, за верность которого он ручается как за свою собственную. 1 апреля на заседании своего клуба Барбес темпераментно, гневно разоблачал измену Бланки. Впрочем, и другие клубы бурлили спорами и колебаниями по поводу документа. Клуб революции принял решение создать комиссию по расследованию...

Действительно ли Барбес был искренне убежден в том, что «документ Ташеро» был написан самим Бланки? Некоторые исторические свидетельства заставляют в этом усомниться. В воспоминаниях участника событий тех времен Луи Комба говорится, что сначала Барбес сразу увидел в нем полицейскую фальшивку. Он пишет: «Сеньор-жан, старый республиканец и один из старейших членов тайных обществ, пламенный поклонник Барбеса (холоден к Бланки, но не враждебен ему), рассказал мне в Бель-виле, что в день опубликования «документа», встретив Барбеса, он спросил его мнение об этой злобе дня. Барбес ответил с его обычной непосредственностью, что о я нисколько не сомневается в подложности «документа», так как нет ничего легче сфабриковать подобный пасквиль... Я ручаюсь за подлинность этих слов Барбеса, которые мною сообщались другим, могущим засвидетельствовать это».

Пусть простит читатель автора за то, что эта глава будет перегружена цитатами. Но иначе поступить невозможно, ибо речь идет об очень щекотливом деле, здесь нужны факты, документы, свидетельства. Вопросы чести великого революционера и сейчас, спустя более ста лет, отделяющих нас от событий во Франции середины прошлого века, имеют самое актуальное значение.

Возвращаясь, однако, к Барбесу, можно предполагать, что если утром 1 апреля 1848 года он сначала инстинктивно занял

позицию, соответствующую истине, то вечером того же дня после «советов» его друзей вроде Ледрю-Роллена заговорил иначе.

14 апреля сто пятьдесят разносчиков газет оглашали парижские улицы криками:

— Ответ гражданина Огюста Бланки за одно су!

«Ответ» был напечатан в форме большой листовки, на обеих сторонах которой не было никакого текста, кроме написанного Бланки документа. Отпечатали около 100 тысяч экземпляров. Долгожданный ответ расхватывали с нетерпеньем и тут же, на ходу, читали. Правда, разочаровывала его краткость. Все почему-то ожидали, что ответ Бланки будет пространным, систематичным, что он будет пункт за пунктом, касаясь каждой детали, объяснять фальшь «документа Ташеро». Но Бланки предпочел не защиту, а нападение, не столько логику аргументов и выяснение деталей, сколько разоблачение моральной, нравственной несостоятельности его обвинителей. Они представили сенсационные «показания» без подписи того, кто их будто бы дал, рассчитывая главным образом на силу клеветы.

«Клевету, — пишет Бланки, — всегда встречают доброжелательно. Ненависть и доверие вкушают от нее с наслаждением. Ей не надо много тратиться: лишь бы она убивала, а до правдоподобия никому нет дела! Даже явная нелепость не может ей повредить. В каждом сердце она имеет тайную защитницу — зависть. Всегда придираются не к ней, а к ее жертвам, от которых требуют доказательств. Целая жизнь, полная самопожертвования, аскетизма и страданий, идет в одно мгновенье насмарку и разбивается одним движением руки».

Однако это всего лишь моральная сентенция, хотя и блестяще написанная в литературном отношении. Этим, особенно во Франции, никого не удивишь и не поразишь. В самой, как принято считать ее, юридической стране мира нужны доказательства, аргументы. Бланки представляет свои доказательства. Йри этом они носят не бесспорно документальный характер, а логический и даже в значительной мере эмоциональный. Поэтому первое впечатление от «Ответа», безусловно, чувство симпатии, сочувствия к Бланки. Но более тщательный анализ документа, его девяти основных положений приводят к заключению, что еще остаются неясные моменты, что не на все вопросы, возникающие при чтении «документа Ташеро», даны исчерпывающие ответы...

Во-первых, Бланки объясняет полумесячную задержку со своим ответом плохим состоянием здоровья, подорванного тюрьмой, неожиданным, внезапным характером нападения на него и необходимостью изучить пути, по которым «документ»

появился на свет.

Во-вторых, он подчеркивает преднамеренность публикации «этого удара наемного убийцы ножом в спину». Бланки связывает появление «документа» с политическими замыслами правительства, стремящегося устранить врага, который приобрел огромное влияние на массы: «Для вас хороши все средства, могущие раздавить опасного соперника... Этот «документ Ташеро» был вам необходим, и вы его нашли».

В-третьих, он подчеркивает коренное противоречие основной версии провокации против него. С одной стороны, в конце октября 1839 года Бланки будто бы в страхе подло выдает министру внутренних дел все тайны «Общества времен года», а уже вскоре, в январе, на процессе он смело и открыто бичует своих судей. «На следующий же день, — пишет Бланки, — этот подлец стоит во весь свой рост перед палатой пэров! Он говорит дерзости судьям! Он оскорбительно молчит! Он подтверждает перед всем судилищем факт заговора! Он публично унижает тех, колени которых он накануне обнимал, трясясь от страха! Как согласовать эту низкую выходку от 22 октября, когда он был далек от опасности, с его порывом храбрости 14 января перед лицом опасности?»

В-четвертых, фактическое содержание так называемых «показаний» вообще уже не было тайной для властей в конце 1839 года. Бланки указывает, что факты, о которых говорилось в «документе Ташеро», были известны ста пятидесяти членам «Общества», а не только ему и Барбе-су. Что касается списка руководителей, то в комитете того времени был тайный агент полиции, один будущий провокатор. Не в этом ли источник всего дела? К тому же в «документе» десятки ошибок в датах и фактах, искажающих истину.

В-пятых, Бланки подчеркивает нелепость гипотезы своих врагов, по которой он представил полиции свои показания, чтобы сохранить жизнь, тогда как после помилования Барбеса, по его мнению, король обязательно должен был помиловать и Бланки. Он пишет: -«Измена! Но зачем? Чтобы спасти мою голову, которая, как это всем известно, не подвергалась никакой опасности? Спущенная с цепи месть не могла в своей ярости воздвигнуть эшафот; мог ли он вырасти после восьмимесячного успокоения и забвения?»

В-шестых, он отвечает на вопрос тех своих противников, которые спрашивали, а не хотел ли Бланки показаниями добиться облегчения условий своего неизбежного заключения в тюрьме? «Мон-Сен-Мишель и Турская исправительная тюрьма могут ответить на этот вопрос. Из всех моих товарищей кто испил столь

полную чашу зол, как я? В продолжение целого года вдали от меня умирала от отчаяния любящая женщина; а потом четыре долгих года передо мной стоял, в уединении моей камеры, призрак той, которой уже не было в живых, — вот пытка, выпавшая на долю только мне и выстраданная мною в этом дантовом аду. Я вышел оттуда с поседевшими волосами, с разбитым сердцем и изломанным телом, — и вдруг я слышу над своим ухом крик: «Смерть изменнику! Распнем его!»

В-седьмых, Бланки гневно отвергает домыслы о том, что за свое предательство он получил деньги. «Ты продал твоих братьев за золото, — пишут продажные перья беспросыпных гуляк. За золото, чтобы есть черный хлеб и пить из чаши зол? А что приобрел я на это золото? Я живу на чердаке на пятьдесят сантимов в день. Все мое состояние заключается в данную минуту в шестидесяти франках. И это меня-то, жалкую развалину, которая волочит по улицам разбитое тело, прикрытое потертым платьем, — это меня-то громят за продажность, в то время как слуги Луи-Филиппа, превратившись в блестящих республиканских бабочек, порхают по коврам муниципальных салонов и с высоты их добродетели, вскормленной на службе разным гцсподам и хозяевам, клеймят позором несчастного Иова, ускользнувшего из тюрьмы их повелителя!»

В-восьмых, Бланки утверждает, что «документ Таше-ро» не может обладать никакой достоверностью, поскольку под ним нет его подписи. «Даже нет подписи! — заявляет Бланки. — Возможно ли это? Как! У ног победителя, весь в его власти лежит его старый и самый опасный враг, отдав в его распоряжение свое прошлое и самого себя! И от него не требуют никакой гарантии! У него не просят никакого залога, даже его подписи!»

В-девятых, наконец, Бланки обращает внимание на такую несообразность в тексте документа, как использование в нем его предполагаемым автором первого лица («я», «мне», «меня»), а потом неожиданный переход к третьему лицу («он», «ему», «его»). Не говорит ли это о том, что документ написан в спешке не одним, а по меньшей мере двумя лицами?

Таково содержание ответа Бланки. Его основные положения приведены здесь в интересах выяснения дела в ином порядке, чем в оригинале, ибо он написан на одном страстном эмоциональном дыхании, когда автор явно стремился не к предельной систематичности, а выражал прежде всего свои чувства, свой гнев, возмущение, ярость. «О, люди, люди' — в отчаянии восклицает Бланки, — у вас за пазухой всегда есть камень, чтобы бросить им в невинного! О, люди, как я презираю вас!»

Бланки заключает свой ответ так: «Реакционеры, вы

подлецы!»

Долгожданный ответ читали нарасхват, его экземпляры переходили из рук в руки, его оживленно обсуждали и яростно спорили. Раздавались и критические суждения. Какое значение имеет отсутствие подписи? Документ мог быть вообще не написан, а продиктован Бланки! Нет ничего странного, что автор говорит то в первом, то в третьем лице; он мог в рассеянности сделать это. Действительно, в архиве Бланки есть другие документы, где Бланки пишет о себе в третьем лице; один из них уже приводился в этой книге. Словом, ответ вовсе не побудил всех сразу встать на одну общую позицию. И он не прекратил споров и сомнений.

В тот же день, когда газетчики продавали «Ответ», па улице Буше перед домом, где жил Бланки, собралась толпа его сторонников в 500—600 человек. Они кричали: «Да здравствует Бланки!», «Долой «Насьональ»!» Это были члены Центрального республиканского общества, которые и до этого верили в честность своего вождя. Теперь они считали, что «Ответ» рассеял все сомнения и восстановил честь Бланки. Они требовали его появления. Он выходит, и его окружают те, кого уже привыкли называть бланкистами. Царит радостная атмосфера облегчения. Они торжественно сопровождают Бланки к его клубу.

Но убеждены далеко не все. Позиции многих очень отличаются. Распай без колебаний объявил, что Бланки окончательно разоблачил ложь и победил клеветников. Большинство газет перепечатали «Ответ» без вбяких комментариев. Ламартин признал, что ответ Бланки «не разъясняя полностью нескольких неясных положений, касающихся фактов, а не лиц, тем не менее оправдывает его в достаточной степени, чтобы позволить ему возобновить свою деятельность и свое влияние в клубе, состоящем из его сторонников». Прудон выразил удовлетворение, но сказал своим друзьям, что он еще не полностью убежден в невиновности Бланки, который, по его мнению, должен был не отрицать все, а объясниться по конкретным фактам.

Ответ Бланки не только не обескуражил Барбеса, но еще сильнее ожесточил его. Он сказал, что защита Бланки побуждает с еще большей уверенностью утверждать, что детали, содержащиеся в «документе Ташеро», были известны только ему и Бланки. Теперь он не ограничивается этим общим утверждением и пытается использовать отдельные конкретные пункты «документа Таше-ро». Так, он указывает на ошибочную дату основания «Общества времен года», объявляя это доказательством предательства Бланки. Он вспоминает о встрече Бланки, Барбеса

и Резана с участником покушения Фиески Пе-пеном и говорит, что никто другой не мог знать содержания их разговора. Верно, но это абсолютно ничего не доказывает, ибо Пепен рассказал о нем властям на следствии. Он говорит также, что связи общества с войсками знали только Барбес, Бланки и Ламьесан. Снова подчеркивая необыкновенную «честность» Ламьесана, он в упоминании об этих связях в «документе Ташеро» видит свидетельство виновности Бланки. Но главным доказательством, по его мнению, является то, что в документе содержатся характеристики (кстати, очень нелестные) лишь четырех из пяти руководителей общества: «Имеются четыре портрета. Почему нет пятого? Очевидно, это сам портретист», то есть Бланки. Наконец, неотразимым свидетельством служит, как считает Барбес, стиль документа с резкими, часто отрицательными характеристиками отдельных людей, особенно самого Барбеса: «Да, я повторяю, только Бланки один написал эту бумагу, в которой нет ни одного дружеского слова ни для кого, в котором ненависть и поношение всех».

Свидетельство Барбеса не вносит никакой ясности в деле, убедительно доказывая лишь его бешеную, яростную ненависть к Бланки. Но Барбеса поддерживают бывшие руководители «Общества времен года» Ламьесан, Резан, Кино. Все они, как и Барбес, политически в это время перешли во враждебный Бланки лагерь. С другой стороны, около 50 бывших членов тайных обществ решительно подтвердили свое убеждение в невиновности Бланки. 14 апреля в «Газет де трибуно» и 15 апреля в «Насьональ» был напечатан протест против обвинения Бланки, который подписали свыше четырехсот бывших политических заключенных.

В этот момент, а также потом по разным поводам не раз делались конкретные заявления отдельных лиц в защиту Бланки. Так, бывший член «Общества времен года» Дезами писал: «Не было ни одного члена общества, который не знал бы факты, указанные в документе». Со своей стороны, бланкист Флотт на судебном процессе в Бурже сказал, что все содержащееся в «документе Ташеро» «знал последний солдат общества».

Итак, не подвести ли итог этой прискорбной истории? Тем более ***что все*** доказанное ***самой*** жизнью и деятельностью Бланки не допускает сомнений в его искренней преданности революционному делу. Несгибаемый характер Бланки, его страстная революционность, его ненависть ко всяким реакционерам вне подозрений. И все же рано ставить точку. К примеру, нет ясности в том, что «документ Ташеро» был изготовлен в 1848 году, как утверждал Бланки. Действительно ли он сфабрикован именно в тот момент, когда его политическим

врагам очень надо было устранить его? Или он существовал раньше? К тому же еще жили многочисленные участники всех затронутых событий, которые пока молчали. Личность знаменитого заговорщика в то время играла такую большую роль, что нельзя было пренебречь другими свидетельствами. Тем более что они появились, ибо расследование продолжалось.

Еще 2 апреля, как уже упоминалось, в Клубе революции решили создать нечто вроде товарищеского суда. Эту идею поддержали еще несколько клубов. Решили образовать комиссию из сорока членов под председательством Этьена Араго. В нее вошли многие видные деятели того времени: Кабэ, Прудон, Шелшер, Лашамбоди и другие. Комиссия потребовала доступа к полицейскому досье Бланки, и она его получила. Состоялось множество заседаний, опросили многих свидетелей. Но Бланки отказался явиться в комиссию, заявив, что она сформирована его врагами. Работе комиссии помешал раскол между республиканцами, которые в феврале выступали вместе. Поэтому окончательное решение не было принято. Правда, писатель Даниель Стерн (псевдоним графини д'Агу) писал, что комиссия почти единодушно готова была присоединиться к мнению Барбеса. Правда, докладчик Прудон отказался поддержать такую позицию. Но известно, что он не считал Бланки полностью невиновным.

И на этом дело не кончилось. В своем кратком письме 1 апреля 1848 года Бланки очень резко высказался в адрес Ташеро. Издатель пресловутого «документа» обиделся и подал в суд на Бланки, обвиняя его в диффамации. Началось следствие, завершившееся в июле 1848 года. Появились новые свидетельства, которыми нельзя полностью пренебречь.

В постановлении суда было сказано: «Не подлежит сомнению, что этот документ Бланки не писал и не подписывал. Есть много оснований полагать, что он даже является только копией. Подлинного его текста в руках полиции нет». Вместе с тем суд установил, что документ был составлен не в 1848, а в 1839 году. Написал его собственной рукой бывший секретарь председателя палаты пэров Лаланд, что он и подтвердил, будучи вызванным в суд. Но он совершенно не мог припомнить, с какого документа он списывал копию. Бывший канцлер Франции Паскье, по приказу которого в 1839 году снимали копию, тоже обнаружил провалы в памяти: «Распорядился ли я об этом? Очень возможно — но я этого совершенно не помню... Мне кажется правдоподобным, что сделанная Лаландом копия находилась в течение нескольких минут в моих руках, но утверждать положительно, что так оно было в действительности, я не могу, потому что не нахожу в

своей памяти ничего решительно, что могло бы мне напомнить о внешнем виде документа — был ли то оригинал или просто копия».

На основании подобных шедевров осторожности можно было сделать какой угодно вывод. Не исключено, что копия снималась с черновика, изготовленного полицией. Но возможно, как утверждали некоторые, что он снимал копию с текста Бланки, если не написанного, то продиктованного им. Бывший генеральный прокурор Франк-Каррэ рассказал, что Паскье в 1839 году показывал ему документ, интересный для правительства, но уже ненужный для суда над Бланки и его сообщниками, поскольку их участие в восстании 12 мая они сами не отрицали. Франк-Каррэ подтвердил, что документ, который он читал в 1839 году, был тем самым, который опубликовал Ташеро в «Ревю ретроспектив».

Кроме того, барон Мунье, бывший пэр Франции, пишет в своих мемуарах: «Бланки сделал длинное заявление, которое я читал. Он представал человеком, который считал свое дело проигранным и зарабатывал себе помилование». Бывший министр общественных работ Дю-фор сделал такое заявление: «Я прекрасно помню, что Бланки после своего ареста выразил желание, как об этом докладывалось на заседании совета министров, встретиться с членом правительства. Министру внутренних дел Дюшателю была поручена эта миссия. Он встречался два или три раза с Бланки в тюрьме, где он содержался. Министр внутренних дел не докладывал нам о всех деталях заявления Бланки, но нам сообщили, что они имели важность тем, что раскрывали организацию секретных обществ».

Аналогичное заявление сделал бывший министр финансов Ипполит Пасси. Конечно, свидетельства бывших министров Луи-Филиппа требуют осторожного отношения к ним. Кому во Франции не известно, что люди, достигающие высоких правительственных постов, по пути своего продвижения чаще всего теряли некоторые элементарные нравственные устои вроде совести или правдивости. Но необходимо их принимать в контексте конкретных обстоятельств того времени, сопоставлять с другими фактами и рассматривать всю совокупность данных. Нельзя также игнорировать результаты исследований, предпринятых наиболее авторитетными из историков. Больше всех сделал для изучения жизни Бланки Морис Доманже, занимавшийся этим несколько десятков лет. К тому же он сочетает в своих трудах бесспорную интеллектуальную честность с искренней любовью к Бланки.

Еще в 1924 году он издал свою первую работу о Бланки.

Рассматривая дело Ташеро, он сожалеет, что Бланки не обратился к свидетельству самого Дюшателя, который в 1848 году занимал пост французского посла в Лондоне: «Он мог очистить Бланки от всех обвинений. То, что известно о его характере, позволяет предположить, что он не уклонился бы от этого. Более того, все заставляет думать, что если бы его бывшие коллеги Дюфор и Пасси исказили истину, то он обязательно восстановил бы ее». Доманже подчеркивает затем, что как в 1848 году, так и во многих случаях позже Бланки явно избегал разговоров на тему о Ташеро.

Доманже приводит свидетельство другого министра 1839 года, Луи де Мельвиля, который заявил в, 1874 году, что Бланки дал свои показания, будучи больным, в момент слабости. Доманже присоединяется к мнению Шере-ра-Кестнера, сидевшего в тюрьме Сент-Пелажи вместе с Бланки: «Невероятно, что Бланки «предал» в точном смысле этого слова, но его болезненное состояние лишило его сознания опасных последствий своих действий».

Доманже так заключает свой анализ: «Бланки революционной легенды будет, возможно, не столь идеален; но реальный Бланки предстает в действительности таким, каков он был: энергичный и целеустремленный борец, который если и сгибался, ослабевал в какой-то момент — как Бакунин, как другие великие революционеры, как все смертные жалкие существа, какими мы являемся, — вновь обретал силу, выпрямлялся и продолжал свои вызывающие восхищение усилия в борьбе за освобождение эксплуатируемых».

Но Доманже продолжал свои исторические исследования и через 23 года опубликовал новую книгу «Политическая драма 1848 года», в которой содержится вся история «документа Ташеро». На этот раз он приходит к убеждению в невиновности Бланки. Он делает такой вывод не на основании каких-то новых сенсационных документов, а в результате более тщательного анализа прежних фактов. Он в особенности подчеркивает, что сведения бывших министров Луи-Филиппа не могут быть приняты на веру. Нельзя было также ожидать, чтобы Дю-шатель, злейший враг всех революционеров, мог бы оправдать Бланки. Поэтому революционер поступил правильно, не обратившись к нему за оправданием. Доманже приходит к заключению, что главный источник, на основании которого были составлены «показаниия» Бланки, — тайные донесения Ламьесана. Вместе с 'гем он не отрицает того факта, что Бланки в октябре 1839 года встречался с Дюшателем.

Академик Алэн Деко, автор последнего крупного

исследования жизни Бланки, вышедшего в свет в 1976 году, в свою очередь, тщательно изучил дело Ташеро. Он, безусловно, положительно относится к Бланки, восхищается им как подлинным воплощением революционной страсти, показывает в качестве самого выдающегося деятеля французского революционного движения XIX века. Но он приходит к твердому выводу, что встречи Бланки с Дюшателем действительно происходили. Однако он не считает, что Бланки представил министру свои письменные показания. И это совершенно верно, ибо между ними происходили лишь беседы, содержание которых Дюшатель, видимо, потом изложил письменно. Деко пишет: «Не на основании ли заметок Дюшателя и был составлен материал, который превратился в документ Ташеро? Не оказался ли он скомбинирован с другой полицейской информацией, с данными, полученными следствием на процессе Барбеса и его друзей и, быть может, с докладами Ламьесана? Это возможно и — скажем прямо — вероятно. Отсюда явно разнородное содержание документа».

Упоминание о Ламьесане заставляет несколько отклониться и коснуться роли этого субъекта, который был одним из пяти членов комитета, стоявшего во главе «Общества времен года». В 1857 году, когда Бланки, как обычно, находился в тюрьме, его мать получила письмо от одного из старых товарищей сына, Виктора Бутона. Он выражает ей сочувствие и утверждает, что любые попытки набросить тень на Огюста тщетны, что найдутся люди, которые смогут полностью оправдать его. Он, в частности, пишет:

«Я прошу Вас, мадам, передать Вашему сыну, которого Вы так нежно любите, что если когда-нибудь потребуется мое свидетельство, то я скажу следующее:

Я узнал от одного бывшего префекта, что автором документа, опубликованного Ташеро и приписываемого Бланки, является не Бланки. Этот документ, сказал мне префект, написан в канцелярии полицейской префектуры для процесса по делу 12 мая на основании ежедневных записей, которые вел один агент, который был приставлен к Бланки и Барбесу и вместе с ними руководил секретными обществами. Его имя — Ламьесан...

Если меня вызовут в суд для дачи показаний, то я смогу это подтвердить и, если потребуется, назову имя этого префекта, сообщившего мне все сказанное».

Это письмо было опубликовано впервые в 1910 году. Установили и имя префекта — Габриель Делессер. Что касается Ламьесана, то еще при его жизни много раз возникали подозрения в его связях с полицией. К сожалению, окончательно

его роль вскрылась слишком поздно.

По мнению Деко, «документ Ташеро» не являлся разоблачением каких-то тайн, важных для властей. Они почти ничего от него не получили. Просто, как заметил еще Прудон, Бланки слишком рано начал создавать историю событий, в которых он участвовал. Ничего хорошего от разговоров с Дюшателем не получил и сам Бланки.

В таком случае для чего же понадобились эти встречи? Ни о каком «предательстве» или стремлении Бланки облегчить свою участь речи быть не может. Министр услышал то, что по кускам, обрывкам, частям было уже известно. Бланки лишь рассказывал об этом же, но в исторической последовательности событий. Не было также и проявления какой-то «слабости» со стороны Бланки, что предполагал Доманже. Быть может, инстинкт самосохранения побуждал его сделать что-то ради спасения от гильотины? Но ведь на самом судебном процессе он даже отказался от защиты, предпочитая смерть бесчестью. Он вел себя как сильный и смелый человек, ни в чем не поступающийся своими принципами.

Значит, за всем этим кроется что-то иное. Здесь такая психологическая загадка, в отношении которой можно лишь высказывать предположения. Любопытную, впрочем, довольно правдоподобную гипотезу смысла поведения Бланки выдвигает Алэн Деко. Он пишет: «Бланки — прирожденный заговорщик. Этими объясняются все его рефлексы, его обычный ход мысли. Он гордился своими действиями, тем местом, которое он занимал в тайных обществах. Будучи арестованным, он мог пожелать вступить в переговоры с врагом, равным ему, с министром... Ошибка Бланки, по всей видимости, в том, что он не отдавал себе отчета в слабости своей позиции. Он упустил из виду то, что эти встречи могли бы использовать против него, и как использовать! Иначе говоря, он не понимал, что, не имея ничего, чтобы дать, нельзя ничего получить. Ни для себя, ни для своих друзей.

Что же остается? Удовлетворенное тщеславие. Чувство гордости, испытанное им, когда в его камеру вошел Дюшатель. В самом деле, ведь он пришел ко мне, к Бланки, это я вынудил к этому министра Луи-Филиппа. Но сколько несчастья вызвало это краткое мгновенье!»

И затем, с 1839 по 1848 год, он жил этим воспоминанием, не испытывая угрызений совести. Ведь он ничего не выдал, чего не знали бы другие. Он не изменил самому себе, не отошел от своих взглядов. Бланки остался каким был, что он и показал вскоре на суде, проявив обычное презрение к своим судьям, твердость, уверенность в своей правоте. Таким же он оставался и потом, в Мон-Сен-Мишель, в Турской тюрьме. Таким же встретили его

друзья в момент февральской революции. Он и не мог измениться, ибо он не совершил непоправимой ошибки. Поэтому он продолжал действовать так, как это было свойственно ему всегда.

А затем произошел взрыв. Непредвиденная публикация «документа Ташеро» — результат полицейского усердия в сочетании со случайными обстоятельствами, которые невозможно было предвидеть. И перед ним возникла чудовищная дилемма: признать факт встреч и разговоров с Дюшателем, но одновременно отрицать авторство «документа Ташеро». И то и другое было правдой. Но постичь смысл этой ситуации на основании привычных норм, правил человеческого поведения было очень трудно. Люди, привыкшие к обычной логике событий, не поверили бы ему. Ведь для чего-то он встречался с Дюшателем. Объяснить это своим реальным психологическим состоянием, странным для обычного человека, было невозможно. Слишком исключительной была ситуация для простой человеческой логики. Его объяснения, которых требовал Прудон, не соответствовали стандартам житейской, обыденной морали. Откровенно объяснить слишком сложные мотивы своего поведения Бланки не мог, ибо его почти никто бы не понял. Объяснение было просто невозможным.

Оставался один выход — отрицать все в целом. Он не видел другого выхода. Сделанный им выбор заключал в себе огромный риск; ведь Дюшатель мог вмешаться и открыть внешнюю, фактическую историю дела. И тогда возник бы безнадежный спор, бурные дебаты, где никто не понял бы глубинной, сложной тайны его слишком необычных поступков. Перспектива ужаса этих безнадежных дискуссий мешала ему принять решение. Отсюда полумесячный перерыв между публикацией «документа Ташеро» и его ответом. Отсюда характер ответа, где эмоциональное возмущение только и могло заменить логику признания фактов, которые истолковали бы банальным, обычным образом. Поэтому тянулись дни за днями, пока он решился сделать выбор и принять единственно возможное решение — отрицать все. Откладывать больше нельзя, приходилось бросаться в бездну неизвестности. Содержание его ответа, наполненное моральным негодованием, было интуитивно найденным единственным выбором.

Но он оказался в ужасной ситуации. Он сжег за собой мосты и обрек себя на мучительное сознание постоянного ожидания внезапного разоблачения. Он избрал жизнь под нависшим над ним дамокловым мечом возможного выступления Дюшателя или других посвященных в тайну. Отчасти они и раздались, но, поскольку эти свидетельства противоречили всей заслуженной

репутации Бланки, поскольку бывшие орлеанистские министры не пользовались доверием, частично и на время Бланки отразил их атаку.

Отныне окончилась самая счастливая, но краткая полоса его политической жизни, продолжавшаяся от февральских дней до 31 марта. Несмотря на все трудности и сложности положения, республика, за которую он так неустрашимо боролся, родилась. Правда, она была еще совсем не такой, о какой он мечтал. Но можно и нужно продолжать борьбу за нее, как это ни тяжело. Жизнь приобрела смысл, открылась, хотя и очень туманная, перспектива достижения победы. Это была полоса счастья в жизни Бланки, которая внезапно оборвалась, когда на него обрушилась лавина «документа Ташеро». Теперь в его репутации вождя революции обнаружилось слабое место, которое грозило рухнуть в любой момент и разразиться окончательной катастрофой.

Но он не сошел с избранного пути, хотя счастье целенаправленной борьбы с перспективой победы ушло в прошлое. Ответ Бланки был воплем измученной души. Принятое решение было единственной альтернативой полной капитуляции. Он предпочитает продолжение борьбы вопреки всему. Борьбы в новых, тяжких условиях, когда его деятельность проходит отныне под угрозой тяготевшего над ним подозрения, недоверия, сомнений соратников. Предстояло всю жизнь противостоять этому, непрерывно защищаться, иногда словами, доказательствами, опровержениями, но главным образом своими практическими революционными делами. Он выдерживал все, он далее побеждал шаг за шагом, привлекал новых сторонников, неся терновый венец резко усилившихся мучений. Вот когда началась такая полоса его мученической, подвижнической жизни, перед которой меркнут обычные испытания преследований, неудач, тюрем. В глубине сознания его терзала самая страшная непрерывная пытка жестокой истины, которую он — само воплощение революционной чести — будет скрывать под ледяной маской невозмутимой и непоколебимой позиции безупречного революционера, поражавшего всех своим обликом несгибаемого и несокрушимого борца.

* * *

И все же допустим, что Бланки во имя респектабельной щепетильности сказал бы правду о встречах с Дюша-телем, рассказал бы и о том, что он не совершал предательства.

Несомненно, что первому бы поверили, второму — никогда. Рабочий класс Франции, революционное движение пролетариата потеряло бы несгибаемого вождя. Оно ослабело бы. Значит, провокация врагов Бланки полностью достигла бы своей цели. А в результате избранной им линии поведения она удалась только частично, временно, а в основном провалилась.

Схватка

Трудно отделаться от впечатления, что из-за дела Та-шеро Бланки оказался в жалком положении. А между тем это впечатление обманчиво. Да, он потерял много друзей, ряды бланкистов поредели. Сам он испытал глубокий внутренний кризис. Но одновременно Бланки обнаружил необычайную силу духа. Удар не сразил его, как это наверняка случилось бы с человеком заурядным. Нет, ничего еще не кончено. Вопреки всему надо жить и бороться. Таков Бланки, и он прав, ибо сама жизнь показывает, как много он еще значит для революции.

Это обнаружилось сразу же после опубликования его «Ответа». К Бланки явился журналист Дюрье, доверенный самого Альфонса де Ламартина, и от его имени предложил тайную встречу и переговоры. Дело в том, что великий поэт, разыгрывавший роль Дантона, струсил. В его романтическом пылком воображении витал грозный призрак кровавого мятежа, вождем которого, как ему казалось, может быть только Бланки!

Боялся не только он; все члены Временного правительства дрожали и метались в Ратуше, как в осажденной крепости, в поисках средств для отражения возможного штурма. Ведь 16 апреля, в воскресенье, на Марсовом поле намечено гигантское собрание Национальной гвардии для выборов новых офицеров. В тот же день демократические клубы решили провести народную манифестацию. Рабочие возмущены фарсом Люксембургской комиссии, издевательством с Национальными мастерскими, а главное — они измучены растущей нищетой. Разнообразные, противоположные страсти подогреваются мыслью о том, что через неделю состоятся всеобщие выборы, от которых революционный Париж не может ждать ничего хорошего. Все может случиться, ибо все уже случалось!

Не было еще шести часов утра, когда в субботу, 15 апреля, к министерству иностранных дел на бульваре Капуцинов подошли трое. Во дворе еще погруженного в темноту здания один из них, самый маленький, отделяется и направляется к дверям, которые бесшумно открываются перед ним. И вот он уже в кабинете великого человека, ступая по мягкому ковру, приближается к Ламартину. Министр и поэт одет по-домашнему. В свои пятьдесят семь лет еще красив, обаятелен, он излучает приветливость, протягивая Бланки, который ростом ему по плечо, свою руку.

Эта встреча столь далеких друг от друга людей продолжалась три часа. Она пространно описана самим Ламартином. Его рассказ один историк назвал «гибридом реальности с фикцией».

Однако не составляет особой трудности выяснить общий смысл визита Бланки в логово врага, встретившего его самой обаятельной любезностью. Ламартин вообще был весьма высокого мнения о своей способности очаровывать, соблазнять и убеждать не только друзей, но и врагов. Поэтому он сразу начал распространяться перед молчаливо настороженным собеседником на тему о своей любви к свободе, демократии, о ненависти к тирании, насилию. Правда, он благоразумно не упомянул о том, что уже договорился с генералами приготовить свои войска на случай необходимости подавления в Париже гидры анархии, если она посмеет поднять голову.

Но, поскольку эта голова была в тот момент непосредственно перед ним, а Ламартин видел в Бланки возможного будущего Марата или Робеспьера, почему бы не попытаться затуманить эту голову фимиамом лести? А также выяснить возможные намерения этого фанатика мятежа. Но зондаж не имеет успеха, ибо Бланки молчит и внимательно слушает поток красноречия самовлюбленного оратора. Собственно, ведь он принял приглашение Ламартина с единственной целью: узнать побольше о намерениях правительства, об эволюции самого Ламартина. Как знать, не идет ли речь о его сползании влево, что могло бы сильно изменить ход событий и сорвать планы контрреволюции. Но никаких реальных перспектив к лучшему в излияниях Ламартина не чувствуется. Напротив, видно, что его цель — нейтрализовать самого Бланки. Ведь министр доходит до того, что даже подает Бланки мысль о том, что не бросить ли эту опасную и грязную стезю политики? Почему бы ему не принять на себя функции дипломатического представителя Франции в каком-нибудь маленьком, но приятном уголке земного шара?

Бланки молчит, но его, конечно, возмущает сама мысль о возможности бегства в момент, когда дело Ташеро возбудило вокруг него столько страстей. Ведь это значило бы дезертировать с поля боя, расписаться в поражении и оправдать самые худшие подозрения. А время приближается к девяти, сейчас министерство начнут заполнять чиновники, и собеседники наконец расстаются. Внешне они очень довольны друг другом. Правда, уже сегодня Ламартин будет яростно действовать против демагогов, социалистов и защищать «порядок». А Бланки остается при своем убеждении, что Ламартин «является одним из самых опасных людей для дела свободы».

На другой день эти люди уже находятся по разные стороны баррикад. Правда, до баррикад дело не дошло.

Реакция хорошо поработала, чтобы внести раскол в силы революции. Среди членов правительства царит разброд, все

подозревают друг друга. Без конца обсуждаются все новые варианты возможных событий, новые способы борьбы против «анархии». Но разлад царит и в демократическом лагере. Барбес отклонил всякие предложения о единстве действий, он целиком на стороне правительства. Распай отказался идти на Марсово поле. Кабэ считает демонстрацию ненужной. Бланки не видит шансов на успех, ведь он может рассчитывать только на очень узкий круг соратников. Выступать сейчас — значит лишь дать повод правым для репрессий. И все же Бланки идет на Марсово поле. Ведь неизвестно, как может повести себя толпа. Возможно, возникнет порыв, который сможет изменить состав Временного правительства. Бланкистов мало, их около дюжины, и Бланки с ними в толпе.

Нет никаких оснований и оправданий для того страха, который толкнул Ледрю-Роллена соединиться с Ламартином с целью подготовки вооруженных сил. Решено расположить их так, чтобы демонстрация рабочих, начавшаяся после выборов на Марсовом поле, проходила через сплошной строй войск и Национальной гвардии. И во г они идут к Ратуше, встречаемые криками буржуазных национальных гвардейцев: «Смерть коммунизму!», «Долой Луи Блана!», «Долой Бланки!», «Долой Кабэ!»

Рабочие все же достигают Ратуши. Из их рядов звучат лозунги, отражающие замешательство, отсутствие ясной цели, разброд: «Да здравствует Временное правительство!», «Да здравствует Ледрю-Роллен!», «Да здравствует Луи Блан!» Их петицию с социальными требованиями холодно принимает кто-то из самых незаметных членов правительства, чтобы положить ее в архив. Итак, полное поражение, первое полное поражение после революции. Время, когда рабочие могли влиять на правительство, кончилось. Ламартин пришел в восторг. Позднее он называл 16 апреля «самым прекрасным днем своей политической жизни».

На протяжении всего дня Бланки доминировал в сознании всех правых. О нем шла речь в Ратуше. Но практически Бланки был простым участником и наблюдателем событий 16 апреля. Кроме раздачи экземпляров своего «Ответа», он ничего не делал. Собственно, он принял участие в демонстрации, которую считал безнадежной, лишь из-за солидарности со своими более нетерпеливыми сторонниками. Тем не менее его имя было на устах у всех поборников «порядка», он стал объектом их ненависти и символом опасности нового народного восстания. С другой стороны, раздувая ненависть к нему, хотели оправдать тот поворот вправо в политике правительства, который резко обнаружился 16 апреля. Знаменитому революционеру придавали

чрезмерную важность, чтобы иметь алиби для проведения антиреволюционных мер. Хотя Бланки не делал ничего против правительства, вечером отдается приказ о его аресте. Тем самым хотели создать доказательство существования какой-то угрозы мятежа, оправдать военные меры, принятые против демонстрации рабочих, проходившей под угрозой штыков. 17 апреля префекту парижской полиции Коссидьеру поручили арестовать Бланки. Но он высказал опасение, что арест может вызвать настоящий мятеж. Начальник полиции безопасности Аллар потребовал письменного приказа. Получив его, он вскоре сообщил, что не может разыскать Бланки.

18 апреля комиссар полиции Бертоглио получил новый приказ найти и арестовать Бланки. Он разыскал его, но арестовать не решился, поскольку Бланки был окружен своими соратниками, которых оказалось в четыре раза больше, чем людей у Бертоглио. Он даже вежливо поприветствовал Бланки.

Коссидьеру ничего не оставалось, как самому выполнить грязную работу, но он потребовал специального разрешения правительства. Началось обсуждение, все министры высказались за арест, кроме Ламартина, считавшего, что наблюдать за Бланки необходимо, но арестовывать его нельзя. При этом он сказал:

— Я видел его и думаю, что можно и так сделать его неопасным. Не следует путем ареста увеличивать популярность, которой он пользуется среди демократов. Показывать страх перед ним — значит превращать его в вождя опасной партии. Я не могу согласиться с тем, что считаю ошибкой.

При голосовании, однако, все высказались за арест. Против голосовали Ламартин и Альбер. Тем не менее Бланки не был арестован. Ледрю-Роллен отменил приказ.

Бланки остается на свободе, но он видит, как осложнилась обстановка. Еще 16 апреля вечером на собрании Центрального республиканского общества зашла речь о дальнейших действиях. Бланки заявил, что необходимо вернуться **к** методам тайных обществ. Однако в последующие дни Бланки высказывался за поддержку Временного правительства, несмотря на все его отрицательные черты. Вскоре, выступая на собрании 1300 железнодорожников, Бланки призывал воздерживаться от заговора против правительства. Он даже сказал, что требования народа могут быть удовлетворены благодаря всеобщему избирательному праву, что следует воздержаться от всякого насилия по отношению к будущему Учредительному собранию. Уж не изменил ли он свою прежнюю позицию в вопросе о выборах, которые считал преждевременными и опасными?

А выборы между тем состоялись 23 апреля, и результаты их

подтвердили самые худшие опасения Бланки. Так называемые умеренные республиканцы получили 880 мест. Эта пестрая масса буржуа, бывших орлеанист-ских чиновников, состояла из людей, для которых республика была всего лишь новой вывеской над старым порядком. Не случайно многие из них назывались «присоединившимися». Действительно, они присоединились к республике, чтобы, как в июле 1830 года, украсть у революционного народа его победу. Только на этот раз не в пользу Луи-Филиппа и одних банкиров, а для всей массы буржуазии. Около 300 мест получили монархисты: легитимисты и орлеанисты. За них голосовали темные крестьяне, вдохновляемые священниками и уцелевшими аристократами. К тому же 45-сантимный налог вызывал яростное недовольство крестьян республикой.

Левые силы, вышедшие победителями из февральской революции, одним махом потеряли все плоды победы. Всего демократические клубы Парижа выставили 33 кандидата. Избрано было из них только шесть, да и то четверо были членами Временного правительства: Ледрю-

Роллен, Луи Блан, Альбер и Флокон. Это была плата за то, что Временное правительство сделало все, чтобы свести на нет завоевания февраля. Барбес и Консидеран в Париже провалились, но прошли в провинциальных избирательных округах. Бланки, Распай и Кабэ не были избраны. Зато Ламартин получил больше всех голосов — 259800. А Бланки собрал лишь 5480, тогда как Барбес получил в Париже 64065, а Распай — 52 035. Сказался, конечно, скандал, вызванный публикацией «документа Ташеро». Но главную роль сыграла ожесточенная травля, преследование социалистов и коммунистов. Продолжатель и пропагандист идей Фурье, Консидеран писал в апреле: «Спросите любого из этих добропорядочных слабоумных буржуа: кто такой социалист? И он обязательно ответит вам, что социалист — это опасный, безнравственный человек, который мечтает о Поджогах и грабежах, о разделе земель и требует общности жен».

Не проводя различия между социализмом и коммунизмом, и то и другое сделали бранными словами. Выражаясь современным языком, все средства массовой информации пустили в ход, чтобы скомпрометировать социалистов. Блана, Кабэ, Прудона, Консидерана свели в одну банду разбойников. Особую ненависть возбуждали по отношению к Бланки, совершенно не стесняясь в эпитетах. Слово «предатель» было еще довольно мягким, некоторые писаки называли его «шакалом». Особенно издевались над лозунгом «право на труд» и над пресловутыми Национальными мастерскими, как и над Люксембургской

комиссией. Вообще социализм оказался воплощением козней самого сатаны. Предлагались такие синонимы слова «социалист»: «опустошитель», «грабитель», «анархист».

И подобные карикатуры имели успех. Франция, что касается подавляющего большинства своего населения, еще просто не доросла до социализма. Даже такие люди, как Ледрю-Роллен, то есть мелкобуржуазные республиканцы, подвергались поношению за близость к социалистам, притом не только к безвредным, но и полезным для буржуазии, как Луи Блан.

Все это и сказалось на итогах выборов. Левореспубликанская газета «Реформ» писала: «Мы считались с возможностью очень плохих выборов, но надо признаться, что события превзошли наши ожидания». А Бланки оставалось только с мрачным удовлетворением констатировать, насколько он был прав, когда добивался отсрочки проведения выборов и когда люди, близкие к «Реформ», яростно противились этому. Теперь и им пришлось расплачиваться за свою глупость. Вообще, итоги первых настоящих всеобщих выборов, о которых так мечтали республиканцы, считая их высшим выражением демократии, заставили Бланки задуматься о главной цели, о смысле всей его жизни. Он был искренним патриотом, горячо любил Францию. А Франция решительно отвергала его политический и социальный идеал. Ясно, что его можно было навязать стране только силой. А вскоре после выборов произошли события, давшие ему новую пищу для грустных размышлений, если не для отчаяния...

Трагические события произошли в Нормандии, в Руане, одном из центров текстильной промышленности. Рабочим здесь давно уже было несладко, наглая эксплуатация дошла до крайних пределов. Брат Бланки, сделавший карьеру видного экономиста, писал в 1848 году, что «никакая нищета в мире не может сравниться с нищетой жителей квартала Мартинвиль в Руане».

Рабочие наивно рассчитывали на выборы. Они выдвинули своих кандидатов. Но их список провалился. Зато миллионеры — фабриканты Гранден и Левассер — стали депутатами Учредительного собрания. Рабочим стало известно, что результаты голосования фальсифицированы, что они гнусно обмануты. И тогда выросли баррикады. Восставшие укрепились в кварталах Мартинвиль и Сен-Север. Правый республиканец Сенар, представитель направления «Насьональ», взялся наводить «порядок». Оказывается, заранее были подготовлены войска генерала Жерара. Пустили в ход артиллерию. Около сотни рабочих было убито, несколько сот ранено. Беспощадно убивали женщин и детей. Разгром восстания вынудил многих рабочих искать убежища в окрестностях Руана. Но там буржуа с

охотничьими ружьями и собаками устроили охоту на людей.

События в Руане потрясли сознание многих республиканцев в Париже. Буржуазная республика сбрасывала демократическую маску февральских дней. Сильнее и ярче всех Бланки выразил свой протест против бойни в Руане. Он написал воззвание, которое было одобрено 3 мая его Центральным республиканским обществом. Он разоблачал кровавую расправу над восставшими в Руане как заранее подготовленную «Варфоломеевскую ночь» для рабочих. Бланки видел в Руане реставрацию жестоких расправ, применявшихся при Луи-Филиппе. В довершение сходства оказалось, что беспощадное судебное преследование участников восстания, осужденных на каторгу и тюрьму, проводилось под руководством того самого Франк-Каррэ, который выступал обвинителем на процессе Бланки по делу 12 мая 1839 года. Указывая на ответственность Временного правительства за кровавую бойню в Руане, Бланки требовал: «Сотрите же, сотрите с ваших зданий эту ненавистную ложь из трех слов, которые вы только что начертали на них: Свобода, Равенство, Братство!» В заключение Бланки настаивал на выводе из Парижа войск, которые буржуа призывали использовать против рабочих Парижа. Бланки предупреждал, что готовится «Варфоломеевская ночь» и для столичных рабочих. Вскоре это пророчество подтверждается самым ужасным образом. Воззвание было отпечатано в форме афиши и расклеено на стенах парижских домов. ***Но*** кто мог прочитать гневный призыв Бланки, если полиция получила приказ сдирать со стен эти афиши?

Обстановка между тем с каждым днем осложнялась. Буржуазия явно стремилась взять реванш за уступки, которые рабочие вырвали в феврале. Странную роль при этом играет польский вопрос. В захваченных Пруссией и Австрией районах Польши вспыхнуло восстание, которое жестоко подавили прусские и австрийские войска. Во Франции поднялась волна симпатии к полякам, тем более что в Париже было много польских эмигрантов. Учредительное собрание решило обсудить 15 мая польский вопрос. Клубы призвали устроить в этот день массовую демонстрацию. Заговорили о войне за свободу Польши.

Но вожди демократических клубов заняли сдержанную позицию. Особенно Бланки, а также Распай, Кабэ, Прудон и Барбес. Бланки отчетливо понимал нелепость ситуации, при которой сентиментальный порыв заслонял жгучие французские проблемы: дезорганизацию экономики, катастрофическое ухудшение жизни трудящихся, происки правых. Он с тревогой думал: а не размахивают ли польским флагом лишь для того, чтобы нанести удар левым еще более сильный, чем 16 апреля?

Слишком все это отдавало провокацией.

К тому же уже не было Временного правительства, где хотя бы символически сидели социалисты. Учредительное собрание заменило его Исполнительной комиссией в составе Ламартина, Гарнье-Пажеса, Мари и Ледрю-Роллена. Ни Луи Блана, ни Альбера в нее не включили. Когда Луи Блан как депутат потребовал создания министерства труда и прогресса, то собрание с подчеркнутым презрением, издевкой отвергло предложение. Реакционное собрание цвно стремилось поскорее ликвидировать демократические завоевания революции.

А в Центральном республиканском обществе кипели страсти из-за Польши. Только Бланки сохранял хладнокровие, не испытывая увлечения сомнительным польским лозунгом при забвении собственных забот. Но он вынужден следовать за большинством, чтобы не остаться в одиночестве. Бланки уступает:

— Вы хотите идти на демонстрацию? Хорошо, пойдем, но давайте воздерживаться от глупостей.

15 мая Бланки идет вместе со своим клубом, но отнюдь не во главе его. Манифестанты собрались на площади Бастилии и двинулись к площади Конкорд. Это было внушительное зрелище — скопление примерно 50 тысяч человек. Среди них много иностранцев, поляки в национальных костюмах.

Демонстрацией заправлял весьма подозрительный тип Жозеф Собрие, связанный с Ледрю-Ролленом и Коссидь-ером и являвшийся, без сомнения, их подручным. Вторым был известный нам по Мон-Сен-Мишель Юбер, личность, внушавшая сомнения многим. Его не зря считали помешанным, хотя другие видели в нем симулянта-провокато-ра. В 1849 году достоверно выяснились его связи с полицией. Забегая вперед, отметим, что после провала 15 мая он был арестован вместе с другими вожаками, но быстро отпущен. Впоследствии он вдруг стал жить на широкую ногу. Откуда у него появилось состояние? Однако 15 мая он шумел больше всех.

Но вот толпа подошла к Бурбонскому дворцу, где заседало собрание; она облепила решетку, делегация вошла внутрь здания, но туда стали проникать и другие. Бланки вместе со своими друзьями тоже попал в зал. Вскоре в печати будет опубликована записка нового министра внутренних дел о событиях 15 мая, где содержится фраза: «Все меры были приняты: Бланки был окружен». Кем? Совершенно ясно, переодетыми агентами полиции. Если он будет делать что-либо компрометирующее его, то предусмотрен арест. Вообще множество признаков свидетельствовало о полицейской провокации, среди соратников Бланки появились какие-то подозрительные люди в рабочих

блузах. Распай вспоминал: «Когда я вошел, то в одном из первых залов я увидел человек двадцать каких-то одержимых, которые громили все». И он узнал среди них переодетых полицейских.

Между тем толпа ворвалась в зал заседаний, окружила трибуну, заполнила амфитеатр, тесня депутатов. Воцарился невообразимый хаос. Распай с трудом взобрался на трибуну и кое-как зачитал петицию о Польше. Сразу возобновились крики:

— Где Бланки?

— Бланки на трибуну! Дать слово Бланки! Мы хотим Бланки!

Один рабочий громовым голосом провозгласил:

— Во имя величия народа требую тишины. Гражданин Бланки просит слова! Слушайте его!

Но Бланки вовсе не хотел говорить. Его буквально

силой подняли на трибуну. И вот он лицом к лицу с ненавистным ему и люто ненавидящим его собранием, которое тем не менее представляет Францию. Бланки на общенациональной трибуне — страшнее этого ничего не могли себе представить реакционеры, составлявшие большинство собрания. Вот каким он показался тогда правому депутату, знаменитому историку Алексису Токвилю: «Впалые и увядшие щеки, бледные губы, вид больной, мрачный и гнусный, мерзкая бледность, облик замшелый, ни одной четко очерченной линии, старый черный редингот, облекающий хилые и тощие члены; казалось, он жил в сточной канаве и только что из нее выбрался».

Но народ, заполнивший зал Бурбонского дворца, знал, почему Бланки имел такой измученный вид; он видел в нем мученика за свои кровные интересы и потому требовал его слова. Он знал, что все хотят слышать о Польше, хотя в душе он вовсе не разделял всеобщего опьянения идеалами польской шляхты. Да и кто во Франции толком представлял себе польскую проблему, дипломатическую ситуацию в Европе и сомнительные внешнеполитические возможности Франции? Но, будучи уже опытным политиком и оратором, он мгновенно понял, что, не сказав ничего о Польше, он не сможет высказать то, что считает самым главным. Поэтому он отдает щедрую дань польской теме только для того, чтобы произнести самое важное: напомнить о чудовищных событиях в Руане, о страданиях всех французских рабочих. Ведь реакция играла на великодушных чувствах этих тружеников разговорами о муках польских повстанцев, чтобы заставить их забыть собственные заботы. Но Бланки решительно напоминает о них:

— Граждане, народ пришел сюда потребовать от вас справедливости. Он пришел потребовать правосудия по поводу жестоких событий, происходивших в Руане, городе, который при

нынешней скорости сообщений находится у ворот столицы. Народ знает, что вместо того, чтобы перевязывать жестокие раны, нанесенные в этом городе, их, по-видимому, как бы с охотою растравляют каждый день, и что ни умеренность, ни пощада, ни братство не последовали за бешенством первых дней, даже по истечении трех недель со времени этих кровавых столкновений. Он знает, что тюрьмы неизменно наполнены его товарищами, и он требует, чтобы, если нужно кого-нибудь наказать, это не были бы жертвы избиений, а их виновники.

Большинство депутатов слушают все это с мрачным молчанием, а народ со всех сторон кричит: «Правосудия!»

— Народ также требует, — говорит Бланки, повышая голос, — чтобы вы подумали о его страданиях. Он соглашался ради республики пережить три месяца нищеты. Но эти три месяца скоро истекают, и возможно, даже вероятно, что от него потребуют еще других месяцев. Народ требует от Национального собрания, чтобы оно настойчиво и без всяких проволочек, без перерывов заботилось о восстановлении производства, о предоставлении работы и хлеба тысячам граждан, ныне их не имеющим!

Никогда еще в этом собрании не раздавались такие речи, никогда еще здесь не звучал голос подлинного народного представителя. Вот как описывает впечатление, произведенное на слушателей, Даниель Стерн: «Невероятно возбужденная толпа замирает в неподвижности, боясь потерять хоть одно слово из той речи, которую произносит этот таинственный оракул мятежей». А Бланки продолжает разоблачать механизм социальной несправедливости, он срывает покровы лжи, которой его пытаются замаскировать:

— Народ прекрасно знает, граждане, что ему ответят, что главной причиной отсутствия работы являются именно народные движения, которые расстраивают общественную жизнь и вызывают замешательство в торговле и промышленности. Разумеется, граждане, в этом, может быть, и есть некоторая доля правды. Но народ по инстинкту знает, что это не главная причина тягостного положения, в котором он сейчас находится. Отсутствие работы и торговый кризис начались еще до февральской революции; они возникли очень давно, они обусловливаются глубокими социальными причинами. Эти причины должны быть вскрыты в Национальном собрании. Народ с некоторой болью видел, что люди, которых он любил, систематически устранялись от работы правительства. Это подорвало его доверие...

Надо признать, что речь Бланки гораздо более сдержанная,

умеренная по сравнению с теми потоками гнева, которые он выливал в стенах своего клуба. Но он расчетливый политик, и на ходу, интуитивно взвешивая ситуацию, он чувствует, что в атмосфере сегодняшнего дня витает провокация, что нельзя дать повода реакции для расправы над еще живыми силами революции. Но даже его осторожные суждения вызывают ярость среди правых. Криками ему напоминают, чтобы он говорил о Польше. Ну что ж, он уже сказал главное, что хотел, и поэтому возвращается к польскому вопросу:

— Возвращаюсь к Польше — вопрос о работе и народной нищете был поднят здесь мимоходом. Я должен сказать, граждане, что народ пришел сюда не только для того, чтобы вы занимались его положением. Он пришел, чтобы вы занялись Польшей. Но он не мог упустить этот случай, не напомнив своим представителям, что он так же несчастен и что в этом лишняя ***черта сходства между*** французским и польским народом...

Речь Бланки несколько раз прерывалась бурными аплодисментами. Но она же вызывала крики негодования правых. На трибуне в эти бурные три часа вторжения народа ***в*** парламент сменились многие, выступал и Ледрю-Роллен. Этот знаменитый оратор пытался успокоить страсти и выпроводить народ из собрания. В этом ему помогали Распай, Барбес, Луи Блан. Но кому-то нужно было спровоцировать народ и принять меры против революционных вождей. Надо было обезглавить возможную новую революцию. Начало полошил Барбес. Когда стал выступать Бланки, он возмущенно удалился из зала. ***Но он все*** слышал. И когда Бланки, единственный из ораторов, поднял социальный вопрос, ревность, вернее, ненависть к тому, кого он считал своим соперником, а значит, и смертельным врагом, заставила его прорваться к трибуне. По сравнению с маленьким Бланки он выглядел на трибуне просто гигантом. Но Барбес горел желанием превзойти соперника не столько ростом, сколько смелостью и оригинальностью своих слов. Пусть знают, кто настоящий народный вождь, он, Барбес, или этот несчастный Бланки! И он закричал громовым голосом:

— Надо обложить богачей налогом в один миллиард! Надо отдать миллиард франков народу!

В собрании немедленно поднялся неописуемый шум. Если до этого невероятный гвалт производил в основном народ, то теперь депутаты, все эти богатые буржуа, завопили так, будто их режут. Давка, толчея в проходах усилились, вспыхнули драки. В этой яростной мешанине Бланки прижали к барьеру, п он чуть было не оказался раздавленным. Но несколько дюжих рабочих узнали его и помогли ему выбраться в амфитеатр, к скамьям депутатов. Он

оказался рядом со стенографом Сигизмундом Скловером, который, подвинувшись, уступил ему место. Молодой человек узнал Бланки и, считая его руководителем начинающегося мятежа, спросил, чем все это кончится.

— Я об этом ничего не знаю, — ответил Бланки.

— Как это вы ничего не знаете? Разве этим движением никто не руководит? Чем все это кончится?

— Об этом, — отвечал Бланки, — я не имею никакого представления. Конечно, кое-что известно, как эти авантюры начинаются, но никогда не известно, чем они могут кончиться.

Бланки говорил правду. Он сам с мучительной тревогой думал об исходе всей этой невероятной кутерьмы. Как раз в этот момент на трибуне выросла нелепая фигура с длинной взлохмаченной рыжей бородой. То был Юбер, компаньон Бланки и Барбеса по Мон-Сен-Мишель. Как будто специально шум на минуту смолк, и тогда раздался вопль Юбера:

— Объявляю Национальное собрание распущенным!

Новый взрыв яростных криков, воплей и даже аплодисментов оглушил всех. Бланки вспоминал: «Я почувствовал себя так, как если бы на мою голову упал булыжник с шестого этажа, этим я не был бы более оглушен». Он машинально взглянул на часы. Было четыре часа с четвертью. И он подумал: «Это момент величайшей глупости». Но это быстро понял и друг Бланки Поль Флотт. Он бросился на трибуну и что было сил закричал:

— Нет! Собрание не распущено! Граждане! Кричите громче: «Да здравствует собрание!» — и скорее уйдем отсюда!

Действительно, выходка Юбера была явной провокацией. Тогда многие принимали его за сумасшедшего, а он был просто полицейским агентом. Эта эскапада окажется очень скоро находкой для реакции в борьбе с революцией. Но здесь как будто многие осознали это и начали покидать зал. Ушел и Бланки. Но вокруг трибуны кипели страсти. Один за другим появлялись списки нового Временного правительства. В них повторялись в разных сочетаниях имена Распая, Луи Блана, Ледрю-Роллена, Фло-кона, Консидерана, Альбера, Бланки, Прудона, Леру, Ка-бэ. Участники всей этой суматохи считали, что произошло нечто подобное тому, что случилось 24 февраля. На самом деле это был какой-то запутанный фарс. Фактически никакого восстания не было. На стороне власти, то есть Национального собрания и Исполнительной комиссии, находились все вооруженные силы: армия, Национальная гвардпя, мобильная гвардия, жандармерия, полиция. Тем

не менее наиболее экзальтированные считали Национальное собрание разогнанным и устремились к Ратуше, где Барбес,

Альбер и еще кучка их друзей занялись формированием «правительства». Кое-кто потребовал включения в него Бланки. Это привело Барбеса в бешенство:

— Не говорите мне о Бланки; если он появится, я разобью ему голову!

В действительности в Ратуше разыгрывалась какая-то пародия на правительство, которое немедленно занялось сочинением целой серии декретов, среди которых был, например, декрет об объявлении войны сразу нескольким державам из-за Польши. Написали также декреты о роспуске Учредительного собрания, Национальной гвардии и т. п.

А между тем в опустевшем зале Бурбонского дворца снова собрались члены Учредительного собрания. Первым делом занялись подавлением «мятежа», которого, в сущности, не было. Тем не менее войска отправились к Ратуше. Во главе их на лошадях гарцевали Ледрю-Рол-лен и Ламартин. Это уже был какой-то нелепый маскарад. Арестовать «правительство» Барбеса и Альбера не составляло никакого труда. Не потребовалось ни одного выстрела, ибо «правительство» никто не защищал. В разных местах схватили руководителей революционных клубов. Были арестованы Леру, Распай, Собрие, Барбес, Альбер, Флотт, Лакамбр п другие. Брали не за конкретные действия, не за определенную вину, а просто по признаку революционной активности. Всего арестовали в этот день около 400 человек. Речь шла о потенциальных вожаках восстания, которое могло и должно было вспыхнуть. Но неуловимым в течение десяти дней оставался Бланки. И снова его враги распускают слухи в стиле «документа Ташеро». Видите ли, он опять предал всех, как в 1839 году! Сбежал за границу, отправив своих друзей за решетку!

Бланки схватили 26 мая в половине седьмого вечера в доме одного торговца на улице Монтолон, когда он сидел с двумя друзьями за обедом, состоящим, как обычно, из овощей и простой воды. Прошел всего год, как его выпустили на свободу в Блуа...

Теперь он оказался в Венсеннском замке, расположенном на восточной окраине столицы. Это одна из самых знаменитых исторических достопримечательностей Парижа. Жизнь каждого из французских королей, начиная с Фплиппа-Августа, была так или иначе связана с Венсеннским замком. Уже упоминалось о нем, когда речь шла о народных манифестациях с требованием сурового наказания министров Карла X, заключенных в этот замок в июле 1830 года. И снова одиночная камера, на этот раз высокая, со сводчатым потолком. Слуховое окно, перегороженное брусьями. Узники строго изолированы друг от друга. Нет даже прогулок. И снова мать Бланки обнаруживает невероятную

настойчивость и спустя восемь дней после ареста добивается свидания с сыном. Она рассказывает о том, что в Париже «царит порядок». Прошло всего три месяца, как король Луи-Филипп бежал, скрываясь под именем господина Лебрена. И Бланки за эти три месяца пережил, перечувствовал больше, чем за десяток лет в тюрьме. Ему есть что вспомнить, о чем подумать и пожалеть...

Совесть его была чиста. Ошибок он не совершал. Жалеть приходилось о том, что обстоятельства, события шли так, как они только и могли идти в том хаотическом столкновении интересов и страстей, которое началось в конце февраля. От этой высшей точки подъема революции, когда решающую роль играли рабочие, она шла на убыль. Иначе и быть не могло, ибо Франция еще не созрела, не готова была к пролетарской, социалистической революции, она оставалась буржуазной. Тем не менее впервые в истории на арену широко выступает рабочий класс. Действуя стихийно, несознательно, неорганизованно, он воплощает будущее. Но оно еще в очень далекой и туманной перспективе. И все же, как писал Маркс, ***«пролетариат*** все более объединяется вокруг ***революционного социализма,*** вокруг ***коммунизма,*** который сама буржуазия окрестила именем ***Бланки***».

Сам Бланки в какой-то мере сознавал свою историческую роль. Разве случайно, явившись в Париж, он сразу поднял красное знамя в противовес трехцветному, знамя пролетарское против буржуазного? Но его пришлось склонить. Не было еще достаточно могучих рук, чтобы крепко держать его. Французский рабочий класс еще находился в младенческом состоянии. Поэтому все последующие этапы событий — выступления 17 марта, 16 апреля, 15 мая — означали следовавшие одно за другим поражения рабочих. Избежать их было нельзя. Поэтому Бланки все это время придерживается осторожной, сдержанной линии. Он даже поддерживает Временное правительство, хотя оно вело дело к поражению революция. А тут еще злосчастная история с «документом Ташеро),

Можно только удивляться выдержке Бланки, его способности трезво оценивать ситуацию не столько строгим логичным анализом, сколько чувством, интуицией.

И снова тюрьма, куда до Бланки доходили лишь обрывочные, скудные сведения о том, что происходило рядом, за толстыми стенами Венсеннского замка. А там развертывалась последовательная подготовка к окончательному разгрому революционного рабочего класса. Новый военный министр генерал Эжен Кавеньяк стягивал к столице войска. Реакционное Учредительное собрание делало свое грязное дело. Уже 16 мая ликвидировали Люксембургскую комиссию, которая до этого

использовалась для одурачивания рабочих химерами Луи Блана. Быстро свели на нет и принятое ранее решение о сокращении рабочего дня. Сразу взялись и за Национальные мастерские, в которых числилось свыше 100 тысяч рабочих. Их уничтожение поручили монархисту и иезуиту графу Фаллу, который начал действовать поистине иезуитскими методами. Сначала перестали записывать в них новых безработных. Потом предложили молодым рабочим вступать в армию. Рабочих Национальных мастерских стали посылать в провинцию землекопамп. Они поняли смысл наступления против них и все с большим подозрением относились к маневрам правых в Учредительном собрании. 4 июня произошли дополнительные выборы в собрание. Неожиданно избранными в Париже оказались социалисты вроде Леру и Прудона. Но эти люди не способны были защищать рабочих, они витали в мире иллюзий. Зловещим симптомом оказался неожиданный успех Луи-Наполеона Бонапарта, избранного сразу в четырех округах. Ничтожный человек с именем, овеянным чужой легендой, привлек недовольных, отчаявшихся и изверившихся людей. Бонапартисты сразу же развили бешеную агитацию, почуяв выгодную конъюнктуру.

Между тем правые сочли себя достаточно усилившимися, чтобы начать решающую схватку с рабочими. Отдаются приказы, означавшие роспуск Национальных мастерских, дававших хотя бы кусок хлеба безработным. 23 июня началось восстание рабочих, восстание без вождей, без программы. Это был взрыв возмущения 50-тысячной массы, выражение отчаяния и негодования. Восставшие сражались с таким героизмом против втрое превосходивших их сил, что правительство охватила паника.

Первая великая битва пролетариата против буржуазии кончилась поражением. Войска генерала Кавеньяка подавили восстание с чудовищной жестокостью. Точное число убитых неизвестно, наиболее вероятной представляется цифра в 15 тысяч, к которым надо прибавить многие тысячи заключенных в тюрьмы и отправленных в ссылку. В течение нескольких недель Париж, особенно в его восточных районах, казался городом, в котором будто какая-то чудовищная эпидемия унесла , большую часть жителей и превратила улицы в пустыни. До Бланки, запертого в Венсеннскую крепость, доходили смутные сведения и отзвуки пушечной канонады. Как и в феврале 1848 года, в июне среди восставших снова не оказалось их вождя, хотя имя его часто вспоминали на баррикадах...

Бланки оставалось лишь мрачное удовлетворение от сознания того, что его пророчества, еще несколько недель назад

казавшиеся кошмарным видением, осуществились. Он размышляет о судьбе Франции и ее народа, о республике и социализме. Вот тогда он и приходит к заключению, что республика сама по себе ничего не дает для реального улучшения участи трудящихся, что республика, чтобы стать благом для всех обездоленных, должна быть социальной республикой. Ио что это означало бы на практике? Бланки не мог да и не хотел искать ответа на этот вопрос. Еще менее определенной казалась ему его собственная роль в неизбежных грядущих битвах. В это время он не верил, что сможет каким-то образом влиять на события, переживаемые Францией. Враги превратили его в мифическое пугало и заперли в камере, отрезав от внешнего мира. Но что говорят и думают о нем, если само имя Бланки сделали символом какого-то ужасного зла для подавляющего большинства населения Франции?

В августе 1848 года друг Бланки доктор Лакамбр задумал опубликовать биографию Бланки, которая явилась бы ответом клеветникам, восстановлением его истинного облика взамен того извращенного представления о нем, которое давали публике. Бланки пишет Лакамбру 12 августа 1848 года:

«Я полностью согласен с вами и, однако, не собираюсь ничего делать. Знаете почему? Потому что я не вижу никакой возможности достичь серьезных результатов. Чтобы добиться эффекта, надо воздействовать на большинство населения, иметь огромное влияние, но вы знаете, что такое влияние мы оказать не можем, что сфера нашей деятельности крайне ограничена, наш горизонт почти так же узок, как стены тюремной камеры. Предположим, эта биография написана и напечатана. Сколько читателей прочтут ее? Самое большее, несколько сотен. Кто согласится широко ее опубликовать? Ни одна газета не пойдет на это. Неужели вы думаете, что это произведение существенно повлияет на общественное мнение? Вся большая пресса меня ненавидит, ибо она меня боится. Все, что вышло из-под моего пера, вызывало зависть, беспокойство, страх... Наивно преувеличивать мое значение, это может лишь обернуться против меня. Это не первый случай, когда человек становится жертвой своей репутации. Вы хорошо знаете пословицу о посредственности, добивающейся всего. Успеха достигает только она, каждый ее любит, ибо никто ее не боится. Эта пстина так же верна, как и то, что в этом мире успех достается только пороку, а добродетель гибнет. Любое достоинство рассматривается как недостаток, как повод для порицания. Пороки других нравятся как выгодный фон, как основание для гордости собой. Надо брать мир таким, каков он есть. Вы говорите о моем терпенье, о моей

преданности делу. Другие говорили о моем бескорыстии, о моей суровой и скромной жизни. Думаете, что все это мне простят? В этом заключается опасное преступление, которое разжигает исключительную ненависть. Только некоторые избранные души, чистые и великодушные, воспринимают это с любовью, которая порождается сходными качествами, остальные же становятся смертельными врагами. Такова судьба. Я считаю большой удачей иметь хорошие отношения и дружбу с несколькими преданными сердцами, способными на большое чувство и большие жертвы; это сила, подобной которой нет в мире. Положение дел остается плохим, опасным, но не безнадежным. Ведь это не может длиться бесконечно: вот в чем утешение и надежда».

Скажем прямо, слабое утешение и смутная надежда для узника Венсеннского замка. Обрывочные сведения, доставляемые Бланки матерью, рисовали безотрадную картину политической эволюции. Республика, ради спасения которой якобы и пришлось расправиться с рабочими в июне, идет к упадку. Теперь она ликвидирует и другую свою опору — поддержку мелкой буржуазии. Ее представители в рядах Национальной гвардии недавно яростно подавляли пролетариат, защищая свою собственность. Но Учредительное собрание теперь голосует за строгое взыскание долгов и обрекает на разорение десятки тысяч лавочников и других мелких буржуа. Оказывается, они

спасли собственность, но не свою, а крупных капиталистов и банкиров. Собрание разрабатывает и принимает новую конституцию. Ледрю-Роллен заикнулся было о том, чтобы упомянуть в ней о «праве на труд», провозглашенном Временным правительством весной. Но ситуация изменилась, и «право на труд», объявленное мятежным девизом, отвергается. Однако самое опасное в том, что конституция открывает дорогу восстановлению монархии. Учреждается должность президента, получающего всю реальную власть. Его будут выбирать прямым голосованием, а он станет носителем суверенитета нации.

Это положение конституции имеет тем более зловещий смысл, что на политической сцене выдвигается на первый план фигура «племянника своего дяди» Луи Бонапарта. Еще при Луи-Филиппе он два раза устраивал заговоры для захвата власти. Но его опереточные авантюры не воспринимали серьезно. Теперь положение иное. Отменен закон о вечном изгнании семейства Бонапартов из Франции. Республика сумела с помощью республиканцев из «Насьональ» и «Реформ» необычайно быстро потерять надежную почву, оттолкнув от себя и рабочих, и крестьян, и городскую мелкую буржуазию. А Бонапарт обещает что-нибудь всем, даже рабочим! Ведь он заранее сочинил

брошюру о борьбе с бедностью. Крестьяне, болезненно задетые тем, что республика обложила их добавочным налогом, мечтают о возрождении империи. Персона Луи-Наполеона растет на глазах.

Среди мелкобуржуазных демократов и республиканцев царят уныние и растерянность. Теперь они горько сожалеют, что допустили в июне расправу с рабочими. Память об июньском побоище не перестает тревожить совесть многих. 3 октября на собрании в редакции газеты «Пепль» Жозеф Прудон выступил с таким саморазоблачением:

— Что касается лично меня, то память об июньских днях будет лежать на моей душе вечным тяжким бременем, укором для моей совести. С болью признаю: до 25 июня я ничего не предвидел, ничего не знал, ни в чем не разобрался... Я, как и вы и как столько других, был болваном. Я по парламентскому тупоумию не сумел выполнить свой долг народного представителя. Я был там, чтобы видеть, и ничего не видел; я был там, чтобы бить в набат, и молчал! Я поступал как собака, которая пе лает при приближении врага. Я, избранник плебса, журналист пролетариата, обязан был не оставлять эту массу без руководства и без совета...

Из дальнейших прочувствованных слов Прудона выяснилось, что он видел свою обязанность в том, чтобы убедить рабочих не браться за оружие и ничего не требовать от правительства. Но и теперь он действовал ничуть не умнее и не принципиальнее. Он даже всерьез заводил речь о том, не поддержать ли на предстоящих президентских выборах кандидатуру Бонапарта. Но в конце концов ему пришлось склониться в пользу кандидата всех социалистических сил Франсуа Распая, отважного революционера, ученого-химика, человека левых, но очень сумбурных взглядов. Хотя на частичных выборах в собрание в сентябре Распай неожиданно победил, реальных шансов на избрание его президентом не было. Тем не менее его кандидатура была путем к объединению всех социалистических сил, даже к союзу рабочих с частью мелкой буржуазии. Поэтому Бланки, оставаясь в своей камере в Венсеннском замке, начинает не только интересоваться политической борьбой в стране, но активно вмешиваться в нее. Поразительна эта его способность не отказываться от борьбы даже при самых ничтожных шансах на успех. В самом деле, что он мог практически сделать, располагая лишь возможностью передавать друзьям на волю с помощью матери одно-два письма? Но Бланки решил не упускать и этой возможности. На этот раз его политическую тактику нельзя не признать правильной. Бланки считал, что наряду с бескомпромиссной борьбой против Луи Бонапарта и кандидата

правых республиканцев генерала Кавеньяка главный удар надо наносить по кандидатуре левых республиканцев, выдвинувших Ледрю-Роллена. Дело в том, что этот левый деятель играл особо подлую роль на всем протяжении революции 1848 года. Она заключалась в том, что он привлекал мелкобуржуазные революционные силы идеей продолжения якобинской традиции 1793 года. Но на деле он затем подчинял их интересам крупной буржуазии. И вот теперь, на предстоящих президентских выборах, Ледрю-Роллен снова раскалывал левые силы, мешал формированию единой социалистической партии вокруг кандидатуры Распая.

Конечно, сам по себе Ледрю-Роллен был предпочтительнее открыто правых фигур Кавеньяка и Луи Бонапарта. Но своей ролью раскольника левых он препятствовал формированию социалистической оппозиционной партии. Хотя она все равно не имела шансов провести своего кандидата в президенты Распая на выборах 10 декабря, надо было оценивать создавшееся положение с точки зрения более отдаленной перспективы. Бланки выбирает поэтому путь решительной борьбы против Лед-рю-Роллена.

28 ноября предстояло важное предприятие в предвыборной кампании Распая. В XII округе Парижа собралось около трех тысяч человек на банкет во имя социалистического единства. Уже очень старая, но по-прежнему энергичная Софи Бланки на этот раз должна была доставить из Венсеннского замка особо важный документ — письмо Бланки, которое будет зачитано на банкете. Старая дама и на этот раз не подвела. Письмо послужило началом разоблачения новой мистификации Ледрю-Роллена. Правда, Бланки прямо пока не называл его, но все ясно поняли смысл призыва изучить путь революции, чтобы разоблачить ренегатов, предавших ее. Он призывал не доверять бессовестным политическим авантюристам, которые ради власти бесстыдно торгуют принципами. Надо создать единый фронт социалистов в борьбе против левых республиканцев. Намек на Ледрю-Роллена был очень прозрачен.

В первых числах декабря, за неделю до выборов, собрался новый избирательный банкет, на котором Бланки выбрали почетным председателем. Здесь зачитали новую речь Бланки, которая оказалась не только интересным свидетельством углубления и развития социалистических взглядов Бланки, но его заметным вкладом в конкретную политическую борьбу тех дней. Он решительно отверг притязания мнимого якобинца Ледрю-Роллена на духовное наследие самой левой, революционной и влиятельной фракции Великой французской революции. Ее подлинными наследниками могут быть только социалисты,

представляющие революционный пролетариат. В условиях 1848 года сторонники Ледрю-Роллена, слепо повторяя лозунги монтаньяров 1793 года, в действительности являются не якобинцами, а жирондистами. Так узник из башни Венсеннского замка показал, что именно он может быть вождем пока еще очень слабой, аморфной, только зарождавшейся соцпалистической революционной партии.

Но вот 10 декабря состоялись выборы и дали ошеломляющий, печальный для Бланки результат. Наполеон получил 5 миллионов 453 тысячи, то есть почти в три раза больше голосов, чем все остальные кандидаты, вместе взятые. Кавеньяк собрал 1 миллион 448 тысяч, Ледрю-Роллен — 370 тысяч, Распай — 37 тысяч, а Ламартин — всего 17 тысяч.

Франция мелкой буржуазии хотела иметь хозяина. Она его и получила. Авантюрист, жалкий спекулянт славой своего дяди одним махом сгреб голоса всех, кого обидела буржуазная республика, от монархистов до рабочих. Больше всего ему помог «Жак-простак», французский крестьянин, возненавидевший республику, которая увеличила налоги в полтора раза. Это было восстание невежественной, отсталой, верившей лишь своим попам французской деревни. 10 декабря наступил час расплаты для буржуазных республиканцев, как «трехцветных», марки «Насьональ», так и для «якобинцев» из «Реформ», которые, будучи у власти, занимались исключительно борьбой против защитников республики: сначала против рабочих, а потом против мелкой буржуазии. А Луи-Наполеон, дав присягу на верность конституции («Как честный человек», — сказал он), сразу начал готовить государственный переворот. Наступает агония Второй республики, открывается одна из самых жалких страниц французской истории.

Для Бланки это суровый, жестокий урок. Он не верит больше в ценность всеобщего избирательного права. Более того, он считает его опасным. Для перехода к социализму необходима революционная диктатура, без которой нельзя сохранить власть. Отсюда начинается расхождение бланкизма и демократии как в мыслях Бланки, так и в практике его сторонников и последователей...

Для таких размышлений Бланки имел достаточно времени: в Венсеннском замке он провел девять месяцев. Революция уже практически задушена, но для Бланки она завершается на суде весной 1849 года. Власти сочли, что настал момент покончить с группой революционных вожаков, особенно с Бланки, упрятав их надолго в тюрьму. Судебный процесс оказался частью широкого наступления на все левые силы, развернутого для подготовки

государственного переворота Луи Бонапарта. В Париже было неспокойно; республиканцы, хотя и с запозданием, объединяются в борьбе против угрозы новой, бонапартистской, монархии. Поэтому власти решили устроить суд подальше от Парижа, в Бурже.

В ночь на четвертое марта Орлеанский вокзал окружают два армейских батальона, несколько сотен жандармов. Под охраной крупного отряда кавалерии на вокзал с грохотом вкатывается несколько тюремных карет с решетками на окнах. Их втаскивают на открытые платформы специального поезда, везущего тринадцать узников и несколько сотен охранников в Бурже. На другой день в полдень они уже здесь, где их помещают в старинном здании XV века, в котором устроили тюрьму и где будет заседать Верховный суд. Поражает тщательная предусмотрительность во всем, что касается охраны заключенных и суда, и при этом полнейшее пренебрежение законностью. Верховный суд учрежден спустя полгода после совершения мнимого преступления — заговора с целью развязывания гражданской войны и государственного переворота. Старинный принцип права, по которому закон не имеет обратной силы, цинично отброшен. Но главное отличие нового процесса, где Бланки снова фигурирует как главный обвиняемый, в другом. Если в мае 1839 года под руководством Бланки революционеры открыто выступали с оружием в руках против власти, то теперь им вменяют в вину события 15 мая, которые были провокацией и где Бланки непосредственно не играл руководящей роли. Новый суд стал невероятным юридическим маскарадом, что, впрочем, соответствовало смыслу и духу подготовлявшегося тогда преступного государственного переворота.

7 марта начинается процесс. Вводят подсудимых, которые рассаживаются в окружении солдат на нескольких скамьях. В первом ряду: Бланки, Альбер, Барбес, Собрие и Распай. Сначала вспыхивает спор о законности суда. Протесты подсудимых о неправомочности этого судилища отклоняются. А затем следуют долгие часы допроса обвиняемых. После этого заслушивают показания полутора сотен свидетелей. Никакого заговора доказать не удается. Напротив, раскрывается картина полицейской провокации. Обнаруживается подлая роль полицейского наемника Юбера, объявившего о роспуске Национального собрания. Не случайно его нет среди подсудимых, хотя именно он сделал громогласное заявление, послужившее основой всего обвинения. Тактика обвинения проясняется совершенно четко. Ее цель — доказать, что Бланки был вдохновителем всех антиправительственных выступлений за

время от 25 февраля до 15 мая. Бланки требует предоставить ему возможность сделать предварительное заявление. Спокойно, логично и убедительно он рассказывает о своем поведении на протяжении двух с половиной месяцев. Бланки напоминает о своей позиции накануне 15 мая, когда он возражал против участия членов своего клуба в демонстрации из-за Польши. И факты действительно подтверждают, что никакого заговора Бланки, как и других революционеров, просто не существовало. Вызванный в качестве свидетеля Ламартин убежденно заявляет, что 15 мая происходила стихийная демонстрация, что только случайное стечение обстоятельств привело к эксцессам в зале собрания и в Ратуше; Такую же версию событий излагает и Ледрю-Роллен.

Но судьям нужен заговор, возглавляемый именно Бланки. В самом деле, ведь никто же не будет спорить с тем, что, кроме него, среди подсудимых действительно не было человека, более пригодного для роли вождя восстания. Поэтому генеральный прокурор Барош свою обвинительную речь строит на основе именно этой идеи. Сначала он изображает идиллическую картину всеобщего братства и единства, воцарившуюся в дни февральской революции. Но затем он с негодованием переходит к описанию яростной враждебности против Временного правительства:

— Очагом этой оппозиции были клубы, и особенно Центральный клуб, руководимый подсудимым Бланки...

Прокурор рисует портрет коварного подстрекателя, стоявшего за антиправительственными выступлениями 17 марта и 15 мая:

— Да, именно обвиняемый Бланки подготовил эти действия против Временного правительства и организовал насилие. Но в момент, когда это насилие проявляется, он еще держится в стороне, пока успех сомнителен и неясен. До определенного момента он хранит молчание, удерживая в резерве средства для использования победы, если она будет достигнута. Но, если этого не произойдет, он имеет возможность оправдать все свои действия... 17 марта, как и 16 апреля, Бланки хотел отвратить народные демонстрации от их истинных мирных целей, чтобы превратить их в инструмент развязывания страстей и его ненависти против Временного правительства.

А затем генеральный прокурор прибегает к особенно коварному приему. Он говорит, что у обвиняемого имелись особые, личные причины провоцировать мятеж 15 мая. Через несколько дней после этой даты должен собраться суд чести из представителей клубов для рассмотрения обвинений его в предательстве в связи с «документом Ташеро». Бланки,

утверждает прокурор, любой ценой стремился избежать такого рассмотрения, угрожавшего ему разоблачением. Конечно, невозможно было придумать лучшего средства сорвать суд чести, чем мятеж. После него действительно клубы закрыли, самого Бланки и других участников намеченного суда арестовали. Домыслы прокурора явно направлены на то, чтобы вызвать споры между обвиняемыми. Ведь он знает, что Среди них злейший враг Бланки — Барбес. Всем известная вспыльчивость Барбеса позволяла надеяться на успех этой провокации. Неужели она удастся?

В поисках доказательств «виновности» Бланки в заговоре прокурор не гнушается ничем. Начав свою речь с восхваления «свобод», дарованных французам февральской революцией, он обвиняет Бланки именно в том, что он воспользовался свободой слова, когда выступал с трибуны Учредительного собрания 15 мая. Мы уже видели, насколько сдержанной, тактичной была речь Бланки. Но прокурор превращает ее в подстрекательскую!

— Бланки провозглашал с трибуны все самые поджигательские призывы, которые только могли возбудить гнев народа: убийства в Польше, убийства в Руане, причины социальной нищеты, которые, по его словам, заключаются в самой организации общества... Бланки не пренебрег ничем, чтобы разжечь страсти. Его слова не были словами мира, и существо состояло в том, чтобы настроить бедных против богатых и направить к цели, которой он добивался. И он ее достиг: после его речи, даже в момент ее произнесения, возбуждение и беспорядок достигли апогея!

По словам прокурора, Бланки вышел из .здания собрания с криком: «Вперед, к Ратуше!» Те, кто знал революционность Бланки, могли и поверить в эту ложь. Правда, Барош вынужден признать, что в Ратуше его не было. Но зато он укрылся у своего сторонника Крус-са в доме № 15 на набережной Межисерри. А это недалеко от Ратуши, и, если бы дела там пошли успешно, он мог бы быстро туда явиться. Итак, Бланки обвиняют не в том, что он делал, а в том, что он мог бы сделать по предположению прокурора!

30 марта Бланки требует слова и получает его. Но это отнюдь не защитительная речь, как все ожидали. Это обвинение, это разоблачение его врагов:

— Сражаясь в первых рядах борцов за народное дело, — говорит Бланки, — я никогда не получал открытых, честных вражеских ударов. Мои враги действовали всегда из-за угла. Я никогда не обращал внимания на эти предательские вылазки. И время доказало с очевид-

ностью, что в моем лице эти удары врагов народа поражали революцию. В этом мое оправдание, и я горжусь этим. Это сознание хладнокровно и упорно исполняемого долга поддерживало меня в самых тяжелых испытаниях. Придет день, и если этот радостный день застанет м^ня в тюремной камере — для меня безразлично, так как он найдет меня в обычном жилище, которое я мало иокндал за последние 12 лет. Торжествующая революция вырвала меня оттуда на мгновение, а изменники и душители революции снова толкают меня за тюремную решетку.

Голос Бланки крепнет, он пронизан гневом и ненавистью. Вся маленькая, бледная фигура Бланки словно вырастает на глазах, возвышается над барьером, ограждающим скамью подсудимых. Он обвиняет «алчную свору» политиканов, порожденных самой природой буржуазного общества. Бланки беспощадно срывает все покровы, обличая его гнусную порочность:

— Повсюду и везде царят обман, взяточничество и беспутство. Но терпенье доверчивых приходит к концу. Хищные аппетиты и бессовестное грабительство господствующих порождают неисчислимые страдания угнетенных. Общее разложение усиливается, скоро наступит хаос. И если не будет проведена радикальная реформа — общество погибнет... Если бы какая-нибудь сила могла бичом изгнать хищников на всех ступенях иерархической лестницы, циничная алчность уступила бы место бескорыстию, продажность чиновников сменилась бы честностью, а общественные должности перестали бы быть синекурами и защищались бы людьми долга, готовыми на самопожертвование, — какая внезапная и глубокая революция осветила бы все умы. Пример свыше всегда заразителен, бескорыстие тоже стало бы заразительным, как теперь продажность. Оно бы сделалось достоянием всех классов благодаря примеру власти.

Но речь Бланки вовсе не состоит только из общего изложения своих взглядов, из проявления чувства негодования и ненависти к классовому врагу. Он разбирает конкретные обвинения прокурора, уличает его в противоречиях, в явной лжи, в глупости. Он бичует его сарказ-мами и язвительным юмором. В ответ на обвинения, что якобы он добивался разгона Учредительного собрания, Бланки заявляет:

— Мы не стали бы тогда разговаривать три часа в палате, которую надо разогнать...

И затем он со знанием дела опытного заговорщика рассказывает о том, что следовало бы сделать, чтобы проникнуть в зал заседаний Бурбонского дворца, как надо было бы выгнать

оттуда депутатов, обезоружить охрану и проделать все остальное, что необходимо для действительного, а не воображаемого разгона этого сборища, именуемого Национальным собранием.

Многие с изумлением отмечали, что вместо естественных чувств уныния, разочарования, упадка, апатии, равнодушия — как следствия осознания поражения революции — Бланки обнаруживает на суде в Бурже необыкновенное присутствие духа, непоколебимое стремление продолжать борьбу. Виктор Гюго писал по этому поводу: «Именно Огюст Бланки направляет дебаты, он говорит, повторяет, спрашивает, прерывает, вызывает жандармов, заставляет возвращаться свидетелей, допрашивает судей, приводит в замешательство всех. Однажды Дюпон-старший встретил Адольфа Бланки, брата Огюста, и сказал ему: «Я поздравляю Вас с той блестящей манерой, с которой Ваш брат ведет процесс в Бурже».

1 апреля наш старый знакомый Фюльжанс Жирар в качестве адвоката выступает в защиту Бланки. Генеральный прокурор отвечает ему, снова рассматривает всю политическую карьеру Бланки. 2 апреля он спрашивает подсудимого, не хочет ли он что-либо добавить в свою защиту.

— Если бы у меня, — отвечает Бланки, — оставалось малейшее сомнение в беспощадной ненависти властей, которые преследуют меня, так мне не нужно было бы покидать стен суда, чтобы убедиться в этом. Я удовлетворен тем, что все маски сорваны и что этот процесс приобрел наконец свою истинную окраску. Против меня поднято черное знамя, и мне объявлена беспощадная война, война не па жизнь, а на смерть!

Председатель суда прерывает его, но Бланки продолжает речь, напоминает о событиях мая 1839 года, о своей роли в них, о роли Барбеса...

— Не смейте касаться меня! — с яростью выкрикивает Барбес.

Тогда Бланки прямо касается «документа Ташеро», указывает на его сфабрикованный характер, но заключает, что этот вопрос должен быть исчерпан в другом месте. Это поддерживает своей репликой и Флотт. Ему снова возражает Барбес, говоря, что не может своим молчанием соглашаться с ложью, которую произносят в его присутствии. В конце концов участники внезапного спора на скамье подсудимых соглашаются в том, что здесь не место сводить счеты и стирать свое грязное белье в присутствии врагов. Бланки продолжает речь, заканчивая ее такими словами:

— Итак, я заключаю. Я заявляю, что в обвинении нет ни малейшего, ни одного элемента доказательства, и если судебный приговор может быть вынесен, то я назову такое правосудие

осуждением по заранее принятому решению, я назвал бы его даже бесчестьем и позором истории.

Председатель суда спрашивает, не хочет ли кто-либо из обвиняемых сказать что-либо. И тогда встает Барбес и начинает длинную обвинительную речь против Бланки. Случилось именно то, чего намеренно добивался прокурор, который в своей речи как бы случайно упомянул «документ Ташеро». Вспыхивает ожесточенная перепалка между подсудимыми, главным образом между Бланки и Барбесом. Инициатором этого позорного инцидента был исключительно Барбес. Он начал напоминать все спорные детали, связанные с «документом Ташеро». Бланки, естественно, вынужден был отвечать, хотя он делал это в значительно более сдержанной форме. Но преданный друг Бланки Флотт ведет себя иначе и кричит Барбесу:

— Вы покрыли себя сегодня позором!

— А я тебе скажу, — отвечает Барбес, — что ты лакей одного субъекта, но воображаешь себя республиканцем!

— Подожди, — грозит Флотт, — я с тобой еще разделаюсь, а пока — довольно...

Долго, тягостно долго продолжалась эта тяжелая сцена распри между революционерами, которую с удовлетворением созерцали их общие враги. Барбес, поддавшись обуревавшей его давно ненависти к Бланки, утратил всякую способность контролировать свои слова. Вражда между революционерами всегда была и всегда будет самой большой радостью для их общих врагов. И на этот раз они такую радость вкусили сполна...

2 апреля 1849 года Верховный суд объявил приговор. Шесть обвиняемых были оправданы, другие признаны виновными. Барбеса и Альбера осудили к изгнанию, но потом заменили это наказание тюремным заключением. Собрие получил семь лет тюрьмы, Распай — шесть, Флотт и Кантин — по пяти. Бланки приговорили к десятилетнему тюремному заключению.

Почему же он получил наибольшую меру наказания? Ведь он не призывал к разгону Учредительного собрания, как Юбер. Не составлял списков нового правительства, как Собрие. Не учреждал нового правительства в Ратуше, как Барбес и Альбер, и не издавал от его имени декреты... Его осудили на максимальную меру наказания исключительно из-за того, что он представлял, воплощал самую левую, революционную, социалистическую тенденцию революции 1848 года. Суд в Бурже признал таким образом совершившийся факт — Бланки стал вождем революционной, пролетарской партии Франции.

Бланки не побежден, хотя и осужден! Напротив, суд вывел его из состояния апатпи, безнадежности, которыми, например,

дышало его письмо Лакамбру в августе 1848 года. Он снова оказался в своей стихлп, в гуще ожесточенной схватки. И если физически он побежден и снова загнан в тюремную камеру, то морально он — победитель! Он не только не запросил пощады. Он заявил, что будет всегда, до самого конца вести борьбу под тем знаменем, которое он развернул и высоко поднял на процессе в Бурже.

«Прекрасный остров»

Любая из многочисленных тюрем, в которых довелось сидеть Бланки, была жестоким надругательством над человеческим достоинством. На этот раз само название служит издевательским дополнением ко всем прочим обычным мерзостям тюрьмы. Однако до так называемого «Прекрасного острова» ему предстояло еще пережить 19-месячное заключение в крепости Дуллан, расположенной около Амьена на реке Сомме. Из Бурже семеро заключенных были доставлены в тюремной карете, из которой их выпустили лишь после того, как снова за ними захлопнулись ворота в крепостной стене старого форта. Когда-то это была одна из важнейших крепостей, защищавших Францию с севера. Крепости утрачивали свое стратегическое значение по мере развития военной техники. Но зато возрастала их роль в борьбе с внутренним врагом. Почти все они превратились в тюрьмы.

Сначала привезенных из Бурже заключенных разместили во временных камерах. Бланки поместили в одну камеру с преданным ему Флоттом, Барбес разделил камеру с Альбером, а Распай, Собрие и Кантин поселились втроем. Но вскоре, 13 апреля, их поместили в другое здание, окруженное сплошной кирпичной стеной высотой в шесть метров. Пространство между тюремной стеной и тюремным зданием в двадцать пять шагов предоставлялось заключенным для прогулок. Они даже могли вскапывать грядки и клумбы, выращивать овощи, цветы. Но проклятая стена скоро превратилась для узников в страшное наваждение. Ведь за ней — жизнь, свобода. Опи знают по рассказам, что вблизи их тюрьмы небольшой город с четырьмя тысячами жителей, с кирпичными домами среди высоких тополей и зарослей боярышника. Стена не позволяет видеть даже самое высокое здание города — башню собора с лукообразной вершиной. Заключенные никогда не увидят городка, хотя он живет своей жизнью совсем рядом с ними.

Дуллан расположен в тридцати километрах от моря. Поэтому воздух здесь влажный, с частыми дождями и туманами. Для южанина Бланки с его хрупким здоровьем морской северный климат не сулит ничего хорошего. Поэтому уже через полмесяца после перевода Бланки в Дуллан в тюремном журнале появляется запись: «Бланки серьезно болен. Говорят, что с момента прибытия в крепость этот заключенный отказывается принимать другую пищу, кроме салата, слегка смоченного уксусом». Уже вскоре его начинает посещать мать. Вообще она играет активную роль в его

жизни именно в тюремные периоды. Хотя при каждом свидании обязательно присутствуют два стражника, встречи с матерью как-то нарушают монотонное однообразие тюремной жизни. Неизменно в половине десятого заключенных запирают в их камеры и гасят свет. Утром камеры открываются, и узники могут хоть весь день бродить по замкнутому высокой стеной кругу около своей тюрьмы. Здесь они общаются между собой. Конечно, встречи Бланки и Флотта с Барбосом не могли носить дружеский характер. Молча проходят они мимо друг друга и только иногда бросают беглые, далеко не добрые взгляды. Бланки это не доставляет никакого удовольствия, и он часто предпочитает оставаться в камере наедине с самим собой, со своими воспоминаниями о трех месяцах бурных событий революции и, конечно, о «документе Ташеро». Надежда, что время сотрет из памяти людей эту злополучную историю, рассеялась после того скандала, который устроил Барбес на процессе в Бурже. Уж он-то постарается, чтобы эта рана Бланки оставалась незаживающей...

Единственное спасение Бланки, подобие какого-то бегства от охватывающих его грустных размышлений — это чтение. Заключенным давали официальную газету «Мо-нитер». Бланки и Распай добились разрешения получать книги. Преданному Флотту с огромным трудом удавалось оторвать Бланки от постоянного чтения, чтобы вывести его подышать свежим воздухом.

Бланки, как и другие узники Дуллана, больше интересуется изменениями в политическом климате Франции. Центральное место здесь занимала борьба Луи-Наполеона, остававшегося пока президентом республики, против этой республики в лице ее Учредительного собрания, а после майских выборов — Законодательного собрания. Конфликт между Бонапартом и парламентом возник из-за Италии. Итальянские патриоты боролись за независимость против Австрии, и Учредительное собрание обещало помочь им. Бонапарт действительно послал французские войска в Италию, но совсем для других целей. Франция выступила против Римской республики, упразднившей светскую власть папы. Наполеон, стремясь получить поддержку католической церкви, стал защитником папы против римского народа. Это был не только прямой обман депутатов, но и грубейшее нарушение конституции, которая торжественно провозглашала, что Французская республика «никогда не употребит своих военных сил против свободы какого бы то ни было народа».

Политическое напряжение в стране резко усилилось из-за проходивших 13 мая выборов в Законодательное собрание.

Соперничали три основные политические силы: «партия порядка», объединявшая всех монархистов (легитимистов, орлеанистов и бонапартистов), левая республиканская партия Ледрю-Роллена и правые «трехцветные» республиканцы. На выборах 500 мандатов из 750 получила «партия порядка», партия Ледрю-Роллена — 180, правые республиканцы — 70.

Конфликт из-за Италии, за которым скрывались острые классовые противоречия, возобновился с новой силой после выборов. 11 июня 1849 года Ледрю-Роллен потребовал от собрания предать суду президента республики и его министров за грубое нарушение конституции. Он заявил, что «республиканцы не остановятся ни перед чем, чтобы заставить уважать конституцию, даже перед силой оружия». Но смелость лидера левых была чисто риторической, как показали дальнейшие события.

Законодательное собрание 13 июня отвергло обвинения Ледрю-Роллена. Депутаты левой удалились в знак протеста и призвали народ, армию, Национальную гвардию выступить в защиту конституции. 30 тысяч человек вышли на мирную демонстрацию без оружия. Но войска под командованием генерала Шангранье разогнали демонстрантов. Ледрю-Роллен, Делеклюз, Бернар, Консидеран пытались в Консерватории искусств и ремесел, используя «моральную силу» (пушки были без снарядов), оказать сопротивление. Однако солдаты быстро окружили их. Многие были арестованы. Главные вожди — Ледрю-Роллен и Делеклюз — успели скрыться и вскоре бежали за границу.

Фактически события 13 июня были концом Второй республики. Арестованы 33 депутата левой. Все демократические газеты закрыли. Париж объявили на осадном положении. Политические собрания запрещены на год. Теперь республика оказалась связанной по рукам и ногам. Бонапарт стал медленно душить ее, готовя государственный переворот и провозглашение империи. Дорого обошлась левым республиканцам их жалкая «игра в восстание». Рабочий класс не поддержал их, да его и не призывали к оружию. К тому же рабочие не хотели идти за теми, кто беспощадно расправлялся с ними год назад. Этим страшным поражением силы рабочего класса были надломлены и ослаблены. Во главе его не было революционных вождей, прежде всего Бланки...

Между тем наступление крайней реакции во всей Франции проявляется и в тюрьме. Все началось с того, что в октябре 1849 года новый парижский социалистический журнал «Сите Увриер» объявил, что в нем будет сотрудничать Бланки. Министр

внутренних дел немедленно приказывает директору тюрьмы в Дуллане Валету установить строжайшее наблюдение над Бланки, чтобы ни один клочок бумаги не мог быть передан им на волю. И вот 20 октября рано утром, когда вся тюрьма еще спит, ретивый директор является в камеру к Бланки в сопровождении нескольких стражников. Услышав, что у него хотят произвести обыск, Бланки потребовал представителя судебных органов. Валет пришел в ярость:

— Вам судью? Я здесь хозяин и делаю все, что мне нравится. Пишите министру, Парке, кому хотите пожалуйтесь! Мне смешны ваши протесты! Я сильнее, и я заставлю вас, черт возьми, в этом убедиться!

Без всяких формальностей он начал хватать бумаги, переворачивая все вверх дном. Директор хотел также

взять личное письмо, которое Бланки держал в руках. По старой привычке, приобретенной на опыте прежних арестов, он быстро подносит письмо ко рту и уже проглатывает часть бумаги. Но стражники бросаются, чтобы вырвать у него остаток, его швыряют на койку, начинают выкручивать руки. Борьба продолжается минут десять. Крики стражников и стоны Бланки будят всю тюрьму. Оп папоминает, что он болен.

— Болен? — вопит Валет. — Чтобы совершать преступления, вы не были больны! Вы лишь убийца! Первый, самый подлый из всех убийц! Мы спустим с вас шкуру... Можете хоть сдохнуть, нас это ничуть не волнует... Это будет большое счастье!

Именно эти слова и другие оскорбления Бланки приведет в письме к прокурору республики, которое будет опубликовано в некоторых газетах. Следует неожиданная реакция Барбеса, обратившегося в газету «Реформ» с опровержением жалобы Бланки: «В нашей государственной тюрьме мы не подвергаемся никаким притеснениям, кроме мелких булавочных уколов режима. Во Франции есть множество других тюрем, где заключенным бесконечно тяжелее, чем нам, например, заключенным в Мон-Сен-Мишель. Как же можно после этого осмеливаться жаловаться па благодушные строгости нашего режима здесь?»

Именно так писал Барбес, давно уже привыкший опровергать все, что бы ни сказал Бланки и по любому поводу. Вообще в этом замкнутом мирке все мельчает. Взаимная нетерпимость приобретает болезненные и позорные формы. Ссоры противопоставляют узников друг другу. Распай в споре с Бланки в своем поведении доходит до чудовищных оскорблений...

В начале 1850 года здоровье Бланки еще больше ухудшается. Он пишет Эдуарду Гуте, у которого он жил в Блуа, 4 февраля

1850 года: «Наконец, ты знаешь, что я нахожусь в Дуллане, где я проживаю на государственный счет, и это меня утешает. Мое здоровье, о котором ты спрашиваешь, могло бы быть лучше. Уже шесть недель оно крайне шатко, и я бьюсь между лихорадкой и горячкой. Сейчас меня мучает горло, и я харкаю кровью. Надеюсь, что это не будет продолжаться вечно...»

Вечность? Каждая минута, час, день, которые тянутся так медленно, кажутся заключенному вечностью. Их надо чем-то заполнить, чтобы не сойти с ума. Бланки уже опытный заключенный, и он старается строго организовывать свой тюремный режим. Ежедневная гимнастика, весной и летом — работа на крохотном огороде. Он ведет регулярные записи состояния погоды. Много времени занимает приготовление пищи; ведь Бланки как вегетарианец не может есть обычную тюремную еду. Если другие умудряются получать с воли даже вино и пиво, то Бланки необходимо добывать с еще большими усилиями простую воду, ибо тюремная вода кажется ему тухлой, непригодной для питья. Он сам моет, чистит и варит свои овощи.

Но главное — это работа. Бланки много пишет, а бумаги у него очень мало. У него вырабатывается необычайно мелкий почерк, который до сих пор приводит в отчаяние историков, пытающихся изучить его архив. Пишет он так мелко, что мог бы уместить таблицу умножения на клочке размером с почтовую марку. Во время заключения в Дуллане Бланки записывает воспоминания о Луи Блане, Коссидьере, Ледрю-Роллене. Он излагает свои взгляды на католицизм и протестантизм. Он написал также резкий памфлет против Робеспьера, образ которого был ему когда-то так близок и дорог. После опыта революции 1848 года он пересматривает свои взгляды. Он убедился, что копирование взглядов, идей Неподкупного для нового времени, как это делали сторонники Ледрю-Роллена, нелепо и опасно. Не демократическая республика должна быть целью современной борьбы, а республика социальная. Без этого демократия, всеобщие выборы, парламент — все это только новые вывески для сохранения прежнего рабского положения народа. Впрочем, теоретические упражнения Бланки всегда будут для него делом второстепенным по сравнению с прямым революционным действием.

Но о каком действии можно думать, когда жизнь в тюрьме — само воплощение бездействия? Что может она дать Бланки, кроме чувства беспомощности, тщетности всей его жизни? Но, о чудо! Она приносит ему особую, необыкновенную радость, удовлетворение. Разве само по себе заключение в тюрьму по нелепому, фальшивому обвинению не есть вынужденное

признание исключительной роли его личности? Редкие, но драгоценные вести о том, что во Франции и за границей помнят о нем и действуют его именем, доставляют ему истинное счастье! Он испытывает невыразимую радость от писем неизвестных, но пылких его поклонников. Вот что читает Бланки в одном из них: «С каждым днем в общественном мнении ваша фигура становится все величественнее. По мере того как народ становится все просвещеннее, он говорит о вас с уважением как о самом несчастном человеке нашей эпохи». Или в другом письме: «Вы воплощаете для меня саму душу революции; если падете вы, погибнет и она». В конце 1849 года парижские бланкисты сообщают ему, что они начинают издавать журнал для пропаганды его идей. Среди пятнадцати сотрудников журнала девять убежденных бланкистов...

В октябре неожиданно приходит приказ министерства внутренних дел о переводе Бланки и других заключенных по делу 15 мая в другую тюрьму. Это Бель-Иль-сюр-мер; в переводе на русский: «Прекрасный остров на море». 20 октября начинается тринадцатидневное путешествие в тюремной карете. Сначала Бланки привозят в Париж и помещают в новую тюрьму Мазас, оборудованную по последнему слову тогдашней полицейской техники. Разумеется, новшества призваны не облегчить участь заключенных, а усилить их тяготы. Уже через несколько дней мать добивается свидания. Она поражена болезненным состоянием сына. Кажется, он опять смертельно болен. В тот же день, 26 октября, она обращается с письмом к министру внутренних дел и просит поскорее перевести Бланки на Бель-Иль, где условия заключения благоприятнее для его здоровья. Уже 30 октября его увозят вместе с десятью другими революционерами, считавшимися в Мазасе «особенно опасными». С несколькими пересадками, с соблюдением крайних мер полицейской охраны их доставляют к Атлантическому побережью. На парусное судно «Паташ» поднимаются одиннадцать узников и двенадцать жандармов. Из-за встречного ветра морское путешествие затянулось на несколько часов, хотя остров находится недалеко от французских берегов. Но вот брошен якорь у Ла Палэ, главного пункта на острове, в котором из-за осеннего времени не заметно вопреки названию ничего прекрасного. 2 ноября прибывших передают охране замка Фуке, построенного при Людовике XIV и превращенного в тюрьму. Сначала всех помещают в одну общую камеру с окнами, из которых открывается перспектива острова и моря. Это уже благо для узников. Но попытка одного из них подойти вплотную к окну вызывает предупредительный выстрел часового. Это не сулит ничего хорошего новым гостям

«Прекрасного острова». 9 ноября новый сюрприз: сюда же привозят Барбеса — смертельного врага Бланки. Значит, снова перспектива трагически-бессмысленной вражды...

Расположенный у южного побережья Бретани, Бель-Иль издавна был отличным местом для островной крепости. Теперь в нем надежно изолировали до 500 революционеров. Внутри крепости построили шесть длинных бараков. В центре кухня, больница. Есть также большое поле, заросшее травой, — удобное место для прогулок. По сравнению с Мон-Сен-Мишель и даже с Дулланом здесь условия более благоприятны. Прибывших перевели в феврале 1851 года в общую тюрьму, в каждую камеру по шесть человек. В одной из них — Бланки, в другой — Барбес. На этот раз догадались разделить их. Появление новичков, естественно, стало событием. Имя Бланки всем было очень хорошо известно. Барбеса также знали многие, они-то составляли здесь большинство. Появление двух известных революционеров встретили криками: «Да здравствует Барбес!», «Долой Бланки!»

Но даже самые непримиримые невольно проявили сдержанность при виде седовласого, бледного как тень, сурового и непроницаемо хладнокровного Бланки. Здесь все же нашлось немало людей, которые встретили его улыбками и дружески протянутыми руками. Однако их меньше, чем активных и пассивных сторонников Барбеса. Поэтому здесь, на «Прекрасном острове», самым тяжелым оказалась не тяжесть заключения в тюрьме, относительно более легкой и даже либеральной по сравнению с другими, но атмосфера недружелюбия большинства и ненависти активных друзей Барбеса. Как правило, все эти бескорыстные участники революционного движения были людьми непосредственными, эмоциональными. Их страстные натуры постоянно нуждались в проявлении своих чувств. Отрезанные крепостными стенами и солдатскими штыками от Франции, от мира, от активной деятельности, окруженные скалами и волнами океана, они вольно или невольно поддавались настроениям вражды и подозрительности. Ведь все они были побежденными и поэтому инстинктивно искали виновников своих неудач, которые привели их на этот проклятый «Прекрасный остров». Проще всего было объяснить крах своей революционной борьбы изменой и предательством. И «документ Ташеро» давал им обильную, щедрую пищу для размышлений, догадок, споров. В конце концов, у них не было другого средства проявления своей жизненной энергии. Конечно, трезвые размышления неизбежно приводили к выводу о бессмысленности, даже непристойности этих распрей среди людей, объединенных общей ненавистью к несправедливому социальному н политическому строю Франции.

Один из узников Бель-Иля, Коммисэр, рассказывал, что девять десятых из них хотели примирения и сближения Бланки и Барбеса. Но вокруг последнего тесно объединилась хотя и всею одна десятая, но зато очень активная часть заключенных. Ожесточенные и беспощадные, они жили одной ненавистью и объявили Бланки смертельную войну. Они без конца твердили остальным, что Бланки предатель. К тому же Барбес не только не сдерживал своих друзей, но разжигал их ненависть к сопернику. Бланки будет вспоминать, что с первых дней Барбес «начал против меня войну кинжала и яда». Он напомнит об их постоянных криках: «Позор Бланки! Это предатель и прирожденный диктатор! Ото полицейский агент! Это Кромвель! Это доносчик! Это поклонник Наполеона!»

Беда усугублялась тем, что от этих оскорблений невозможно было укрыться. Если в Мон-Сен-Мишель Бланки мучился от одиночества, то теперь он страдает от постоянного общения с собратьями-врагами. С раннего утра до позднего вечера камеры открыты и заключенные слоняются по двору или ходят друг к другу. Уединиться просто невозможно. Нельзя было и работать, ибо дверь камеры непрерывно открывалась и закрывалась. Люди разговаривали, пели, без конца курили, а Бланки не переносил табачный дым, который был для него отравой. Бланки ищет себе занятие и находит его. Он объявляет, что будет читать курс лекций по политической экономии. Сразу нашлось много желающих слушать его. Постепенно аудитория росла, и в основном за счет рабочих. Лекции принесли Бланки необыкновенное чувство удовлетворения. Но курс был кратким, поскольку ограниченными были знания самого Бланки. И он опять почувствовал себя во враждебной изоляции. Правда, вокруг него объединяется группа преданных друзей, таких, как Фонтэн, Казаван и Пиле. Они часто вступали в споры с друзьями Барбеса: Ланглуа, Ансаром, Ибруи. Слушая эти пререкания, Бланки однажды пришел к мысли о том, что следовало бы превратить грубую перебранку в серьезный спор, который поможет ему рассеять недоверие и злобу. Однажды он сделал другу Барбеса такое предложение (его он текстуально воспроизвел потом в письме Эдуарду Гуте от 19 марта 1851 года):

— Барбес занимается здесь тем же делом, что и в Мон-Сен-Мишель. Там он также организовывал гражданскую войну. Его ненависть и клевета преследуют меня ужеде-сять лет. После февраля он поставил свою слепую страсть на службу буржуазии, которая использует тщеславие, зависть и злобу этого аристократа из креолов, случайно заброшенного в лагерь демократов. Его ярость повсюду вносит волнение и раскол. И вот теперь имеется

прекрасная возможность заняться стиркой грязного белья в своем семейном кругу. До сих пор этот высокомерный тип нападал на меня только сзади, в своих клеветнических посланиях, в своем клубе интриганов. Если же он осмеливался нападать открыто, то лишь на суде в Бурже под покровительством председателя суда и генерального прокурора, своих сообщников по скандалу. Я хочу наконец иметь дело непосредственно с ним, но только с ним одним. Не может быть речи о том, чтобы мне приходилось бросаться под ногп его сторожевых псов. Пусть он выступит здесь один на один, перед собранием республиканцев. Никаких помощников ни для него, ни для меня. Никаких сутяг-адвокатов. Я предлагаю ему дуэль перед лицом 259 свидетелей, но без секундантов! Я быстро сорву маску с этого пресловутого Баярда и разоблачу Тартюфа, рыцаря реакции.

Фонтэн передал Барбесу предложение Бланки. И Бар-бес его принял. Однако как раз в это время стало известно, что он раздает заключенным по два франка. Бланки решил, что Барбес, будучи человеком богатым, заранее скупает голоса своих сторонников. Выяснилось, что это недоразумение, ибо Барбесу действительно поручили распределить среди заключенных 500 франков, собранных по подписке на воле. Во всяком случае, Бланки, ссылаясь на опыт своих отношений с Барбесом, который убедил его в недобросовестности и двуличии соперника, потребовал составить и подписать протокол с точным определением всех условий «дуэли».

Протокол был составлен, и вот его текст: «Диспут происходит между Барбесом и Бланки без всякого постороннего вмешательства. Всякое вмешательство какого бы то ни было характера будет немедленно прекращено избранным бюро и будет считаться оскорблением всего собрания. Бланки и Барбес с самого начала энергично заявляют неодобрение такому вмешательству, с чьей бы стороны оно ни последовало. Каждый оратор говорит без ограничения времени, но может взять слово вторично лишь после того, как противник кончит говорить. Они взаимно соглашаются не прерывать друг друга замечаниями. Бюро состоит из трех членов: председатель должен быть избран собранием, остальные два члена являются представителями сторон. На обязанности бюро лежит исключительно сохранение порядка в собрании. Оно ни в коем случае не имеет права вмешиваться в диспут или прерывать оратора. Но если каждый из ораторов говорил уже три раза, то бюро может поставить на голосование собрания вопрос о заключении дебатов. Крепость Бель-Иль, 14 декабря 1850».

Дискуссия была назначена на понедельник. В воскресенье

Фонтэн принес этот текст Барбесу, который, однако, несмотря на свое предварительное устное согласие, отказался его подписать. При этом он заявил:

— Ведь это противоречит тому, что было согласовано... Надо, чтобы все, кто хочет, могли свободно задавать вопросы Бланки или мне. Если разъяснение будет сочтено удовлетворительным, собрание решит, является ли обвинение обоснованным или нет.

Бланки так объяснял поведение Барбеса в одном из своих писем: «Он хотел устроить общую свалку. Он бы выставил против меня нескольких забияк из своих приближенных, от которых мне пришлось бы отбиваться, в то время как он оставался бы в стороне молчаливым и важным зрителем. Я же требовал дуэли между Барбесом и Бланки».

Между тем Барбес собрал людей в понедельник как будто бы на диспут. Бланки, естественно, не явился из-за отказа Барбеса подписать условия дуэли. Барбесу напомнили о том, что устно он дал согласие на условия дуэли с Бланки. И здесь-то Барбес вновь проявил свою натуру. Он решительно заявил, что никакого согласия не давал. Тогда его собственные друзья, Фонтэн и Пейр, засвидетельствовали обман Барбеса. Раздались обоснованные возгласы о чести, подлости... Барбес запутался и закричал:

— Пусть пригласят самого господина Бланки!

Он произнес слово «господин», тогда как среди республиканцев после февраля 1848 года было принято обращение «гражданин», й это сразу подорвало доверие к нему. Собравшиеся заключенные стали расходиться, повторяя нелестные слова по адресу Барбеса.

Кто же выиграл в этой истории с несостоявшейся словесной дуэлью? Безусловно Бланки. На другой день на его лекцию по политэкономии явилось необычайно много народу. Более того, раздавались одобрительные возгласы по поводу его поведения и осуждения Барбеса: «Эти буржуа преследуют наших людей, которые их беспокоят и от которых они хотят отделаться!»

Предложение о диспуте было хорошо продуманный тактическим приемом Бланки. Если бы Барбес принял в нем участие на честных условиях, предложенных Бланки, то он наверняка не выиграл бы. «Документ Ташеро» Бланки действительно не писал своей рукой. Это была компиляция, в которой лишь частично содержались сведения, полученные министром Дюшателем в беседах с Бланки. В целом «документ Ташеро» действительно не содержал ничего важного, что уже не было бы известно правительству. Этот факт уже подтвердили многие люди. Оглашения же факта встреч Бланки с Дюшателем во время диспута в крепости Бель-Иль можно было не опасаться.

Но главное преимущество Бланки состояло в разительном контрасте между его деятельностью и поведением Барбеса, как в 1839-м, так и в 1848 году. В то время как Барбес проявлял непоследовательность, например сотрудничал с Ледрю-Ролленом, Бланки вел себя безупречно. В пользу Бланки красноречиво и убедительно говорила его революционная биография.

Барбес в суматохе спора назвал Бланки «господином» и тем самым не столько оскорбил его, сколько обнажил свою буржуазную натуру. Бланки писал по этому поводу Эдуарду Гуте: «Ненависть бестолкова. Барбес одним-единственным словом только что разрушил все иллюзии колонии заключенных. До сих пор верили в его благородный, великодушный, рыцарский характер. Мгновенно увидели обнаженной его душу, разъедаемую желчью. Такая ярость вызывает лишь недоверие. Самая упорная благосклонность к нему была вынуждена открыть глаза...»

Правда, победа Бланки представляется не столь уж полной, как это казалось ему самому. Во всяком случае, срыв диспута Барбесом создал огромную брешь в стене недоверия и ненависти к Бланки, существовавшей в Бель-Иль. Наступила определенная разрядка в отношениях двух кланов. Бланки явно чувствует себя теперь свободнее, спокойнее. Он уже не прячется по углам, он смело глядит в глаза своим товарищам по тюрьме.

Разразившийся в тюрьме Бель-Иль конфликт между Бланки и Барбесом многим казался какой-то нелепой «ярмаркой тщеславия», столкновением амбиций двух деятелей революции, их личным соперничеством. Внешне все так и выглядело. Более того, Барбес действовал исключительно ради своих личных притязаний. Этот «рыцарь революции» вообще не проявлял особых забот о смысле и целях революционной борьбы. Он сводил все к завоеванию власти, а не к преобразованию общества. Его вполне устраивала буржуазная демократия в духе Лед-рю-Роллена. В 1848 году он поэтому и присоединился к нему. Только пылкий темперамент заносил его порой в лагерь крайних революционеров.

И в тюрьме Барбес думал только о том, чтобы в случае успеха революции получить верховную власть. Он заранее намечал состав будущего правительства во главе с собственной персоной, естественно. Будучи богатым человеком, он вербовал сторонников среди заключенных, просто подкупая их деньгами, благо в тюремной лавке можно было приобрести даже вино. Но, кроме того, он сулил в будущем более существенные блага, заранее назначал на должности, раздавал высокие чины и звания. Его люди привлекали сторонников, убеждая их в том, что вместе с Бланки они никогда не придут к власти, а с Бар-бесом получат

все: славу, деньги, карьеру. Вот что говорил одному из бланкистов друг Барбеса:

— Ты сумасшедший! Чего ты ждешь от Бланки? Ведь он будет абсолютно ничем. У него нет ни малейших шансов иметь крупное значение в будущей революции, и ты не получишь от нее ничего. Хозяином тогда будет Барбес, а ты останешься ни с чем.

Бланки тоже, конечно, стремился к завоеванию власти. Но она была необходима ему в качестве средства социального преобразования общества. В ходе. революции 1848 года он еще больше убедился в том, что установление республики само по себе ничего еще не дает трудящимся. Таким образом, в конфликте Бланки — Барбес сталкивались две разные классовые тенденции, они представляли разные социальные силы с различными интересами. Гюстав Жеффруа пишет по поводу несостоявшейся «дуэли» между Бланки и Барбесом: «С этого времени в тюрьме образуются две партии — буржуа и революционных пролетариев, группирующихся около Бланки. В сущности, за ним теперь большинство, и он несколько раз утверждает в своих письмах, что, не будь этого большинства, его бы, наверное, убили».

Ожесточенная вражда между двумя группировками на маленьком острове в Атлантическом океане не была чем-то исключительным. Она отражала общее состояние тогдашнего французского революционного движения, вернее, того, что от него осталось после поражения революции. А эти ос1атки были выброшены волнами событий во Франции главным образом на Британские острова. Здесь скопилось множество эмигрантов из разных стран Европы, искавших убежища в Лондоне. На берегах Темсы жили, точнее, влачили жалкое существование не только французы, но венгры, поляки, немцы, итальянцы — фактически представители всех европейских стран, которых так или иначе коснулась революционная буря 1848 года.

А. И. Герцен в «Былом и думах» подробно рассказывает о жизни политических эмигрантов в Лондоне, особенно французских. Он часто встречался с Ледрю-Ролленом, к которому относился весьма критически. Герцен пишет: «Если б кто-нибудь вздумал написать со стороны внутреннюю историю политических выходцев и изгнанников с 1848 года в Лондоне, какую печальную страницу прибавил бы оп к сказаниям о современном человеке. Сколько страданий, сколько лишений, слез... и сколько пустоты, сколько узости, какая бедность умственных сил, запасов, понимания, какое упорство в раздоре и мелкость в самолюбии. Французская эмиграция, как и все другие, увезла с собой в изгнание и ревниво сохраняла все раздоры, все партии».

Французские изгнанники разделились на соперничающие между собой общества. Самым крупным, хотя и наименее революционным, из них было общество «Революция» во главе с Ледрю-Ролленом, Делеклюзом и Бернаром. Луи Блан, Кабэ, Леру возглавляли «Социалистический союз». Наконец, действовало в Лондоне «Общество французских социалистических изгнанников-демократов», состоявшее в основном из последователей Бланки, таких, как Виднль п Баргелемн. Это общество было наиболее революционным, хотя и в нем действовали люди, настроенные соглашательски и примиренчески по отношению к буржуазным республиканцам вроде Ледрю-Роллена или к миролюбивым социалистам, таким, как Луи Блан.

Все эти организации занимались главным образом сочинением разных деклараций, заявлений и вели между собой ожесточенную борьбу. Однако в начале 1851 года возобладала примирительная тенденция. Все французские эмигрантские организации решили совместно отметить третью годовщину февральской революции 1848 года. Заранее составили манифест «К демократам всех наций», который в числе прочих подписали бланкисты Видиль и Бартелеми. Текст этого манифеста стал известен Бланки, и он, естественно, не имел возражений против разного рода общих революционных лозунгов. Например, в манифесте говорилось, что конечная цель французских социалистов состоит в переходе от революционной триады «свобода, равенство, братство» к формуле типа «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Эта цель, говорилось в манифесте, могла быть достигнута установлением коллективной собственности на средства производства и товары потребления.

Все это было прекрасно и вполне устраивало Бланки. Но что его возмутило до глубины души, так это то, что имена его сторонников среди подписавших стояли рядом с именем Луи Блана, который в составе Временного правительства помогал одурачивать рабочих, а затем не поддержал рабочий класс в июне, оказавшись в лагере его палачей. Бланки обескураженно размышлял о причинах неожиданного сближения бланкистов с такими людьми. В это время к нему в тюрьму и пришло письмо от Бартелеми, который предложил ему написать текст тоста для торжественного банкета по случаю третьей годовщины революции. Он просил Бланки проявить «хоть сколько-нибудь снисходительности к тем, кто лишь слаб и неразумен». Такая просьба возмутила его, ибо от него требовали, чтобы своим авторитетом он оправдал тех, кто погубил революцию. Такая беспринципность могла лишь нанести страшный вред будущей

революционной борьбе.

И он пишет документ, поражающий искренностью и справедливостью своего гнева по отношению к тем, кто предал революцию. Разоблачающая сила и смелость тоста Бланки делают его исключительно важным для понимания существа его личности.

Бланки начинает с вопроса: «Какой подводный камень угрожает будущей революции? Тот же, о который разбилась вчерашняя революция: плачевная популярность буржуа, переодетых в трибунов».

И он приводит полный список членов Временного правительства, начиная с Ледрю-Роллена и Луи Блана, и продолжает:

«Мрачный список! Зловещие имена, начертанные кровавыми буквами на всех мостовых демократической Европы. Временное правительство убило Революцию. На его голову падает ответственность за все несчастия и за кровь стольких тысяч жертв... Преступление совершили те изменники, которых доверчивый народ согласился считать своими руководителями и которые предали народ реакции...

О, бывают большие преступники, но худшие из них — это те люди, в которых обманутый пх ораторскими фразами народ увидел свой меч и свой щит; те, которых он с энтузиазмом провозгласил властителями своего будущего.

Горе нам, если в день грядущего торжества народа забывчивость и снисходительность масс допустят к власти хоть одного из этих людей, изменивших своему мандату! Во второй раз с революцией было бы покончено! Пусть рабочие всегда помнят список этих проклятых имен».

Итак, Бланки беспощадно срывает маски с тех, кто изображает себя воплощением революции и продолжает обманывать народ. Бланки высказывает жестокую истину, он раскрывает глаза тем, кто еще верит обманщиком, чтобы в будущем они вновь не стали жертвами обмана. Народная революция — высшее выражение воли, достоинства, величия народа. И самое опасное, что может ее погубить, — ложь, обман. Бланки сурово предостерегает от возможного нового несчастья.

Но это лишь первая часть знаменитого «тоста» Бланки. Во второй части он дает настоятельный совет, указывает единственный, по его мнению, путь к победе революции. Здесь суть, самое главное в революционной тактике Бланки, важнейший урок, который он призывает извлечь из плачевного опыта революции 1848 года.

В будущей революции, указывает Бланки, необходимо

немедленное разоружение буржуазии и вооружение всех рабочих, организация их в национальную милицию. «Конечно, — пишет Бланки, — необходимо будет провести и еще много других мероприятий, но они, естественно, будут вытекать из этого первого акта, являющегося пре д-вашгтел.шой гарантией, единственным залогом безопасности парода».

Ни в коем случае нельзя увлекаться теориями о мирном преобразовании общества и забывать «о единственном практическом, надежном элементе — о силе! Оружие и организация — вот главное орудие прогресса, решительное средство покончить с нищетой. У кого меч, у того и хлеб! Перед оружием падают ниц, безоружную толпу разгоняют. Франция, ощетинившаяся штыками трудящихся, — вот пришествие социализма».

«Обращение» Бланки, которое Бартелеми представил на рассмотрит;» комитета, отвергли большинством голосов. Па юбилейном банкете о нем даже не вспомнили. Это было тем более возмутительно, что на стене крупными буквами было начертано имя Бланки среди других героев и мучеников революции. На этом же собрании провозгласили тост в честь «жертв клеветы» — Марата, Робеспьера п Бланки. А тост Бланки скрыли!

Но родственник Бланки, муж его сестры, через которого переправлялось «Обращение», снял с него копию и опубликовал его в печати. И тогда началась буря. Негодование бывших левых буржуазных членов Временного правительства, особенно Ледрю-Роллена, которых открыто назвали преступниками и предателями, было совершенно естественно. Однако возмутились главным образом так называемые социалистические круги, считавшие, что нельзя смешивать Луи Блана и Альбера с буржуазным большинством Временного правительства. Но их-то Бланки и обвинял особенно гневно. Даже люди, симпатизировавшие Бланки, такие, как Пьер Леру, Альфонс Эскирос, Пьер Лашамбоди, были шокированы резкими обвинениями в адрес Блана и Альбера. Среди самих бланкистов отнюдь не все поддерживали твердую позицию своего вождя. Если Видиль одобрял Бланки, то Бартелеми и его единомышленники считали, что не стоит вспоминать о мрачных страницах недавнего прошлого, что лучше все это забыть, простить и объединиться ради общих целей. Бартелеми открыто критиковал «Обращение» Бланки и считал, что оно оказало губительное воздействие на социалистическую партию. Нельзя включать Альбера и Луи Блана в один список с другими членами буржуазного Временного правительства. Бартелеми писал: «Мы живем не во времена

безупречных республиканцев: и если вы хотите осуждать тех, кто может себя упрекнуть в чем-то, кроме предательства, то вы легко дойдете до последовательного развенчания всех людей, которые составляют нашу партию».

На критику подобного рода Бланки отвечал, что зато его обращение встречено «пролетарскими аплодисментами», и добавлял: «Другого одобрения я не желаю». Если неустойчивые, колеблющиеся люди среди социалистов испугались резкости Бланки, то все подлинные революционеры считали откровенное н прямое указание на виновников поражения революции 1848 года совершенно необходимым. Конечно, Бланки потерял некоторых мягкотелых друзей, но он приобрел и новых сторонников.

Среди тех, кому «Обращение» Бланки очень понравилось, были Маркс и Энгельс. Они рассказывали, что Бартелеми, прикидываясь бланкистом, уговорил Бланки прислать на банкет тост, и Бланки прислал великолепнейшую атаку на всё временное правительство, в том числе на Блана и К°. Пораженный Бартелеми доложил об этом документе, и было решено ею не оглашать... Маркс и Энгельс перевели текст на немецкий язык и распространили его в 30 тысячах экземпляров в Германии и Англии. Они перевели его также на английский язык и опубликовали отдельной брошюрой. В предисловии к переводу Маркс и Энгельс назвали Бланки «благородным мучеником революционного коммунизма».

Самые крупные газеты разных стран в той или иной форме писали о «тосте» Бланки и о спорах вокруг него. Так поступила лондонская «Таймс». В этой же газете появилась статья Луи Блана, направленная против Бланки.

Тогда Энгельс написал решительное письмо протеста, обвиняя Лун Блана в искажении истины. Энгельс цитирует Луи Бвана, называющего Бланки «одним их тех несчастных существ, которые в исступлении пытаются наносить оскорбления авторитетам и которые погубили бы самое лучшее дело, если бы была возможность его погубить». Энгельс решительно опровергает инсинуации Луи Блана. К этому ***письму он и Маркс*** приложили английский перевод «тоста» Бланки. Однако «Таймс» не напечатала ни письма, ни перевода. Неизвестно, знал ли Бланки о том, что предпринимали Маркс и Энгельс в связи с его «тостом». Маркс писал, что Энгельс послал копию письма Бланки на Бель-Пль. К сожалению, нет сведений о том, получил ли ее Бланки.

Вообще годы, проведенные Бланки на «Прекрасном острове» (как, впрочем, и все остальные), были известны тогда лишь по обрывочным данным: либо в связи с тем, что в окружающий мир

вдруг проникали какие-то вести с острова, либо потому, что там происходило что-то выдающееся из монотонного течения жизни заключенных. Все обитатели тюрьмы Бель-Иль страдали, но по-разному реагировали на невзгоды своего существования. Бланки оказался, пожалуй, одним из тех, кому бывало особенно трудно. Много неприятных, тягостных ощущений по-прежнему приходилось испытывать из-за ненависти приятелей Барбеса. Сами условия принудительного совместного постоянного проживания на небольшом изолированном клочке острова были трудно переносимы из-за почти полной невозможности уединиться. Правда, случались дни, когда па время забывались распри и склоки и оживало что-то общее, объединявшее всех. Так происходило в дни революционных праздников, в день взятия Бастилии 14 июля или в годовщину февральской революции 1848 года. Тогда над толпой узников поднимался красный флаг, звучала «Марсельеза», другие революционные песни, заставляющие сердца всех биться в унисон. Порой заключенных объединяла смерть товарища. Тогда гроб, покрытый революционным флагом, несколько раз проносили вдоль стены, ограждавшей тюрьму.

Время тянулось крайне медленно. Много говорили, спорили, мечтали, тосковали и ждали. Ждали какого-то события, которое принесет внезапное счастливое изменение. Но шли дни, недели, месяцы, годы. Все оставалось по-старому, ничего хорошего не происходило, и сохранялось, нарастало, усиливалось лишь непрерывное нервное напряжение. Иногда это состояние взрывалось бурными инцидентами. Случалось, пустяковый повод вызывал вспышку страстей, толкавших людей на самые неожиданные поступки. Напряженные нервы не выдерживали. Так, 14 февраля началась яростная, шумная демонстрация протеста по поводу питания заключенных. В их еде картошка была заменена морковью, и эта безобидная морковь вывела людей из себя. Заключенным приказали разойтись по камерам. Но они не подчинились и громко запели «Марсельезу» и «Карманьолу». Начальник тюрьмы, а это был тот же Валет, которого тоже перевели из Дуллана, снова потребовал от заключенных вернуться в бараки. Они опять не подчинились. Валет вызвал жандармов и полторы сотни солдат. Сорок человек загнали в тесные казематы старого здания тюрьмы-крепости. Тринадцать дней их продержали там.

14 мая новое волнение, новая демонстрация. Дело в том, что среди заключенных оказалось немало столяров, которым разрешили заняться их ремеслом. Но куски дерева стали растаскивать и другие. Администрация приказала провести обыск

заключенных, чтобы изъять все эти деревяшки. Несколько человек бурно воспротивились. Снова все заключенные взбунтовались. И снова появились солдаты. На этот раз в казематы заперли 26 человек. Среди них оказались вместе Бланки и Барбес. 13 дней длилось наказание карцером.

Когда эти дни прошли, возникла новая острая проблема и появилась новая возможность для Бланки. Еще некоторое время назад по просьбе заключенных начали строить тридцать одиночных камер. Теперь они были готовы. Но кто получит право жить в них? Решили, что преимуществом будут пользоваться осужденные на самые длительные сроки. Так, суровый приговор обернулся привилегией, выпавшей на долю Бланки.

Камеры построили таким образом, что они соединялись попарно. Кроме выхода в общий коридор, устроили двери между двумя соседними камерами. Блэнки досталась камера 14 — небольшая комнатка с железной кроватью и столом. В соседней камере 15 поместили бывшего студента Казавана. Он был осужден на десять лет за активное участие в июльском восстании года. Худой, черноволосый южанин отличался смелым н решительным характером. Он уже пытался бежать отсюда, но был пойман, и теперь над ним установили особо строгий надзор. Казаван любил Бланки, он восхищался его деятельностью. Теперь Бланки мог либо сидеть один в своей камере, либо общаться с приятным собеседником. Это ***явное*** облегчение участи Бланки совпало, к несчастью, с новым ухудшением его здоровья. Пребывание в сыром каземате привело к тому, что он стал страдать нестерпимыми болями в желудке и острым ревматизмом.

И все же новые преимущества как-то скрашивают, облегчают его муки. Наконец-то он может остаться один, не на глазах других. Он вправе горестно вздохнуть. А ведь раньше он не мог себе позволить даже этого, пока оставался в толпе других узников, которые ловили каждое его движение...

Как раз тогда он написал: «Быть наедине с истиной против всего света, даже на чердаке — приятное и утешительное одиночество». Этот, как говорили про Бланки, «пожиратель книг» может наконец отдаться своей страсти. В каждом своем письме к матери, сестре, к друзьям всегда содержится призыв, просьба, мольба: пришлите

книги, брошюры, статьи, справочники. Это какая-то исступленная духовная жажда, жгучее желание получать духовную пищу. И ему присылают множество книг, которые постепенно выстраиваются растущими стопами на плиточном полу его камеры. Невероятен круг его интересов. Конечно, больше

всего здесь политики во всех ее литературных выражениях — от газет до исторических исследований. Но удивительно другое — огромное внимание Бланки к науке, ибо Бланки задается вопросом века: как может и должна наука улучшить судьбу человечества? Он много читает по астрономии и размышляет над устройством вселенной, в его сознании рождаются неожиданные гипотезы. Ум Бланки устремляется, как бы воплощая древний образ, сквозь тернии к звездам!

Он читает много философских книг. Конечно, речь не идет о серьезном научном изучении философии; этим Бланки будет пренебрегать всю жизнь. Он занимается завершением своего философского самовоспитания в смысле приобретения способности к созерцательно-ироническому отношению к себе, к своей судьбе, к людям вообще. Этот род возвышенного духовного успокоения — абсолютная необходимость для Бланки с его жизнью мученика и самоотверженного борца. Именно в это время, когда Бланки приближается к своему пятидесятилетию, происходит завершение его духовно-нравственного развития. Он уже зрелый человек, способный окинуть все спокойным взором с позиции вечности.

В одном письме из тюрьмы Бель-Иль к другу, которого постигло горе, Бланки пишет; «Что касается меня, то я не люблю утешений. Время, жизненная борьба, бурные события, которые захватывают наше внимание, — только они способны мало-помалу утешить душевную боль. Как все, ты будешь удивляться потом, что плакал над своей печалью. Так люди с их печалями и радостями исчезают один за другим в бездне забвения. Прощай!»

Но все эти взлеты в сферу нравственно-умозрительных абстракций не означают, что Бланки перестает стоять твердо на грешной земле н витает в облаках. Нет, он остается душой, умом и телом именно здесь, в реальной жизни.

Он вновь вспоминает, снова продумывает прошлое, незабываемый опыт революции 1848 года, ее людей, их поведение и собственные поступки. Он взвешивает на весах беспристрастных размышлений роль свою и других политиков в революционные дни и приходит к выводу: «Они взывали к интересам, а я — к совести людей».

Бланки внимательно и глубоко, насколько это было возможно в островной тюрьме, изучает современную ему политическую жизнь Франции. Можно только удивляться его прозорливости, когда он в одном из писем предсказал за несколько месяцев неотвратимую близость государственного переворота, угрозу 18 брюмера Луи Бонапарта. А вскоре он с той же основательностью высказывает мысль о приближении Крымской войны...

Как ни мучают его болезни, как ни печальна надвигающаяся старость, он не собирается сдаваться. Бланки

упорно поддерживает не только свой дух, но и свое физическое состояние. Одним из благотворных последствий перемещения Бланки в барак с отдельными камерами оказалась возможность завести у стены этого одноэтажного здания собственный огород. Бланки становится одним из тех, кто особенно усердно копает, пропалывает и поливает свой огород. Весной и летом Бланки видят с лопатой, обутого в деревянные сабо, копающегося в земле. В грубой рубахе, в соломенной шляпе на голове, он заботливо взращивает овощи и особенно любимую им клубнику. Для него это совсем не забава, не прихоть, а жизненная потребность. Совершенно необходимая ему вегетарианская диета требовала такого отнюдь не напрасного труда. Не случайно в письмах к матери и сестре он всегда просит, кроме книг, присылать ему овощи и фрукты. Он не отличается привередливостью, больше всего Бланки ценит чечевицу. По его мнению, в ней много железа и фосфора, необходимых для поддержания жизненных сил этого тщедушного на вид человека.

А его здоровье по-прежнему оставляет желать лучшего. Оно не улучшается, не помогает даже его поистине диетическое питание. Но, может быть, вегетарианская диета даже вредна? Тюремный врач испытывает затруднение, пытаясь ответить на вопросы Бланки. Тогда больной сам предписывает себе необходимое для его здоровья средство. С полнейшей серьезностью он заявляет, что целебными для него были бы верховые прогулки на лошади или на худой конец на осле! Тюремный эскулап не знает, смеяться, возмущаться или соглашаться. Мнение Бланки встречает горячую поддержку двух хороших врачей, которые оказались среди заключенных, Шателя и Каребасса. Они авторитетно подтверждают, что больного спасет только верховая езда. Ошеломленный медик докладывает о заключении врачей начальнику тюрьмы, а тому приходится докладывать министру! Никто, в первую очередь Бланки, не верил, что затея будет иметь результаты. Но из Парижа приходит разрешение! Что поделаешь, приказы не обсуждают, и на тюремном дворе появляется ослик, вполне подходящий по размерам для такого отнюдь не грузного наездника, как Бланки. Теперь заключенные могут наблюдать оригинальный спектакль: как всегда, в огромной соломенной шляпе Бланки верхом на осле методически ездит из конца в конец обширного, длиной в 250 метров, тюремного двора то шагом, а то и рысью!

Но даже если бы Бланки сидел верхом не на осле, а на хорошей лошади, то и тогда бы он не вырвался за пределы

пятиметровой тюремной стены. Итак, это всего лишь еще одно развлечение для несчастных людей, измученных нудной жизнью в Бель-Иль, и кое-какая польза для здоровья Бланки. Ничего в тюрьме не менялось, из-за событий во Франции обстановка здесь, пожалуй, даже ухудшалась. 2 декабря 1851 года Луи-Наполеон произвел государственный переворот, установив неограниченную личную власть. Остальное будет лишь вопросом времени; ровно через год во главе Франции окажется император Наполеон III.

Как только в тюрьме стало известно о перевороте в Париже, распространился слух, что новый режим по традиции может объявить амнистию за политические преступления. Нелепая надежда быстро исчезла. Строгости тюремного режима даже усилились. В течение четырех месяцев переписка заключенных запрещалась. Нельзя было больше получать никаких газет, кроме правительственного «Монптера». Теперь для связи с внешним миром можно было использовать лишь тайные способы, отправка п получение писем стали делом крайне ненадежным. В мае 1852 года Бланки так начинает одно из писем: «Я пишу это письмо на всякий случай, в полной неуверенности, дойдет ли оно по своему адресу. Ограничение свободы печати и слова связывает нас по рукам и ногам и выдает врагу, который забавляется своей силой. Тем не менее хочу попытать счастья. Кто не рискует ничем, ничего не выигрывает».

Связь Бланки с революционным движением, все видные представители которого оказались в эмиграции, не прерывается. Свидетельство тому — письмо Бланки республиканцу Майеру, который настойчиво добивался от Бланки ответа на своп весьма наивные, но характерные для многих французских левых деятелей вопросы. Письмо — прекрасный образец уже зрелой революционной мысли Бланки, его способности рассеивать республиканско-демократический туман идей, с помощью которых буржуазия в 1848 году заставляла сражаться за свои интересы искренних революционеров. Таков и Майер, активный участник февральской революции, сосланный за это в Африку, но бежавший оттуда в Испанию. В эмиграции он ищет деятелей революции, чтобы присоединиться к ним. У него весьма смутные представления о целях и смысле революционного движения во Франции. В 1848 году он был близок к Барбесу, а затем вообразил сбоил идеалом итальянского буржуазного патриота Мадзини. Бланки терпеливо объясняет ему, что за лозунгами республиканской демократии скрывается жестокая классовая борьба, что за такими словами, как «республиканский демократ», может выступать представитель буржуазии, всегда враждебный к пролетариату. Бланки убедительно разъясняет, что во Франции

того времени нельзя стать подлинным революционером, не будучи социалистом, не выступая за интересы рабочего класса. Он показывает, что поддерживать Мадзини — значит отказаться от идеи социальной революции, поскольку «у Мадзини нет ни малейшей революционной ели другой идеи, кроме идеи независимости и преобладания Италии».

Главное, подчеркивает Бланки, состоит в том, что «нельзя быть революционером, не будучи социалистом, и наоборот». В письме Майеру Бланки развивает главную тактическую задачу, которую он выразил еще в знаменитом «тосте», или «Обращении к народу». Он видит ее в освобождении всех подлинных революционеров из-под влияния фразеологии буржуазных республиканцев.

Он предчувствует, что теперь, когда Франция превращалась в империю, буржуазия, возможно, попытается повторить революцию февраля 1848 года. Во имя своих интересов она снова попробует заставить рабочих сражаться за буржуазные, а не за пролетарские классовые интересы. И он сурово предостерегаем «Если интриганам удастся переиздать их февральскую мистификацию, мы погибнем».

Письмо, переданное в июне 1852 года другу Бланки Лакамбру, было размножено н распространено среди французских революционных эмигрантов. Оно способствовало зарождению партии бланкистов, которая становилась передовой силой во французском революционном движении. Так, из-за тюремной решетки Бланки осуществляет свою роль лидера бланкистов.

Не является ли это преувеличением? Скорее наоборот. Ведь Маркс п Энгельс считали, что в ходе революции 1848 года Бланки уже стал вождем революционной пролетарской партии. В 1850 году «Союз коммунистов» — первая в истории международная коммунистическая организация — устанавливает союз с бланкистами — эмигрантами в Лондоне. Маркс и Энгельс, ее основатели и руководители, писали по этому поводу: «Из французских революционеров к нам присоединилась действительно пролетарская партия, вождем **которой** является Бланки».

Но до тех пор, пока он не окажется на свободе, эта его роль останется очень ограниченной. Бланки является, естественно, гораздо больше символом, чем реальным руководителем. Но свобода? Когда он ее получит? Не один Бланки мечтает о ней...

Бартелеми, тот самый, по просьбе которого Бланки написал нашумевший «тост», проездом через Париж встретился с Софи Бланки, которой уже было 75 лет. Она оставалась прежней

неутомимой защитницей интересов своего гонимого сына. Ей было шестьдесят, когда она отправилась к Мон-Сен-Мишель. Она не думает отказываться от встреч с сыном, от помощи ему и теперь, спустя почти пятнадцать лет. Она собирается вскоре поехать на Бель-Иль. Услышав об этом, Бартелеми рассказал ей, что в Лондоне друзья Бланки задумали организовать его побег. Для этого необходимы морское судно и люди, способные подойти к острову и помочь Бланки выбраться из-за стен тюрьмы. Операция должна стоить много денег. Бартелеми уже собрал половину и ожидал получения другой, но в это время последовало опубликование «Обращения к народу». Хранители эмигрантских денежных фондов были встревожены и отложили осуществление плана побега. Они не расположены помогать человеку, который объявил предателями революции многих влиятельных людей среди французских эмигрантов. Правда, Бартелеми в конце беседы туманно- пообещал, что он попытается еще что-то предпринять. Ясно было, что на лондонских эмигрантов рассчитывать больше нельзя, поскольку Бланки для них такой политический противник, которого они сами спровадили бы в тюрьму, окажись они у власти.

6 октября 1852 года на Бель-Иль приезжает старая Софи Бланки. Она является не одна, а вместе с сыном Бланки Эстевом. Последний раз Бланки встречался с ним в 1848 году, когда мальчику было одиннадцать лет. Теперь ему пятнадцать. Возраст, в котором сам Бланки уже тревожно размышлял о судьбах Франции и ее народа. Не таков его сын, которого ничего подобное не интересует. Ему скучно, неинтересно с отцом, к которому он не испытывает никаких чувств, кроме презрительной жалости. Воспитанный в буржуазной семье покойной жены Бланки, он растет ограниченным, недалеким юнцом, с которым отцу не о чем говорить, и он вынужден произносить какие-то вымученные банальности. Все попытки Бланки установить взаимоотношения с сыном наталкиваются на стену ленивого равнодушия. И он с ужасом воочию убеждается, как сбывается пророчество умиравшей Амелии, образ которой не меркнет в его памяти: «Они восстановят его против тебя...»

Софи Бланки приехала на остров, воодушевленная идеей побега. В этом сказываются, конечно, не ее революционные убеждения, которых не было, а характер, пронизанный духом противоречия и непокорности, который она сохранила с далекой юности. Это, пожалуй, главные чувства, которые прочно объединяют мать и сына, унаследовавшего от матери именно эти качества.

Для Бланки, разумеется, идея побега не являлась

откровением. Какой же узник не мечтает о свободе? Не случайно у него давно уже оказалось несколько книг о Бретани и ее прибрежных островах, одним из крупнейших среди которых — ночти девяносто квадратных километров — был п Бель-Иль. Кроме стражников, тюремных степ и решеток, остров охраняет море, волны которого нлешутся буквально в пятидесяти метрах от камеры Бланки. Но ведь как раз море п может оказаться дорогой к свободе! Бежать через главный порт и городок острова Ле Пале было бы неразумно. Здесь больше всего солдат и жандармов. К тому же с этой северовосточной стороны острова довольно узкий пролив, но которому непрерывно проходят французские крупные и мелкие суда. Лучшие возможности открываются с другой, юго-западной стороны острова, недалеко от которого проходят маршруты движения иностранных кораблей, в первую очередь английских. Бланки изучал географическую карту этого уголка Атлантики, на которой огромные расстояния выглядели крошечными кусочками голубого пространства. Но как выбраться из тюрьмы, где взять хотя бы небольшую рыбацкую лодку и как справиться о ее управлением среди бурных волн? Об этом часто думал Бланки, и поэтому рассказ матери о том, что говорил ей Бартелеми в Париже, сразу заинтересовал его. Но из него следовало, что трудно ожидать помощи извне, надо полагаться на собственные силы и возможности.

Мадам Бланки, приехавшая повидаться с сыном, проявляет неожиданный интерес к достопримечательностям острова. Республиканец Эмиль Гушуа, горячий поклонник Бланки, охотно вызвался показать ей весь остров. Она побывала в рыбацких поселках Созон, Бангор тт Локмариа. Но особенпо привлек ее внимание Порт-Гуль-фар. Она остановилась в деревушке Кервнлаун, откуда виднелся большой маяк. Красный свет в башне маяка как бы указывал путь к свободе сына. Здесь была и окруженная скалами удобная бухта, берега которой покрыты густыми зарослями кустов. В долине, где она нашла приют, находилась и деревенская харчевня. По вечерам здесь собирались рыбаки и крестьяне, распивавшие яблочную водку и сидр. Это были простые, грубые и, конечно, очень бедные люди. Разве не найдется среди них человека, желающего заработать сотню-другую франков за небольшую прогулку в море?

Итак, прежде всего нужны деньги. И нужна тщательная подготовка, чтобы выбраться за тюремную стену. Бланки внимательно слушает мать, которая уже безраздельно охвачена идеей побега. 24 октября она покидает с этой мыслью остров, увозя с собой письма сына к родным и друзьям. Бланки писал

сестре Урании: «Что касается счастья, то я обращаюсь к прошлому или к будущему, которое не обещает мне ничего, кроме могилы. Но я привык философски относиться к любой перспективе. Я узнал об отъезде в Буэнос-Айрес наших близких, включая двух твоих сыновей. Они молоды. Колесо фортуны вращается сейчас быстро, и надеюсь, что им повезет в жизни. Ну а наша судьба в том, чтобы жить в переходную эпоху, всегда в неопределенности, не принадлежа ни к миру прошлого, ни к будущему. Наша утомительная, печальная, горькая жизнь подобна положению древних евреев по пути через пустыню между Египтом и землей обетованной...»

Бланки, конечно, ничего не пишет сестре о своих замыслах, но мысль о неожиданных переменах в жизни, образ земли обетованной, видимо, не случайно возникает в его воображении. А вскоре он прямо предлагает соседу по камере и другу Казавану бежать вместе. Тот соглашается с восторгом, не колеблясь ни минуты. Правда, впереди долгая зима, когда побег был бы крайне опасен, ибо море почти постоянно остается бурным. Даже самые отчаянные из рыбаков не рискуют тогда выйти в море. Значит, надо ждать весны. Но теперь это ожидание вдвоем, когда можно вместе говорить и действовать во имя сладкой мечты о свободе. Действовать предусмотрительно, тщательно, осторожно и наверняка. Прежде всего надо приучить тюремщиков не обращать особого внимания на обитателей камер 14 и 15. Прежние отношения Бланки с охраной служили для этого неплохой подготовкой. Он крайне редко отвечал на задаваемые ему вопросы, вообще как будто не замечал существования этих стражей, чаще всего поворачиваясь к ним спиной. Они уже привыкли к замкнутости этого человека, имевшего репутацию если и не маньяка, то какого-то чудака, отрешенного от окружающей обстановки. Теперь и Казаван начинает постепенно вести себя так же, как Бланки, который совершенно прервал связь с тюремной охраной. По вечерам, когда двери каждой камеры открывали, то выкрикивали имя заключенного и тот отвечал, что он здесь. Бланки, а вслед за ним и Казаван теперь совершенно перестают реагировать на окрики. Они даже не делают ни малейшего движения, хотя бы слабого кивка головой. Тюремщики требуют отвечать при перекличке, а они упорно молчат. Следуют жалобы начальству. Но приказы, уговоры, угрозы не действуют. В конце концов на них махнули рукой и, увидев неподвижно сидящего за столом или лежащего на койке Бланки и Казавана, довольствовались этим. Таким образом их терпеливо приучали к «странностям» двух узников. И они привыкли. Так готовилась первая, возможно, решающая часть побега. Ведь потребуется

много часов, прежде чем после побега из самой тюрьмы удастся покинуть остров. Поэтому решено было оставить вместо себя сооруженные из чего попало, но облаченные в обычную одежду манекены. Пусть эти куклы внушат уверенность, что заключенные на своем месте, в своих камерах.

Мать передает Бланки все свои сбережения (более 1200 франков). Тщательно готовят все необходимое для побега. Приготовлены веревки с железными крюками, которые помогут преодолеть высокую крепостную степу. Приобретается одежда, ведь обычное тюремное платье пойдет на изготовление манекенов. После сложных переговоров удается узнать, что в деревне Раденек около Порт-Гульфара живет старый моряк Жан-Луи, которому можно доверять. Он наверняка сможет вывезти беглецов с острова за хорошую плату, хотя день побега ему заранее и не будет известен. Бланки и Казаван охвачены нетерпением п решают бежать 5 апреля. В это время новолуния стоят особо темные ночи. К тому же с началом апреля камеры заключенных запирают на час позже, не в восемь, а в девять часов вечера.

Наступает заветный день. Друзья тщательно изготавливают фигуры своих двойников, сидящих за столами, зажигают лампы. Они «читают». Потом Бланки и Казаван берут с собой все, что нужно для побега, и смешиваются с толпой гуляющих перед сном заключенных. Им легко удается спрятаться в грядах гороха. Как раз в это время начинается вечерний обход и осмотр всей тюрьмы. Бланки и Казаван пробираются к старому колодцу и по веревке спускаются в глубину. Полтора часа им приходится стоять в ледяной воде. Но вот звучит колокол. Проверка заканчивается, но они выжидают еще с четверть часа. Все тихо. Значит, манекены успешно справились со своей ролью! С трудом двое узников выбираются из колодца. Впереди еще переход через площадку для прогулок, две ограды, два сторожевых поста и главная высокая крепостная стена, гребень которой усеян битыми бутылками. На каждом шагу возникают неожиданные препятствия и осложнения. Беглецы уже измучены, их руки окровавлены, они дрожат от холода в мокрой одежде. Но вот наконец они за пределами крепости. Им виден огонь красного маяка, который должен служить ориентиром. Решают идти не по дороге, а напрямик через поле, заросли, овраги и скалы. В темноте они то проваливаются в какие-то ямы, то натыкаются на огромные каменные глыбы. Так они проходят восемь километров до южного берега острова. Туман давно сменился холодным дождем, который продолжается без перерыва. Но вот какие-то небольшие дома, типичные бретонские жилища бедняков. В дверях одного из

них появляется мужчина в одном белье, его наверняка разбудил шум камней под ногами беглецов. Казаван спрашивает его, какая это деревня, и узнает, что это не то, что им нужно. Быстро удается договориться: за пять франков крестьянин, который знаком с Жаном-Луи, ведет их в Раденек. Вот и его дом. Старик со свечой в руке рассматривает неожиданных гостей, объясняющих ему, что им срочно надо покинуть остров и попасть на континент с его помощью. Следует обескураживающий ответ:

— Кто вам сказал, что я могу сделать это? Я не моряк и не рыбак, я крестьянин. Я работаю только на земле.

Тревога охватывает беглецов. Но, оказывается, еще ничего не потеряно. Из темноты раздается другой!, мужской молодой голос. Это племянник хозяина. Бланки предлагает ему одеться и поговорить наедине. Втроем

они выходят из дома. Бланки прямо объясняет этому двадцатилетнему парню, что они бежали из тюрьмы, и предлагает ему пятьсот франков, если он быстро перевезет их через пролив. Но парень разводит руками и показывает на море: о берег действительно бьет такая волна, что лодка мгновенно будет разбита в щепки. Надо подождать до утра. Но завтра он не может помочь: его как раз призывают на военную службу. Ведь началась война с Россией, и завтра утром он должен прибыть на сборный пункт. Но у него есть надежный друг, который переправит их не хуже его. Ну что ж, тогда названную сумму придется поделить на двоих.

— Что вы, это неважно. Поверьте, я действую не из интереса, а из-за сочувствия к вам. Ведь вы же не какие-то уголовники. Будьте покойны. Через день вы будете в море. Верьте мне.

Бланки и Казаван совершенно успокоены. Им очень повезло, что они встретили такого симпатичного парня. На ночь их устраивают на сеновале, приносят еду. Правда, за все и всем они тут же щедро платят. Потом долго лежат без сна. Не дает заснуть не столько грубая солома, сколько страшное нервное напряжение. Но вот наступает утро, прекращается дождь, проясняется небо, становится теплее. Главное — свобода. Они уже на свободе!

Раздается шум. Может быть, молодой моряк привел своего друга п они отправятся в путь? Но почему эти крики, топот множества ног и знакомый лязг оружия? Бланки узнает грубый и громкий голос Дерешефа, начальника тюремной охраны. Беглецов сбрасывают с чердака сарая, сразу злобно избивают, сдирают с них одежду в поисках оружия. Но находят лишь деньги. Они окружены целой толпой жандармов и солдат, за которыми любопытные лица крестьян. Беглецов связывают. Бланки покидают силы, его трясет лихорадка, но он, как и Казаван, не

произносит пн слова. Связанными их везут назад, в тюрьму, под охраной огромного конвоя.

Бланки так рассказывал потом об этом трагическом возвращении: «Было тихое, прекрасное утро. Дождь перестал. Море еще шумело, затихая, и легкий северо-западный ветер вращал крылья мельниц. Небо серое, но облака поднялись уже высоко. В вышине весело пел жаворонок. Это уже не был заколдованный остров с крутыми тропинками и фантастическими образами. Чародейство ночи исчезло без следа. Широкое, прямое шоссе прорезало долину, по которой были разбросаны селения».

Обаятельный молодой моряк, заверивший Бланки и Казавана в своей верности, сразу отправился в Ле Пале, явился в крепость и доложил о беглецах. Он предпочел получить установленную доносчикам награду в пятьдесят франков за каждого заключенного более высокой, но рискованной плате за доставку их на материк. Вскоре на полученные за предательство н взятые в задаток у беглецов деньги был построен новый дом. Он сохранялся еще в самом конце XIX века, хотя и носил на себе следы двух поджогов. Крестьяне называли его «замок Бланки». Об этом рассказал первый биограф Бланки Гюстав Жеффруа, посетивший Бель-Иль спустя более тридцати лет после побега. «Он приходит», — шепотом говорили ему суеверные местные жители, верившие, что дом посещает призрак Бланки...

Пойманных и возвращенных узников сразу бросили в карцер. Но это был не тот карцер, где уже побывал Бланки. В глубоком подземелье замка Фуке имелись крохотные каменные норы, где заключенный почти без света проводил время на досках, спасая от крыс на специальной полке полагающийся ему кусок хлеба. Правда, осмотревший Бланки тюремный врач нашел его в таком безнадежно больном состоянии, что прописал ему молоко и настой из трав, чтобы он не умер, не отбыв полностью свой срок заключения. 29 дней провел Бланки в каменном сыром мешке, прежде чем его вернули в обычную камеру. Но теперь над ним был установлен такой контроль, что побег исключался навсегда. Бланки лишили права переписки. Но он смог получать газеты и книги, снова предаться бесконечному чтению. Теперь только мать с огромным трудом обеспечивала связь с внешним миром.

Побег Бланки и Казавана и его неудачу тяжело переживали все заключенные, если не считать Барбеса, который откровенно злорадствовал. Чувство безнадежности, апатия, отчаяние охватили большинство этих участников революционного движения. В октябре 1853 года Бланки писал: «У нас не существует больше тюрьмы политических заключенных. Осталась только жалкая толпа людей, ждущих с нетерпеньем, когда из

Парижа придет помилование. Непреклонные составляют незначительное меньшинство».

Бланки оставался непреклонным, но еще более замкнутым в тесный мир своих душевных переживаний и напряженной работы мысли. Именно в связи с неудачным побегом из Бель-Иль Бланки написал: «Терпенье необходимо всегда, но покорность никогда». Пожалуй, эта слова можно считать девизом всей его жизни.

В феврале 1854 года Бланки узнал о смерти своего старшего брата Адольфа. Уже давно между ними не существовало никаких отношений. Но разве можно было забыть детство? Лицей Карла Великого, который Огюст окончил благодаря заботам старшего брата. Бланки писал: «Потеря Адольфа глубоко огорчила меня. Смерть брата — это как бы начавшееся разрушение меня самого, это — часть вырванного собственного тела. При этом страдают и тело и душа. Я это чувствую с тем большей силой, что никогда не питал к Адольфу враждебных чувств. Наши споры сводились только к отстаиванию взаимной политической самостоятельности. К несчастью, терпимость не принадлежит к числу добродетелей наших противников. И в этом отношении мой брат тоже не отличался от других».

В однообразной тюремной жизни даже незначительные явления приобретают характер события. Нетрудно представить себе, какое значение имело для Бланки неожиданное освобождение Армана Барбеса, отравлявшего ему жизнь в большей степени, чем все строгости тюремного режима. Случилось это в связи с Крымской войной, в которой Франция воевала против России. Многие французские шовинисты рассматривали эту войну как реванш за катастрофическое поражение Наполеона I в русском походе 1812 года. Пламенным патриотизмом загорелся и Барбес. В письме к Жорж Санд он писал: «Вы спрашиваете, интересуюсь ли я турецкой войной. Чрезвычайно! И не скрою от вас, что я шлю горячие пожелания, чтобы русские были разбиты нашими солдатиками. Я с нетерпеньем жду, когда они пойдут в бой, и уверен, что они победят!» Жорж Санд переслала письмо Барбеса императору Наполеону III, и он, растроганный патриотизмом заключенного, помиловал его и приказал досрочно освободить из тюрьмы. Вот по какой причине Бланки дожил наконец до того момента, когда его заклятый враг покинул Бель-Иль. Правда, находясь уже в Париже, Барбес объявил, что отказывается от помилования. Действительно, он очень скоро осознал, что императорское помилование в награду за восторженное одобрение войны нанесло удар по его и без того давно подмоченной репутации непримиримого революционера.

Вспомним, как он сам спекулировал на факте помилования умирающего Бланки в 1844 году. В конце концов Барбесу надоело ломать комедию, которая обходилась слишком дорого, а никакого приближения к власти не давала. Он сначала уехал в Бельгию, затем жил в Испании, Португалии, Голландии. В революционном движении больше не участвовал и никогда не вернулся во Францию.

Карл Маркс писал в американской газете «Дейли трибюн» 21 октября 1854 года: «Барбес непрестанно клеветал на Бланки и бросал на него тень, обвиняя в сговоре с правительством. Факт его письма и приказ Бонапарта решают вопрос о том, кто из этих двух людей — человек Революции, а кто нет».

Что касается Бланки, то он не захотел воспользоваться благоприятным случаем для разоблачения Барбеса ни тогда, ни позже. Видимо, он понял, что история сама подвела достаточно ясный итог этой злополучной вражде. Нетрудно представить, что случилось бы, если бы помиловали не Барбеса, а Бланки. Какой крик о «предательстве» поднял бы «рыцарь» демократии!

Бывали, однако, случаи, когда отъезд того или иного узника серьезно огорчал Бланки. Так произошло, когда был переведен в другую тюрьму сосед по камере и лучший друг Бланки Казаван. Это был единственный человек, с которым он до конца открывал свою душу. Правда, вместо Казавана соседом Бланки стал инженер Шип-рон, который тоже сделался хорошим другом Бланки. Но он вскоре был освобожден, и на его место попал некий Мэнь, человек необыкновенно шумный, не дававший покоя Бланки, который жаловался друзьям, что новый сосед не дает ему возможности работать, постоянно испытывая его нервы.

Уезжали и многие другие заключенные. Одни были помилованы по случаю успешного окончания Крымской войны; другие в связи с рождением сына императора. Амнистировали почти всех заключенных за участие в революции 1848 года. На «Прекрасном острове» остались самые опасные. Среди них — прежде всего Бланки. Он внушал страх всем правительствам.

Только 1 декабря 1857 года Бланки после семи лет заключения покинул тюрьму на острове Бель-Иль. Неужели наконец долгожданная свобода? Нет. Его лишь переводят в тюрьму на остров Корсика.

Бланкисты

1 декабря 1857 года тридцать три узника из тюрьмы Бель-Иль под усиленной охраной поднимаются па борт судна, которое должно доставить пх на Корсику. Предстоит долгий и трудный в зимнее время путь вокруг Испании, через Гибралтарский пролив в Средиземное море. Восемнадцать дней продолжается это плавание. Правда, в открытом море они находятся лишь десять дней, а остальные — стоят в разных портах. Бланки многие годы жизни провел вблизи моря. Но в большом морском плавании он впервые.

Пароход должен пересечь Бискайский залив (французы называют его Басконским). А это место славится как одно из самых бурных в Атлантическом океане. Тридцать шесть часов судно выдерживает здесь жестокий шторм. Но Бланки, слабый, истощенный и уже немолодой человек, переносит его великолепно. Это поразительно, если учесть, что даже самые здоровые люди, попавшие в такое положение, особенно впервые, превращаются в полутрупы. Но Бланки с наслаждением вдыхает морской воздух, смешанный с брызгами соленой воды, беспощадно швыряющей • маломощный корабль. Могучая пучина океана не пугает, а радует его. Бланки прекрасно выдерживает все, даже пищу, состоящую в основном из прогорклого сала и несвежего хлеба.

А как же многочисленные болезни, постоянно мучающие его, которые столь часто приходилось упоминать, поскольку о них много говорится в сохранившихся письмах и документах? Приходится констатировать, это отмечают и некоторые французские биографы Бланки, что его болезненность — результат не органических недостатков его поистине выносливого организма, а следствие переживаний, связанных с условиями его необычайной жизни. Все они возникали, выражаясь современным языком, на нервной почве. А нервная система Бланки, несмотря на его внешнее хладнокровие и спокойствие в страшных ситуациях, крайне чувствительна к разного рода раздражителям. И главное, что терзает его, — это вынужденная неподвижность и неизвестность тюремной жизни, продолжающейся в целом уже 23 года! Он сам писал в одном из писем: «Человек — это не устрица. Он рожден для движения. Неподвижность его убивает».

И вот наконец после семи лет пребывания на Бель-Иль хоть какое-то движение! Он не знает, что его ждет, какой будет тюрьма на Корсике. Но все, даже самое худшее, лучше неподвижного прозябания в муках неизвестности. Движение любого вида —

физическое, духовное — делает его жизнь нормальной и наполняет ее смыслом. Поэтому остановки на пути для него неприятней, чем переход через бурный Бискайский залив. Четыре дня стоянки на рейде в испанском порту Кадикс утомляют Бланки. Тем более что идет угольная погрузка н приходится дышать тучами угольной пыли. Неожиданное событие вызывает волнение на борту: во время стоянки в Кадиксе один заключенный бежал, вплавь добравшись до испанской земли. Бланки позавидовал его смелости, ловкости и силе.

Среди заключенных много новых людей, попавших на Бель-Иль в самое последнее время. Один из них — Шарль Делеклюз, ближайший, самый активный соратник Ледрю-Роллена. В отличие от своего шефа это честный, благородный человек с выдающимися способностями. Но Бланки непримиримо принципиален в политике, и поэтому соратник заклятого врага автоматически является сам его врагом. Всякое общение или знакомство исключены. .

Но вот и Корсика. Три дня стоянки в южном порту острова Аяччо. Отсюда всего километров триста до родины Бланкп Пюже-Тенье. Заключенных высаживают на берег. Потом целые сутки пути по горной дороге в тюремной карете под охраной усиленного конвоя. Окружающая горная местность очень напоминает Бланки обстановку его детства. Приезжают в Корт, где узники неожиданно становятся объектом горячих симпатий толпы жителей, Их встречают криками: «Да здравствуют парижане!» Далее ночной путь к тюрьме, расположенной на скалистом отроге одной из самых высоких гор острова — Мон-Ротондо. Двухэтажное здание построено из гранитных глыб. Вдоль внутреннего коридора два ряда камер. Снаружи галерея, по которой ходят часовые. Место для прогулок — терраса, покрытая зеленью, к которой перекинут мост от наружной галереи тюрьмы. Отсюда открывается картина прекрасного горного пейзажа.

Но вскоре Бланки приходится пожалеть о Бель-Иль. Обстановка в корсиканской тюрьме более тяжелая. Летом в камерах тюрьмы невыносимо жарко и душно, зимой — холодно и сыро. Любопытное совпадение: в 1840 году, за семнадцать лет до заключения здесь Бланки, тюрьму посетил брат нашего героя Адольф в качестве парламентского ревизора. Докладывая затем в парламенте, он назвал эту старую, запущенную тюрьму «оскорблением человечества». С тех пор ничего не изменилось, и родной брат ревизора вынужден выносить это оскорбление на протяжении года и четырех месяцев, вплоть до конца срока его десятилетнего заключения. Бланки терпеливо переносит п это испытание. В каждой тюрьме он упорно придерживается своей

системы выживания во что бы то ни стало. Как он писал впоследствии, его главная задача и цель состоит в том, «чтобы как можно более поздно доставить моим врагам последнюю и высшую радость».

Здесь, на Корсике, в 1858 году он получил письмо, извещавшее его о смерти матери — Софи Бланки. Вспомним о сложных и трудных условиях детства Бланки. Теперь они заслоняются в его сознании еще свежей памятью о самоотверженном отношении матери к судьбе любимого сына, вечные несчастья которого она принимала так близко к сердцу. Начальник тюрьмы в Бель-Пль, который по долгу службы наблюдал за свиданиями матери с сыном и неоднократно беседовал с ней, писал в своем донесении: «Вдова Бланки, возраст и внешность которой внушают уважение и интерес, говорит о своем сыне только с самым пылким энтузиазмом и проявляет к нему обожание и преданность. Она всегда отзывается о нем с большим восхищением п глубоким волнением». О поведении Бланки при встречах с матерью тот же автор пишет, что оп проявлял «холодность и беспристрастность, притворяясь даже грубым и безразличным». То была видимость, предназначенная для тюремщиков. Бланки горячо любил свою .мать. Разве мог бы он без ее беспредельной поддержки перенести Мон-Сен-Мшпеть и Бель-Иль?

Проходит шестнадцать месяцев в тюрьме Корт. 2 апреля 1859 года истекает срок, установленный судом в Бурже для Бланки. Все его товарищи были освобождены досрочно. Только его одного держат в тюрьме до конца. Он по-прежнему остается для властей воплощением страшной угрозы. Тем более дорог момент освобождения. Ко Бланки предусмотрительно сдерживает свою радость. Да, он перестает быть заключенным, но он будет ссыльным. Определено место его пребывания — Алжир, Маскара в провинции Оран. Снова в тюремном экипаже его везут в Аяччо. Пароход доставляет Бланки в Марсель,

где его помещают в тюрьме. Он пытается протестовать против незаконной высылки. Напрасно. Вскоре он уже находится в Маскаре, арабском городке, расположенном между скал и песчаных склонов, выжженных солнцем. Бланки проводит три месяца в одной из казарм. Поскольку он теперь лишь ссыльный, Бланки пользуется более свободным режимом, чем в тюрьме.

В сентябре приходит неожиданная новость: объявлена всеобщая амнистия! Луи Бонапарт по случаю побед французских войск в Италии объявляет о помиловании представителей политической оппозиции, еще отбывающих различные виды наказания. Их всего тысяча восемьсот человек, и император

считает, что они уже не представляют никакой опасности. Вернее, он хочет создать видимость этого, продемонстрировать несокрушимую прочность своей империи. Но, вероятно, это далеко не так, поскольку на пути возвращения во Францию Бланки задерживают в тулонском порту Лашале и ему угрожает ссылка в Кайену на основании «закона об общественной безопасности», то есть по простому произволу властей. Однако эту опасность удается избежать в результате активности сестры Бланки. 18 сентября он приезжает в Марсель, где над ним устанавливается тщательное полицейское наблюдение. Обосновывая эту меру, генеральный прокурор пишет министру, что речь идет о «человеке, который приобрел печальную известность своими опасными инстинктами и своей злобной натурой ».

20 сентября 1859 года Бланки вернулся в Париж. Прошло одиннадцать лет после его ареста в 1848 году. Это нельзя было назвать возвращением домой, в действительности тюрьма стала его домом. Еще меньше это выглядело долгожданной встречей с семьей. После смерти Амелии у него не было семьи, остались лишь родственные связи. Смерть старшего брата Адольфа и матери еще больше сделала его одиноким. Теперь только сестры будут проявлять к нему сочувствие, часто оказывать ему самоотверженную помощь.

Правда, у него есть сын Эстев, которому уже двадцать пять лет. Он унаследовал состояние матери, имел дом, землю и был вполне доволен безбедным существованием мелкого рантье. По обычным буржуазным нормам, он хорошо встретил отца. Эстев предложил ему жить вместе, поскольку рента обеспечила бы скромную, но приличную жизнь и двоим. Однако молодой человек вы-

двинул категорическое условие: отец должен полностью прекратить всякую связь с политикой. С тем же успехом он мог бы предложить отцу добровольно отказаться вообще от жизни. Поразительно, как этот молодой человек сумел не унаследовать ничего ни от матери, презревшей каноны буржуазного образа жизни ради любви к Бланки, ни от своего отца. Никаких следов, никакого проявления того огня, который воспламенял жизнь Бланки. Правда, он унаследовал внешнее сходство с отцом, хотя был выше ростом. Итак, сына у Бланки фактически не стало.

Собственно, по-настоящему никто из близких не понимал его. Даже мать, несмотря на ее самоотверженную преданность сыну. Это вызвало другую драму, о которой ему объявили по возвращении. Оказывается, его мать перед смертью приказала сжечь на глазах у нее все его бумаги, все, что он написал в Мон-

Сен-Мпшель. Очевидно, среди этих рукописей было нечто такое, чем Бланки очень дорожил. Ничем иным нельзя объяснить крайнее отчаяние, которое он испытал при известии о сожжении архива.

Само по себе возвращение в условия обычной жизни явилось для долголетнего узника нелегким психологическим испытанием. Он до того привык к стенам камеры, к решеткам, к охране, что. оказавшись впервые в парижской уличной толпе, испытал замешательство. В Париже Бланки встретился с историком Жюлем Мишле, который, конечно, поздравил его с освобождением. С каким-то смущением Бланки поблагодарил его, а затем признался, что ему страшно на воле. С удивлением и жалостью слушал Мишле рассказ Бланки о том, что ему чего-то недостает, что он спокойнее и увереннее чувствовал себя в тюрьме...

Бланки пристально вглядывался в окружающее и многого не узнавал. В самом деле, в его памяти еще жил тот Париж, картина которого так ярко нарисована в романах Бальзака. Теперь это был город Ругон-Маккаров Эмиля Золя. Бланки видит, как преобразилась столица внешне из-за строительного ажиотажа. Появилось множество новых роскошных зданий, уже были проложены широкие проспекты. Старый революционер сразу пенял тайную мысль архитекторов: на таких широких и прямых улицах очень трудно строить, а особенно защищать баррикады.

Бланки давно уже не питал никаких иллюзий в от-

ношении режима Второй империи. В отличие от «теоретика» Прудона, который еще в 1833 году продолжал надеяться, ***что*** диктаторская власть Луи Бонапарта может стать орудием социальной революции, Бланки, даже находясь в тюрьме, гораздо лучше ориентировался в обстановке и считал, что бонапартизм — это более богатый ор-леанизм. Он писал из тюрьмы Бель-Иль, что «финансы царствуют, управляют, отчаянно играют на бирже, не боясь осуждения. Это окончательная коронация Ротшильда». Бланки верно угадал социальную природу империя. Он видел также и ее политический смысл: «Демократия рухнула с высоты своего самодовольства в пропасть, возможно, даже в гробницу». Но эти мысли, родившиеся в тюремной камере, все же оставались предположениями и догадками.

Иное дело — непосредственное восприятие изменений, которые Бланки видит теперь воочию. Город выглядит роскошнее, богаче, но он утратил дух фрондерства, оппозиции, которым прежде дышали сами мостовые Парижа. Нет призывных политических афиш. Ничто не напоминает о манифестациях студентов или рабочих, тем более о баррикадах времен Луп-

Фплпппа. Зато бросается в глаза всеобщая тяга к развлечениям. Тон задают сами власти. Париж теперь развлекается не политическими демонстрациями, а балами и карнавалами. Сам император появляется на них в костюме венецианского дожа, а императрица — в облике богини Дианы или Марии-Антуанетты. Чувствуется, что в Париже много внезапно разбогатевших людей. Гораздо в большей степени, чем при Гизо, осуществляется его призыв: обогащайтесь!

Конечно, это относится не ко всем. Жизненный уровень рабочих, несмотря на экономический и промышленный подъем, остается таким же, как двадцать лет назад. Но зато почти исчезла безработица. Работы даже слишком много, ибо рабочий день нисколько не уменьшился. Чтобы жить, надо тяжело трудиться. Нельзя было не заметить, что в Париже стали больше пить. Число винных лавок и пивных в городе дошло до 25 тысяч!

«Империя, — писал Эмиль Золя, — намеревалась превратить Париж в европейский притон. Горсточке авантюристов, укравших трон, нужно было царствование, полное авантюр, темных дел, продажных убеждений и продажных женщин, всеобщего дикого пьянства. И в городе, где еще не высохла кровь декабрьского переворота, росла, пока еще робкая, жажда безумных наслаждений, которая должна была превратить родину в палату для буйных помешанных — достойное место для прогнивших и обесчещенных наций».

Не чувствуется никакой политической оппозиции. Ведь все левые республиканцы сошли со сцены или живут в эмиграции. Вернувшись в Париж, Бланки впервые вынужден был признать: «Еще существуют отдельные изолированные революционеры. Но нет и следов революционной партии». Да и как может заявить о себе оппозиция? Печать находится под жестким контролем. Вообще заметно гораздо больше полицейских в мундирах. Кроме того, Бланки быстро понял, что за ним повсюду, как тень, ходит переодетый в гражданское платье агент.

Бланки пишет доктору Лакамбру: «Париж меня удручает! Какая апатия, какой упадок, какие изменения! Я с моими идеями революции, такими же жгучими, как некогда, похож на пришельца из другого мира, на призрак прошедших времен. Я провел здесь несколько дней, полных боли и гнева. Но я не потерял из-за этого надежды. Надо гальванизировать эти трупы, если они не хотят идти живыми».

Не потребовалось много времени, чтобы убедиться в бесплодности этого замысла. Несколько встреч и бесед с некоторыми из старых друзей заставили Бланки быстро попять, что ему не на кого опереться в Париже, чтобы вновь разжечь

революционное пламя. Может быть, стоит выждать более благоприятного времени, потерпеть, пока сами события создадут революционную обстановку? Но Бланки убежден, что революции не происходят сами по себе. Их готовят и организуют люди. Неутомимая жажда революционного действия заставляет его вспомнить об эмигрантах, хотя он считает, что готовить революцию надо здесь, в Париже. Бланки едет в Брюссель к бывшему военному врачу Луи Ватто. За подготовку заговора против империи он был осужден на три года тюрьмы и сидел вместе с Бланки в Бель-Иль. В Бельгии он стал издавать еженедельный революционный журнал «Бьен-этр сосиаль» («Общественное благосостояние»). Бланки возлагал на него особые надежды, ибо Ватто, бывший сторонник Ледрю-Роллена, совершил весьма демонстративный поворот к бланкизму. Сначала он опубликовал серию статей в защиту Бланки в своем журнале, а потом выпустил брошюру «Бланки перед историческими свидетельствами». Поводом для этого послужили критические замечания

Луи Блана, высказанные в книге, вышедшей годом ранее. Луи Блан вспоминал там о «документе Ташеро». Кроме того, Ламартин выпустил в свет свою «Историю революции 1848», где давал искаженную версию своих переговоров с Бланки 15 апреля 1848 года.

В Брюсселе Бланки поселился в доме у Ватто и почти не выходил никуда. Видимо, это добровольное заточение служило проявлением еще сохранившегося у Бланки рефлекса, приобретенного в тюрьме. Однако такое затворничество имело и другое основание: Бланки решил по-настоящему, серьезно участвовать в работе по выпуску журнала. Он должен служить пропагандистом е! о идей н первым этапом к созданию партии. О своих надеждах в этом направлении Бланки писал Лакамбру. Поэтому он не жалеет времени на редактирование и на разные хлопоты, связанные с выпуском журнала. Очень быстро он понимает, что «Бьеи-этр сосиаль» имеет одно крайне слабое место — незначительный тираж. Бланки принимается за вербовку подписчиков в нескольких странах Европы, он обращается прежде всего к своим политическим сторонникам. Кроме того, журнал был убыточным изданием. Его годовой дефицит составлял две тысячи франков. Необходимо их найти. Очевидно, с этой целью он совершает поездку в Лондон, где успеха не добивается. Вернувшись в Брюссель, Бланки снова принимается за работу по выпуску журнала, но вскоре оставляет ее. Какой толк от этого издания, если его прочитают несколько сот человек, при этом живущих не во Франции? Дело подготовки революции от этого не

подвинется ни на один шаг. Такого рода жизнь не по нраву Бланки, ибо он прежде всего человек действия. Он благодарит Ватто за поддержку и возвращается в Париж.

Бланки затевает отчаянное и совершенно безнадежное предприятие, по мнению эмигрантов. Собрав некого-рую сумму денег, он решает издавать и распространять подпольный революционный журнал в самом Париже, под носом у императорской полиции. Журнал будет выходить в форме брошюр небольшого формата, чтобы их легко можно было положить в карман. Начинается лихорадочная работа по приобретению типографского оборудования, шрифта, печатного станка и многого другого. Бланки находит друга, у которого все это можно разместить. Ему помогает сестра, мадам Антуан. Он и живет частично у нее, частично в снятой им комнате па улице Фигье-Сен-Поль. Активную помощь ему оказывают также мадам Фремо и ее муж, занимающийся литографией, наборщик Каммет н еще два человека. Из этих людей, собственно, и состоит вся новая организация Бланки.

Но полиция, которая следит за каждым шагом Бланки, быстро догадывается о том, что он занят какой-то лихорадочной деятельностью. Наблюдением за Бланки руководит сам начальник тайной полиции Клод. Чем занят Бланки, неизвестно, но полицейские рассчитывают, что арест и обыск дадут достаточный материал для обвинения. Начинается настоящая охога на Бланки. Однажды полицейские явились на квартиру к сестре Бланки как раз в то время, когда он там был. Но сестра быстро ведет его наверх к своей приятельнице, которая прячет его в перинах и подушках кровати. Бланки едва не задохнулся. При обыске нашли только список адресов людей, которым предполагалось рассылать журнал. Бланки не удалось напечатать хотя бы один номер. Он лишь изготовил своими руками 8700 экземпляров обложек для будущего издания. 10 марта 1861 года Бланки и пятеро его помощников были арестованы и заключены в тюрьму Мазас.

14 июня начался судебный процесс. Единственным материалом для обвинения служит список, найденный при обыске у сестры Бланки, и подготовленные обложки для журнала. Больше ничего. Тем не менее Бланки обвиняют в организации тайного общества, в покушении на безопасность государства и даже на жизнь самого императора. Но никакого общества Бланки не создавал, хотя обвинитель даже оглашает его экзотическое название: «Общество крокодилов». Но на суде быстро выясняется, что это название клуба брюссельских студентов, созданного для веселого времяпрепровождения. Обвинение в подготовке покушения на императора также основано на фикции. Во время

поездки в Лондон Бланки встречался с доктором Бернаром, который был связан с Орсини, действительно покушавшимся на Бонапарта. Но сама по себе одна встреча еще совершенно ничего не доказывает.

В распоряжении суда единственный довод для обвинения — подготовка к выпуску журнала, о содержании которого еще ничего нельзя было утверждать. Фактически же Бланки с\дят просто за то, что он Бланки: за его прошлое и его взгляды. Адвокат, защищавший Бланки, прямо говорит об этом:

— Будем откровенны, господа. Дело не в этих фактах, в которых следствие искало доказательство. Оно в другом. Вы заявляете: Бланки провел всю свою жизнь, занимаясь заговорами. Он продолжает это делать. Это опасный человек для общества, для правительства. Его присутствие в Париже не может быть терпимо. Надо заставить его исчезнуть.

Действительно, Бланки судили не за то, что он совершил, но за всю его деятельность в прошлом, за то, что он был человеком, который неизбежно стал бы вождем новой революционной партии, если бы она возникла. Это довольно откровенно и было сказано на суде.

— Придерживаетесь ли вы, — спрашивал судья, — своих прежних взглядов, несмотря на 25 лет тюрьмы?

— Я полностью сохраняю их.

— Сохраняя свои прежние убеждения, не стремились ли вы их воплотить в жизнь?

— Я буду к этому стремиться до самой смерти!

Несмотря на полное отсутствие доказательств в совершении поступков, наказуемых законом, Бланки и его товарищам вынесли обвинительный приговор. Бланки был осужден на четыре года тюрьмы и 500 франков штрафа. Остальные получили от года и меньше.

Бланки подал апелляцию в высшую судебную инстанцию. Ее рассмотрение намеренно затягивали, а Бланки на это время перевели из Мазас в самую старую тюрьму Консьержери, где он уже сидел в ожидании смертной казни. Но на этот раз ему не досталось такой «роскоши», как одиночная камера. Его поместили в общей камере с уголовниками, с ворами и убийцами. И это продолжалось около полугода. Бланки вскоре получил веские основания подозревать, что готовится его физическое уничтожение. Видимо, не случайно он написал нечто вроде завещания: «Всю свою жизнь я боролся за справедливость и право, против несправедливости и угнетения, за большинство угнетенных против меньшинства угнетателей. Нищий и лишенный свободы, я прожил свою жизнь. Таким же я умираю. Я

думаю, никто не имеет большего права сказать, что все несчастные — его братья...»

Апелляция Бланки отклонена, приговор подтвержден, и его переводят из Консьержери в постоянное место заключения. Это тюрьма Сент-Пелажи, в которой он уже сидел два раза. Обе тюрьмы находятся в одном городе, при одном политическом режиме, переезд из одной в другую занимает всего полчаса, а какая разница! Из настоящего ада Бланки переносится в относительный рай. Здесь совсем иной, несравненно более либеральный режим и совершенно другие условия содержания заключенных.

Политические живут отдельно от уголовников. Они могут носить свою обычную одежду, свободно ходить в камеры друг к другу, получать с воли пищу, не говоря уже о газетах и книгах, приникать посетителей несколько раз в неделю. Кроме того, благодаря хлопотам сестры Бланки получает одну из наиболее удобных камер. К несчастью, первые несколько месяцев Бланки проводит в постели. Теперь он уже страдает от болезней, связанных с возрастом, ведь ему исполнилось 56 лет, а выглядит он на все 70. Совершенно седой, с морщинистым лицом, он всем своим обликом оправдывает прочно утвердившееся за ним прозвище Старик. Действительно, здесь, в Сент-Пелажи, почти нет участников революции 1848 года. Если в Бель-Иль Бланки оказался вместе с теми, кто прошел через те же самые революционные события, то здесь в основном новые люди, которые знают о них понаслышке. II конечно, совсем иная атмосфера. Уже нет той яростной враждебности, ненависти, которые отравляли жизнь Бланки на «Прекрасном острове». Вместо этого — любопытство к человеку, имя которого уже стало легендой, даже сочувствие и симпатия.

Новый процесс Бланки, приговор, явно продиктованный страхом, а не реальными действиями осужденного, вызывают много толков. Немало шума он наделал за границей. Возмущение беззаконием императорского режима вызвало волнение среди лондонской эмиграции. Особое внимание к Бланки проявил Карл Маркс. Он организует публикацию брошюры в защиту Бланки. Живущий в Брюсселе доктор Ватто становится посредником между Марксом и Бланки. Маркс во время пребывания в Берлине обсуждает с Лассалем и его другом графиней Гацфельдт вопрос об организации побега Бланки, и богатая графиня якобы готова предоставить для этого необходимые денежные средства. Бланки впервые узнает о Марксе, к нему попадает его письмо, и Ватто сообщает Марксу о том, что Бланки был глубоко тронут вниманием. В течение нескольких часов письмо находилось в его

руках. В письмах к Ватто Бланки интересуется Марксом (при этом он называет его условным именем). Недавно найдено единственное собственноручное письмо Бланки к Марксу, в котором речь идет о распределении полученной денежной помощи среди заключенных. Правда, неизвестно, дошло ли оно до Маркса. Одно из своих писем к Луи Ватто о Бланки Маркс заканчивает такими словами: «Будьте уверены, что я больше, чем кто-либо, интересуясь судьбой этого человека, которого всегда считал головой и сердцем пролетарской партии во Франции».

Такое внимание к Бланки особенно ценно для него именно в эго время, когда, вновь осужденный, он испытывает пе только серьезные физические страдания из-за болезни, по и тяжелые душевные переживания. Гнетущее впечатление, произведенное на него упадком революционного движения во Франции, продолжает удручать его. По его мнению, французы пали так низко, как никогда. Он пишет об их «настоящем моральном падении», о том, что трудно вообразить «степень низости, пошлости и подлости, до которой опустилась вся страна». Проходят месяцы, по в своих письмах Лакамбру, из которых взяты эти резкие замечания, Бланки отмечает, что «общее пресмыкательство только возрастает и становится все заметнее». Это он писал уже в октябре 1862 года.

Однако по мере дальнейшего пребывания в Сент-Пелажи Бланки как бы смягчается. Он выходит из состояния полной замкнутости и сознательной самоизоляции, в котором он находился в первые месяцы. Дело в том, что само положение в тюрьме побуждало его не столь мрачно и безнадежно смотреть на положение во Франции. Вначале Бланки оказался самым молчаливым и наименее общительным из заключенных. Постепенно, через посредство некоторых друзей, он все же начинает общаться с другими обитателями Сент-Пелажи. Уже в 1861 году туда же посадили, например, его друга Эмиля Вильнева, осужденного за «оскорбление» церкви. Он и знакомит Бланки со многими из заключенных. Стараниями императорской полиции здесь оказалось много людей, представлявших цвет французской радикальной интеллигенции. Особенно много здесь было журналистов. Почти все газеты и журналы, пе являвшиеся выразителями официальной линии, оказались представленными здесь, как правило, за публикацию разного рода неугодных властям материалов. Сюда попало и немало литераторов, например поэт Катюль Мендес. Постоянным гостем Блапкп становится Жан Доллен, молодой и талантливый писатель и журналист. При появлении его в камере Бланки начинал даже улыбаться — явление для него редчайшее. Доллен стал любимым партнером Блапки в игре в шахматы. Долгими часами сидели

они, склонившись над шахматной доской. Постепенно в нем просыпается любовь к серьезным научным разговорам, философским и литературным спорам.

Именно пз воспоминаний бывших узников Сент-Пе-лажи можно получить, например, представление о литературных вкусах Бланки. Дело в том, что он вообще не считал художественную литературу серьезным делом. Для пего это скорее приятное развлечение, отдых после серьезной умственной работы. Поэтому уместно говорить пе о литературных взглядах, а о вкусах, склонностях Бланки. Вообще собственные статьи и выступления Бланки свидетельствуют о его высокой культуре. Кроме французского, он знал латынь и английский язык. Читал Тацита, Вергилия и Горация в оригинале. Уважение к Тациту понятно, ибо это как-никак политика. Но Гораций, воспевавший лишь радости жизни, этот сладострастный сибарит, чем он мог увлечь Бланки? Озадачивает также вкус Бланки в отношении французских писателей, которые жили и творили в ту же эпоху, были современниками Бланки. Он крайне отрицательно относился к величайшему французскому писателю века, к Бальзаку! Бланки обвиняет его... в клевете на человечество и считает, что Бальзак проповедует культ денег. Он отказывается понимать его великие творения, упрекает его в подстрекательстве людей к борьбе против друг друга! Последний упрек особенно парадоксален, если учесть, что все содержание, весь смысл жизни Бланки выражались в беспощадной борьбе не только против отдельных людей, по против целого социального класса — буржуазии, которую он даже стремился вообще уничтожить.

Лучшим романистом своего века Бланки считал Поля де Кока, слащаво-фальшивыми, сентиментальными романами которого зачитывались русские барыни прошлого века, не решаясь, впрочем, давать эти книги читать своим дочерям из-за их пикантного содержания. Этот защитник аморализма и эгоизма буржуазной золотой молодежи вызывал негодование и презрение у В. Г. Белинского! Совершенно необъяснима слабость Бланки к писателю, явно оправдывавшему мораль и нравы того общества, которое Бланки решительно отрицал. Никто из биографов великого революционера даже пе пытается разгадать эту загадку, если не считать замечания С. Бернстайна о том, что «ответ, возможно, мог бы дать психоанализ».

Словом, художественная литература — это не его стихия. Книги о политике но-прежнему занимают Бланки больше всего. Свидетели указывают, что в тюрьме Септ-Пелажи Бланки вновь обращается к своему любимому автору, Николо Макиавелли. Гюстав Жеффруа пишет: «Можно с уверенностью сказать, что его

симпатия к Макиавелли и макиавеллизму объясняется своего рода атавизмом, непреодолимой склонностью, в которой проявлялось родство его души с душою итальянца XVI века, предприимчивого, мрачного, осторожного, недоверчивого и хитрого. Сочинение Макиавелли «Государь» было настольной книгой Бланки. Достоинства ее автора, перенесшего изгнание, заключение и пытки, его пророческое предвидение будущего объединения Италии придавали в глазах Бланки особую цену его труду». Безусловно, можно обнаружить что-то общее между бланкизмом и политическими идеями Макиавелли. Итальянский мыслитель далекого прошлого в своих планах отводил решающую роль не народу, а наиболее смелому, сильному и коварному из многочисленных итальянских властителей. Бланки тоже не надеется на народ, отдавая предпочтение заговору узкой группы преданных сторонников. Идеи Макиавелли были, несомненно, передовыми для той эпохи, когда он жил и сам являлся одним из великих фигур эпохи Возрождения. Но для середины XIX века идеи Макиавелли имели уже в основном историческую ценность, и человечество выдвинуло после него множество мыслителей, обогативших политическую науку.

Бланки жил и боролся во время рождения и распространения марксизма — первого по-настоящему научного представления о мире и о перспективах его развития. Марксизма Бланки совершенно не знал и не проявлял к нему интереса. Более того, три великих составных течения, на почве которых возник марксизм, тоже в значительной мере оставались чуждыми ему. Он не знал немецкой классической философии, в первую очередь Гегеля. С английской политэкономией он был знаком лишь в той мере, в какой она отразилась в трудах ее последователей вроде Жана-Батиста Сэя. Бесспорно, Бланки знал французский материализм XVIII века и испытывал его влияние как и французского утопического социализма, хотя последний в его конкретных формах Бланки отвергал. Таким образом, по уровню теоретического развития Бланки отставал от своего времени.

В тюрьме Сент-Пелажи на протяжении нескольких месяцев близким и доверенным лицом для Бланки оказался посаженный в эту тюрьму писатель Теофил Сильвестр. Неизвестно, каким образом он вошел в доверие к Бланки, ибо это было всегда трудным делом. Во всяком случае, важно то, что Сильвестр оставил записки, в которых он воспроизвел свои частые и продолжительные беседы с Бланки. Благодаря этому, собственно, только и можно составить представление о духовном облике Бланки того времени. Вот что он говорил своему собеседнику по поводу своих общих взглядов на жизнь:

— Я не принадлежу к тем, которые утверждают, что прогресс человечества независим от воли людей. Я убежден, напротив, что зло не фатально, а является результатом сознательной деятельности. Зло, даже побежденное, может возродиться снова. Нет, фатального хода вещей не существует, иначе историю человечества, записываемую ежечасно, можно бы написать всю заранее.

Итак, Бланки не признает существования объективных, независимых от воли людей законов развития человечества. Миром правят разум, мысль, воля человека. Иначе говоря, Бланки оставался историческим идеалистом. Но в основном в беседах с Теофилом Сильвестром речь шла о событиях недавней французской истории, начиная с июльской революции 1830 года. Бланки высказывал свои соображения о многих явлениях, даже о своем конфликте с Барбесом. По мнению Бланки, Барбес принимал участие в революционном движении исключительно из-за своего тщеславия, но серьезно рисковать собой он не собирался. Но именно из-за Бланки он подвергся страшной опасности. После первого годичного тюремного заключения за участие в «пороховом заговоре» Барбес решил больше в тюрьму не попадать. Поэтому он пытался уклониться от вооруженного восстания 12 мая 1839 года. Но Бланки не позволил ему этого.

— Я вызвал Барбеса, — говорил Бланки. — Он явился, и вы знаете, что это путешествие, инициатором которого был я, чуть не стоило ему головы. Этого он не мог простить мне никогда. Раньше мне никогда не приходило в голову подобное объяснение. Но теперь я лучше знаю человеческое сердце, чтобы быть уверенным в правоте сказанного.

Бланки действительно прав в данном случае, хотя в загадку дела Ташеро это вносит недостаточно ясности. Когда другой журналист, Шерер-Кастнер, также сидевший в Сент-Пелажи вместе с Бланки, попытался задавать ему вопросы в связи с этим щекотливым делом, то Бланки отказался входить в подробности.

Но все это не имеет прямого отношения к той главной задаче, которую поставил перед собой Бланки, вернувшись из тюрьмы, — к поискам новых единомышленников, сторонников. Без этого невозможно было и думать о восстановлении в какой-либо форме французской подлинно революционной организации. До начала 1863 года все его попытки в этом направлении не давали успеха. В беседах с политическими заключенными в Сент-Пела-жи главным образом Бланки и занимался прощупыванием возможности привлечения к своему делу новых людей. Но большинство их не проявляло желания следовать за Бланки. По мнению Гюстава Жеффруа, это происходило потому, что люди

самостоятельные и зрелые не хотели подчиниться безоговорочно влиянию и власти Бланки: «Он слишком подавлял их личности, хотел сделать из них, как в тайных обществах, послушное оружие в своих руках, учеников, согласных действовать, не зная конечных планов наставника. Большинство, конечно, не соглашались на такую роль без возражений и споров».

Естественно, что с превосходством Бланки, с его ролью наставника, руководителя охотнее и проще соглашалась молодежь. Собственно, очень многие молодые французы с революционными наклонностями настойчиво сами искали авторитетов, которым они могли бы довериться, идти за ними. Бланки, с его ставшей уже легендарной биографией, оказался для них крайне привлекательной фигурой. К нему шли особенно охотно, поскольку никто другой столь ярко и очевидно не воплощал в себе революционного действия. Первым и особенно ценным соратником Бланки оказался двадцатидвухлетний студент-юрист Гюстав Тридон, сын богатого землевладельца. Его посадили в Сент-Пелажи на полгода за статьи в газете «Ле Травай». Тридон проповедовал идеи Прудона, но явная антиреволюционность этого учителя уже давно вызывала его сомнения. Когда он узнал, что Бланки находится в Сент-Пелажи, он прямо пришел в камеру к Старику. Молодой человек понравился Бланки, и он стал откровенно излагать ему свои планы. Тридон воодушевился и сразу стал пылким бланкистом. Он привел к Бланки Фердинанда Толе, студента и журналиста, Жермена Касса, студента-юриста и основателя газеты «Ле Травай». В окружении Бланки появляются также Артур Ранк, будущий известный журналист, друг Три дона студент-юрист Эжен Прото. Каждый новичок, проникаясь доверием к Бланки, становился посредником, который вербовал среди своих друзей новых бланкистов.

Именно так Толь привел к Бланки своего приятеля, молодого медика Жоржа Клемансо, будущего знаменитого премьер-министра Франции во время первой мировой войны. За энергичную деятельность во главе партии радикалов он войдет в историю под лагерным прозвищем Тигр. Но до этого еще очень далеко, а тогда он был молодым человеком 22 лет совсем иного склада. Он уже отбыл срок заключения в тюрьме Мазас за публикацию статей, неугодных императорскому режиму. Когда Толь привел его в камеру Бланки, он увидел Старика, сидящего на постели в белой рубашке с улыбкой, появлявшейся теперь у него при встречах с новыми молодыми друзьями. Пройдет много времени, и Клемансо напишет: «Я никогда не забуду образ Бланки в Сент-Пелажи, где я испытал первый шок от его

пронзительных черных глаз, горящих на бледном исхудалом лице». Клемансо действительно будет помнить «возвышенный суровый урок несгибаемой души». Молодой врач понравился Бланки, и он вел с ним долгие беседы. На протяжении года Клемансо ежедневно навещает Бланки, пользуясь тем, что он проходил медицинскую практику в тюремной больнице. Он даже приведет к Бланки своего отца, чтобы познакомить его с человеком, ставшим для него непререкаемым авторитетом. Скоро Бланки проникается полным доверием к Клемансо и дает ему сложные, ответственные поручения. И вдруг Бланки внезапно порвал отношения с этим, казалось бы, безоговорочно преданным новым бланкистом. Дело в том, что Бланки узнал о встрече и беседе Клемансо с Шарлем Делеклюзом, близким соратником Ледрю-Роллена, которого он ненавидел. Оказывается, Бланки был настолько подозрительным, что не мог примириться даже с тенью, с намеком на возможность политической неверности.

Но это случится позже, а пока Бланки без конца принимает все новых друзей. Они с восхищением, доверием и преданностью слушают его. Это оказывает на самого Бланки впечатление часто более сильное, чем на его учеников. Ведь, вернувшись в Париж, он обнаружил не только общий революционный упадок, но и отречение от революции старых бойцов. Получив свободу, он почувствовал себя совершенно одиноким. Теперь в нем просыпается надежда, и он переживает необыкновенный подъем. Он улыбается, он шутит, он счастлив. Действительно, пребывание в Сент-Пелажи было едва ли не самым лучшим периодом его жизни, ибо он испытывает нечто подобное воскресению из мертвых. Он убежден, что ничего еще не потеряно, он знает теперь молодых, сильных, смелых и умных людей, готовых бороться за его социальную республику! Бланки еще не вполне уверен, но что-то заставляет его надеяться на зарождение реальной бланкистской партии. Именно это и произойдет в действительности. Один из его тогдашних молодых друзей, Поль Лафарг, будет вспоминать замечательный курс лекций о революционной политике, который читал молодым друзьям Бланки. Эжен Пельтан, видный буржуазный республиканец, говорил что «одна из крупных ошибок Империи состояла в том, что Бланки был заточен вместе с наиболее горячими революционными элементами молодежи», На протяжении зимы 1863/64 года Бланки каждый день встречается со своими новыми сторонниками.

А между тем он серьезно болен. Речь заходит о хирургической операции. Уже несколько раз тюремное начальство отпускает его из тюрьмы для посещения (под

надзором, конечно) специальных клиник. Сестра Бланки, мадам Антуан, проявляет исключительную настойчивость в борьбе за здоровье брата и добивается в конце концов согласия полицейских властей на его помещение в больницу. 12 марта 1864 года Бланки занимает койку номер 24 в комнате на первом этаже больницы Неккера на улице Севр. Инструкция полицейской префектуры запрещает ему покидать это место. Он получает разрешение гулять по саду и по террасе. Посещать Бланки имеют право лишь его сестры. В соседней палате помещают «больного» полицейского агента для непрерывного наблюдения за Бланки. Обслуживающий персонал больницы — монахини. Впрочем, Бланки не общается ни с кем, он вновь придерживается, как это уже ему приходилось делать, режима полного молчания. Естественно, что сразу прерываются связи с его новыми сторонниками, остававшимися в Сент-Пелажи или уже вышедшими на свободу. Так продолжается до конца августа, когда новое медицинское заключение определяет, что ему еще очень долго придется находиться в больнице. Заключение врачей удается использовать для получения права принимать посетителей. Больница Неккера таким образом превращается для Бланки в идеологический филиал Сент-Пелажи. Два раза в неделю, в воскресенье и в четверг, ученики и соратники Бланки могут встречаться с ним. Их, конечно, меньше, чем в Сент-Пелажи, ведь многие остались там. К нему приходят братья Леон и Эдмон Левро,

Клерей и Жаклар, уже упоминавшийся Вильнев, Шарль Лонге, редактор журнала «Эколь де Франс». Когда Три-дон отсидел свой срок, то он, конечно, стал тоже постоянным посетителем. В это время он закончил работу над брошюрой «Эбертисты», написанной не без влияния Бланки. Как раз тогда Бланки написал: «В настоящее время со мной шестнадцать или семнадцать молодых людей. До сих пор только Три дон является серьезным бойцом». Разумеется, еще рано говорить о создании партии бланкистов. Возник лишь ее зародыш.

Но он появился не в пустом пространстве, а в обстановке, которая обеспечивает ему огромные возможности развития и роста. Когда Бланки после одиннадцати лет тюремного прозябания вернулся в Париж, то в отчаянии думал, что Империя несокрушима, что она будет царить бесконечно долго. Он с горечью наблюдал всеобщую апатию и считал, что французский народ примирился с деспотией и опустился до рабской покорности. Теперь он с радостью начинает понимать, как он ошибался, ибо на его глазах происходит возрождение разнородных, но, несомненно, растущих сил всеобщей оппозиции.

Французские историки период Второй империи делят на две части: время неограниченного правления и время либеральной Империи. Но слово «либеральной» в действительности может быть заменено словом «разлагающейся». Ведь уже сама по себе всеобщая амнистия политическим узникам, которая дала свободу Бланки, была проявлением слабости. В ноябре 1860 года Луи Бонапарт разрешил нескольким оппозиционным ораторам в Законодательном собрании, которое было карикатурой на парламент, раз в год высказать мнение о правительственной политике. И снова это признак слабости, попытка задобрить капиталистов, недовольных торговым договором с Англией, создавшим для них опасную конкуренцию. Выборы в мае 1863 года открыли глаза многим: вместо пяти в собрании появилось 35 оппозиционных депутатов. Хотя деревня все же отдавала голоса деспотическому режиму, города высказались против него, прежде всего Париж, избравший только оппозиционных депутатов и ни одного верного Бонапарту. Оппозиция растет со всех сторон. Луи-Наполеон сумел поссориться даже с церковью. Его помпезные внешнеполитические достижения оказались фикцией.

Теперь Бланки каждое утро с напряженным вниманием читает газеты, которые еще недавно вызывали у него отвращение. Он ищет и находит все новые признаки ослабления режима и усиления оппозиции. Как раз в марте 1864 года, когда Бланки перевели из тюрьмы в больницу, в Париже происходили частичные выборы на освободившееся место. Поддерживать игру буржуазии в оппозицию он не собирался и настойчиво внушал своим сторонникам, что всякая поддержка буржуазных политиканов приведет, как всегда, только к паразитическому присвоению плодов достижений революционных сил. Социалисты не должны выступать прихвостнями буржуазии, они могут действовать только во имя интересов пролетариата. Поэтому он советовал своим друзьям воздержаться от участия в выборах, чтобы показать презрение к режиму Бонапарта. Участие в выборах он считал равносильным признанию законности Империи. Бланки убежден, что не избирательный бюллетень, а порох и пули являются единственно пригодным оружием. Выборы допустимы только при условии полной свободы слова и печати. Без этого обязательного условия выборы могут лишь посеять вредные иллюзии.

Частичные выборы заинтересовали Бланки только тем, что на них впервые был выдвинут кандидатом рабочий! И хотя он собрал очень мало голосов, сам факт выдвижения имел огромное значение. Еще более знаменательным оказался опубликованный рабочими в связи с выборами «Манифест шестидесяти». В нем

говорилось о том, почему рабочие должны иметь своих депутатов, выступающих отдельно от депутатов буржуазии: «Неоднократно повторяли, что не существует более классов; с 1789 года все французы равны перед законом. Но мы, не имеющие другой собственности, кроме наших рук, ежедневно подчиняющиеся всяким законным и произвольным требованиям капитала, живущие под действием исключительных законов, вроде закона о коалициях... с большим трудом можем поверить такому утверждению». Поскольку же существуют классы со своими особыми интересами, то и рабочие должны иметь своих представителей, ибо депутаты буржуазии не могут и не захотят защищать интересы рабочих. «Мы не имеем своих представителей, — заявляли авторы «Манифеста», — вот почему мы выдвигаем вопрос о рабочих кандидатурах... Разве подавляющее большинство Законодательного корпуса не состоит из крупных землевладельцев, фабрикантов, торговцев, генералов, журналистов и т. д.».

Этот документ был вовсе не в духе Бланки, ибо он не призывал к революции. В нем содержались прудонистские идеи о союзе с буржуазией. Но важно то, что рабочие хотели самостоятельно участвовать в политике. Вот почему «Манифест» так возмутил доживавшего свой век Прудона (он умер в 1865 году). Для Бланки его смысл связывался с таким представлением о революции, в которую хорошо организованная группа революционеров будет вовлекать массы. Но они должны быть предрасположены к этому. Признаком такой готовности и являлся «Манифест», как и многие другие события, которых Бланки не наблюдал с 1848 года.

Следовательно, надо действовать. Но что может сделать больной старик, имея поддержку всего двух десятков мальчишек? Очень многое, ибо он смутно чувствует, что за ним стоит огромная, хотя и совершенно неорганизованная, сила рабочего класса. Надо, по крайней мере, начинать с того, чтобы увеличивать число своих сторонников.

Среди молодых друзей Бланки уже обсуждалась идея издания своей газеты или журнала. Но при этом всех обескураживала мысль о том, что при Империи законы о печати исключают возможность выпуска издания политического характера.

— Нельзя касаться политики, — соглашается Бланки. — Но имеется политическая и религиозная история. Это неисчерпаемый источник материалов. И они могут давать такой же эффект, как самые острые политические новости...

Решено издавать журнал, который будет выходить три раза в неделю, цена номера — один су (пять сантимов). Придумали

хорошее название — «Кандид» — имя простодушного героя повести Вольтера. Не хватает только денег. По подписке удается собрать тысячу пятьсот франков. Верный Лакамбр дает тысячу двести. В апреле 1865 года работа закипела, и 3 мая вышел первый номер «Кандида». Официально его главным редактором был Гюстав Тридон. Бланки, остававшийся заключенным в тюрьме, не мог, конечно, взять это на себя, да он и не видел такой необходимости. Бланки написал передовую статью первого номера журнала, опубликованную без подписи. В ней, в частности, говорилось: «Кандид» не хочет быть легкомысленным журналом. Это не совсем в его вкусе. Еще менее он желает быть журналом скучным. Тогда конкуренция быстро уничтожит его. Быть полезным и нравиться — такова его задача. Задача, конечно, трудная — не все умеют соединять полезное с приятным. Быть одновременно серьезным и увлекательным — тяжелая проблема. Если «Кандиду» не удастся достигнуть этой цели, он подвергнется участи других неудачников и пойдет той же дорогой. Нет кладбища более населенного, чем кладбище журнальное».

Любопытна другая редакционная статья в первом номере журнала «Кандид», подписанная директором издания Васье от имени всей редакции. Она, оказывается, не хочет говорить и думать так, как герой Вольтера. А он, как известно, переживает множество приключений, рассказывая о которых автор издевается над современным ему устройством мира, над религиозной моралью, прикрывающей царящее повсюду зло. Но в заключение Вольтер приходит к выводу о тщетности борьбы со всеобщим злом, о том, что самое разумное — это «возделывать свой сад». Журнал представляет другого Кандида, отнюдь не примирившегося с царящей в мире несправедливостью, против которой он решительно борется. В статье не только выражается программа редакции; самое интересное в том, что она рисует портрет самого Бланки! Вот что говорится о новом, воскресшем Кандиде: «Это — возмущенный философ, который не может спокойно возделывать свой сад. Он становится передовым борцом за торжество морали и права и дорого платит за это. Он испытал все превратности судьбы. Его преследовала зависть, он был жертвой грубого насилия, клеветы, подлости. Когда ему казалось, что он уже близок к цели, он оказался побежденным и его бросили в тюрьму, подвергая пыткам и оскорблениям. Наш Кандид не мог пройти эти жестокие испытания без тяжелых душевных ран. От него нельзя больше ждать прежней наивности. Равнодушие огорчает его, всеобщая низость возмущает, а публичная продажность и прославление пошлости вызывают у него крики негодования и слезы. Кандиду приходится теперь

бороться не только со своими прежними врагами, инквизиторами мысли, но он встречает новых в двусмысленных философах и проповедниках естественной религии. Его учителями являются поэты природы и мученики человечества, которые ради спасения мира обрекли свои имена на ненависть».

Вот таким представляли себе Бланки и его жизнь люди, близкие к нему, выступавшие под его знаменем. Но обе передовые статьи не давали представления о политической программе журнала. Это совершенно естественно, ибо нельзя же было получить согласие властей на издание журнала, цель которого — ниспровержение этих властей. Правда, это не означало, что «Кандид» будет проводить политические идеи, хотя бы и эзоповским языком, в замаскированной форме. Он должен стать и станет журналом исключительно антирелигиозным и антиклерикальным. Однако в этом, по убеждению Бланки, и состоит его политическое назначение. Именно тогда Бланки начинает ставить на первое место среди задач своей партии борьбу с религией, ибо она для него — основа всех зол. Он считал, что народ не имеет более жестокого врага, чем религия. Церковь — самая мощная сила, защищающая господствующий класс.

Сам Бланки пишет для журнала статьи, в которых нападает не на Империю или поддерживающие ее политические силы, а исключительно на религию. Свои статьи он подписывает псевдонимом Сюзамель, составленным из полного имени его незабвенной Сюзанны-Амелии. Сами названия этих статей: «Наша мораль», «Отец церкви IV века», «О монотеизме», «Знание и вера» — говорят об их тематике. Они очень похожи стилем и содержанием на яростно антирелигиозные сочинения Вольтера или Гольбаха. Вот, например, как пишет Бланки о зарождении и распространении христианства: «Наступает ночь! От скал Палестины семитский монотеизм разливается по римскому миру. Менее чем за век он превращает этот мир в труп. Науки, искусства и все завоевания духа уничтожаются на его пути. Христианский фанатизм с факелом и молотом в руках проносится по Римской империи, сжигая храмы, разбивая статуи, уничтожая в бешенстве лучшие плоды творчества Афин и Рима. Жгучий ураган пустыни уничтожает шедевры человеческого ума. Эта удивительная литература, которая соединяла в себе величие образов, красноречие и силу мысли, — все уничтожено, предано проклятию и презрению. Не остается ничего, кроме дикого фанатизма».

Эта яркая, образная картина, несвободная от преувеличений и односторонности, напоминает сочинения французских

просветителей. Осуждая церковную нетерпимость, Бланки сам становится нетерпимым. Но не запоздал ли этот яростный антиклерикализм и не служит ли он лишь повторением битв предшествующего века? В какой-то мере это так. Верно также и то, что считать главной задачей пролетарской партии уничтожение религии — значит впадать в крайность. Однако для того времени и тех условий, когда выходил «Кандид», такая линия имела оправдание. Открытая политическая полемика против императорского режима была просто невозможна в легальной печати, тогда как антирелигиозная пропаганда допускалась. Более того, она выражала общественную потребность и отвечала характеру нараставшей революционной волны. Революция 1848 года не была антиклерикальной. «Пламенный» революционер Барбес, например, совмещал свою революционность с верой в бога. Но новое поколение революционеров, ощутившее наступление клерикалов, резко выступало против них. Основание для того, чтобы считать религию главным врагом, давала необычайно возросшая амбициозность католической церкви.

В декабре 1864 года папа римский опубликовал знаменитый Силлабус, документ, воскрешающий самые дикие претензии церкви времен средневековья. Папа осуждал всякий прогресс в развитии гражданского общества, начатый Великой французской революцией: всеобщее избирательное право, свободу печати, светское образование, любую идеологию или политическое учение, расходящееся в чем-то с оотодоксальным католицизмом. Он объявил, что церковь стоит выше государства, она одна имеет право воспитывать народ, контролируя школы. Даже Наполеон III, который со своими войсками спас светскую власть папы над Римом, стал для клерикалов врагом церкви! Отношения между римским папой и императором резко обострились из-за двойственной политики Франции в Италии и из-за многого другого. Несколько лет Луи Бонапарт добивался, чтобы наместник престола Святого Петра приехал в Париж и торжественно короновал его так, как это было с Наполеоном великим, его дядей. Племянник глупо верил, что отдаленной родственной связи и сомнительных военных «побед» достаточно, чтобы его власть была такой же, как у Наполеона I. Но эта нелепая претензия натолкнулась на решительный отказ Рима. Однако Луи Бонапарт постоянно колебался и в своей политике по отношению к церкви. То он поощрял выступления против Силлабуса, то наказывал за это. Поэтому и существование такого антирелигиозного журнала, как «Кандид», было эфемерным.

Тем более что талантливо ведущийся журнал имел успех:

первый номер — четыре тысячи экземпляров, второй — шесть, а третий — пятнадцать тысяч! Но судьба нового «Кандида» оказалась сходной с судьбой произведения Вольтера. Его первое издание было сожжено кальвинистскими властями на одной из площадей Женевы. Бланкистский «Кандид» просто запретили после восьмого номера. В качестве предлога использовали публикацию статьи на социальную тему, а также «оскорбление» официального религиозного культа. Кроме главного редактора Тридона, к суду привлекли трех сотрудников редакции: Васье, Тюрпена и Понна. Они получили разные сроки тюрьмы, от одного до шести месяцев, и штраф по сто франков. Во время судебного процесса имя Бланки даже не было произнесено. Однако в результате обыска в редакции обнаружили бумаги, которые могли использовать для нового преследования Бланки. Поскольку продолжал действовать пресловутый закон об общественной безопасности, Бланки, находившегося в больнице Неккера, сослали бы куда-нибудь, вроде проклятой Кайенны. Ему оставалось отбыть еще три месяца, и были основания опасаться, что так может случиться именно в день освобождения. Лакамбр советует Бланки принять меры предосторожности. Надеяться на снисходительность императорских властей глупо. Значит, необходимо организовать побег!

Еще до запрещения журнала Бланки стал посещать его сосед и друг по Бель-Иль — Казаван. Трудно было найти лучшего собеседника для обсуждения плана побега. Ведь у них был опыт, правда, плачевный. Но тем более он поучителен, ибо побуждал к особой осмотрительности. Главное, чтобы в больнице Неккера как можно дольше не узнали о побеге. Необходимо хотя бы несколько часов. Вспомнили практику подготовки побега в Бель-Иль, когда охрану долго приучали не обращать внимания на заключенных. Поэтому Бланки стал уходить из палаты, когда ему приносили еду. Сначала его принимались разыскивать. Но он всегда оказывался прогуливающимся где-либо поблизости. Поэтому ему оставляли ужин, даже если его не было в палате. К счастью, здесь служили не опытные полицейские стражники, а более доверчивые монахини.

Побег назначили на воскресенье 27 августа 1865 года, в день приема посетителей. Пришли два брата Левро с другом-студентом Ламблином. Затем явился Казаван. Закрыв дверь палаты, немедленно взялись за работу. Леон Левро коротко обрезал волосы Бланки, сбрил ему усы и бороду. Бланки совершенно преобразился, и друзья ее удержались от смеха. Смеется и сам Бланки, взглянув на себя в зеркало. На него еще надевают светловолосый парик.

Но вот кончается время, отведенное для посетителей. Слышно, как по коридору удаляются гости, навещавшие других больных. Первым из палаты выходит Ламблен, за ним Бланки, который разговаривает на ходу с Леоном Левро. Замыкают Эдмон Левро и Казаван, который в дверях задерживается и громко говорит, обращаясь к пустой комнате:

— Да, да, как договорились, дорогой друг. Я приду в четверг!

Вся группа спокойно проходит мимо охранника, который не узнает Бланки. Теперь надо подождать где-то около Северного вокзала отхода поезда, билет на который уже купили. Бланки прогуливается некоторое время по Севастопольскому бульвару и лишь за две минуты до отхода поезда является на перрон, заходит в вагон, и поезд трогается.

Неужели успех? Значит, никто ничего не заметил? Но это было не так. Сразу после ухода Бланки в его палату зашла молодая монахиня. Позже она расскажет племяннице Бланки, что увидела на полу бороду и волосы Бланки. Но она не сказала никому ни слова. Только на другое утро обнаружилось все, и директор больницы Демазьер сообщил о бегстве в полицейскую префектуру...

Но Бланки был уже далеко. В Брюсселе. На свободе.

Старик

Неудачи преследовали Бланки всю жизнь. Чего стоят злосчастные попытки бегства из тюрем Мон-Сен-Мишель и Бель-Иль! И вот наконец успех. Может быть, его шестидесятилетие окажется переломным в судьбе Бланки? Действительно, никогда еще он не пользовался такой любовью и преданностью своих последователей. Возникает бланкистская партия! Естественно, он хочет, чтобы все знали, как ошибались те, кто говорил, подобно Прудону, что над всеми его начинаниями тяготеет проклятие. В 1860 году, когда Бланки вернулся в Париж, Прудон злобно заявил, что неисправимый авантюрист постарается затеять новое преступление. Однако, утешался этот «социалист», «любое предприятие, с которым Бланки связывает свое имя, обречено на неудачу».

Бланки знал, насколько широко распространено это мнение. Поэтому он спешит оповестить о своем успехе. Перед отъездом в Брюссель он написал открытое письмо в парижские газеты, помеченное «Париж, 28 августа», которое было напечатано. Бланки объясняет мотивы своего побега и разоблачает беззаконие властей. Когда он подал апелляцию, то суд должен был по закону рассмотреть ее в 41 день. Но дело затянули на 142 дня. Поэтому, пишет Бланки, «вместо четырех лет я провел в заключении четыре года и шесть месяцев... Я не хотел еще дольше подчиняться беззаконию».

На первый взгляд письмо Бланки вызывает странное впечатление. Неужели он хочет показать пример уважительного отношения к закону и убедить, что его побег не является нарушением законности? Но это смешно, ибо вся деятельность Бланки была не только отрицанием законов Империи, но и самого ее существования. В действительности письмо оказалось результатом чисто психологического рефлекса, с одной стороны, расчета и предусмотрительности — с другой. Прежде всего он хотел дать знать всем, особенно своим сторонникам, что он не только существует, но исполнен решимости продолжать борьбу. Ведь известие об удачном побеге неизбежно привлекало больше внимания, чем десятки статей в каком-нибудь журнале вроде «Кандида». Вездесущая полиция несокрушимой Империи снова осталась в дураках!

Но сыграло роль и еще одно важное обстоятельство. Бланки на горьком опыте убедился, что любое его действие, любой шаг подвергаются клеветническому извращению, что властям недостаточно держать его в тюрьмах. Им надо морально

уничтожить его. Это началось «документом Ташеро» и продолжалось на суде в Бурже, где его крайне сдержанное поведение 15 мая 1848 года представили в немыслимом виде коварного заговора. А его портрет в буржуазных газетах изображал Бланки в образе кровожадного чудовища. Можно было не сомневаться, что враги пустят в ход в связи с его побегом из больницы Неккера какую-то новую выдумку как плод непредсказуемой полицейской фантазии. Поэтому он хочет заранее дать общественности свою, правдивую, версию этого дела. Наученный горьким опытом, он предусмотрительно обезоруживает клеветников.

В Брюсселе Бланки снова поселяется в маленькой комнате у доктора Ватто. Начинается первый, действительно длинный период свободы. Как и раньше, он редко отлучается из дома. Но его связи с внешним миром, то есть в основном с Францией, небывало расширяются. Ежедневно он пишет по нескольку писем. Речь идет в них не только о конкретных делах, связанных с деятельностью бланкистов. Он ощущает острую потребность в информации о положении во Франции, где усиливается кризис Империи. В сентябре 1865 года его друг Гюстав Тридон снова предстал перед судом и снова был осужден на несколько месяцев тюрьмы за историческую книгу «Эбертисты». Это событие оказалось своего рода знамением времени. Дело в том, что одним из ярких признаков нарастания революционных настроений во Франции послужила историческая литература. Выходит очень много книг по истории, и, что особенно важно, эти книги имеют шумный успех среди публики. История оказалась своеобразным рупором выражения революционных взглядов на современность. Все интересуются историей, особенно историей революций.

Шеститомная «История революции» Жюля Мишле выходит дважды, и оба издания раскупаются. Огромный успех имели книги Бужара «Марат» и Амеля «Робеспьер». При этом речь идет не только об истории французских революций. Для борьбы против Империи годился любой пример любой узурпации власти каким-либо диктатором любой страны и любой эпохи. То, что по цензурным условиям нельзя было сказать прямо и открыто, говорили устами исторических деятелей прошлого. Блестящий пример такого использования истории — книга Огюста Ро-жара «Речи Лабиения», которая вызвала сенсацию. Поводом для автора послужил выход очередной книги самого Наполеона III «Жизнь Цезаря». Он желал прослыть литератором и поэтому выпускал под своим именем посредственную стряпню наемных писак. Это и натолкнуло Ро-жара на мысль написать «Речи Лабиения».

Лабиений — народный оратор Древнего Рима, выступавший

против тирании первого римского императора Августа, родственника и наследника Цезаря, и обличавший его отвратительные пороки. Рожару не потребовалось ничего придумывать. Он только отобрал реальные исторические факты об Августе, и читатели сразу угадали в диктаторе своего императора Луи Бонапарта. Он и сам узнал себя в облике Августа и обрушил на Рожара все полицейские преследования. За свою книгу автор получил пять лет тюрьмы, которые он, правда, так и не отбыл, ухитрившись бежать за границу. А его небольшая книжка, конфискованная полицией, без конца переписывалась от руки и распространялась во Франции. Так история служила современности.

«Эбертисты» Гюстава Тридона — произведение с более сложной политической подоплекой, но далеко не столь злободневное. История с этой книгой интересна особенно потому, что ее вводную часть написал сам Бланки, хотя тогда это было неизвестно. Жан-Рене Эбер во время Великой французской революции представлял крайне левое крыло якобинцев. Вместе со своим другом Шометом он выражал интересы самых бедных, плебейских масс революционной Франции. Книжка Тридона ценна не как историческое исследование, а как выражение политических и социальных позиций бланкизма. Во введении к этой небольшой книге Бланки писал, что «настоящее открывает мне смысл прошлого». Отсюда вольная, субъективная интерпретация эбертизма, который рассматривается в качестве бланкизма эпохи Великой французской революции. Книжка Бланки-Тридона, по существу, сводилась к двум идеям: во-первых, бланкистам ни в коем случае не следует действовать вместе с наследниками якобинцев и Робеспьера, то есть с левыми буржуазными республиканцами вроде соратника Ледрю-Роллена Делеклюза; во-вторых, главной задачей является борьба против религии, против церкви. Здесь та же тенденция, о которой говорилось в связи с журналом «Кандид». Книжка не имела успеха, поскольку она была в отличие от книги Рожара довольно далека от главных проблем, волновавших Францию. Она обнаруживала теоретическую слабость бланкизма с его приоритетом антирелигиозной деятельности, даже в ущерб задаче объединения всех левых сил против Империи. Правда, сами сторонники Бланки стихийно как бы исправляли своего учителя, втягиваясь в общий фронт республиканцев по мере развития событий.

Так, например, они едут на международный конгресс студентов, открывшийся в конце октября в Льеже, в котором участвовало около тысячи человек. На церемонии открытия

съезда все участники поднимают свои национальные флаги. Лишь французы развертывают черное знамя, символизируя траур по свободе, задушенной Империей. На конгрессе вспыхивает борьба между католиками и атеистами. Здесь бланкисты действуют очень активно. Одобряются идеи уничтожения неравенства, предоставления всем политических прав. Конгресс провозглашает, что религиозный фанатизм — это преступление.

На обратном пути в Брюсселе бланкисты предложили встретиться со Стариком. Кстати, Бланки нисколько не смущало это прозвище. Более того, он начинает подписывать письма этим словом вместо своего имени. Поль Лафарг, участник этой встречи, пишет: «Я был тогда еще очень молод не только по своему возрасту, но и по энтузиазму. Поэтому я с нетерпеньем ожидал прихода Бланки, которого я ранее представлял себе лишь в тумане распространявшейся о нем клеветы и лжи. Велико же было мое удивление, когда я увидел спокойно вошедшего человека небольшого роста, хотя прекрасно сложенного, одетого замечательно просто и тщательно, с седой бородой, седыми волосами, матовым цветом лица, большим тонким носом... И все это освещено было небольшими, глубоко сидящими и искрящимися жизнью глазами».

Бланки оживленно беседовал с молодежью. Он высказывал уверенность в близком падении Империи. Говорил о том, что Франция вновь должна стать республиканской. На прощание он сказал:

— Моя карьера окончена, и позвольте мне на прощанье дать вам последний совет. Борьба, которую вы поведете, будет грозной, вам многое предстоит сделать, вам придется много страдать. Я не желаю вам испытать то, что пережил я. Многие из вас уже избрали революционный путь. Не слушайте никого, как бы ни велики были их заслуги, действуйте самостоятельно. Вы находитесь в условиях, отличающихся от тех, в которых боролись они. И они забыли об этом... Поверьте мне, никогда не слушайте стариков. — Смеясь, он закончил: — Я сам уже старик. Но не слушайтесь также и меня, если я буду говорить что-то противоречащее вашим стремлениям.

Однако такого он, видимо, не говорил, если судить по тому, как растет его авторитет среди студентов парижских факультетов и в кафе Латинского квартала. Бланки заводит список своих сторонников в Париже, и этот список непрерывно растет. Ядром его сторонников остаются студенты. Здесь люди разного социального происхождения. Например, Тридон или Гранже происходят из богатых семей. Но в основном это выходцы из различных слоев парижской и провинциальной мелкой

буржуазии. Французский писатель того времени Жюль Валлес в своих произведениях создал яркую галерею таких молодых людей, среди которых и рекрутировались новые сторонники Бланки. Это своеобразный тип интеллигента-пролетария, порвавшего с родственной средой и пытавшегося в Париже определить свой жизненный путь. Бланки привлекает их романтическим ореолом, уже возникшим вокруг его имени, и беспредельной революционностью. Сюда же тянутся и наиболее решительные рабочие, которых не удовлетворяют широко распространенные идеи Прудона о мирном преобразовании общества. Создается своеобразно смешанное интеллигентски-пролетарское сообщество бланкистов. Вот как описывает его участник событий тех лет бланкист Шарль де Коста: «В известные дни недели, главным образом по субботам или понедельникам, рабочие приходили в Латинский квартал потолковать с их друзьями, собиравшимися в пивной на углу улиц Гот-Фей и Серпент; в свою очередь, студенты отправлялись в предместья, чтобы проводить товарищей. Во время этих дружеских встреч все чувствовали себя очень хорошо, и равенство установилось там само собой, безыскусственно и просто, без усилия с чьей бы то ни было стороны. Бланкисты не знали чувств, вызываемых унизительной завистью плохо одетого юноши к молодому господину, или презрения бакалавра к рабочему, не получившему образования. Они дружески обращались друг к другу на «ты», без рисовки, самым естественным образом, как это бывает в школе или в полку... Этим объединенным между собою людям никогда не приходила в голову мысль о классовой розни, и с этой точки зрения у них не делалось никакого различия между студентом и кожевником, как не делают его рабочие между столяром и плотником. Только позднее они начнут подозревать неискренность убеждений всех тех, кого можно будет упрекнуть в том, что у них нет на руках мозолей».

Уже говорилось, что Бланки употреблял слово «пролетариат», «рабочий класс» в очень широком смысле. В сущности, для пего пролетарий — это вообще бедняк, живущий за счет своего труда, даже если это труд ку-старя-одиночки. Но тогдашний рабочий класс Франции в своем большинстве и состоял из таких одиночек. При этом Бланки считал, что силой, которая объединит таких людей вокруг революционного дела, будет интеллигенция, прежде всего студенчество. «Эти деклассированные элементы, — писал Бланки, — являются невидимым орудием прогресса, служат скрытым ферментом, вызывающим глубокое брожение в массах и не дающим им впасть в состояние маразма. Завтра они составят передовую армию революции».

В это время возникла французская секция Интернационала, Международного товарищества рабочих, основанного в сентябре 1864 года в Лондоне. Учредительный манифест Интернационала, написанный Марксом, призывал рабочих бороться за политическую власть. Они должны организовываться в партию, руководствующуюся знанием законов общественного развития. И вот теперь на улице Гравилье появилось в маленькой грязной комнатке правление французской секции Интернационала во главе с рабочим-чеканщиком Толеном. Он, как и его товарищи, всецело находился под влиянием идей Прудона. Иначе говоря, члены французской секции Интернационала оказались страшно далеки от идей, выраженных в Учредительном манифесте. Они, например, считали вредным заниматься политической борьбой. Прудон категорически отвергал даже забастовки с целью улучшения материального положения рабочих. Поэтому первое время чпсло сторонников Интернационала во Франции было крайне незначительно. Их было меньше, чем бланкистов, а влияние их росло еще медленнее.

Наблюдался любопытный парадокс. Интернационал имел определенную программу. Бланкизм не имел никакой программы, если не считать общей идеи борьбы с религией и подготовки революции. Но бланкизм привлекал своей простотой, ясностью, революционным энтузиазмом. Поэтому он продолжает оставаться главным течением в революционном движении до тех пор, пока французские члены Интернационала продолжали придерживаться антиреволюционной, утопической программы Прудона.

Каковы же были отношения между партией Бланки и французской секцией Интернационала? Бланкисты, конечно, не оставили без внимания ее возникновение. Уже осенью 1864 года бланкисты Тридон, Прото, Шантон несколько раз встречаются с членами Интернационала Фрибургом и Толеном. Но слишком велика была разница в их взглядах, тактике и целях. Никакого соглашения не заключили.

Между тем Маркс очень хотел, чтобы бланкисты присоединились к Интернационалу. Тем самым было бы нейтрализовано подавляющее влияние прудонистов. Маркс предпринимает несколько попыток сближения с Бланки, используя в качестве посредника Поля Лафарга, который был членом генерального совета Интернационала и к тому же имел хорошие отношения со многими бланкистами, даже с самим Бланки. В письме к Луи Ватто, предназначенном для передачи Бланки, Лафарг просил его о помощи, поскольку своим престижем он помог бы расширить влияние парижской секции Интернационала.

Бланки согласился принять участие в конгрессе Интернационала в Женеве. Туда отправились сначала семь бланкистов, потом к ним присоединились еще четверо. Однако еще до начала конгресса возникли враждебные отношения между ними и официальными французскими делегатами. Дело в том, что бланкисты обвиняли прудонистов в связях с императорским режимом. И для этого были основания, поскольку Толен встречался, например, с принцем Наполеоном, двоюродным братом Луи Бонапарта.

Бланки понял опасность конфликта и в последний момент отправил Тридону письмо, в котором просил воздержаться от поездки в Женеву. Бланки не учел характера Тридона, отличавшегося крайней своенравностью, капризностью, отсутствием такта. К тому же у него были очень плохие отношения с Прото, который тоже собирался в Женеву. Произошло нечто еще небывалое для бланкистов: приказ Старика не был выполнен. Тридон и Прото оправдывались неожиданностью нового указания, обещаниями, которые они заранее дали, надеждой на то, что можно будет изменить поведение французских делегатов в нужном направлении.

Прото выступил с речью на конгрессе, пытаясь превратить его в демонстрацию против Наполеона III. Однако он натолкнулся на такое бешеное сопротивление французских прудонистов, что его удалили из зала заседаний силой. Попросту говоря, произошла настоящая драка. В сущности, упреки Прото в адрес прудонистов по поводу благосклонного отношения к ним императорского режима были справедливы. Во всяком случае, оппозиция бланкистов к французской секции Интернационала только усилилась.

Бланки в сентябре 1866 года сам поехал в Женеву, когда узнал, что его люди все же направились туда. Он, видимо, рассчитывал оказать воздействие на работу конгресса, возможно, даже выступить там. Вместо этого ему пришлось наблюдать печальную картину ожесточенной борьбы прудонистов против бланкистов и их изгнания. Тем не менее поездку в Швейцарию он использовал для отдыха. Он вместе с друзьями отправлялся в горы, эти прогулки и вообще отдых в Женеве помогли восстановлению его здоровья после недавней болезни.

Бланки собирался уже вернуться в Брюссель, но в последний момент он принимает отчаянно смелое решение: ехать через Париж! Более того, он остается в столице на несколько дней. В это время его партия переживает напряженное внутреннее состояние из-за участия бланкистов в первом конгрессе Интернационала, из-за того, что некоторые, не выполнив

указания Бланки, все же явились на конгресс, что и вызвало скандал. Возник серьезный конфликт.

Решено было устроить разбирательство дела, третейский суд. Собрание назначили в кафе «Ренессанс» на бульваре Сен-Мишель. Это было обычное студенческое кафе, и его выбрали на этот раз лишь потому, что опасались вызвать внимание полиции необычно большим собранием. Кроме того, в этом кафе на втором этаже был удобный зал для заседания. Приглашение участников делалось, как всегда, очень осторожно, заранее, особенно, что касалось рабочих, живущих в предместье Сент-Антуан. Участники собрания либо поодиночке, либо небольшими группами собрались к назначенному часу.

Обсуждение шло сначала спокойно, а затем крайне бурно, особенно резко выступал Прото. И в этот момент в зал внезапно ворвались полицейские. Арестовано было около сорока бланкистов, которых сразу отправили в тюрьму Мазас. Случилось то, чего так опасался Бланки: его лучшие, самые главные люди арестованы. Поскольку уже в ходе следствия речь зашла о Бланки, ему пришлось уехать в Брюссель. Озабоченный Старик сам руководит подготовкой к процессу, подбором адвокатов. Бланки редактирует речь, с которой должен выступить на суде Тридон. За него Бланки особенно тревожился, зная его бурный темперамент. Необходимо было сделать все, чтобы партия бланкистов не была разгромлена.

Двадцать два обвиняемых предстают перед судом. Их обвиняют «в принадлежности в течение не менее трех лет к тайному обществу».

Приведем их список с указанием рода занятий, поскольку это дает представление о социальном составе бланкистской партии. На скамье подсудимых оказались: адвокат Эжен Прото, рабочий медеплавильного завода Констан Базен, столяр Жозеф Ляжирьер, студент-юрист Ахилл Калаваз; уличный торговец Эдуард Менье, мебельщик Эрнест Жантон, адвокат Гюстав Тридон, столяр Ля-

лурсэ, книготорговец Луи Ландовский, виноторговец Эдмон Левро, мебельщик Сильвен Маршадьер, продавец Огюстен Рише, резчик по дереву Пьер Сюби, студент-юрист Шарль Женесэ, жестянщик Эмиль Стевенен, служащий Эмиль Весье, студент-медик Поль Дюбуа, чиновник Альфонс Эмбер, ученик Центрального училища Анри Вильнев и студент-медик Леон Левро.

Из показаний агентов полиции на суде выяснилось, что в 1864 году состоялось шестнадцать запротоколированных собраний бланкистов, в 1865-м — одиннадцать, в 1866-м — двенадцать. Всего же с июля 1864 года до ноября 1866 года

состоялось, по данным полиции, сорок собраний. Бланкисты держались хорошо еще во время следствия. Поэтому в распоряжении суда оказались очень слабые улики, несмотря на многочисленные обыски и долгие допросы. Подсудимым вменяли в вину смехотворные «преступления». Одного обвинили в том, что у него нашли юмористические песни против императора, у другого — портрет Сен-Жюста, у третьего — экземпляр «Речей Лабиения». Несколько человек обвинили в том, что они присутствовали на похоронах видных демократических деятелей, хотя они и отрицали свое знакомство с покойниками. Один из них иронически заметил:

— Ведь ходил же я на похороны Беранже, которого я никогда не видел живого!

В обвинительной речи прокурор использовал письмо к студентам драматурга Феликса Пиа. Этот претенциозный «революционер» отличался всю жизнь немыслимым пристрастием к страшным фразам и призывам. Он непрерывно призывал к убийствам многих правителей, хотя сам обладал поразительной способностью избегать полиции. Прокурор припомнил и участие некоторых в конгрессе студентов в Льеже, об агитации, которую вел «Кандид». Но главная вина подсудимых, оказывается, в том, что студенты и рабочие посмели действовать совместно!

— Вы видите, — говорит прокурор, — что студенты и рабочие объединяются и сливаются в тесные группы, стремясь проявить свой союз при помощи собраний, банкетов, сборищ, газет и всяких иных средств, которые являются в одно и то же время и фактической агитацией, и открытым провозглашением своих убеждений.

Особую вину подсудимых прокурор видит в том, что бланкисты недружелюбно относились к прудонистам, входившим во французскую секцию Интернационала, и но признавали авторитета их комитета на улице Гравильер, тогда как «власть его знает и терпит». Преступлением объявлена и поездка бланкистов в Женеву на конгресс Интернационала.

— С какой целью они туда едут? — спрашивает прокурор. — Чтобы бороться с влиянием «Гравильеров», как они называют партию Толена, и, как в Льеже, вывести прения из рамок экономических, придать им характер политический и агитировать за социальную революцию!

Выносится приговор. Трое — Тридон, Прото, Эдмон Левро — приговариваются к пятнадцати месяцам тюрьмы и денежному штрафу, Леон Левро — к одному году, девять подсудимых — на шесть месяцев, и восемь — к трем месяцам. Такой сравнительно мягкий приговор оказался возможным лишь потому, что

подсудимые так и не выдали самых важных данных о деятельности партии бланкистов. Но и этот приговор был чистейшим произволом, поскольку судили не за какое-то конкретное преступление, а за участие в собрании. Все остальное — мнение императорских властей, впрочем, для истории мнение очень лестное, ибо враг признал то, что было великой заслугой бланкистов, — борьбу за подготовку революции, установление союза интеллигенции и рабочего класса, их решительное отрицание вреднейшей, но угодной правительству антиреволюционной тактики учеников Прудона. Партия бланкистов перенесла свое первое испытание. Она выдержала его успешно. На свободе оставалось гораздо больше бланкистов, чем обнаружилось на суде, определившем их численность в 630 человек.

Что же представляла собой эта партия в действительности? По своей организации она напоминала «Общество времен года». Ее низовые первичные организации состояли из десяти человек, которые объединялись в сотни. Все они были независимы одна от другой. Только их руководители имели связь с вышестоящими. Вся связь, все сообщения делались только в устной форме. Бланки категорически запрещал заводить и хранить какие-либо письменные документы. Вот почему историкам до сих пор приходится нелегко, когда надо выяснить деятельность бланкистской партии в годы Империи. Если, скажем, история «Общества семей» пли «Общества времен года» известна достаточно подробно, вплоть до ритуала приема новых членов, то с партией бланкистов дело обстоит иначе. Приходится довольствоваться обрывочными воспоминаниями, сомнительными полицейскими данными. Наученный горьким опытом, Старик делал все возможное, чтобы спасти самое важное свое детище от провала.

Стратегия и тактика Бланки предопределяла довольно ограниченную численность партии. Революция должна начаться действиями хорошо организованной партии революционеров, к которой лишь потом должны примкнуть массы. Бланки и не стремился к созданию массовой партии, с максимальным количеством членов. Он делал упор на личные качества привлекаемых людей. Его соратники Жаклар и Гранже определяют численность бланкистов в две с половиной тысячи человек. Но называют цифру в шесть-семь тысяч, даже в 50—60 тысяч, как это считал префект полиции Парижа. Глава секретной полицейской службы Второй империи указывал на «три тысячи». Это, видимо, ближе всего к истине. Все организации партии действовали в Париже. В других городах были бланкисты по

убеждению, но они не входили в организацию. Такое положение являлось результатом сознательной тактики Бланки, по которой революция должна иметь целью установление диктатуры Парижа над провинцией. Прихвостни императора любили говорить о «дурной голове Парижа и добром сердце провинции». Действительно, Луи Бонапарт держался благодаря темноте деревни. Бланки, напротив, рассчитывал прежде всего на высокую политическую культуру столицы. Бланки считал Париж «мозгом Франции, а провинцию — ее кишечником. Что стало бы с французским обществом без этой парижской инициативы, которая всегда действовала властно, не советуясь ни с кем?» Он также говорил: «Париж — это гигантский оратор, который громовым голосом обращается ко всему миру и слово которого достигает самых отдаленных частей земного шара».

Руководящие кадры партии подбирались почти исключительно среди интеллигенции и частично из средних слоев. Рабочий класс Бланки считал недостаточно подготовленным, чтобы выдвигать революционных вождей. Однако отдельные рабочие занимали высокое место в партийной иерархии.

Одним из важных орудий подпольной бланкистской партии была служба наблюдения и безопасности, созданная Раулем Риго, которому было тогда двадцать пять лет. Горячий поклонник эбертистов, яростный враг религии и церкви, он всегда отличался крайней небрежностью в одежде, выражая даже своим внешним видом пренебрежение и ненависть к господствующему строю и его нравам. Это был очень остроумный человек, и редко кому удавалось избежать его убийственных эпиграмм. Обросший бородой, с пронзительным, дерзким взглядом, он имел устрашающий вид, однако в действительности это был добрый малый и шутник, который не отличался ни злостью, ни злопамятством. Говорили, что он оттачивает свой язык, как Сирано де Бержерак оттачивал свою шпагу. Его называли «взрослым Гаврошем». Но в сложном и опасном деле на него можно было положиться.

Риго прекрасно знал математику, затем занялся изучением медицины, но главное внимание уделял исследованию деятельности парижской полиции. Он знал подноготную всех полицейских комиссаров. Особо ценным было его искусство разоблачать тайных полицейских агентов. Он часто посещал судебные заседания и наблюдал разные полицейские мероприятия. Благодаря ему бланкистская партия почти полностью была гарантирована от проникновения в нее полицейских шпионов. Бланки шутил: «У Риго есть подлинное

призвание: он рожден, чтобы быть префектом полиции».

Среди бланкистов — разные люди, подчас не столь живописные. Но это цвет французской молодежи, честной, смелой, великодушной. Жизнь среди них, общение с ними дают Бланки вторую молодость. «Когда я с ним познакомился, ему было шестьдесят два года... — писал Поль Лафарг. — Все в нем дышало молодостью».

Бланки молод успехом своего дела, молод, сам того не подозревая. А его дряхлеющий враг — Империя — лихорадочно суетится, чтобы выглядеть молодой и процветающей. На протяжении семи месяцев с апреля 1867 года Париж стал сценой грандиозного спектакля, какого еще не видела Франция при Империи, со всей ее помпезной роскошью и искусственным блеском. Не жалея награбленных денег, устроили Всемирную выставку. Половина ее огромной территории демонстрирует достижения промышленности, экономики, техники, науки, искусства Франции. На другой половине с трудом умещается весь остальной мир. Наполеон III подавляет, ослепляет, оглушает своими достижениями во всем и повсюду. Какая демонстрация его сердечной заботы о благе народа! На выставке построили специальные «типичные» дома для рабочих. А вокруг сияние императорской славы — весь мир! Около сотни королей и принцев съехались со всего мира. Здесь русский царь, австрийский император, прусский король. Они тоже демонстрируют свои достижения. Пруссия выставила изделие Круппа — огромную пушку весом в сто пятьдесят тонн, которая пока молчит...

Досадные мелочи некстати омрачают сияющий праздник... Площадь перед Ратушей. Небольшая толпа молодежи. Показалась кавалькада конных гвардейцев в блестящих касках и ярких мундирах. Они гарцуют рядом с императорской каретой, украшенной золотыми регалиями. Внутри австрийский император, украшенный пышными бакенбардами. Рядом — французский император, одетый в синий мундир с широкой красной лентой и в треуголке. Кортеж приближается, и видны длинные, расходящиеся горизонтально, нафабренные усы Бонапарта, вялый рот, тяжелые веки, прикрывающие желто-серые, тусклые, мутные глаза. Резко торчит костистый горбатый нос. Болезненная одутловатость придает властелину утомленный, но самодовольный вид. И вдруг громкие, звонкие голоса:

— Да здравствует Гарибальди! Долой интервенцию!

Это какие-то юнцы так бестактно напоминают монархам об их преступлениях в Италии. Они выражают возмущение тем, что Луи Бонапарт, снова заигрывающий с церковью, послал войска на

защиту папы и нанес поражение герою итальянского народа. Это лишь одна из его бесконечных авантюр, возмущающая французов. Полиция хватает смутьянов. Арестованы бланкисты: Шарль де Коста двадцати одного года, Гастон де Коста семнадцати лет, Менар двадцати одного года, Брейе двадцати лет... Через три дня семерых из них осудят и посадят в тюрьму. Но, как говорили тогда во Франции, сколько у нее подданных, столько же и поводов для недовольства. Процветание Империи сменилось экономическим кризисом, и он задевает всех. Новые неудачи императорской политики отравляют праздник выставки. Как раз в самый разгар поступает сообщение о крахе мексиканской экспедиции, затеянной Бонапартом, решившим дать трон Мексики императору Максимилиану. Патриоты захватывают его и расстреливают, императрица сходит с ума. Тысячи французских мелких буржуа, купивших облигации мексиканского займа, разорены... Но выставочный фейерверк продолжает сверкать. Увы, не прекращаются неприятности. Враждебная манифестация против русского императора Александра II, покушение на его жизнь... Балы, приемы, маскарады продолжаются. Все во славу Империи, ненавидимой теперь всеми. Но зато солдатам раздают ружья новейшей системы Шаспо, «делающие чудеса», как гласят официальные реляции, при стрельбе по итальянским патриотам. Пока парижане с ними еще не познакомились, но положение в конце года торжества и ликования таково, что сам император сквозь зубы признает: «На горизонте появилось темное облако...»

А вслед за ним все новые облака покрывают горизонт со всех сторон. Обстановка в стране день ото дня все напряженнее. В 1867 году арестована и осуждена группа людей за действия с целью «нарушения общественного спокойствия, за возбуждение ненависти к правительству». Раскрыто новое тайное общество «Революционная коммуна французских рабочих». Один из его руководителей, профессор Альфред Накэ, приезжает в Брюссель к Бланки. Он сообщает, что многие из членов общества испытывают тягу к бланкизму. В сентябре один из сторонников Бланки пишет ему, что существует некая группа в «триста энергичных людей», имеющих оружие. Они горят желанием примкнуть к партии бланкистов. Ясно, что в Париже растут потенциальные силы революции. Возможно, возникнет революционная обстановка, упустить которую нельзя. Блапки не может больше довольствоваться обрывочной информацией и принимает решение ехать в Париж. Надо быть на месте, чтобы держать все в своих руках, оценивать положение, взвешивать и решать.

И вот перед ним снова Париж, сверкающая столица Империи. Его первый приезд окажется коротким, нельзя обнаружить себя

ничем и вызвать внимание полиции. Но вскоре он приезжает снова. Затем эти визиты учащаются и становятся продолжительнее, пока он не остается в Париже на целых полгода.

Бланки живет у своих сестер, у мадам Барелье на улице Кардинал-Лемуан и особенно часто у мадам Антуан на улице Оутфей. Сестры заменяют ему своей заботой мать. Как всегда, он крайне беден, у него ничего нет. И хотя они не богаты, сестры содержат его, благо потребности Бланки очень скромны.

Но иногда он предпочитает останавливаться в другой комнате, на бульваре Монпарнас, которую снимают для него его друзья Гранже и Эд. Он живет там под именем господина Бернара или Боделя, и, кроме них, никто не знает адреса его убежища. Только в полдень он идет к Эду, живущему рядом на улице Вавен. У него он обедает и ужинает, у него принимают многочисленных посетителей. А его друзья с энтузиазмом обретают в Старике воплощение всех своих надежд. Вопросы, ответы, поручения. Бланки с легкой улыбкой решает дела своей очень сложной организации, которая вся держится на его непререкаемом авторитете. Вечером он возвращается к себе или идет вместе с Эдом и Гранже к Тридону, Жак-лару, Дювалю. Иногда, в хорошую погоду, они прогуливаются все вместе и подолгу беседуют, заходят в кабачок в районе Сен-Дени. Необычайное дело — Бланки ест даже мясо. Вообще вся его повседневная жизнь организована и обеспечена другими. Оп ничего не просит, ему ничего не предлагают, но молчаливо делают все необходимое для Старика.

Однажды журналисты Деламбр, Валлес и их друг Альбер Калле встречают Бланки, здороваются.

— Я иду, — объясняет Бланки, — на кладбище Монпарнас к могиле Четырех Сержантов.

Заметив легкое удивление на лицах его собеседников, Бланки объясняет:

— Когда их казнили, я почувствовал ненависть к обществу. Дамы в богатых туалетах смеялись в окнах Ратуши. Сами приговоренные сержанты Ла Рошели у подножия эшафота были спокойны и тверды. За кордоном солдат женщины и девушки плакали горючими слезами... Да, в тот же день я решил посвятить свою жизнь уничтожению их палачей.

Валлес и Калле провожают его на кладбище. Бланки вешает на дерево над могилой сержантов букетик фиалок, который он извлекает из кармана.

В 1868 году завершается формирование сети подпольных групп, каждая из которых включает десяток бойцов. Это для

Бланки основа, база любого реального действия, которая должна быть прочной и надежной. Поэтому все построено на соблюдении самой тщательной конспирации. Если какой-либо молодой человек, преисполненный революционного энтузиазма, услышав о бланкистах, хочет к ним присоединиться, то ему приходится преодолевать немало трудностей. Теперь не устраивают таких таинственных церемоний приема, какие практиковались в тайных обществах при Реставрации или Орлеанской династии. Но зато невероятно усложнилась процедура тщательной проверки каждого новичка. Все говорят между собой на условном языке, напоминающем язык масонов, только более специфическом. Здесь речь не идет о революции. Почему-то в беседах упоминаются какие-то вазы, пианино, скрипки? В первом случае имеют в виду

оружие, затем — печатный станок, далее — брошюры...

Бланки поддерживает непосредственную связь только с командирами сотен, проверенными бланкистами. Это Жаклер, Жантон, Дюваль. Они создавали первые боевые группы под контролем самого Бланки. Столь же успешно действовали Менье, Гранже и Эд. Бланки учитывает географию Парижа, и поэтому группы организованы в определенных районах. Больше всего их на правом берегу Сены, в округах Монмартра, Ла Шапель, Бельвиль, Менильмонтан, Гаронна. Здесь больше всего рабочих. На левом берегу, где преобладают студенты, их объединяют Гранже и Эд. Опорными пунктами бланкистской партии служат крупные заводы, вроде насчитывающего две тысячи рабочих завода Кайль. Ее группы созданы в цехах Гренель, в литейных фабриках Гузна, Фредерика Тьебо, Бехена, Ворма, в железнодорожном депо Северного вокзала, на газовом заводе Ла Виллет. Иногда группа охватывает лишь квартал или загородное местечко, как Аржантей.

Чтобы эта сложная система всегда была наготове, она должна функционировать. Поэтому Бланки устраивает частые проверки отдельных групп, иногда одновременно многих, до десятка и больше. Он незаметно наблюдает, как на Монмартре, на внешних бульварах, то есть в то время на северо-восточной окраине Парижа, проводятся полувоенные сборы, упражнения, учения. Командир каждой десятки собирает своих людей в установленном месте. Бланкисты называли это «свиданиями при луне». Собираются также на бульварах Араго, Порт-Рояль, в Люксембургском саду. Сам Бланки, переходя с места на место, проверяет явку людей, контролирует свою подпольную армию, многие солдаты которой знают лишь своего непосредственного командира и безразлично наблюдают за маленьким стариком, возникающим и исчезающим в ночной темноте.

Интересно, что императорская полиция ничего об этом не знала. Вернее, шеф службы безопасности Лагранж получая сообщения о каких-то таинственных собраниях. Но он и представить себе не мог, что в группах изготавливают сотни гранат, идет настоящая боевая подготовка. Не знал он также о системе связи между ними. И никогда не слышал, что в столице Империи активно действует сам Бланки. А между тем группы собирались каждую неделю, иногда несколько раз в неделю. И все это делалось под носом у полиции. Но у бланкистов была

своя тайная полиция в лице Рауля Риго, которому помогали несколько друзей. Бланки не очень-то любил этого юношу, с его излишним пристрастием к остроумию, к оригинальничанью. Но с точки зрения пригодности для сложного, щекотливого дела Риго вполне подходил, и ему доверяли.

А Бланки в середине 1868 года становится теоретиком уличной войны. События во Франции развиваются так, что она .может вспыхнуть со дня на день. С другой стороны, в основном закончена подготовка того костяка, вокруг которого должны будут в случае революционного кризиса объединиться восставшие массы. Бланки пишет «Инструкцию для вооруженного восстания». Собственно, работать над ее подготовкой он начал давно. Первые заметки были написаны еще в 1861 году. Теперь мысли, выношенные за долгие годы пребывания в тюремной камере, должны быть четко изложены на бумаге.

Бланки утверждает прежде всего, что восстание в Париже, проведенное старыми методами, не имеет никаких шансов на успех. Старые методы — эго те, которые впервые широко применялись в дни июльской революции 1830 года. Но после этого правительства изучили приемы уличной войны и приобрели превосходство над неорганизованным народом. Правда, в феврале 1848 года народ победил, действуя старыми методами. Но это случайность. Победа была достигнута только потому, что Луи-Филипп серьезно и не защищался. Когда же правительство действует активно, оно побеждает в борьбе против неорганизованного народа. Это доказало поражение парижского рабочего класса в июне 1848 года. Тогда рабочие действовали старым методом, то есть они не имели никакой тактики восстания.

Когда вспыхнуло восстание, в рабочих кварталах где попало, наугад построили больше шестисот баррикад. Но реально сражались только на тридцати из них. Дело в том, что рабочие действовали несогласованно, без руководства, по собственной воле каждого отдельного бойца. Все определял не расчет, а случай. Каждая баррикада существовала совершенно

изолированно, без связи с другими. Каждый сражался там, где и когда он хотел. При желании он вставал и уходил. Ночью все ложились спать.

Большинство людей сражались обязательно только в своем квартале. Не было элементарной помощи друг другу. Поэтому войска уничтожали восставших по частям. Бланки считает, что в июне 1848 года восставшие погибли из-за глупости. Но теперь, при новой военной технике в виде нарезного ружья, катастрофа разгрома будет еще более ужасной. Ее можно предотвратить, применив элементарную организацию и тактику.

Бланки указывает, что не надо бояться различных новшеств вроде постройки в Париже новых широких проспектов. На них труднее строить баррикады. Но и войскам опаснее двигаться по открытому пространству. Необходимо учитывать возможности и эффект каждого вида оружия: артиллерии, ружей, гранат, сабель, ник, штыков. Армия имеет преимущество в вооружении и в организации. Но это преимущество может быть сведено на нет, если связь между отдельными частями прервется. Изолированные отряды солдат всегда будут слабее такого же отряда революционеров. Первые действуют подневольно, по принуждению. Вторые — с энтузиазмом и верой. Это сознательные, убежденные люди. Бланки спрашивает:

«Что же недостает этим людям для того, чтобы победить? Им недостает единства, слаженности, которые делают плодотворными все эти качества, заставляя содействовать общей цели, тогда как изолированные эти качества обречены на бессилие. Им не хватает организованности. Без нее нет никаких шансов на успех. Организация — это победа, разрозненность — смерть».

В «Инструкции» не сказано прямо о том, что такая организация уже создана. Это бланкистская партия, которая фактически является основой, объединившись вокруг которой революционный народ превратится в победоносную армию. Бланки ничего не пишет об этом; ведь «Инструкция» — документ, который может попасть в руки врага до начала битвы и раскрыть существование тайной бланкистской армии. Совершенно очевидно, что «Инструкция» предназначена не для тех бланкистов, которые уже организованы в десятки и сотни, а для тех, кто примкнет к ним, а их будет гораздо больше.

В дальнейшем Бланки излагает все то, что уже было не только разъяснено, но даже отработано на учебных занятиях бланкистов. Основное, что хочет внушить Бланки, это уверенность, что победить можно, только присоединившись к военной, революционной организации. «Главное, — пишет он, —

организоваться во что бы то ни стало. Довольно этих беспорядочных восстаний десятков тысяч не объединившихся между собой людей, действующих наудачу, в беспорядке, без единой мысли о всем восстании в целом, каждый в своем углу, каждый по собственной фантазии! Довольно баррикад, сооруженных вкривь и вкось... От этого необходимо излечиться под страхом катастрофы».

Бланки изучает практические методы использования восставшего народа для достижения главной цели — ликвидации способности правительства к сопротивлению. Он показывает, что для этого необходимо оружие, снабжение боеприпасами и продовольствием, помощь санитарной службы, деятельность разведки и службы безопасности. Бланки предлагает конкретные методы решения всех этих проблем. Речь заходит, естественно, о баррикадах, об этом специфическом элементе уличной, городской войны. Бланки детально объясняет, как надо строить, занимать, защищать баррикаду. Он составляет заранее четыре прокламации, которые надо будет распространять среди народа, армии, офицеров и солдат. «Инструкция» не была закончена, тем более напечатана и распространена. Но ее идеи Бланки передал своим соратникам.

В этой «Инструкции», которая является не столько военно-техническим, сколько политическим документом, имеются замечательные слова, выражающие суть бланкизма и самого Бланки: «Долг революционера — борьба всегда, борьба несмотря ни на что, борьба до последнего вздоха».

Одна из прокламаций, написанных Бланки вместе с «Инструкцией», составлена в форме декрета, объявляющего Бонапарта и его министров врагами родины, смещающего высших чиновников и обещающего награду тем, кто перейдет в ряды восставших.

Но «Инструкция» — это только захват власти. Ну а дальше? На этот счет Бланки дает лишь самую общую формулу коммунизма, который он не считает возможным ввести сразу или даже вскоре после завоевания политической власти. В этом последнем случае Бланки намечает не то, что надо делать, а что делать не следует. «Коммунизм, олицетворяющий революцию, — пишет Бланки, — должен избегать замашек утопии... Он не должен навязывать себя сразу, ни накануне победы, ни на другой день после нее... Для блага революции важно, чтобы она умело соединяла благоразумие с энергией. Нападать на принцип частной собственности было бы в такой же степени бесполезно, как и опасно. Коммунизм нельзя предписать декретом, его пришествие должно быть вызвано свободным решением страны, а

это решение может быть только следствием повсеместного распространения просвещения. Тьма не рассеется в двадцать четыре часа. Из всех наших врагов этот — самый упорный. Быть может, и через двадцать лет не наступит ясный день».

Таким образом, отвергая утопии сенсимонистов, фурьеристов, прудонистов, икарийцев (Кабэ) и другие детальные проекты будущего общества, Бланки заменяет их краткой формулой «коммунизм — это просвещение». Он имеет в виду просвещение светское, освобожденное от контроля духовенства. В политическом отношении коммунизм Бланки означает установление «диктатуры Парижа», отмену всеобщих выборов, упразднение Национального собрания, запрещение буржуазной печати. В работе «Коммунизм — будущее общество», написанной почти одновременно с «Инструкцией», он указывает, что диктатура будет находиться в руках «деклассированных», то есть «образованных бедняков». Фактически — в руках бланкистской партии. Предусматривается изгнание духовенства, замена старой армии всенародным вооружением, конфискация имущества врагов республики. Частная собственность, даже в крупных размерах, сохраняется под контролем «диктатуры Парижа».

Бланки не предусматривал в случае победы революции каких-либо конкретных мер по улучшению положения рабочего класса, вроде сокращения рабочего дня, увеличения заработной платы и т. п. Насколько детально Бланки разработал метод восстания, настолько же неопределенно он говорил о социальных мерах после захвата власти. Он намеревался лишь «поручить особому собранию выработать основы рабочих ассоциаций». Остается неизвестным, что это за собрание, из кого оно должно состоять. Непонятно, чем будут «рабочие ассоциации» в условиях сохранения частной собственности. Все это выяснится лишь по мере просвещения народа, то есть в отдаленном будущем.

«Но первый день после революции, — писал Бланки, — подобен театральному эффекту. И не потому, что происходит внезапная перемена. Люди и вещи остаются теми же, какими они были накануне. Только надежда и страх поменялись местами. Цепи пали, народ свободен, и обширный горизонт открывается перед ним».

У Бланки встречается немало другой революционной фразеологии. Порой он высказывает интересные, даже

пророческие мысли. Но конкретного, тем более научного плана социального преобразования общества у него нет. Остается «театральный эффект».

Естественно, что революционные планы Бланки не имели бы никакой реальной почвы, если бы сами рабочие, которых в

Париже было полмиллиона, не стремились к революции. Ослабления этого стремления и добивался Луи Бонапарт в своей «рабочей» политике. Ему помогало влияние на пролетариат антиреволюционного учения Прудона. Поэтому до 1868 года Империя и поддерживала французскую секцию Интернационала, состоявшую из прудонистов. Но и здесь происходят опасные для Луи Бонапарта изменения. Интернационал во Франции постепенно отходит от учения Прудона, начинает поддерживать забастовки, участвовать в политической борьбе. Такой поворот осуществляли люди, подобные Эжену Варлену. Рабочий-переплетчик благодаря своим способностям, напряженной учебе и энергии становится выдающимся руководителем Интернационала во Франции. С другой стороны, огромное значение имела борьба Маркса против Прудона. В ноябре 1867 года члены Интернационала участвуют в большой политической демонстрации в Париже. Политика заигрывания Наполеона III с рабочими терпит провал. Тогда он раскрывает свою антирабочую сущность. В феврале 1868 года устраивается судебный процесс против французских руководителей Интернационала. Его объявляют запрещенной организацией.

Но уже в начале марта Варлен создает нелегальную комиссию Интернационала. Теперь она действует более активно и революционно. Но 22 мая Варлена и его товарищей тоже привлекают к суду. Суд превратился в политическую демонстрацию. Варлен произносит блестящую речь в защиту рабочего класса, которая стала известна не только во Франции, но и в других странах. Правда, за это он попадает в тюрьму Сент-Пелажи, этот бывший приют кающихся грешниц.

Бланки, конечно, внимательно следит за событиями. Его интересует все, что касается рабочих, и поэтому эволюция Интернационала не ускользает от его внимания.

В сентябре 1868 года Бланки в Брюсселе присутствует на заседаниях очередного конгресса Интернационала. Он снова болен, сильно исхудал, говорили, что он походил на скелет. Но на протяжении недели работы конгресса он не пропускает ни одного заседания и молчаливо сидит на местах для публики. Этот конгресс благодаря влиянию Маркса сделал крупный шаг вперед от прудонизма. Он одобряет забастовки, создание профсоюзов, борьбу за восьмичасовой рабочий день. Бланки с интересом относится к этим решениям, к тому, что конгресс высказывается более революционно. Однако он считает, что члены Интернационала слишком много говорят об отвлеченных философских, экономических проблемах и совершенно не склонны к подготовке революции. Все это кажется ему похожим

на бесконечные теоретические споры разных школ французского утопического социализма. Конгресс напоминает ему злополучную Люксембургскую комиссию Луи Блана, усыплявшую рабочих разговорами, когда надо было действовать. Бланки писал тогда: «Я вижу, что Интернационал не вносит в движение своего собственного вклада. Интернационал топчется на месте. Он лишь идет за развитием философии, политики, теории социализма. Словом, он плетется в хвосте».

Критическое отношение к Интернационалу усиливается, поскольку в момент надвигающейся революции он главным образом занимается теоретическими дискуссиями. Но, кроме того, многие высказывали мнение, что Интернационал отталкивает Бланки именно своим интернационалистским характером. Франция, родина Бланки, обрекавшая его на невероятные мучения, остается тем не менее для него превыше всего. Только Франция может быть источником передового опыта для остального мира. Его социализм основан исключительно на французской традиции. Для него характерен особый революционный патриотизм. Хотя он ненавидит правительство своей страны, для него нет ничего более святого, чем Франция. А Интернационал провозглашает равенство всех народов. И вообще мировоззрение Бланки исключительно эгоцентрично. Он отказывается воспринимать чужие идеи. К тому же на первом месте у него стоит не мысль, а действие.

Характерно, что все эти годы на свободе Бланки держится в отдалении от Маркса, крупнейшего революционного мыслителя. Бланки никогда с ним не встречался, хотя Маркс не раз проявлял интерес к Бланки, даже искреннюю симпатию, доходившую до восхищения. А Бланки? Он не обнаруживает взаимности. Вряд ли даже Бланки читал «Коммунистический манифест». Из произведений Маркса он знал лишь «Нищету философии», поскольку она содержала критику ненавистного ему, как и Марксу, Прудона. Неприязнь к Прудону в решающей степени объясняет сдержанное отношение Бланки к Интернационалу, ибо его французская секция целиком состояла из прудонистов. К тому же Бланки явно ошибался в оценке реального места Интернационала. Он писал в сентябре 1868 года, что он не имеет влияния на массы, не оказывает воздействия на народ и слабо способствует прогрессу. Правительство Империи оказалось более прозорливым, ибо своими преследованиями в 1868 году оно признало его важную роль.

В это время как в Интернационале, так и во Франции выдвигается фигура знаменитого русского революционера — анархиста Бакунина. Во Франции он быстро приобрел много

сторонников. Бланкисты тоже были немного связаны с ним, но никакого длительного союза не подучилось. Алэн Деко пишет: «Секрет всего заключался в том, что Бланки не терпел никаких союзов. Он хотел быть единственным обладателем истины». Такое наблюдение не лишено основания.

Между тем положение во Франции обостряется. Бланкисты предсказывают скорое падение Империи. Давно миновали времена монотонного, ровного хода событий, когда воздух, казалось, застыл в ожидании бури. Сейчас повсюду чувствовалось ее приближение. Император и его клика в замешательстве метались от одной глупости к другой, воображая, что они еще в состоянии, действуя «кнутом и пряником», спасти свою прогнившую власть. Они запрещают Интернационал, но одновременно вынуждены разрешить деятельность профсоюзов. Затем принимаются так называемые законы о печати и собраниях. В Париже и в провинциях осенью 1868 года появилось около семидесяти оппозиционных газет и журналов. Среди них есть всякие: от умеренно-либеральных до самых бунтарских.

Один новый журнал в обложке красного цвета можно увидеть в руках у всех. Это «Лантернь» («Фонарь»), его выпускает Анри Рошфор, литератор-республиканец, человек левых, но довольно сумбурных взглядов, талантливый, дерзкий и, главное, остроумный. Обложку его журнала украшает изображение фонаря, но имеются в виду отнюдь не просветительские задачи журнала. Тут же нарисована веревка. Ведь во Франции во время революции фонарь с успехом заменял виселицу. Император и его окружение служат мишенью остроумных и злых насмешек. Дело происходит в стране, где, говорят, смешное убивает. Министры Империи хорошо знают это, и в августе журнал запрещен, а Рошфора приговаривают к тридцати месяцам тюрьмы. Он бежит в Бельгию и выпускает журнал там. На границе всю почту тщательно проверяют. Но кто бы мог додуматься, что экземпляры «Лантерня» доставляются внутри гипсовых бюстов самого императора? Рошфор шутит: «Больше никто не сможет сказать, что у него в голове пусто!» «Лантернь» читают по всей Франции, хотя цена за него доходит до ста франков за номер. Он пользуется сенсационным успехом. Но это лишь один признак пробуждения, охватившего стра-пу. Забастовки рабочих и демонстрации республиканцев следуют одна за другой и носят все более грозный характер.

Луи Бонапарт все надежды возлагает на новые выборы в мае 1869 года. Но избирательная битва кончилась его сокрушительным поражением. Оппозиция получила полтора миллиона новых голосов. Во всех крупных городах победили

республиканцы. Лишь деревня спасла режим от полного разгрома. Избирательная борьба доходила до массовых столкновений с полицией, арестовали более пятисот человек. Тогда Бонапарт снова начинает игру в либеральную Империю и расширяет права депутатов. Организуется с необыкновенной помпой празднование столетия Наполеона I. Но в ответ — полное равнодушие. Бонапартистская горячка прошла. Император объявляет всеобщую амнистию. Но никто его даже не благодарит. Резко усиливаются забастовки. Дело доходит до расстрелов рабочих, до баррикад. Следуют дополнительные выборы в Париже. Избраны только противники Империи и среди них — Рошфор, редактор «Лантерня». Он с триумфом возвращается в Париж и начинает издавать газету «Марсельеза». Редакция состоит из самых левых социалистов и республиканцев. В нее вошли несколько бланкистов.

Резко усиливается наплыв новых людей в партию Бланки. Среди бланкистов возникает жгучее нетерпение. Нечего ждать дальше! Стоит захватить несколько важных политических пунктов Парижа, и народ восстанет, Империя падет! Сколько раз Бланки рассуждал с такой же легкой смелостью! И сколько лет он за это провел в тюрьме! Теперь Старик выступает в необычной для него роли. Он предостерегает, взывает к осторожности. Наконец, он прямо говорит, что нельзя идти в бой без оружия, которого у бланкистов ничтожно мало. Значит, надо проникнуть в казармы. Бланкистам удается завязать связи со многими младшими офицерами, которые проявляют сочувствие к борьбе против Империи. Горящие возбуждением и жаждой боя соратники Бланки предлагают ему план штурма казарм Принца Евгения, где много оружия. После этого народ объединится с войсками и быстро захватит императорский дворец Тюиль-ри. План прекрасен, по это авантюра. Бланки трезвыми доводами охлаждает горячие головы.

Тогда предлагается на обсуждение план захвата Венсеннского замка, крепости на восточной окраине Парижа с большим запасом оружия и боеприпасов, а также с большим гарнизоном. По этому поводу развертывается жаркая дискуссия, в которой участвует Жаклар, Жан-тон, Дюваль, Эд и Лакамбр. Чтобы действовать наверняка, предлагается проникнуть в среду военных, найти там верных друзей, чтобы взять крепость изнутри. Бланки спрашивает, сколько на это потребуется времени? Подсчитывают: шесть месяцев. За такой срок никакая конспирация не поможет скрыть приготовления к восстанию. Так считает Бланки, которому понятно нетерпение его молодых друзей. Он вспоминает 1839 год, когда такое же нетерпение вынудило его принять решение о

восстании. Оно привело руководителей дела 12 мая в Мон-Сен-Мишель. Теперь Бланки знает, что победа может быть достигнута только в случае массового выступления народа. Но кто может предсказать его поведение? Нужны исключительные обстоятельства, чтобы действовать наверняка. Иначе тюрьма. Бланки привык к ней. Но его юные горячие соратники? Бланки думает о них.

Неожиданное событие опрокидывает все планы. 11 января 1870 года газета «Марсельеза» выходит в траурной рамке. Передовая статья, написанная Рошфором, сообщает:

«Я имел глупость думать, что Бонапарт может быть чем-нибудь другим, кроме как убийцей! Я смел воображать, что лояльный поединок возможен в этой семье, в которой убийство и западня являются традицией и обычаем.

Наш сотрудник Паскаль Груссе разделял со мной это заблуждение — и сегодня мы оплакиваем нашего бедного и дорогого друга Виктора Нуара, убитого бандитом Пьером-Наполеоном Бонапартом.

Вот уже восемнадцать лет, как Франция находится в окровавленных руках этих разбойников, которые, не довольствуясь расстрелом республиканцев на улицах, завлекают их в гнусные ловушки, чтобы укокошить их у себя на дому.

Французский народ, разве ты не находишь, что пора положить этому конец?»

Что же произошло? Пьер Бонапарт, двоюродный брат императора, решил отомстить редактору «Марсельезы» Рошфору за «честь» его семейства, которую постоянно «оскорбляет» Рошфор, и послал ему вызов на дуэль. Тогда Рошфор отправил своих секундантов, чтобы договориться об условиях поединка. Но вместо переговоров Пьер Бонапарт выхватил пистолет и убил выстрелом в грудь одного из секундантов, двадцатилетнего журналиста Виктора Нуара. Империя в лице одного из самых подлых и грязных ее представителей объявила войну республике. Именно так это все и поняли. Требование возмездия и отмщения было всеобщим.

День похорон убитого предвещал грозные события. Уже накануне в город начали прибывать войска. Ночью они занимают все ключевые пункты в центре Парижа. Топот солдатских сапог, бряцание ружей, грохот тяжелых пушечных колес по мостовой, отрывистые команды нарушают ночную тишину. С раннего утра началось и другое движение. Со всех концов Парижа к пригороду Нейи направляются толпы людей. Туда же идут и бланкисты. Уже накануне был пущен в ход тщательно отработанный механизм созыва всех отрядов тайной армии Бланки. Жюль Валлес,

писатель, революционер и участник событий, оставил в своей книге «Инсургент» их описание. В Латинском квартале бланкисты собрались под руководством Рауля Риго, который командует как заправский сержант рекрутами.

— По четверо, сомкнутыми рядами! Держись строя, черт возьми!..

Раздаются суровые слова:

— Кто с пистолетами — вперед!

И тут же Риго, как всегда, шутит:

— Трусы — в середину!

Все вооружены, но чем попало. У многих циркули, ланцеты, ножи. В колонне Латинского квартала немало рабочих. В них Риго особенно уверен и поэтому поместил их в арьергарде. Они пинками будут подталкивать вперед тех, кто заколеблется или вздумает улизнуть. Подобные сцены происходят во многих местах Парижа...

Вокруг дома убитого собирается огромная толпа. У гроба — известные республиканцы. Здесь Делеклюз,

Рошфор, Валлес, здесь Рауль Риго и пылкий революционер Флуранс. Завязывается горячий спор. Предлагают отчаянный план: везти гроб убитого не на кладбище в Нейи, которое здесь недалеко, а к Пер-Лашез, через центр Парижа, чтобы там возмутить народ и поднять восстание.

— Итак, решено, — заявляет Флуранс, — народ поднимается! Империя обречена! Мы пойдем прямо в ее логово; оно как раз на пути к кладбищу Пер-Лашез. Нужны флаги, побольше красных флагов!

— А вы позаботились об оружии? — спрашивает Де-леклюз.

— Ерунда, оружие у народа под ногами, камни мостовой!

В спор вступает брат убитого, который возражает против превращения похорон в импровизированный мятеж. Лидеры республиканцев продолжают горячую дискуссию. Делеклюз объясняет, что идти через Елисейские поля, где подготовлены огромные силы войск, — значит играть па руку провокаторам. Власти расставили западню для народа, чтобы использовать его неподготовленность и утопить революцию в крови. Делеклюз прав. Двести тысяч человек почти без оружия и шестидесятитысячная прекрасно вооруженная армия — такова расстановка сил.

Гигантская похоронная процессия трогается в Нейи. По пути Флуранс снова пытается повернуть похоронные дроги к центру Парижа, но не встречает поддержки. Флуранс но своему настроению похож на многих бланкистов. Но те связаны дисциплиной. Он же действует на свой страх и риск. Принять

решение о восстании должен человек, обладающий не только смелостью, но и выдержкой, опытом, пониманием характера уличной войны. Это по плечу только Бланки. Но где же он? Жюль Валлес пишет:

«Подле меня семенит мелкими шажками маленький старичок; он один, совсем один, но я вижу, его провожает глазами целая группа, среди которой я узнаю друзей Бланки.

Этот человек, пробирающийся сейчас вдоль стены, бродил весь день по краям вулкана, всматриваясь, не взовьется ли над толпой пламя восстания — первая вспышка красного знамени...

Этот одинокий маленький старичок — Бланки».

Бланкисты ждали от него только сигнала, чтобы начать восстание. Бланки предпочел избежать расставленной властями ловушки. Руководители левых республиканцев Делеклюз и Рошфор также поняли, что восстание было бы потоплено в крови. Однако правительство не отказалось от своего намерения «свернуть шею революции'), как угрожал 2 января его глава Эмиль Оливье. То, что не удалось сделать одним ударом, осуществляют по частям.

Прежде всего решили обезглавить объединения всех крайне левых оппозиционных сил. Их центром оказалась редакция газеты «Марсельеза» во главе с Рошфором. В нее входили бланкисты, члены Интернационала, левые республиканцы. 7 февраля арестовали Рошфора и других членов редакции. Только Флуранс бежал в Англию. Немедленно началась бурная демонстрация, соорудили около десятка баррикад. Но эта революционная импровизация была подавлена, арестовали около 130 человек и после судебной комедии упрятали Рошфора и других в Сент-Пелажи.

Но еще больше пугали правительство непрерывные забастовки. Так, 19 января началась стачка десяти тысяч рабочих металлургических заводов Крезо. Положение обострялось из-за того, что заводы принадлежали Шнейдеру, председателю Законодательного корпуса. Против забастовщиков бросили войска. Последовали столкновения, аресты, суды. Такие события повторяются и в других местах. Репрессии только усиливают забастовочное движение.

Тогда предпринимается попытка обезглавить рабочий класс и нанести удар по Интернационалу, который во Франции небывало усиливается. 30 апреля правительство отдает приказ об аресте всех членов Интернационала во всех городах Франции. 22 июня 38 его руководителей предстают перед судом. Снова, уже в третий раз, подтверждается запрещение Интернационала, снова лидеры рабочих идут в тюрьму. Но правительство беспокоят и

бланкисты. Поэтому начинаются их аресты, а 4 мая объявлено о раскрытии какого-то таинственного заговора с целью покушения на жизнь императора. Летом в Блуа начинается процесс 72 бланкистов по вымышленному делу о «заговоре».

Раскрытие этого «заговора» не случайно произошло за несколько дней до проведения общенационального плебисцита, с помощью которого Луи Бонапарт пытался укрепить свое шаткое положение. Призрак «заговора» должен был запугать мелкую буржуазию и крестьян. Плебисцит дал благоприятный в численном выражении результат. Иного и быть не могло, ибо избирателей спрашивали, одобряют ли они меры по либерализации Империи. Положительный ответ охотно давали даже явные противники режима.

Но все эти меры не прибавили Империи ни популярности, ни прочности. В Тюильри ломают голову в поисках выхода и находят только один — войну. В самом деле, патриотизм сплотит французов вокруг Империи, а будущие победы придадут новый блеск наполеоновским орлам...

Во всех событиях первой половины 1870 года активно участвуют бланкисты. Но они выступают не как самостоятельная партия со своей конкретной целью. Цель у них только одна — восстание и свержение Империи. Для этого нужна подходящая обстановка, которую терпеливо ждал Бланки. Пока же он советовал своим друзьям поддерживать любые революционные выступления. Они участвуют в публичных собраниях, произносят речи, пишут статьи. Они ведут борьбу против Империи в ходе проведения плебисцита. Бланкисты начинают издавать новый журнал «Атеист». И они подвергаются репрессиям. Риго снова в тюрьме, так же как и Дюваль. Три-дон вынужден уехать в Бельгию. Что касается Бланки, то он время от времени тайно приезжает в столицу, чтобы лучше чувствовать политический климат.

Он ожидает войны, ибо давно уже убежден, что Империя вынуждена будет в конце концов прибегнуть к ней с целью самосохранения. Еще в 1867 году он писал: «Я думаю, что война неизбежна в более или менее близком будущем». В последующие годы он еще более уверенно предсказывает войну. Летом 1870 года, когда Империя устраивает в Блуа суд над бланкистами, он уезжает в Брюссель. Бланки внимательно следит за дипломатической обстановкой и видит, как Луи Бонапарт ищет повода для войны. Но войны желает и канцлер Пруссии Бисмарк. Он давно уже стремится объединить вокруг прусского королевства десятки мелких германских государств. В 1866 году в результате войны с Австрией в этом деле уже многое достигнуто.

Но чтобы завершить свой великий замысел, надо объединить Германию железом и кровью. Нужна новая, еще более успешная война. Бисмарк неизмеримо более умный, целеустремленный политик, чем Наполеон III. Французский император и во внешней политике, в дипломатии представлял собой жалкую пародию на своего великого дядю. Луи Бонапарт глупо попадает в коварную дипломатическую ловушку, подстроенную Бисмарком, и 20 июля Империя с большой помпой объявляет войну Пруссии...

Во Франции немедленно возникает волна бешеного патриотизма. Даже республиканцы, враги Империи, кричат вместе со всеми: «Йа Берлин!» Бланки переживает глубокий внутренний конфликт. Он понимает, что поражение в этой войне приведет к гибели Империи, откроет путь для революции. Йо он не может перенести и мысли об унижении Франции, ибо Бланки прежде всего — пламенный патриот. Он хочет победы Франции, йо он хочет и революции, несовместимой с этой победой. Бланки колеблется, терзается и решает подождать фатального хода событий.

Разгром

Только 2 августа французские и прусские войска впервые сталкиваются у Саарбрюккена. В Париже все с нетерпением ждут победных сообщений. В сознании французов засела неискоренимая, врожденная идея, что Наполеон — это победа. При этом как-то забывают, что Наполеон-то сейчас у них совсем не тот... 4 августа происходят первые сражения, а 6 августа по Парижу из Биржи распространяется слух об одержанных победах. Восторг охватывает парижан. Эдмон Гонкур в своих «Дневниках» описывает этот день: «Мне никогда еще не приходилось быть свидетелем подобного энтузиазма. Идешь сквозь толпу бледных от волнения мужчин, скачущих ребятишек, жестикулирующих, как пьяные, женщин... Но депешу о поражении прусского кронпринца и захвате двадцати пяти тысяч пленных, которую якобы вывесили в помещении Биржи, и каждый, кого ни спросишь, уже видел собственными глазами депешу, о которой люди, словно загипнотизированные, говорят мне, указывая пальцем на совершенно пустую стену: «Да вот она!» — эту депешу мне так и не удалось обнаружить».

Париж ликует, когда поздно вечером императрице, оставшейся в Париже регентшей, подают настоящую депешу от императора, находящегося при армии: «Мы вынуждены отступать. Необходимо держаться мужественно.

Надо объявить осадное положение и готовиться к обороне столицы». С быстротой молнии разносится весть о разгроме французских войск при Виссембурге, у Верта и Форбаха. Недолгое оцепенение сменяется возмущением. Парижане ринулись к Бирже, избивая биржевиков... А прусские войска продолжают уничтожение наполеоновской армии. 7 августа утром в Париже расклеены афиши, извещавшие о поражениях французов, о введении осадного положения. Это было траурное, горькое воскресенье, когда люди до конца осознали смысл событий, которых мало кто ожидал, наслушавшись хвастливых разглагольствований Луи Бонапарта и его генералов. Оказалось, что и здесь Империя принесла Франции несчастье. Вспоминают, как были заглушены всеобщим негодованием предостережения депутатов оппозиции в момент объявления войны.

9 августа происходит заседание палаты. Изгоняют правительство Эмиля Оливье. На его место назначают генерала Кузепа-Монтобана. Этот ярый бонапартист известен больше как граф Паликао. Свой экзотический титул и имя он получил за то, что разграбил и сжег древние дворцы в Пекине. Значит, Империя

еще пытается уцелеть. Помогает страх, охвативший так называемую левую оппозицию. Ее знаменитые ораторы Фавр и Гамбетта призывают к спокойствию и порядку. Они тоже напуганы ревом гигантской толпы, заполнившей площадь Конкорд. Усиленные ряды войск защищают Бурбонский дворец от ее натиска. У всех на устах одно слово: «Республика!» Только она может спасти Францию от катастрофы, к которой ее привела Империя. В час дня императрица телеграфирует Наполеону III: «У меня нет командующего, между тем как на улицах уже почти бушует мятеж...»

Толпа готова на все, но у нее нет вождей. Все они либо в изгнании, либо в тюрьме. Один призыв — и толпа пошла бы на Бурбонский дворец! Здесь много бланкистов, но они чувствуют себя брошенными. Ведь сейчас именно такой момент, который так выгоден для восстания! Они с горечью говорят в этот вечер об упущенной возможности. Бланкистская партия организована таким образом, что без Старика она совершенно беспомощна. А он в Бельгии.

На другой день в Брюссель отправляют телеграмму, требуя немедленного приезда. У Бланки нет никаких планов, он лишь горестно раздумывает над судьбой Франции. Но, получив вызов, нс колеблется ни минуты. 11 августа, даже без паспорта, он отправляется в путь. Перед французской границей ему пришлось сойти с поезда. Но он знает, что делать: ему знаком маршрут, по которому надо идти. В ночь с 11 на 12 августа Бланки пешком тайно переходит границу. В тот же день он уже в Париже.

Встретивший Бланки Эд вечером ведет его в Монруж, где на улице Алезия он недавно снял квартиру. Оказывается, соратники Бланки усиленно готовятся к революционному выступлению. Гранже, получивший наследство, пожертвовал 18 тысяч франков на покупку оружия. Бланки показывают 300 револьверов и 400 кинжалов, приобретенных на эти деньги. Он с одобрением осматривает оружейный склад. Сразу же начинают обсуждать положение. Участвуют Эд, Гранже, Карпа, Рейнар, Пиль, Тридон, Флотт, только что вернувшийся из Америки, откуда его вызвал Бланкп. Друзья Бланки все еще находятся под впечатлением бурной демонстрации 9 августа. По их мнению, она доказывает, что народ готов свергнуть императорское правительство и, безусловно, поддержит любое революционное выступление. Поэтому нельзя терять время и надо как можно скорее выступать с оружием в руках. Именно сейчас действия даже небольшой группы смельчаков увлекут народ на революцию.

Эд и Гранже настаивают на осуществлении давно подготовленного ими плана захвата Венсеннского замка. Они уже

приобрели друзей из его гарнизона, много раз были там и изучили все ходы и выходы. Им удалось установить расположение сторожевых постов, складов оружия, количество людей в каждой из частей крепости. Легче всего захватить ее в воскресенье или другой праздничный день. Форт окажется почти пустым, там специально останутся верные друзья или симпатизирующие солдаты. Удастся получить большое количество оружия. Захват крепости произведет огромное впечатление на народ, и люди начнут присоединяться к восставшим. Вооружив их, можно двинуться походом на Париж. Вновь пробудятся чувства, которые так энергично выражал народ 9 августа. Наверняка в тот же день республика будет провозглашена.

Чувствуется, что друзья Бланки верят в осуществимость своей идеи и горят желанием действовать. Бланки молча слушает все это. Затем он начинает указывать на слабые места увлекательно изложенного плана. Идти с револьверами на штурм огромной старой крепости, которая способна выдержать осаду даже с применением артиллерии, дело крайне рискованное. Надежда на приятельские отношения с десятком солдат и сержантов наивна. Даже если удастся проникнуть внутрь замка, это не обеспечивает успеха. Отчаянная авантюра может закончиться тем, что нападающих расстреляют тут же, во рвах у подножия крепостных стен, где некогда был расстрелян герцог Энгиенский. А главное, что порождает сомнение, — это готовность рабочих предместий поддержать нападение. Нельзя основывать столь серьезные действия на одних только предположениях. Бланки прямо говорит Эду, который особенно страстно отстаивает свой план, что если ему непременно хочется умереть, то лучше броситься с третьего этажа на мостовую. Так, по крайней мере, он не обречет на гибель других.

Однако другие поддерживают Эда и горячо уверяют, что предместья выступят. Собственно, именно в этом главное условие успеха. Поскольку Бланки не было в Париже, то, конечно, другим лучше знать о настроении народа. Все вновь высказывают твердую уверенность в том, что народ пойдет в бой. Они настойчиво убеждают в этом Бланки. Обсуждение началось вечером 12 августа, оно продолжалось почти весь день 13-го, и наконец Бланки начал сдаваться, оказавшись в меньшинстве, вернее, в одиночестве. Он назначает встречу на завтра в семь часов утра, когда он объявит окончательное решение о времени и месте выступления. Итак, всего одна ночь, чтобы обдумать это решение. В 1839 году Бланки несколько месяцев тщательно продумывал план выступления. Он много раз осматривал места будущих вооруженных схваток, рассчитывал все детали,

заготовил даже воззвание к народу... Теперь он должен решать, полагаясь исключительно на мнения, соображения и чувства своих молодых друзей. Казалось бы, после стольких неудач Бланки должен быть более осмотрителен, чем тридцать лет назад. Однако и сейчас, в возрасте шестидесяти пяти лет, он полностью сохранил чувство революционного энтузиазма, способность к риску, смелость, граничащую с безрассудством.

На другой день друзья находят Бланки преобразившимся из холодного, осторожного скептика в решительного командира, смело берущего на себя право принимать решения, отдавать команды и посылать людей навстречу опасности. А некоторые уже стали подумывать, что Старик начал сдавать... Бланки властно объявляет, что выступление предстоит сегодня, в воскресенье 14 августа. Но захват Венсеннского замка отменяется. Это слишком далеко от Сент-Антуанского предместья, откуда может подойти народ. Кроме того, нежелательно сразу вступать в бой против армии — возможной союзницы в патриотическом восстании.

Бой начнется сегодня, после полудня. Он произойдет в рабочем революционном квартале Ла Биллет, вблизи Бельвиля. На бульваре Ла Биллет, около канала, находится казарма пожарников, где имеется склад оружия. Казарма охраняется небрежно, это не Венсеннский замок, Однако надо постараться вообще не применять оружия. Дело в том, что парижане с симпатией относятся к пожарникам в отличие от полиции, которую не уважают. Предпочтительнее вступить с ними в переговоры и получить оружие без пролития крови.

В распоряжении соратников Бланки лишь несколько часов, чтобы оповестить сотни людей и указать им точно время и место сбора. К тому же долгое бездействие не могло не уменьшить числа тех, кто готов идти на смерть по первому зову. Нельзя слишком долго держать людей в напряжении, бесконечно откладывая выступление. Но лучшие, самые терпеливые и стойкие, несомненно, явятся. Бланкисты поспешно отправляются в путь, рассеиваясь по огромному городу.

Трудности начались сразу. Далеко не каждого удалось застать дома. Да и сама внезапность призыва к выступлению, уже давно существовавшему в туманной дымке воображения, своей суровой реальностью ошарашивает многих. Брейе, глава секции, рассказывал, что он должен был вызвать двадцать пять человек. Большинство прямо отказалось идти. При этом все они в один голос выдвинули простой, но очень весомый аргумент: правительство объявило, что со дня на день, поскольку прусские войска наступают, все мужское население Парижа будет

зачислено в Национальную гвардию. Каждый совершенно законно получит оружие. Тогда действовать будет легче. Не надо ломать голову над тем, где достать оружие, тем более устраивать сомнительный налет с целью его захвата. В самом деле, эта простая мысль как-то никому не пришла в голову во время двухдневного «военного совета» у Бланки. А между тем вся затея в связи с этой мыслью представлялась весьма странной. Однако рассуждать поздно, надо действовать, хотя из двадцати пяти человек согласились только четверо. А в конце концов на место сбора прешел только один.

Бланки рассчитывал на триста человек, но к трем часам дня к казарме Ла Биллет явилось около сотни... Бланки ждет еще полчаса. Ясно, что больше никто но придет. Он подает знак, и Эд кричит:

— Вперед!

Бланкисты, вытаскивая на ходу револьверы, устремляются к воротам казармы. Часовой, поняв их намерение, преграждает дорогу. Кто-то стреляет и ранит солдата. Это уже отступление от замысла Бланки — действовать без пролития крови. Но делать нечего! Бланки первым входит в казарму, за ним следуют Эд, Гранже, Пиль, Брейе. Их встречают солдаты с ружьями в руках. Бланки, вплотную приблизившись к ним, начинает говорить речь. Он объясняет им, что ради блага Франции надо свергнуть Империю. Только республика спасет родину. Солдаты слушают его с недоумением. Они ничего не понимают. Если это злоумышленники, то почему они не стреляют, а разговаривают? Но в это время с улицы доносятся выстрелы. Бланки и его друзья поспешно выходят. Оказалось, что на звук выстрела явился полицейский патруль. Завязывается перестрелка. Один полицейский убит, двое ранены... Остальные убегают. Бланки с друзьями снова возвращается в казарму. Но к этому времени подоспел лейтенант Котерей, командир поста. Сохраняя абсолютное внешнее спокойствие, Бланки вступает с ним в беседу и начинает объяснять все сначала. Но офицер не желает ничего знать и твердо заявляет, что никакого оружия не даст и внутрь казармы их не пропустит. Бланкисты переглядываются, они ожидают команды. Бланки должен немедленно принимать решение. Но оно принято заранее: в пожарных не стрелять! Что же делать? Отступать! Бланки выходит, его спутники следуют за ним.

Теперь надо попытаться решить вторую часть задачи — поднять народ. Бланкисты, потрясая своими револьверами, идут но бульвару, громко провозглашая на ходу:

— Да здравствует республика! Смерть пруссакам! К оружию!

Гуляющие в этот солнечный воскресный день смотрят на них со страхом и удивлением: они ничего не понимают. Пруссаки? Но они еще далеко от Парижа. А эти странные люди во главе с маленьким старичком ведут себя совершенно непонятно. На всякий случай прохожие стараются держаться подальше. Никто, ни один человек не присоединился к восставшим бланкистам. Но никто и не оказывает им никакого сопротивления. Так они беспрепятственно, тщетно выкрикивая на ходу свои призывы, проходят два километра. Они уже прошли через Бельвиль и находятся на самой окраине Парижа. Совершенно ясно, что все провалилось. Положение глупое и трагическое. Бланки останавливается и говорит окружающим его друзьям:

— Наше дело проиграно. Мы не получили ружей, и, как видите, никто к нам не присоединился. А без народа мы бессильны что-либо сделать. Через десять минут нам придется увидеть винтовки, против которых наши револьверы — ото ничто. Надо разойтись. Дорога свободна. Никто не помешает нашему отступлению. Прячьте свое оружие и расходитесь.

Никто не возражает Бланки. Молчат те, кто больше всего доказывал ему два дня, что народ созрел и достаточно одного призыва, чтобы все поднялись. Сказать, что произошло повторение 12 мая 1839 года нельзя. Сегодня все произошло иначе, в других условиях и обстоятельствах. Тем более непростительно трагикомическое фиаско этой конкретной попытки бланкистской заговорщической тактики. Спустя месяц Бланки будет писать об участниках дела Ла Биллет: «Они, без сомнения, ошиблись. Час еще не пробил, надо уметь угадывать его приближение, и в вопросах столь грозных всякая оплошность, всякая ошибка в расчете влекут за собой тяжелую ответственность... На сей раз ошибка оказалась, к счастью, простым инцидентом, вскоре исчезнувшим в вихре событий».

Но до этих событий пройдет еще достаточно времени, чтобы злосчастное дело Ла Биллет вызвало серьезные последствия. Отряд полиции прибыл к казарме, когда там уже не было ни одного бланкиста. Стали хватать первых попавшихся прохожих. Арестовали около восьмидесяти человек, не имевших никакого отношения к делу. Нескольких из них опознали как участников нападения, и военный суд приговорил их к смертной казни. Ведь действовали жестокие правила осадного положения. А затем схватили двух настоящих участников покушения: Эда и Бридо. Им вынесли тот же приговор — смертная казнь. Случилось так, что обстановка войны, опасность иностранного вторжения в столицу создавали атмосферу, в которой правдоподобно прозвучала версия, объявленная главой правительства графом Паликао:

«Злоумышленники — агенты Бисмарка».

Бланки в это время скрывается у друзей в Париже, меняя свои убежища и переживая очередную неудачу. Арест и осуждение на смертную казнь двух бланкистов выводят его из оцепенения. Он подает мысль добиться хотя бы отсрочки приведения приговора в исполнение. Ведь дела шли так, что Империя могла рухнуть с часу на час. Бланкисты устраивают выступления в защиту осужденных — знаменитого историка Жюля Мишле и писательницы Жорж Санд. Но реальный эффект дает разговор бланкиста Артура Ранка с министром Дювернуа.

— Послушайте, — говорит ему Ранк, — с вами нет необходимости сентиментальничать. Вы человек проницательный и не должны забывать о том, что, может быть, через две недели Империя падет... Подумайте о завтрашнем дне. Если эта кровь прольется, то прольется и другая... И никто не сможет тогда помешать репрессиям... Подумайте. .

— Вы правы, — отвечал министр, — скажите вашим друзьям, я устрою это дело.

Казнь отложили, и 2 сентября Ранк получил записку от Бланки: «Если бы Вы только знали, как я счастлив, что наши дорогие юные друзья спасены. Сердечное Вам спасибо от Старика». Так закончилось дело Ла Виллет. Сразу после этого действительно поднялся вихрь событий.

3 сентября 1870 года в Париже стало известно о катастрофе под Седаном. Французская армия в 120 тысяч человек с огромным количеством оружия была окружена пруссаками и сдалась в плен. Единственное утешение для Бланки состояло в том, что и сам император Наполеон III оказался в плену. В тот же день вечером на квартире бланкиста Пиля в предместье Сен-Дени собрались бланкисты. Бланки горел нетерпением исправить неудачу 14 августа новыми энергичными усилиями. Он потребовал, чтобы его сторонники обошли рабочие кварталы и подготовили к следующему дню манифестацию, которую следовало превратить в революцию. Но речь не шла о социальной революции. Перед лицом врага Бланки считал это вредным. Не случайно на совещание пригласили Делеклюза, лидера левых революционных республиканцев. Все согласились, что гражданская война в момент, когда пруссаки идут на Париж, резко ослабила бы оборону и играла бы на руку внешнему врагу. Решили действовать вместе с левыми депутатами Законодательного корпуса, добиваясь от них мирными средствами провозглашения республики.

Между тем в Законодательном корпусе шла лихорадочная возня. Бонапартисты все еще пытались спасти Империю.

Орлеанисты же решили выждать своего часа, сдержанно воздействуя на ход событий с помощью ловкого Тьера. Левые республиканцы — Гамбетта, Фавр и другие — больше всего стремились не допустить к власти революционеров. Собственно, в этом последнем стремлении сходились интересы всех монархистов и бур-жузаных республиканцев. А самой активной силой, выступавшей против них, оказались бланкисты.

На другой день, 4 сентября, сотни тысяч людей двинулись к площади Конкорд. Здесь смешались рабочие, студенты, буржуа. Все хотели свержения Империи и учреждения такой власти, которая обеспечила бы оборону страны. Самую активную роль играли бланкисты. Но их было несколько сот человек, и они буквально терялись в этой гигантской массе людей. Тем не менее именно они первыми ворвались в Бурбонский дворец. А один забрался на фронтон здания и начал отрывать от трехцветного флага синюю и белую полосы, чтобы осталась только красная.

Сначала бланкисты рассеялись в многочисленных залах и кулуарах дворца, где все смешалось. Но в конце концов они ворвались в зал заседаний с криками: «Да здравствует республика!» Затем Гранже, Маршан и Левро сумели пробиться к месту председателя палаты. Маршан пытался с помощью председательского колокольчика водворить тишину. Гранже предпочел использовать всю силу своего зычного голоса и объявил:

— Граждане! Ввиду наших величайших бедствий, ввиду постигших отечество несчастий парижский народ завладел этим помещением, чтобы провозгласить низложение Империи и установление республики. Мы требуем от депутатов, чтобы они декретировали и то и другое!

Но Гамбетта и Ферри с помощью национальных гвардейцев удалили бланкистов с председательского места. Гамбетта стал призывать народ к спокойствию. Затем он огласил декрет, объявлявший только об отстранении Бонапарта от власти. Тогда раздался всеобщий вопль. Громогласным, хотя и нестройным, хором народ требовал республики. Левые республиканцы сначала пришли в замешательство; провозгласить сейчас же республику означало бы согласие разделить власть с бланкистами. Коварный выход нашел Фавр:

— Республика? Но ведь ее следует провозгласить не здесь, а в Ратуше!

— Граждане! За мной, в Ратушу! — закричал Гам-бетта.

Этот призыв имел успех, ведь именно в Ратуше образовалось Временное правительство в 1830 и в 1848 годах. Толпа по обоим берегам Сены хлынула к Ратуше. Один поток возглавлял Фавр,

другой — Гамбетта. Бланкистов совсем отстранили от руководства событиями. Сам Бланки оставался здесь, но он не мог рассчитывать, что ему удастся вырвать руководство толпой у прославленных ораторов, и он держался в стороне.

Было четыре часа, когда манифестация во главе с Гамбеттой и Фавром пришла к Ратуше, над которой уже развевалось красное знамя. Но ведь это символ рабочей, социальной революции! Действительно, в главном зале, наполненном до отказа народом, бланкисты и революционные республиканцы готовились огласить список правительства, в котором, кроме левых депутатов, значились имена Бланки, Флуранса, Делеклюза, Рошфора. Когда Жюль Фавр увидел, что люди, до этого ворвавшиеся в Законодательный корпус, уже находятся здесь, он понял, что надо уступить. Республика была торжественно провозглашена. Но это было использовано для нового маневра: Фавр объявил, что в правительство прежде всего должны войти депутаты от Парижа, буржуазные республиканцы, что надо определить его состав на совещании левых депутатов. Они тут же удалились в маленькую комнату где-то в закоулках Ратуши.

Бланкисты согласились. Ведь заранее было решено действовать в согласии с левыми депутатами. Так был упущен благоприятный момент для оглашения списка революционного правительства. К тому же многие бланкисты бросились выполнять вчерашнее указание Бланки об освобождении политических заключенных и направились к тюрьме Сент-Пелажи. Когда они вернулись, ведя впереди освобожденного Рошфора, комбинация уже была готова. Правительство составили из одних депутатов Парижа, включив в него для успокоения народа Рошфора. Фавр заметил при этом, что лучше иметь его внутри правительства, чем вне его. Он знал, что говорил: блестящий памфлетист Рошфор был крайне слабым, неустойчивым политиком. После этого огласили состав правительства, в котором оказались лишь одни буржуазные республиканцы и для видимости — Рошфор.

А затем произошел сговор, в результате которого главой правительства стал генерал Трошю, клерикал, консерватор и ярый враг революции. Вечером 4 сентября красное знамя, еще развевавшееся над Ратушей, было заменено трехцветным. Итак, стихийный порыв масс привел к свержению империи и провозглашению республики. Но буржуазия взяла власть в свои руки, воспользовавшись слабостью, неподготовленностью революционных сил. Бланкисты потерпели новое поражение.

В правительство вошло пять деятелей, которые в свое время помогли задушить революцию 1848 года. Вся махинация удалась только потому, что главной целью нового правительства

объявили «национальную оборону». А этого хотели все. Поэтому Бланки, так же как Флуранс, Делеклюз и другие революционеры, не выступил против того, что произошло в Ратуше. Бланки с мучительной тревогой наблюдал всю эту суматоху. Он видел, как революцию снова крадут у народа, как власть захватывают либеральные пройдохи, которым он не доверял. И он снова с отчаянием чувствовал свою беспомощность. Однако его утешало и успокаивало то, что только так можно наилучшим образом обеспечить оборону Франции. Поэтому Бланки решил поддержать Временное правительство, ибо сейчас все его революционные стремления и замыслы отступают перед тем, что для него превыше всего, — перед интересами Франции. Бланки-революционер превращается в Бланки-патриота.

7 сентября Бланки выпускает первый номер своей газеты, получившей название «Патри ан данже» («Отечество в опасности»). В нем напечатана написанная им Декларация, которую подписали еще девятнадцать его соратников:

«Перед лицом врага больше не существует никаких партий, никаких оттенков. С властью, предающей нацию, сотрудничество было невозможно. Правительство, вышедшее из великого движения 4 сентября, представляет республиканскую мысль и национальную оборону. Этого достаточно. Всякая оппозиция, всякие разногласия должны исчезнуть перед задачей общего спасения. Существует только один враг — Пруссия и ее сообщники, сторонники павшей династии, которые хотели бы восстановить порядок в Париже с помощью прусских штыков. Пусть будут прокляты те, кто в час высшей опасности способен сохранить личные стремления и задние мысли, каковы бы они ни были. Нижеподписавшиеся, оставляя в стороне какое бы то ни было частное мнение, предлагают Временному правительству свою самую энергичную и самую абсолютную поддержку при условии, если оно защитит республику и согласится скорее похоронить себя вместе с нами под развалинами Парижа, чем подписать позор и расчленение Франции».

Зта декларация самим обилием условных положений, грозных предупреждений и вообще своим тревожным тоном как бы отражает неуверенность бланкистов в том, что правительство «национальной обороны» выполнит возложенную на него миссию, что оно действительно будет лишь защищать общие интересы и откажется от всяких иных стремлений. Не слишком ли много угроз и проклятий? Но Бланки, видимо, считал, что таким образом и следует дать понять Временному правительству о его обязанностях и его ответственности. Справедливости ради следует отметить, что в этот момент не только бланкисты, но

даже и члены Интернационала заявили о готовности отодвинуть на второй план интересы рабочего класса по сравнению с задачей борьбы против внешнего врага.

Не один Бланки совершил ошибку. Так же поступил лидер интернационалистов Варлен, вождь неоякобинцев Делеклюз. Все они растерялись. С одной стороны, они понимали, что нельзя ни в чем доверять генералу Трошю, назначенному губернатором Парижа еще при Бонапарте, что нельзя верить таким политикам, как Фавр, Гарнье-Пажес, Кремье, предавшим революцию 1848 года. Но, с другой стороны, они видели, что этим людям верит подавляюще большинство населения Парижа. И они заняли двусмысленную позицию, которая имела самые плачевные последствия. Бланки обещал поддержку правительству. А оно ничего не обещало революционерам. И буквально на второй день от этого сомнительного союза перед лицом внешней угрозы ничего не осталось. Сразу началась борьба, в которой правительство использовало против революции власть, полученную при содействии революционеров!

Бланки издает свою ежедневную газету. Всего он выпустит 89 номеров. И в каждом номере — большая статья Бланки. Газета стоит пять сантимов. Она печатается на плохой бумаге, качество печати посредственное. Дело в том, что газета не приносит дохода и распространяется в основном среди сторонников Бланки. Оплачивает ее издание все тот же верный доктор Лакамбр. Выход газеты даже прерывается вначале из-за недостатка денег. Но Бланки не опускает рук. Он страстно призывает к оружию, требует усиления обороны, взвешивает прусскую опасность. В Париже надо вооружить 500 тысяч мужчин от 16 до 60 лет, отряды мобильной гвардии департамента Сены и других близких провинций, отряды моряков. Бланки высказывает свои соображения о том, как лучше использовать эти силы. Он требует для них оружия, а в случае нехватки предлагает закупать его за границей.

Задача защиты отечества — главное, что обсуждается в газете Бланки. Однако она не забывает н о внутренних проблемах революции. С первых дней бланкисты настойчиво добиваются увольнения старых бонапартистских чиновников, требуют назначения новых полицейских комиссаров, новых мэров. Газета разоблачает деятельность бонапартистских депутатов бывшего Законодательного корпуса. 9 сентября в «Патри ан данже» Тридон писал: «Со всех сторон, с севера, юга, центра, к нам поступают сообщения о контрреволюционных выступлениях крестьянства, подстрекаемого бонапартистскими агентами». Тридон предупреждал, что такое положение, если оно будет

продолжаться далее, не сможет не привести революцию к катастрофе.

Все это совершенно справедливо. Однако роль Кассандры, которую играет газета Бланки, не может оказать никакого воздействия на события. К тому же Бланки непрерывно впадает в противоречие сам с собой. Уже в своей первой статье он осуждает «бахвальство и пустую декламацию». Здесь же он пишет, что «Париж так же неприступен, как французская армия непобедима».

Но французская армия разгромлена и взята в плен! От императорской армии остались только осколки, а ее генералы не хотят воевать в защиту революции. Национальную гвардию еще надо создать из мирных рабочих, ремесленников, торговцев, буржуа. Надо превратить их в солдат, дать им офицеров. Фразерство Бланки о «непобедимости» Парижа выглядит весьма странно.

Но газета не единственное дело Бланки. Он создает свой клуб, заседающий каждый вечер на Севастопольском бульваре в кафе Центрального рынка. Почти ежедневно здесь выступает Бланки, анализирует военное положение и указывает на меры, которые необходимо принять. И все чаще, все более резко он говорит об ошибках правительства «национальной обороны». Бланки очень скоро догадывается, что правительство не надеется на победу в войне. И больше других склонен допустить поражение генерал Трошю, то есть тот, кто должен руководить обороной столицы. Он верит только в регулярную армию. Национальной гвардии он не доверяет, он ее просто боится. Своим близким он уже доверительно заявляет, что продолжение борьбы — это «героическое безумие». Правда, в официальных прокламациях он призывает к победе. В газете Бланки все яснее высказываются сомнения в отношении правительства «национальной обороны». А вскоре он уже прямо задает вопрос, а не занимается ли правительство разыгрыванием комедии войны?

Каждый день приносит разочарование тем, кто поверил в искренность руководителей правительства «национальной обороны». Никаких активных действий французская армия не ведет, она отступает, и 18 сентября пруссаки полностью окружают Париж. Начинается осада, затем наступит голод, начнутся артиллерийские обстрелы. Бездействие правительства все очевиднее. Более того, идут слухи о том, что все члены правительства, кроме Гамбетты, склоняются к мирным переговорам с врагом. А Бланки вместе с трудовым Парижем стремится к победе, он хочет способствовать ей всеми силами и даже непосредственным личным участием.

Происходят выборы командиров батальонов Национальной

гвардии. Полторы тысячи гвардейцев собрались на улице Клиньянкур выбирать командира своего 169-го батальона, состоящего из жителей Монмартра. Им предлагают голосовать за Бланки, и они с удивлением рассматривают маленького старичка,который хочет стать их командиром. Почти никто его вообще не знает, а внешний вид кандидата, напоминающего какой-то призрак, не внушает уверенности в его боевых способностях. Но вот на трибуне молодой человек с крайне энергичным лицом. Этого они хорошо знают, ибо слово берет Жорж Клемансо, мэр округа. Он не забыл уроков Бланки в Сент-Пелажи и сохраняет свое уважение к нему. Клемансо рассказывает, кто такой Бланки, и его красноречие убеждает. Бланки избран командиром.

Он приобретает совершенно новый облик. На голове — кепи национального гвардейца с золотыми галунами, на боку — сабля. Бланки с его ростом, сединой и худобой не производит устрашающего впечатления. Однако новый командир батальона развивает исключительную активность. Он занимается обмундированием, снабжением и обучением своего батальона. 18 сентября происходит заседание командиров батальонов под председательством Бланки. Обсуждается предложение направить делегацию к правительству, чтобы потребовать от него энергичных мер по борьбе с врагом. И вот делегация вместе с Бланки отправляется в Ратушу. Шюль Валлес так описывает то, что там произошло: «Однажды утром мне довелось увидеть, как все правительство национальной обороны, выведенное на чистую воду, запуталось во лжи под ясным взглядом Бланки. Слабым голосом, спокойно и сдержанно он дал им понять, в чем заключается опасность, указал на средства, какими можно избежать ее, прочитал целую лекцию политической и военной стратегии. И Гарнье-Па-жес в своем высоком воротничке, и Ферри со своими бакенбардами, и бородатый Пельтан — все они имели вид школьников, уличенных в полном невежестве».

В действительности их уже следовало уличить в измене. Еще 12 сентября правительство отправило Тьера со специальной миссией в Лондон, Петербург и Вену. Он должен был просить посредничества других правительств для начала мирных переговоров с Пруссией. В то время как официально правительство рекламировало свое стремление вести войну до последней крайности, оно уже решило пойти на заключение мира любой ценой, боясь революции. Естественно, что в этих условиях опасно было оставлять во главе батальона такого командира, как Бланки. Начинается новая кампания клеветы против него. С нападками на Старика выступает правая газета «Сьекль». 8

октября во время демонстрации буржуазных отрядов Национальной гвардии в поддержку правительства раздаются крики: «Долой Бланки!», «Долой Бланки-пруссака!» Бланки с его пламенным патриотизмом превращают в сторонника врага, которого он люто ненавидит! Это напоминает методы 1848 года. А 10 октября офицеры и гвардейцы 189-го батальона направляют правительству протест против того, что ими командует человек, который стремится «вызвать гражданскую войну». Гепе-рал Трошю смещает Бланки с поста командира и назначает новые выборы. Напрасно пытается Бланки объясниться на собрании — ему просто не дают говорить. Военная карьера Бланки закончена, и он расстается с мундиром национального гвардейца...

Утром 31 октября население Парижа ошеломлено сразу несколькими мрачными новостями. В Меце капитулировала огромная армия генерала Базена. Генерал Тропно преступно сдает пруссакам город Бурже. Газеты сообщают также, что начинаются переговоры о заключении перемирия с целью проведения выборов в Национальное собрание.

Впечатление, произведенное этими новостями, не менее сильно, чем то, которое 4 сентября вызвало революцию. Тогда была свергнута империя, поскольку она не умела воевать. Теперь возникает вопрос о том, что делать с правительством, которое не хочет воевать?

Уже давно шли разговоры о том, что правительство «национальной обороны» в действительности является правительством национальной измены. Результатом недоверия к нему до сих пор служило требование выборов городского совета Парижа — Коммуны. Она могла бы взять в свои руки руководство обороной Парижа. Но сегодня этого уже недостаточно. Сегодня у всех на устах требование свержения правительства! С утра толпы людей идут к Ратуше, многие батальоны Национальной гвардии с оружием в руках направляются туда же. В полдень огромная площадь перед Ратушей заполнена народом. Министры из окон пытаются обратиться к толпе. Но все заглушает могучий крик: «Долой перемирие!» Сначала в Ратушу направляются делегации, с которыми ведут разговоры члены правительства. Это не вносит никакого успокоения. Толпа врывается в Ратушу, она заполняет зал заседаний правительства. Происходят сумбурные переговоры, правительство соглашается на проведение в течение суток выборов в Коммуну. До этих выборов власть будут осуществлять два члена правительства — Дориан и Шелыпер, которые еще внушали людям какое-то доверие. Министры, оказавшись пленниками толпы, согласились. Переговоры с ними от имени мэров округов вел Делеклюз. Казалось, конфликт был временно

урегулирован.

Не успели министры прийти в себя, как с площади раздаются новые громовые крики и шум. Это прибыли 118-й и 186-й батальоны Национальной гвардии из района Бельвиля и квартала Муфетар. На огромных трехцветных знаменах надписи: «Долой перемирие! Всенародное ополчение! Да здравствует Коммуна!» Зал заседаний правительства снова заполняется толпой людей. В половине пятого появляется Флуранс, тот самый, который так решительно добивался в январе, чтобы похороны Виктора Нуара превратились в революцию. Сейчас он настроен еще более решительно и его сопровождают четыреста гвардейцев. Он вскакивает на стол для заседаний и требует создания временного комитета для контроля над выборами, который заменит правительство «национальной обороны». Его члены находятся здесь же. Но для Флуранса они уже не существуют. И он оглашает список нового временного комитета, то есть фактически правительства: Дориан, Флуранс, Моттю, Виктор Гюго, Луи Блан, Авриаль, Бланки, Распай, Ледрю-Роллен, Феликс Пиа, Мильер, Ранвье, Рошфор, Делеклюз.

Между тем генерал Трошю и еще два министра сумели сбежать из Ратуши. Трошю начинает энергично действовать. До сих пор Бланки совершенно не участвовал во всей этой суматохе. Ведь в демонстрации выступали батальоны Национальной гвардии. Поскольку его недавно отстранили от командования батальоном, он считал неуместным ввязываться в эти события. Правда, он с удовлетворением узнал о том, что выборы в Коммуну состоятся в течение суток. Между тем к нему прибегают и сообщают о создании в Ратуше нового правительства, о том, что он включен в его состав. Сомневаться в достоверности известия оснований нет, и Бланки отправляется в Ратушу, куда он явился в половине седьмого. С немалым трудом ему удается попасть в здание. Здесь его встречает чиновник Жан Ларок и усаживает в кресло в кабинете префекта департамента Сены. Ларок объясняет ему ситуацию, и Бланки спрашивает, где же члены нового правительства? Ларок отвечает:

— Правительство — это вы, другие еще не прибыли.

Значит, ему придется управлять, и Бланки принимается за это дело без колебаний! Он подписывает прежде всего приказ о закрытии всякого выезда из Парижа, чтобы пруссаки не узнали о происходящем в городе перевороте. Он приказывает двадцати командирам батальонов прибыть к Ратуше со своими бойцами. Бланки намерен потребовать от них занять Ратушу и вытеснить из нее 106-й батальон с его реакционным составом. Он направляет приказ одному из надежных батальонов захватить префектуру

полиции и ввести в должность префекта Рауля Риго. Он подписывает также распоряжения о занятии мэрий округов, министерства внутренних дел, национальной типографии...

Все это происходит в обстановке невероятной суматохи. Неожиданно в комнату, где был Бланки, входит Ледрю-Роллен, но сразу удаляется. Затем Бланки становится жертвой нападения командира группы карабинеров Кризенуа, который знает Бланки и люто его ненавидит. Он проник в Ратушу вместе с другими патриотами, но в душе он решительно против их требований. Бланки окружают и начинают избивать. Затем его тащат вниз по лестнице. Но здесь много национальных гвардейцев, знающих Бланкп. Кризенуа предпочитает бежать со своими людьми, и Бланки свободен, хотя лицо его в крови.

Он снова поднимается по лестнице и встречается с Флурансом, который как раз ищет его, чтобы получить у него указания, ибо для Флуранса Бланки — самый высокий авторитет. Вдвоем они являются в комнату, где заседают члены нового правительства: Мильер, Ранвье, Моттю. Здесь и Делеклюз, который вел переговоры с прежним правительством до появления Флуранса. Теперь ему предстоит снова вступить в переговоры, но в совершенно изменившихся условиях.

Генерал Трошю не терял времени даром. По подземному ходу, соединяющему Ратушу с соседней казармой, он направил два верных ему батальона мобильной гвардии. Кроме того, Ферри привел отряды солдат, преданных старому правительству. Силы же новой власти оказались ослабленными. Многие революционные гвардейцы, решив, что дело сделано, покинули Ратушу. Толпа национальных гвардейцев перед Ратушей, которые так решительно требовали свержения правительства, редеет. Идет дождь, люди голодны, и постепенно они расходятся по домам. Приказы о вызове новых батальонов из рабочих кварталов, которые так уверенно подписывал Бланки, да и не только Бланки, никто не выполняет. Гревскую площадь заполняют новые батальоны Национальной гвардии из буржуазных кварталов. Им уже сообщили, что в Ратуше управляет Бланки, которого они яростно ненавидят. Их возмущают и красные флаги, вывешенные из окон здания.

Совершенно неясно, кто у кого в плену? Ни одна, ни другая сторона толком не представляла ни своих наличных сил, ни сил противника. Делеклюз и Дориан снова ведут переговоры.

В конце концов к четырем часам утра достигли соглашения о проведении 1 ноября выборов в Коммуну, а 2 ноября — о перевыборах членов Временного правительства. Договорились, что при любом исходе дела участники событий не подвергнутся

каким-либо преследованиям. Но все это только устная договоренность. Бланки совершенно не удовлетворен. Ведь это лишь слова, обмен добрыми обещаниями. Бланки хочет, чтобы члены правительства «национальной обороны» подписали письменное соглашение и чтобы оно было также послано на подпись к генералу Трошю. Министры Фавр и Симон находят это совершенно излишним. Разве их слова не достаточно? Они удивляются, как можно вообще подозревать их в неискренности? Мильер так тронут их заверениями, что упрекает Бланки в излишней придирчивости и формализме. Другие революционеры согласны с ним, а не с Бланки. На рассвете представители правительства «национальной обороны» и временного комитета решили разойтись, чтобы подать добрый пример гвардейцам разных тенденций, смешавшимся внутри Ратуши и на площади перед ней. Все они выходят из Ратуши и расходятся в разные стороны.

На этом «правительственная» деятельность Бланки закончилась. Она продолжалась около десяти часов. Но она довольно пассивная сама по себе деятельность сказалась на ходе событий 31 октября. Репутация Бланки больше, чем его прямые действия, играла роль. Гюстав Лефрансе, участник этих событий, писал: «Отсутствие всякого руководства со стороны Интернационала, а также нелепое и расчетливое отвращение, внушаемое именем Бланки, были главными причинами неудачи 31 октября». А затем сбываются самые мрачные предчувствия Бланки. Министры правительства не выполнили ни одного из условий достигнутого соглашения. Свидетель описываемых событий Артур Арну дает им точную характеристику: «Нужно отдать справедливость правительству «национальной обороны»: никогда во главе Франции не стояли более зловредные шуты. Все их поведение носило характер исключительной, свойственной им подлости» .

Сразу же начинаются преследования участников событий 31 октября. Во главе Национальной гвардии поставили крайне реакционного генерала Клемана Тома, который немедленно изгнал ее бланкистских офицеров. Нет и вопроса о проведении выборов в Коммуну или переизбрании членов правительства. Рошфор выходит в отставку, обеспечив тем самым однородно буржуазный и правый состав правительства.

Но зато 3 ноября в Париже проводится плебисцит по вопросу об одобрении деятельности нового правительства. Официальное обращение к населению просило ответить на вопрос: «Хочет ли оно иметь правительство Бланки, Феликса Пиа, Флуранса и их друзей, подкрепленное революционной Коммуной, или же оно по-

прежнему доверяет людям, которые взяли на себя 4 сентября тяжелую обязанность спасти родину?» Призрак «красного» правительства во главе с Бланки напугал мелкую буржуазию. На плебисците 557 тысяч человек отвечают «да» правительству и только 68 тысяч «нет». Значит, Бланки вновь терпит поражение. Положительный ответ означал, по его мнению, согласие на перемирие, а следовательно, на расчленение и унижение Франции. Действительно, начинаются переговоры с пруссаками, Тьер встречается с Бисмарком.

Бланки писал в своей газете «Патри ан данже» о правительстве «национальной обороны»: «Ратуша является знаменем предателей и хамелеонов, людей, угождающих нашим и вашим... Все развратные души укрываются под ее сенью, хором подпевают всем ее плутням. Ратуша — это контрреволюция, она роет могилу Франции». Самое интересное, что Бланки писал это 30 октября, за день до событий, о которых только что рассказано. Теперь на долю Бланки остается лишь горькое удовлетворение пророка, мрачное предвидение которого действительность полностью оправдала. Он узнает, что арестовывают его друзей. Ему необходимо снова скрываться, и он располагается в каморке в квартире верного друга Леона Лев-ро, откуда никуда не выходит.

Но Бланки, конечно, продолжает бороться. Он делает свою газету, и по-прежнему в ней печатаются его статьи. Почти девяносто номеров газеты «Патри ан данже» представляют собой не просто периодическое издание, ежедневную газету, но удивительный человеческий документ. Бланки пишет в каждый номер и пишет только на одну тему: защита родины любой ценой! Нет ни малейшего желания сделать газету менее однообразной ради привлечения интереса читателей. Бланки не в состоянии представить себе, что можно думать о чем-то другом в момент, когда Франция в опасности. Это поразительный пример всепоглощающего чувства патриотизма. Бланки не военный, но обнаруживает вдруг изощренное военно-стратегическое мышление в критике военных мероприятий правительства. Один крайний консерватор огорченно отмечал: «Но ведь все это — правда! Но ведь он глубоко прав! Как жаль, что все это говорит Бланки!»

Действительно, так должны были бы рассуждать генерал Трошю и ему подобные. Разумеется, свою главную тему Бланки связывает с дипломатией и внутренней политикой. Всепоглощающая страсть — забота о родине — не мешает ему видеть классовую причину трагедии Франции — паразитизм ее буржуазии. Что отсутствует в его статьях, так это космополитизм.

Его отношение к немцам, пруссакам отличается своеобразным шовинизмом, продиктованным убеждением, что только Франция способна быть страной великой революции, а Германия заслуживает в этом отношении лишь презрения. Но вопреки обвинениям некоторых современных историков он не расист. Напротив, он осуждает расизм немцев: «Виновником войны является народ, который объявляет себя высшей расой... Разве не осмелились их ученые говорить под гром аплодисментов, что или латинская, или германская раса должна погибнуть, ибо их сосуществование несовместимо?»

Бланки во многом человек крайностей, но чувство патриотизма доходит в нем до немыслимо горячего накала. Французский писатель и дипломат Жан-Жак Вейс писал о статьях Бланки в его газете: «Эти строки жгли и восторгали! Какая сила! Какая нежная и трогательная любовь к находящемуся в опасности отечеству! Какое болезненное сочувствие его ранам! Какие невыносимые страдания! С каким гневом, с какой великолепной яростью он обрушивался на бездарных правителей и отвратительных в своем тщеславии господ, которые, любуясь собою, губили Париж! Так писать в шестьдесят пять лет, после двадцати лет тюрьмы, когда воображение иссякает, чувства угасают, тело истощено, а дух утомлен, — разве не значит это писать кровью и соком своего сердца?»

8 декабря «Патри ан данже» извещает, что это последний номер. Больше газета не сможет выходить, ибо редакция не в состоянии при своей бедности и дальше покрывать ее дефицит. Бланки выражает горькое сожаление, что издание приходится прекращать в момент, когда каждый должен бороться из последних сил. Бланки замолкает так же, как замер весь Париж, тишину которого нарушает лишь канонада прусской артиллерии.

Военные зимы всегда почему-то холоднее других. В осажденном Париже на улицах покров снега толщиной в тридцать сантиметров. Уже срубили на дрова деревья Булонского леса, сожгли скамейки на бульварах. Железное кольцо осады все теснее сжимает горло Парижа. Народ голодает, а правительство «национальной обороны» озабочено только тем, чтобы жители, доведенные до отчаяния, перестали сопротивляться заключению перемирия. Хлеб, продаваемый парижанам, больше напоминает глину. Съедены животные Зоологического сада. Конина — деликатес! Пошли в ход собаки и крысы. Но и этим кушаньем может полакомиться не каждый: фунт собачьего мяса стоит пять франков, крысы идут по два-три франка за штуку! А ежедневное жалованье национального гвардейца составляет полтора франка.

Время от времени правительство устраивает плохо

подготовленные вылазки Национальной гвардии, чтобы она убедилась в бессмысленности сопротивления и согласилась на капитуляцию. Но парижане убеждаются лишь в измене правительства «национальной обороны». Они требуют вести оборону серьезно. Тогда правительство пытается проучить патриотов серьезным уроком. 18 января свыше 80 тысяч гвардейцев под гром оркестров выступили из города. Трошю больше всего опасался, как бы гвардия и в самом деле не нанесла поражение пруссакам. Несмотря на саботаж командования, именно это и произошло. Неопытные, но охваченные энтузиазмом бойцы захватили важные позиции. Тогда, раскрывая свои карты, Трошю приказал им отступать. Четыре тысячи человек заплатили жизнью в этой грязной игре. Возмущение правительством вылилось наружу, как только оно нетерпеливо объявило, что теперь уже нет другого выхода, кроме сдачи Парижа немцам.

Тогда бланкисты и революционные республиканцы готовят новое восстание. Бланки не считает его своевременным, он устраняется от руководства, хотя и не возражает против действий Тридона, Ферре, Вайяна и членов Интернационала, увлеченных идеей свержения правительства. 21 января национальные гвардейцы захватывают тюрьму Мазас, освобождают политических заключенных, которых посадили за дело 31 октября. Они стекаются 22 января к площади перед Ратушей.

Бланки считает затею безумием, но в этот день все же приходит в кафе около Ратуши. Душа революционера надеется на что-то даже в безнадежной ситуации. Сегодня, как, в сущности, и в ходе других революционных кризисов, Бланки верит в какой-то счастливый случай! Нет и намека на то, чтобы тщательно готовить события, опираясь на массы. Бланки постоянно замкнут в узком кругу своих немногочисленных преданных сторонников, которые действуют на свой страх и риск. В конечном счете в каждом революционном конфликте реакционеры лишь использовали мифический облик «грозного» заговорщика в качестве пугала, помогавшего всегда передавать власть самым надежным противникам социальной революции, самым консервативным политикам...

Но зато правительство сегодня подготовилось. Ратуша до отказа заполнена верными ему солдатами. Когда раздались крики: «Долой перемирие! Война до конца! Да здравствует Коммуна!» — из Ратуши открывают огонь по толпе гвардейцев, не имеющей никакого укрытия, но отвечающей на огонь. На мостовой остается шесть убитых, двадцать раненых. Бланки наблюдает это новое поражение.

В тот же вечер правительство принимает решение, и Жюль

Фавр ведет переговоры с немцами. 28 января он подписывает перемирие на двадцать один день, чтобы провести выборы в Национальное собрание. Подписание перемирия вызвало такое сильное возмущение в Париже, что части Национальной гвардии X, XIII, XX округов Парижа задумали 29 января свергнуть правительство капитулянтов и захватить восточные форты, защищавшие подступы к Парижу. Однако Бланки, ошеломленный происходящим, и Флуранс отказались примкнуть к этому плану, и он не был осуществлен.

Бланки не ждет ничего хорошего от выборов, назначенных на 8 февраля. Он уверен, что, как и в 1848 году, провинция даст большинство, которое выступит против революционного Парижа. Как всегда, он против всеобщих выборов. Однако Бланки выдвинут кандидатом в депутаты. Вокруг его имени после событий 31 октября снова поднимается злобная кампания. Его изображают неисправимым мятежником, смертельным врагом всякого порядка и вечным неудачником, из-за которого проваливается любое дело. Он собирает 53 тысячи голосов, а для избрания необходимо 68 тысяч. Тридон и Реньяр тоже не избраны, но получили больше. Мартин Бернар, вместе с которым Бланки действовал 12 мая 1839 года, а потом сидел в Мон-Сен-Мшпель, получил свыше 100 тысяч голосов. Избраны Ранк, Лангдуа, Клемансо, Ледрю-Роллен. Все эти люди сделали для революции гораздо меньше Бланки, но почему же они пользуются большей популярностью? Бланки с горечью обдумывает свою несчастную революционную судьбу. Несмотря ни на что, надо продолжать борьбу.

И Бланки пишет свое «Последнее слово», отпечатанное в виде отдельной листовки 12 февраля. Это страстный протест против капитуляции. Бланки убеждает, доказывает, что капитуляция и позорный мир не были неизбежными, что Франция могла победить. В этом интереснейшем документе Бланки пишет не только о том, что произошло в действительности, но главным образом о том, что, по его мнению, могло бы быть сделано в решающие две недели от создания правительства «национальной обороны» до того, как прусские войска подошли к Парижу, то есть с 5 по 18 сентября 1870 года. Собственно, он как бы рассказывает о том, что он сделал бы сам, будучи во главе правительства, за две недели, предопределившие все события последующих месяцев. Он рисует блестящую, как ему кажется, ретроспективную альтернативу плачевному бездействию правительства, погубившего Францию.

Бланки считает, что до того, как пруссаки окружили Париж, надо было в течение двух недель произвести внезапное

перемещение населения между Парижем и провинцией. Миллион женщин и детей вывезли бы из столицы в разные департаменты страны. Вместо них в Париж отовсюду прибыли бы более миллиона мужчин, способных носить оружие. В результате этого в стенах Парижа, учитывая его собственную Национальную гвардию, сосредоточилась бы армия в полтора миллиона человек. Все оружие, пушки, боеприпасы, которыми располагала еще Франция, также надо было привезти в Париж. Сюда были бы собраны все мастера и рабочие по производству оружия и материалы для такого производства. Надо было собрать со всей страны и доставить в Париж огромные продовольственные запасы, необходимые для армии в полтора миллиона человек. Все это должно и могло быть сделано, как считает Бланки, в течение двух недель внезапно, без всякой подготовки.

Бланки почти ничего не говорит, что было бы с остальной Францией, территория которой осталась бы без всякой защиты. Но он уверен, что Париж, население которого состояло бы только из вооруженных мужчин, выдержал бы осаду, а затем превратился бы в исходный пункт для победоносного наступления против врага. План Бланки, изложенный в «Последнем слове», — это, пожалуй, мягко говоря, одна из самых смелых гипотез, которые рождались в его сознании.

Бланки часто называют представителем домарксистского утопического социализма, зачисляя его в один ряд с такими теоретиками, как Фурье или Кабэ. Они действительно создавали проекты будущего счастливого общества, которые Бланки называл «революционной схоластикой». Он считал, что коммунизм не может быть созданием ума какого-то мыслителя, что это «не яйцо, снесенное п высиженное в каком-то углу человеческого рода птицей о двух ногах без перьев и без крыльев». Презрительно третируя мечты утопистов, Бланки говорил: «Будем лучше заниматься задачами настоящего дня. Будущее не принадлежит нам, нас не касается». Если Бланки и был утопистом, то именно в решении задач «настоящего дня». Ведь все его начинания, перевороты, заговоры, выступления заканчивались неудачно как раз потому, что они всегда в той или иной мере были утопией. Но в «Последнем слове» он создал еще и утопию, обращенную в прошлое, утопию довольно странную. Возможно, что она появилась как следствие интеллектуального и психического истощения или как результат крайнего напряжения всех его сил, морального шока, вызванного множеством неудач.

Во всяком случае, несколько сотен экземпляров «Последнего слова» просто тонут в безбрежном потоке разного рода газет, прокламаций, афиш, которыми оклеены все стены Парижа. Снова

глас вопиющего в пустыне...

А в Бордо собирается избранное 8 февраля Национальное собрание: из 750 депутатов 400 — откровенные монархисты. Они пойдут на любые условия мира, на любой, самый позорный договор с Бисмарком. «Железный канцлер» грозил, что оставит Франции только глаза, чтобы она могла оплакивать свое несчастье! Национальному собранию предстоит утвердить мирный договор, по которому Франция соглашалась на отторжение Эльзаса и Лотарингии и на выплату пятимиллиардной контрибуции. Бланки понимает, что бессмысленно, нелепо надеяться на реакционное собрание, которое больше всего боится революции и, чтобы не допустить ее, согласится на любое унижение Франции. Но все .же он в сопровождении Тридона едет в Бордо 12 февраля 1871 года, ибо просто не может оставаться в бездействии. Он пытается с помощью Ранка встретиться с Гамбеттой — единственным членом правительства, осуждающим позорный мир. Но в день приезда Бланки встреча не состоялась, а оставаться в Бордо он уже не мог. В письме к Ранку он просит передать Гамбетте, что надо бороться до конца против унижения Франции: «Скажите ему, чтобы он стоял крепко... Взятое в плен правительство не имело права созывать Национальное собрание и заключать общее перемирие... Осажденная крепость может вести переговоры лишь по поводу самой себя, но не может говорить за всю страну. Это чудовищно, невероятно...»

Бланки свалила болезнь. Страдания физические дополняют его нравственные муки. Он укрывается в доме доктора Лакамбра в Люлье, в департаменте Ло. Сестра, мадам Барелье, приезжает, обеспокоенная его состоянием. В деревенской обстановке его здоровье мало-помалу восстанавливается.

В Париже 9 марта заседает военный суд по обвинению участников мятежа 31 октября прошлого года. Соглашение с правительством «национальной обороны», по которому оно обязалось не преследовать участников событий, нагло нарушено. Их судят по самым суровым законам военного времени. Большинство обвиняемых получают разные сроки тюремного заключения. Четверо приговорены к смертной казни. Среди них — Бланки.

В Люлье он жил, совершенно не скрываясь. А местная полиция уже наблюдала за ним. 17 марта рано утром жандармы являются арестовать Бланки. Мадам Барелье пытается скрыть присутствие брата, говоря, что в доме приютили неизвестного больного старика. Но жандармы берут «неизвестного» и везут его в Фижак. Там устанавливают его личность и записывают в

тюремном журнале: «Осужден на смертную казнь за участие в революции и восстании». 20 марта его перевозят в Кагор. Здесь Бланки помещают в одиночной камере. Получен строжайший приказ о том, чтобы узник не имел никакой, самой малейшей, связи с внешним миром.

Коммуна

Ирония истории в том, что многие выдающиеся люди не доживают до подлинных результатов их жизни и деятельности. Случай Бланки почти уникален. Парижская коммуна — воплощение его духа, плод его мученической жизни, осуществление его сокровенных надежд — родилась и завершила свое героическое существование, когда Бланки жил. Но до него доходили лишь смутные слухи о том, что делалось в Париже, где, по выражению Маркса, штурмовали небо. Бланки даже не догадывался, что на его долю выпало необычайное торжество, что его имя

стало символом величайшего события XIX века. Однако в Коммуне как в зеркале отразились и все слабости Бланки: политический утопизм, призрачное видение социальных закономерностей мира, субъективизм и наивность, теоретическая беспомощность и практическая неприспособленность, наконец, святая простота и веЗшчие мученической обреченности...

После того как 12 февраля изможденный, опустошенный и разочарованный Бланки покинул столицу, Париж стал ареной новых драматических событий. Великий город подвергся чудовищному унижению, предвидя которое Бланки и оставил его. Пламенная любовь Бланки к Парижу не позволила бы ему перенести позор оккупации города прусскими войсками. Пруссаки, собственно, временно заняли только район Елисейских полей и затем • убрались, предпочитая оставаться вне стен опасного революционного очага. Но этого оказалось достаточно, чтобы довести ненависть парижского народа к предателям Франции, бросившим ее столицу под ноги врага, до высшей степени. Казалось бы, свершилось непоправимое, 26 февраля позорный мир стал фактом. Уже нельзя было переделать историю. Но патриоты обратили свой гнев против могильщиков французской славы, власть которых стала для них непереносима. Все социальные, политические, "кассовые противоречия приобрели небывалую остроту и породили то, о чем десятки лет мечтал Бланки, — социальную революцию.

Однако этот глубинный смысл еще невиданного исторического явления таился за невероятно запутанным калейдоскопом событий. Теперь правительство возглавляет Адольф Тьер, монархист, реакционер, злейший враг народа и революции, враг умный, изощренный, накопивший за 75 лет своей жизни огромный политический опыт. В этом карлике таилось гигантское тщеславие самовластного садиста,

задумавшего прежде всего разделаться с революционным Парижем. Вызывающими, наглыми провокациями он хочет заставить народ Парижа либо покориться, либо взорваться безнадежным восстанием, которое можно будет потопить в крови, и вместе с трупами революционеров похоронить саму революцию.

Как будто бы мелкие, частные решения выстраиваются в зловещую систему борьбы против беспокойного, непокорного парода Парижа. Отменяется прежний порядок выдачи жалованья национальным гвардейцам, эти несчастны' 30 су в день, которые кое-как поддерживали существование рабочих семей. Командующим Национальной гвардией демонстративно назначают бонапартиста генерала Ореля де Паладина, опозорившего себя бездарностью и трусостью. «Он не умеет сражаться, — зато умеет расстреливать своих солдат», — говорили о нем. Отменяют отсрочку внесения квартирной платы — и сотням тысяч бедняков Парижа грозит выселение. Закрывают республиканские газеты и приговаривают к смертной казни Бланки и Флуранса. Отменяется отсрочка погашения долгов по векселям — и множеству мелких торговцев и ремесленников грозит разорение. Мешают доставке в Париж продовольствия. Клевещут на великий город, объявляя его скопищем бандитов, анархистов, варваров, разрушителей. Наконец, избрав Версаль, бывшую королевскую резиденцию, местом заседаний Национального собрания, они лишают бессмертный город, славный Париж звания столицы Франции!

Но в Париже — Национальная гвардия, 300 тысяч вооруженных мужчин, в основном рабочих, против которых Тьер пока бессилен. Середина февраля — время безвластия, быстро превращающегося в двоевластие, что особенно ярко обнаружилось 24 февраля. В этот день годовщины революции 1848 года улицы Парижа заполнены грандиозной демонстрацией. Центром ее стала площадь Бастилии, где некогда разразилось самое легендарное событие Великой французской революции. В 1840 году на месте разрушенной королевской тюрьмы воздвигли монументальную колонну, увенчанную скульптурным изображением Гения свободы. Сюда и шли труженики Парижа 24 февраля 1871 года. Батальон за батальоном с оркестрами, барабанами, пением «Марсельезы» и «Карманьолы» направлялись национальные гвардейцы к июльской колонне. Кто-то поднялся на ее вершину и прикрепил к руке Гения свободы красный флаг. Там он останется три месяца, до падения Коммуны...

Национальная гвардия все более безраздельно царила в городе. Она захватила все имеющееся в городе оружие и боеприпасы. Солдаты правительственных войск братаются с

гвардейцами. Находившиеся в Париже члены правительства с часу на час ожидалп революционного взрыва. Тьер, уехавший 27 февраля в Бордо, чтобы провести через Национальное собрание позорный мирный договор, не спал ночами, переживая копшары. Мэр Парижа Шюль Фавр в панике телеграфировал ему: «Агитация продолжается и выражается в определенных опасных симптомах... Национальная гвардия абсолютно деморализована, и ее батальоны, принимающие участие в беспорядках, слушаются только комитета, который можно назвать повстанческим... Положение незавидное, и я боюсь ухудшения».

Действительно, Центральный комитет Национальной гвардии, в который выбирают многих бланкистов, социалистов, левых демократов-неоякобинцев, становится все более социалистическим и пролетарским. Комитет является фактическим хозяином города. Но по приказу Тьера к Парижу уже стягиваются верные правительству войска, генералы, позорно проигравшие войну внешнему врагу, жаждут взять реванш в борьбе против своего народа. Принят коварный план захвата артиллерии Национальной гвардии. В ночь на 18 марта войска, посланные Тьером, начинают продвигаться к Монмартру, на вершине которого стоят пушки Национальной гвардии. С рассветом солдаты двинулись к холмам, чтобы захватить орудия. Это происходило в рабочих кварталах, где люди привыкли вставать рано. К тому же грохот тяжелых пушечных колес, раздавшийся на рассвете, мог разбудить кого угодно. Первыми бросились к солдатам женщины и заговорили с ними, потом подоспели их вооруженные мужья. А солдаты, возненавидевшие своих генералов, позорно проигравших войну, не только отказались стрелять в народ, но и расстреляли двоих из них. Командующий расстроенными войсками генерал Винуа приказал отступить. Даже те пушки, которые солдаты привезли с собой, пришлось бросить. А батальоны Национальной гвардии, возглавляемые революционными командирами, начали занимать все важные пункты Парижа: военные и другие министерства, префектуру, Ратушу.

Тьер, сидевший 18 марта в министерстве иностранных дел, увидев проходивший мимо батальон Национальной гвардии, в страхе спустился по черному ходу, сел в карету и умчался в Версаль, а вслед за ним туда же бежала вся свора бонапартистских генералов, сановников, дельцов с женами, любовницами и лакеями. Воздух в Париже как бы стал чище, природа, словно радуясь переходу власти к народу, на другой день, в воскресенье 19 марта, озарила освобожденный город теплым весенним солнцем. Центральный комитет Национальной

гвардии заседает в Ратуше, традиционном местопребывании приходящих к власти революционных правительств. Здание заполнено гвардейцами, у дверей часовые, на площади возведены баррикады, стоят пушки, и в одном из роскошных залов собрались члены ЦК. В этот день удалось решить один жизненный вопрос: взяли миллион франков из французского банка для самых неотложных расходов. Но установить контроль над банком не решились.

С самого начала ЦК допустил много серьезных просчетов, имевших роковые последствия. Вместо того чтобы завершить успех 18 марта походом на Версаль, Тьеру не только дали возможность удрать, но и время для подготовки военных действий против революционного Парижа. Едва взяв власть, ЦК сразу же заявил о намерении быстро сложить свои полномочия и передать их избранному всеобщим голосованием муниципальному собранию — Коммуне. Это делалось из самых благородных побуждений. ЦК не хотел гражданской войны, хотя Тьер фактически уже начал ее. Над сознанием членов Центрального комитета тяготел кошмар прусского вмешательства. Ведь свыше ста тысяч немецких солдат стояли вдоль восточной границы Парижа. С поразительной наивностью победители 18 марта рассчитывали на мирные переговоры с мэрами Парижа, которым Тьер официально передал власть в городе, и с парижскими депутатами Национального собрания.

К несчастью, многие социалисты, члены Интернационала, действуя в духе идей Прудона, выступали против любых насильственных мер. Социалист Мильер, рабочий и депутат, обращаясь к делегации ЦК, говорил:

— Берегитесь, если вы развернете знамя социальной революции, правительство бросит всю Францию на Париж, и я вижу в будущем роковые июньские дни. Час социальной революции еще не пробил. Надо или отказаться от нее, или погибнуть, увлекая в пропасть всех пролетариев. Прогресс достигается более медленным путем...

Переговоры были ошибкой, напрасной тратой времени, которое можно было бы использовать с большей пользой, двинувшись на Версаль. Впрочем, трудно было тогда разобраться в хаосе, путанице событий, лозунгов, стремлений. Никто в Париже не был в состоянии выработать правильную единую политическую линию. После запутанной интермедии переговоров, тянувшейся восемь дней, состоялись выборы в Коммуну. В воскресенье 26 марта Париж избрал 78 членов Коммуны. Среди них оказалось около трех десятков рабочих, но избрали также полтора десятка явных представителей буржуазии,

заведомых противников социализма. Однако, чтобы представить себе подлинное лицо Коммуны, недостаточно учитывать социальное происхождение того или иного из ее членов.

Среди рабочих было много прудонистов, которые руководствовались иллюзиями, навеянными мелкобуржуазными теориями мнимого социалиста Прудона. А это влекло за собой тяжелые ошибки. Одной из них явилась нерешительность Коммуны по отношению к французскому банку, который так и не был взят под контроль. Тьер получил из этого банка в двадцать раз больше денег, чем Коммуна. «Неприкосновенность» банка прудонисты считали необходимой, ибо намеревались получать от него ссуды для насаждения рабочих кооперативов.

В Коммуне были представлены три главных направления. Во-первых, это были социалисты, члены Интернационала. Среди них преобладали прудонисты. Но были и люди, которые ушли от Прудона и двигались к революционному марксизму. Таков был Эжен Варлен, один из самых замечательных деятелей Коммуны. Вообще, социалисты по мере развития событий быстро революционизировались, хотя многие до конца оставались верными идеям Прудона и гордились этим. Например, тем, что они ни в чем не посягнули на частную собственность.

Второй самой крупной фракцией были неоякобинцы, левые демократы-республиканцы, считавшие своим долгом во всем опираться на опыт и идеи революции 1793 года. Самым выдающимся среди них был Шарль Делеклюз, имевший уже большой опыт революционной деятельности. В Коммуне он играл очень важную и безусловно положительную роль.

Третьей фракцией были бланкисты. Здесь уже знакомые нам Эд, Тридон, Рпго, Прото и другие. Они особенно страдали из-за отсутствия Бланки. Вообще деление на три основных течения в Коммуне часто становилось условным, относительным. Так, когда произошел раскол на большинство, состоявшее из бланкистов и неоякобинцев, и меньшинство социалистов, членов Интернационала, то бланкисты Тридон и Вайян примыкали к меньшинству.

Ни одна из трех основных фракций Коммуны не имела ясной и определенной программы действий. И в наименьшей степени ею обладали бланкисты, которые усвоили у своего учителя его пренебрежение к теории социализма. Теория революции Бланки, если можно вообще говорить о существовании такой теории, как раз и состояла в отрицании необходимости какой-либо программы социального преобразования общества. «Невозможно, — писал Бланки, — ясно представить себе разрешение сотиальной проблемы. Между тем, что есть, и тем, что будет,

существует такое огромное расстояние, что мысль не в силах преодолеть его». Более того, Бланки прямо предостерегал от каких-либо поспешных социальных преобразований в ходе революции. В последние годы Империи, когда уже наблюдались признаки ее близкого краха и приближения революции, он предостерегал от покушения на принцип частной собственности, что было бы, по его мнению, бесполезным и опасным делом. Коммунизм может появиться только в результате просвещения народа.

Прекрасная сама по себе идея народного просвещения в бурные и недолгие дни существования Коммуны не могла, естественно, принести свои, несомненно, благодетельные плоды. Из идейного содержания бланкизма ученики Старика могли практически воспользоваться, конечно, его решительным антиклерикализмом, а главное — чувством революционной смелости. Антипатия Бланки к разным школам утопического социализма, и особенно к прудонизму, привела его, как всегда, к крайности, то есть к отрицанию необходимости какой-либо даже ближайшей социальной программы. Всякие попытки в этом направлении вызывали у Бланки насмешки. С иронией он писал о теоретических дебатах: «Коммунизм и прудонизм яростно спорят на берегу реки о том, чем засеяно поле на противоположном берегу реки — маисом или пшеницей. Заупрямившись, они хотят решить этот вопрос, прежде чем преодолеют препятствие. Эх, переправимся сначала! А там уж увидим!»

Для бланкистов и для других деятелей Коммуны как раз неожиданно и настал момент начала такой «переправы». И всем им оставалось лишь руководствоваться своим здравым смыслом и способностью интуитивно реагировать на неожиданно возникающие проблемы...

28 марта состоялось торжественное провозглашение Коммуны. В этот день гигантские массы людей с оркестрами и барабанами, с красными знаменами, с фригийскими колпаками на штыках затопили Гревскую площадь. Здание Ратуши украшено флагами, на трибуне возвышается мраморный бюст Марианны — символ республики, обвитый красными лентами, а вокруг него стоят члены Коммуны. Вперед выступает член Центрального комитета Национальной гвардии, бланкист Габриель Ранвье:

— Граждане! Центральный комитет Национальной гвардии передает свою власть Коммуне! Граждане, я не

могу сегодня произносить речь, мое сердце слишком полно радостью. Позвольте мне только воздать хвалу населению Парижа за тот великий пример, который он дал миру.

Затем оглашается список избранных. Снова говорит Ранвье:

— Именем народа Коммуна провозглашена!

Толпа откликнулась выражением единодушного восторга. Присутствовавший на этом народном празднике писатель Катюль Мендес, противник Коммуны, был тем не менее поражен народным апофеозом и писал о нем: «Внезапно раздается пушечный выстрел, песня несется грозными раскатами. Громадная зыбь знамен, штыков, кепи уходит, набегает, струится и сбегает к трибуне. Пушки продолжают грохотать, но их слышно, только когда смолкает пение. Затем все эти звуки теряются в общем голосе толпы; у всех этих людей единое сердце, как у всех у них один голос, один крик: «Да здравствует Коммуна!»

В тот же день состоялось первое заседание Коммуны. Хотя Бланки, избранный в Коммуну сразу в двух округах, естественно, не присутствовал, ибо он уже десять дней был в тюрьме, его сразу же вспомнили. Бланки был избран почетным председателем Коммуны. Председательствующий на заседании, старейший из избранных, прудонист Беле сказал:

— Бланки — старик, но, вдали или вблизи, он будет с нами!

Член Коммуны Курнэ в свою очередь заявил в связи с избранием Бланки почетным председателем:

— По отношению к Бланки мы должны сделать что-либо более существенное!

Но что существенное можно было сделать, если даже, не знали, где он находится, хотя сам факт его ареста обнаружился быстро. Его сестра просила версальские власти если не свидания с Бланки, то по крайней мере сообщения о том, где его держат. Однако последовало лишь строжайшее запрещение давать какие-либо сведения о нем. Правительство Тьера, поднявшее дикие вопли по поводу беззаконий, чинимых Коммуной, в действительности нарушало законы в тысячи раз более спокойно, чем Коммуна, которая как раз и отличалась излишней щепетильностью в отношении юридического оформления всех своих мер. Это, кстати, было одной из ее самых вредных ошибок. Рошфор, издававший в Париже при Коммуне газету «Пароль», писал: «Бланки, присужденный заочно к смерти, найден и арестован. Пусть так. Правительству, арестовавшему его, остается только предать его суду присяжных. Но любители законности, заседающие в версальских казармах, нашли более удобным, отказав своему пленнику даже в военном суде, на каковой он имеет право, законопатить его в неведомой конуре и содержать его в такой изоляции, что никто не знает, в какой тюрьме он заключен и умер ли он там или только умирает. Это превосходит все пределы безумия. Закон, разрешающий чудовищную и бесполезную меру, которая называется «содержание в изоляции»,

никогда, ни в какое время, ни под каким режимом, как бы жесток он ни был, не разрешал уничтожения, то есть полного сокрытия обвиняемого». Рошфор писал, кроме того, что «Тьер решил задержать его заложником... При этом его не только не считали обычным арестантом, но превратили его как бы в человека в железной маске, окружив его тайной и мраком могилы».

Сразу после 18 марта бланкисты принимают меры для розыска и освобождения Бланки. Морис Доманже писал: «В Париже в это время его сторонники оценивают неисчислимые преимущества, которые явились бы результатом его присутствия... Как никогда было важно освободить ***великого*** революционера». С этой целью из Парижа по городам, где предположительно мог содержаться Бланки, отправляется бланкист Гранже с солидной суммой денег, которые выделила Коммуна для освобождения Бланки. Но о Бланки думали в Коммуне не только бланкисты. Среди членов Коммуны возникло естественное желание видеть в своих рядах такого прославленного революционера. Собственно, сам факт избрания его почетным председателем Коммуны говорил именно об этом. Рядовые коммунары хотели иметь авторитетного вождя, особенно когда началась война с Версалем. Возглавлявшие последовательно Национальную гвардию авантюристы Люлье, Клюзере, Россель очень скоро обнаруживали свою полную непригодность, и их быстро меняли, что не могло не подрывать морального состояния бойцов. Коммуна не имела председателя (кроме почетного). Не было главнокомандующего ее войсками, не было мэра Парижа. Даже ее комиссии, игравшие роль министерств, не имели председателей. Характерно, что никогда даже не пытались серьезно выдвигать кого-либо на эти посты. Причина заключалась не только в отрицательном отношении к монархическому принципу единовластия, распространенному среди коммунаров, особенно прудонистов. Просто отсутствовали подходящие популярные деятели, пользовавшиеся авторитетом. Как правило, среди руководителей Коммуны фигурировали никому во Франции не известные люди, что всячески подчеркивали в Версале.

Сам по себе арест Бланки 17 марта п содержание его в строжайшей тайне были фактически похищением потенциального руководителя Коммуны. Тьер, хорошо знавший политический мир, людей самых различных тенденций, видел в Блапки опасного кандидата на роль вождя восставшего Парижа. Извещенный по телеграфу 17 марта об аресте Бланки, Тьер злорадно воскликнул:

— Наконец-то нам попался самый отъявленный из

разбойников!

Отсюда и совпадение по времени. Ведь Бланки сначала не трогали, и он спокойно жил в деревне, хотя полиция знала его местопребывание. Но Тьер запланировал захватить 18 марта пушки Национальной гвардпи в Париже. И он наверняка предполагал, что как только Бланки узнает о революции в столице, то он немедленно устремится туда. Арест Бланки 17 марта должен был предотвратить такую опасность.

Разумеется, можно было только гадать, какой могла оказаться роль Бланки в Париже при Коммуне. Кстати, вопрос об этом возник на суде над Рошфором, когда его судили версальцы за то, что он, хотя и не был активным деятелем Коммуны, в своей газете «Пароль» одобрял многие ее мероприятия. Председатель суда обвинил Рошфора в том, что он выступал в защиту Бланки. Но обвиняемый сказал в свое оправдание: «Бланки — заслуженный заговорщик и в то же время человек положительный, и если бы он принимал участие в Коммуне, он был бы один из самых умеренных ее членов. Благодаря своему авторитету и своему возрасту он предупредил бы много бедствий... Поэтому, если бы Бланки принимал участие в Коммуне, — ни поджоги, ни убийства, конечно, не имели бы места». Рошфор напомнил, что в ходе событий 31 октября 1870 года, когда национальные гвардейцы во главе с Флурансом арестовали правительство «национальной обороны», то именно Бланки не допустил расстрела генерала Трошю, что намеревались сделать, учитывая его предательскую роль в деле обороны Парижа.

Действительно, Бланки играл сдерживающую роль в ходе многих событий революции 1848 года; только под давлением своих более горячих молодых друзей он принял решение о восстании 12 мая 1839 года или 14 августа 1870 года, он действовал крайне сдержанно и после революции 4 сентября 1870 года. И все же это не дает оснований согласиться с мнением Рошфора. Дело в том, что поступать более умеренно, великодушно, чем это делала Коммуна, было просто невозможно. Именно робость Коммуны как в борьбе с врагами, так и в проведении социальных преобразований была ее главной ошибкой, сыгравшей роковую роль.

Конечно Коммуна провела такие шумные, но, в сущности, символические мероприятия, как сожжение гильотины у памятника Вольтеру, разрушение Вандомской колонны, воздвигнутой во славу побед Наполеона, или уничтожение роскошного особняка Тьера. Но она, как уже говорилось, не тронула даже французский банк, долго не запрещала враждебных

газет, терпела подрывную деятельность бесчисленных агентов Тьера.

Только благодаря настойчивости бланкистов Дюваля и Флуранса была предпринята единственная запоздалая попытка наступления на Версаль, закончившаяся неудачей и гибелью этих замечательных героев Коммуны.

Очень многое написано буржуазными историками о «зверствах» членов комиссии безопасности Коммуны, бланкистов Рауля Риго и Теофиля Ферре. Но это чистейший миф. Всего за два месяца было арестовано 1400 человек, а расстреляно менее сотни. Что это значит по сравнению с тридцатью тысячами зверски убитых без суда коммунаров во время «кровавой недели» по приказу палача Тьера?

Почвой для нелепых разговоров о «жестокостях» Коммуны были характерные для Риго мальчишеские выходки и его страсть к хлестким фразам. Вот, например, как вел допрос архиепископа Парижа Жоржа Дарбуя сам Рауль Риго, прокурор Коммуны. Приведенный в кабинет Риго архиепископ спросил:

— Что от меня хотят, дети мои?

— Гражданин, — ответил Риго резко, — оставьте-ка вашу вкрадчивую манеру говорить и не забывайте, что вы здесь находитесь в присутствии судей. Вот уже полторы тысячи лет, как вы пичкаете нас своими суевериями. Пора положить этому конец!.. Ваша профессия?

— Служитель бога.

— Где живет ваш господин?

— Всюду.

— Запишите, — приказал Риго секретарю. — «Гражданин заявляет, что он — слуга лица, именуемого Бог, который, по признанию обвиняемого, занимается бродяжничеством».

Конечно, по сравнению с крайним, даже преступным либерализмом многих деятелей Коммуны, который обошелся ей так дорого, бланкисты отличались относительной твердостью. Именно благодаря бланкистам Комму-па все же приобрела свой революционный характер, именно их твердые действия отражали то, что Ленин называл «гениальным чутьем проснувшихся масс». Поэтому нельзя согласиться с Рошфором, что Бланки сделал бы Коммуну более мягкой, осторожной, покладистой. Мягче, чем она действовала, уже просто невозможно было поступать. Рошфор также говорит об «убийствах», якобы совершенных Коммуной. Как известно, Коммуна в ответ на массовые зверские расправы версальцев с коммунарами приняла декрет о заложниках, в соответствии с которым арестовали около сотни человек. Объявили, что на убийство каждого коммунара будет отвечено

расстрелом трех заложников. Но декрет не применялся до самого конца и почти все заложники были просто освобождены. По приказу Ферре в последние дни «кровавой недели», когда Тьер беспощадно уничтожал многие тысячи коммунаров, было расстреляно только пятеро заложников, в том числе архиепископ Дарбуа. Но так поступили лишь в ответ на наглое поведение Тьера в связи с переговорами об освобождении Бланки.

История этих переговоров — знаменательный эпизод биографии Бланки, в котором, правда, он не только не принимал сам никакого участия, но даже и не знал о них. Тем более ярко они отразили место и роль Бланки в событиях, связанных с одним из самых драматических конфликтов во всей истории Франции, в истории всемирного освободительного движения пролетариата.

Бланкисты остро почувствовали отсутствие Бланки сразу, как только они оказались у власти в результате победы парижской революции 18 марта. Они просто не могли представить себе, что в новой сложной обстановке они будут лишены советов и руководства Бланки. Поэтому его кандидатура и была выдвинута на выборах в Коммуну в двух округах Парижа. Известие об аресте Бланки явилось для них серьезным ударом. Им так хотелось разделить радость победы со Стариком! К тому же победу надо развить и упрочить практическими делами, к которым никто из них не был подготовлен. Мысль о том, что необходимо добиться освобождения Бланки, впервые высказал Тридон, который и вызвал 27 марта в Париж Флотта. Когда он приехал, то 6 апреля сначала ему предложили отправиться на розыски Бланки. Тридон возразил, что с этой целью из Парижа уже уехал Гран-же и что надо попытаться обменять Бланки путем переговоров с Тьером на заложников, которых арестовали по декрету Коммуны от 5 апреля. Среди них был сам архиепископ Парижа Дарбуа, его сестра, настоятель собора Мадлен и сенатор Бонжан. 9 апреля Риго выдает Флотту пропуск в тюрьму Мазас для встречи с архиепископом. Беседа революционера-безбожника и прелата католической церкви прошла успешно. Архиепископ пишет письмо к Тьеру, в котором излагает предложение Коммуны об обмене, сообщает о своем согласии и просит Тьера санкционировать его. Дарбуа поручает своему старшему викарию Лагарду лично передать письмо Тьеру. Викарий тоже находится среди заложников, и он обещает ар-хиепископу в любом случае вернуться в Париж.

Флотт сам провожает викария на Лионский вокзал и на прощание напоминает ему:

— Позвольте напомнить вам, что каков бы ни был ответ, вы остаетесь пленником и обещаете вернуться.

— Не беспокойтесь, господин Флотт, я вернусь, даже если я буду расстрелян. Неужели вы можете представить себе, что я покину монсеньора Дарбуа?

В письме, которое везет викарий Тьеру, архиепископ так обосновывает целесообразность обмена:

«Несмотря на мою причастность к этому делу, я позволяю себе обратить на него Ваше внимание; мотивы, по которым я это делаю, покажутся Вам, я надеюсь, вполне благовидными.

Среди нас накопилось много причин для раздоров и раздражения, и раз представляется случай для соглашения, касающегося, впрочем, только лиц, но не принципов, то не будет ли благоразумным воспользоваться им и способствовать таким образом успокоению умов. Общественное мнение, может быть, не поймет причин отказа... При настоящем положении вещей в Париже этот вопрос человеколюбия заслуживает Вашего полного внимания.

Разрешите мне, господин президент, привести Вам, наконец, мой последний довод. Тронутый тем рвением, скаким лицо, о котором я говорю (Флотт. — *Н. М.*), проявляло свою столь искреннюю дружбу к Бланки, мое сердце человека и священнослужителя не могло устоять против его трогательных просьб, и я обещал ходатайствовать перед Вами об освобождении Бланки в самый ближайший срок, что я и делаю. Я буду счастлив, господин президент, если то, о чем я Вас прошу, не покажется Вам невозможным...»

Прошло пять дней. Лагард не возвращался. Наконец 15 апреля из Версаля пришло письмо, в котором ои сообщал, что уже четыре раза встречался с Тьером, но что никакого решения еще не принято и что ему приказано ждать еще два дня. Проходят эти дни и следующие. Никакого решения нет, а Лагард вопреки данному им честному слову Флотту и самому архиепископу не возвращается. Тогда Дарбуа пишет своему викарию записку, которую он передает через посланника Соединенных Штатов Уошберна: «По получении этого письма п независимо от того, в каком положении находятся порученные г. Лагарду переговоры, предлагаю ему немедленно возвратиться в Париж и явиться в Мазасскую тюрьму. Совершенно непонятно, что правительству мало десяти дней для выяснения вопроса — принимает оно предложенный ему обмен или нет. Эта медлительность нас серьезно компрометирует и может иметь прискорбные последствия».

Архиепископ не дождался не только своего викария, но даже письма от него. Ясно, что Тьер не хочет обмена. Однако архиепископ, которому пребывание в тюрьме, видимо, не

слишком приятно, возобновляет переговоры через американского посланника. Он передает Тьеру подробную записку, в которой излагаются доводы в пользу обмена архиепископа и еще четырех заложников на одного Бланки. В записке, в частности, предлагается новый вариант обмена, который не задевает «достоинства» Тьера, не желающего иметь прямых отношений с Коммуной, хотя она является законно избранным муниципальным советом Парижа:

«Что касается освобождения Бланки, то не представляется ли возможным вместо официального на то приказа осуществить его путем предоставления заключенному возможности бежать, причем обе стороны уславливаются, что беглец не будет снова арестован, если только не совершит нового преступления. Таким образом правительству не придется иметь никакого дела с Коммуной, а лицо постороннее и не имеющее с ней ничего общего получит от г. Уошберна необходимую гарантию. Таким путем все могло бы быть улажено. Освобождение Бланки не представляет никакой серьезной опасности даже при настоящем положении вещей. Сопротивление Парижа носит чисто военный характер, и присутствие в нем Бланки не может его изменить».

Дарбуа действительно добивался обмена и освобождения Бланки, ибо он знал, что угроза его расстрела в противном случае совершенно реальна, и не из-за «жестокости» Коммуны, а из-за массового движения парижских пролетариев в защиту Бланки. В то время в Париже возникло множество народных клубов, непрерывно заседавших в зданиях церквей. Почти все они обращались к Коммуне с требованием использовать все средства, чтобы Бланки был освобожден и прибыл в Париж. Например, клуб в церкви Сен-Северен (в квартале Пантеон) на собрании двух тысяч человек потребовал расстрелять Дарбуа, если Бланки не будет освобожден. Клуб революции в церкви Сен-Бернар (Монмартр) потребовал 10 мая казни «одного серьезного заложника» через каждые 24 часа, пока в Париж не будет возвращен Бланки. Подобные требования звучали все решительнее по мере ухудшения военного положения Парижа и раздоров в руководстве Коммуны. Усиливалось соперничество между Советом Коммуны, ЦК Национальной гвардии, Комитетом общественного спасения. В самом Совете Коммуны произошел раскол на большинство (бланкисты и неоякобинцы) и меньшинство (члены Интернационала — прудонисты) . Многие надеялись, что прибытие Бланки может прекратить эти распри и даст Коммуне единое твердое руководство, которое могло бы спасти ее.

Поэтому Коммуна содействует архиепископу Дарбуа в его

попытках договориться с Тьером через американского посланника, а также через папского нунция Черну-ши, делегата лондонского мэра, и через других лиц. Более того, после провала переговоров через Лагарда Коммуна посылает своего представителя для непосредственных личных переговоров с Тьером. В Версаль отправляется бланкист Бенжамин Флотт. Дарбуа в специальном письме просит Тьера принять его и пишет: «Каковы бы ни были его политические убеждения, это — человек честный и искренний. Вы сообщите ему свой ответ и дадите ему возможность доставить его сюда».

Версаль, этот прежде тихий город-парк, предстал перед Флоттом, приехавшим туда 13 мая, в виде переполненного шумного эмигрантского лагеря. Коммунара Флотта фактически под конвоем провели во дворец префектуры. Здесь до середины марта была походная резиденция прусского короля Вильгельма I, который еще в январе в Версале превратился в германского императора. Теперь префектура стала местопребыванием Тьера, носившего странный титул «главы исполнительной власти». В марте и в начале апреля Тьер сидел здесь в страхе, готовый каждую минуту бежать. Но Коммуна упустила благоприятный момент. Тьер упросил Бисмарка срочно отпустить французских пленных солдат, офицеров и генералов, которых кровавый карлик готовился бросить на Париж. Теперь он осмелел и принял Флотта с надменной миной и ледяной холодностью. Во время первой встречи Тьера и Флотта, продолжавшейся более часа, версальский правитель всячески уходил от ответа на вопрос, согласен ли он на предложенный обмен. Его уклончивые заявления на эту тему сводились к повторению двух стереотипных формул: может быть — да, но может быть — нет... Тьера гораздо больше интересовал вопрос о том, действительно ли Коммуна пойдет на расстрел архиепископа или нет? Тем самым он выдавал свой сокровенный замысел: поставить Коммуну в такое положение, когда она должна будет обязательно расстрелять католического прелата. В свете последующих чудовищных расправ над коммунарами становится ясным поведение Карлика (кстати, ***это*** было его ходячее прозвище). Но в момент беседы Флотт, конечно, не мог вообразить себе всю чудовищность замысла жестокого маньяка и вел себя с предельным чистосердечием, откровенно рассказывая о том, как возмущены в Париже зверствами версальцев, как это может вынудить Коммуну осуществить декрет о заложниках и расстрелять архиепископа.

— Если Коммуна, — заявил Тьер, — решится на подобное преступление, она совершит чудовищное дело.

— От вас, господин Тьер, зависит, чтобы этого не случилось,

— отвечал спокойно Флотт.

— Прекрасно, но скажите мне причину, заставляющую думать, что жизнь монсеньора действительно подвергается опасности.

— Бесчеловечное поведение версальских генералов по отношению к борцам Коммуны.

Тьер бросил на Флотта быстрый взгляд: он понял, что может получить то, что ему надо, то есть казнь архиепископа, которая будет служить оправданием задуманного им массового уничтожения коммунаров. Заканчивая беседу, он с предельной сухостью сказал:

— Вопрос об обмене дважды обсуждался в совете... Я могу с согласия совета генералов сделать очень много, но без их разрешения — ничего. Я незнаком с Бланки; говорят, что он очень умен и очень опасен; он принадлежит к крайней революционной партии.

На следующий день, 14 апреля, состоялась вторая беседа. Тьер встретил Флотта стоя и заговорил, не дав сказать ему ни слова, категорическим тоном как об окончательно решенном деле:

— Обмен невозможен, так как возвращение Бланки в лагерь восставших было бы равносильно посылке вам на помощь силы, равной армейскому корпусу!

Тьер замолчал и, сделав паузу, равнодушно, как будто нехотя добавил:

— Впрочем, я поручаю вам передать архиепископу, что все может измениться со дня на день, что я ничего решительно не забыл, чтобы вывести его из того печального положения, в котором он находится.

Флотт понял, что это пустое, туманное обещание не меняет главного: обмен решительно отклоняется. Тогда Флотт, вспомнив, что Коммуна ради Бланки готова на все, торопливо заметил Тьеру, что в Мазасе находятся, кроме архиепископа и четырех других, предназначенных для обмена, много других заложников, что если он подпишет немедленно приказ об освобождении Бланки, то Коммуна освободит их всех.

Тьер отвечает новым отказом.

— Хорошо, — говорит Флотт, — дайте только слово, что вы подпишете приказ об освобождении Бланки, и завтра же взятые нами 74 заложника будут доставлены сюда.

Тьер снова повторяет свой отказ.

Флотт, описывая эту мрачную беседу, заключает: «При гиде непоколебимой решимости мне ничего не оставалось, как удалиться».

Флотт возвратился в Париж. Он немедленно рассказал о своих бесплодных переговорах бланкистам Риго, Ферре, Эду, Вайяну, Тридоиу. Затем он отправился в тюрьму Мазас и сообщил все, что сказал ему Тьер, архиепископу Дарбуа и аббату Дегерри.

— Как мало сердца у этого человека, — задумчиво произнес аббат.

— Скажите лучше, — поправил его архиепископ, — что у этого человека совсем нет сердца.

Счастье Дарбуа, что он не успел прочитать адресованное ему письмо, в котором Тьер обосновывал свой смертный приговор архиепископу. Священнослужитель наверняка потерял бы веру в бога, познакомившись с тем, как Тьер оправдывал свое решение. Это, пожалуй, непревзойденный по своей бесчеловечности и жестокому лицемерию документ. Он убедил бы прелата римско-католической церкви, что человек, если судить по Тьеру, не может быть плодом божественного творения. Тьер писал:

«Монсеньор,

С чувством глубокого сожаления правительство вынуждено отклонить предложение об обмене, которое ему направило Ваше Высокопреосвященство. Оно не имеет права в настоящее время предоставить свободу г-ну Бланки».

Тьер указал на якобы непреодолимое юридическое препятствие, не позволяющее произвести обмен. Оказывается, дело в том, что Бланки осужден заочно. Поэтому необходим новый суд, который, возможно, вынесет другое решение. Поскольку Бланки заочно приговорили к смертной казни, то иное решение означало бы длительное тюремное заключение или даже оправдание. Разве такая возможность не облегчает, а затрудняет обмен? Ссылка Тьера на «непреодолимое» юридическое препятствие настолько нелепа, что заставляет вспомнить о тех, кто говорил, что этому уникальному выродку были совершенно чужды нормальные человеческие представления о нравственности. Тьер привел и еще не менее «убедительный» довод: «Кроме этой юридической невозможности, имеется и еще соображение, которое не может не учитывать Ваше Высокопреосвященство. Как можно ставить на одну доску прославленного архиепископа Парижа, Преподобного кюре храма Мадлен и сенатора Бонжана с таким человеком, как Бланки?»

Потрясающая логика. Поскольку заложники и Бланки — люди разного ранга, Тьер предпочитает, чтобы не унизить заложников, обречь их на смерть...

Французский историк Александр Зэваэс пишет по поводу дела об обмене: «В глубине души Тьер очень мало беспокоился о том, уцелеют ли несчастный прелат и злополучные заложники

Коммуны или погибнут; он не хотел давать революционному правительству умного и смелого человека, которого тому не хватало. А кто знал ненасытную и свирепую кровожадность Тьера, мог не без основания себя спросить: не входила ли казнь Дарбуа в его расчеты? Не была ли она для него средством, дававшим ему возможность представить коммунаров в более отвра-тигельном виде, а также шансом, который позволит ему позднее смягчить тот ужас, который, как он предвидел, вызовет у всех задуманная им кровавая расправа на улицах столицы? Если епископ будет казнен, а заложники расстреляны, общественное мнение будет возмущаться коммунарами и ©кажется более снисходительным к действиям тех, кто подавил восстание. Поэтому не следовало никоим образом соглашаться на обмен Бланки».

К. Маркс в своей работе «Гражданская война во Франции» специально останавливается на смысле переговоров об обмене Бланки, на роли, которую мог сыграть Бланки в Коммуне, и на мотивах действия Тьера. Маркс пишет: «Он знал, что, освобождая Бланки, он даст Коммуне голову».

Между тем дни Коммуны уже были сочтены. Наступил момент крайней опасности. В три часа дня в воскресенье 21 мая версальские войска вошли в Париж. Они не взяли его штурмом, они не бросались на приступ укреплений, ибо на них никого не было. Уже несколько дней, как ворота Сен-Клу и другие проходы в город никем не охранялись. Занятые внутренними распрями члены Коммуны упустили из виду главное — борьбу против общего смертельного врага. Даже теперь не было принято общего плана обороны. Члены Коммуны разошлись по своим округам, и оборона держалась в отдельных очагах, где было проявлено много героизма, но минимум военного искусства... Версальские генералы сразу же начали массовые расстрелы. Наступила страшная «кровавая неделя». В это время рядовые коммунары, которые своими глазами увидели, что творят версальцы с их товарищами, решительно потребовали от Рауля Риго и Теофиля Ферре выполнения декрета о заложниках. Тогда 24 мая и был отдан приказ о расстреле их небольшой группы, в том числе и епископа Дарбуа.

— Вот уже два месяца, — с отчаянием сказал друзьям Риго, — как версальцы всех расстреливают. Эти люди безжалостны. Мы никогда не собирались привести в исполнение закон о заложниках. И, однако, это было нашим правом. Я даже не собирался держать их в Мазас-ской тюрьме. Я хотел только одного — получить Старика! За него я бы им отдал всех, архиепископа, Дегеррп и прочих... Я бы выпустил всех из Мазаса, я бы всем арестованным выдал пропуска в Версаль. Но мне нужен

был Бланки! Чего только мы не предпринимали! Дарбуа писал. Флотт с риском быть арестованным отправился к

Тьеру. Ничто не помогло. Впрочем, сейчас все кончено!

В этот день Рауль Риго, никогда не обращавший внимания на то, как он выглядит, был одет по всем правилам военного щегольства, как будто направлялся на парад. На нем был мундир с красными отворотами, с таким же воротником. Он был в офицерском кепи с кокардой — на красном околыше серебряная граната... Таким его и окружили версальцы и спросили, кто он такой.

— Я Рауль Риго, прокурор Парижской коммуны!

Через секунду он лежал на мостовой с раздробленной пулей головой. К концу «кровавой недели» горы трупов загромождали улицы города, их не успевали убирать. Убитых пытались топить в Сене, в прудах. Их обливали керосином и поджигали. Чудовищный трупный смрад окутал великий город. Люди, которые наблюдали человеческую бойню, определяли число убитых в тридцать тысяч человек...

Погребальным звоном по Коммуне звучали залпы версальских карателей, убивавших парижских рабочих. Злобная радость Тьера была тем более велика, что он мог теперь наконец избавиться от страха, что Коммуна освободит Бланки и обретет новую силу. Из-за этого страха он держал его в Кагорской тюрьме, не решаясь даже на перевод в более надежную темницу. Пока была сильна Коммуна, существовала опасность, что либо в Кагоре, либо по пути, во время перевозки Бланки, бланкисты освободят своего вождя. Конечно, были приняты строжайшие меры, чтобы местопребывание Бланки оставалось неизвестным. Ему запретили не только свидания, но даже переписку с кем-либо, даже с родственниками. За два месяца к нему в камеру наведались лишь местный префект и прокурор. К Бланки из охраны имел право заходить только старший надзиратель тюрьмы. Все попытки сестры Бланки добиться свидания с ним или просто узнать, где он находится, остались безуспешными. Напрасно и сам Бланки требовал встречи с судебным следователем.

Но в Версале учитывали, что, как ни строго охраняют Бланки, тайна все равно станет известной. Действительно, Гранже уже бродил вокруг Кагорской тюрьмы. Поэтому давно решили упрятать его в такое место, которое гарантировало бы полную изоляцию от внешнего мира и полную невозможность вырваться на свободу. Этим занялись еще в апреле. Сам военный министр Ле-Фло, крупный землевладелец в Бретани, облюбовал подходящее место. Вблизи его владений, у северного побережья

полуострова Бретань, находился маленький скалистый островок, весь занятый старинной крепостью. Уже 3 мая командир Брестской дивизии, расположенной вблизи этих мест, доложил военному министру, что все подготовлено для приема важного политического преступника, что для конвоирования подобран надежный офицер с солдатами. Морской префект вскоре, в свою очередь, доложил морскому министру Потюо, который тоже занимался этим делом, что подобран караул уединенной морской крепости, что на месте уже находится капитан генерального штаба для особого наблюдения над задуманной операцией.

Но переводить Бланки решились только после того, как версальские войска вступили в Париж. Решили, что теперь можно действовать, ибо дни Коммуны сочтены и ей уже не до освобождения Бланки. Рано утром 22 мая 1871 года Бланки поднимают, под охраной офицера и пяти жандармов доставляют на вокзал и везут куда-то к северу, не говоря ему ни слова о месте его назначения. Поскольку поезд движется в северо-западном направлении и Бланки провозят через Сомюр, Анжер, Нант, Ренн, он видит, что оказался в Бретани. Догадаться было нетрудно потому, что здесь, в традиционно самом отсталом, реакционном районе Франции, на остановках Бланки становится объектом самых враждебных демонстраций. Разошелся слух, что везут опасного преступника, кровожадного ненавистника порядка и собственности. «Мошенник! Разбойник!» — раздаются злобные выкрики по его адресу. Расстояние, отделявшее старое место заключения от нового, по прямой всего около шестисот километров. Но из-за многочисленных остановок и сложного маршрута переезд занял двое суток.

Наконец поздно вечером прибывают в приморский городок Морлэ. Бланки пересаживают в тюремную карету и везут еще тринадцать километров к Карантеку. Уже час ночи, когда Бланки сажают в большую лодку. Через два часа плавания лодка приближается к каким-то скалам, на которых видна старинная крепостная стена. Бланки высаживают на камни и ведут через подъемный мост в крепость Торо. Внутри он оказался в караульном помещении, где находилось около двух десятков солдат. Затем его ведут через двор к лестнице из восьми ступеней, за которой маленькая дверь каземата. Еще тринадцать ступеней вниз, еще дверь, а за ней мрак и холод подземной камеры. При свете тусклого фонаря Бланки замечает в

углу матрас. Он падает на него, измученный, совершенно обессиленный путешествием. Дверь за ним с грохотом запирают. Бланки в новой, очередной тюрьме, о которой он еще ничего не знает...

Проснувшись утром, Бланки видит себя в камере со сводчатым потолком старинной постройки. Камень степ почернел, покрылся плесенью. Довольно просторно, метров десять в длину и пять в ширину. С одной стороны заметен квадрат кирпичной кладки, которой наглухо заделано окно, выходившее на море. На противоположной стороне другое окно с ржавой решеткой, выходящее в колодец внутреннего двора, откуда пробивается тусклый свет. Видно, что солнце сюда никогда не заглядывает. Здесь даже в полдень — сумерки. Бланки привык уже сравнивать условия своих тюрем, и он сразу убеждается, что здесь хуже, чем в Мон-Сен-Мишель, где по крайней мере можно было любоваться морем, прибрежным песком и небом.

Бланки узнает, что он в замке Торо. Хотя он здесь никогда не был, но он знает о нем, пожалуй, больше, чем его новые тюремщики. Он уже много лет провел в островных тюрьмах и по книгам изучил географию прибрежных мест возможного заключения. Замок построили в середине XVII века как крепость, прикрывающую подступы с моря к заливу и городу Морлэ. А потом он стал служить и тюрьмой, когда требовалось спрятать узника особенно надежно.

Утром к Бланки явился комендант крепости. Он сурово перечислил ему правила, которые должен соблюдать заключенный:

— Нам приказано стрелять в вас при малейшей попытке побега. Если на крепость нападут извне, чтобы освободить вас, то мы имеем приказ застрелить заключенного. В крайнем случае нападающим достанется только ваш труп.

— В наши дни, господин комендант, — ответил насмешливо Бланки, — таких попыток не делают. Если бы и решились на это, то вы понимаете, что, кроме моего трупа, останутся еще и трупы гарнизона.

— Это я знаю, — ответил комендант и удалился.

Вскоре является тюремщик и велит ему следовать за

собой. Пройдя две двери, они выходят во двор, где ждут два солдата с обнаженными саблями. Затем под их охраной Бланки проводят наверх по лестнице на открытую платформу, огражденную со всех сторон решеткой. Теперь

Бланки видит с одной стороны безбрежное море, с другой — отдаленный берег с двумя селениями, в. одном из которых возвышается колокольня церкви. Крепость занимает всю небольшую скалу. Бланки хочет посмотреть на наружные стены и подножие крепости и идет к решетке, но его немедленно хватает тюремщик.

— Вам запрещено смотреть на море.

Значит, остается только небо. Три четверти часа Бланки имеет возможность подышать свежим воздухом. Такие прогулки устраиваются дважды в день. И каждый раз весь гарнизон крепости приводится в боевую готовность. Вот как сам Бланки описывал эти прогулки, которые были серьезным событием не столько для него, сколько для охраны, которую здесь держали только из-за него одного: «В определенный час весь конвой становился под ружье и поднимался подъемный мост. Гром его цепей возвещал заключенному, что настал час прогулки. У входа на лестницу его ждал солдат с обнаженной саблей, а на платформе стоял солдат с заряженным ружьем. Надзиратель следовал по пятам узника. После прогулки солдата отпускали, а под его окном неотступно стоял часовой. Мост с тем же шумом опускался, и опасность для форта и гарнизона миновала. А опасность заключалась в следующем.

Ужасный старик, который едва держался на ногах, мог ведь повалить и убить на платформе тюремщика и часового, сбежать по лестнице, изрубить в дверях солдата с обнаженной саблей, а еще ниже — стоящего под окном часового, пройти через переднюю, уничтожая по пути стражу, выбить дверь в кордегардию, уничтожить восьмерых солдат, дежурящих там, опустить своими силами подъемный мост и, наконец, броситься в море и плыть до берега под огнем уцелевших 15 солдат и 9 пушек крепостной батареи. И чтобы совершить ряд этих подвигов, заключенный имел деревянные башмаки и собственные кулаки».

В разных тюрьмах, в которых успел побывать Бланки, на узника часто угнетающе действовала мертвая тишина, безмолвие могилы. Здесь Бланки страдает от невероятного шума. Каждые полчаса обходы, смены часовых, проверки. Все это сопровождается громкими криками, топаньем тяжелых ботинок, лязгом оружия, грохотом дверей, решеток, замков. Кроме того, в крепости была кухня, кухарка которой очень любила громкое, почти непрерывное пение. Двое ее детей тоже производили адский шум и вопили изо всех сил. Мучимые скукой, бездельем, тоской солдаты невольно подражали кухарке и распевали на все голоса. А камера Бланки обладала удивительным акустическим свойством. Любой звук со двора как бы усиливался здесь. Бланки, который старался вообще не обращать внимания на охрану, не выдержал и обратился к коменданту:

— Вы заключили меня в могилу и обязаны по крайней мере дать мне покой могилы.

— Я не могу помешать петь моим людям, которые скучают.

— Но ни в какой другой тюрьме такие скандалы не

допускаются. Тишина должна царить во всех тюрьмах и помещениях, где находятся заключенные. Она должна соблюдаться и в вашей Бастилии.

— Это не Бастилия и не тюрьма, а казарма.

— Казарма? Но в казармы не запирают политических узников и «железных масок», которым запрещают говорить с кем бы то ни было. А между тем мне здесь запрещено обращаться с вопросами и тем более — запрещено отвечать мне.

— Да, вы — нечто вроде «железной маски».

— Ив какой это казарме совершаются постоянные обходы, раздаются бешеные крики: «Кто идет?» Ваша казарма — Бастилия Людовика XIV — попытка возвращения к старому режиму, надругательство над всеми законами. Здесь царствует произвол старой монархии. Меня привезли сюда воровски, ночью. На протяжении многих месяцев я не видел и тени гражданского чиновника судебного ведомства. Я здесь во власти безграничного насилия.

— Ваше положение очень просто. Вы здесь военнопленный, и я вас содержу как такового.

— Что это — насмешка? Я военнопленный? Меня взяли не на войне, я — политический заключенный. А кроме того, где это видано, чтобы даже военнопленного держали запертым в каземате, лишили всякого общения с внешним миром и водили на прогулку с приставленной к груди саблей? С каких пор объявляют военнопленным, что при малейшей попытке освобождения их расстреляют и выдадут лишь трупы? Форт Торо — Бастилия старого режима...

Как-то странно выглядит этот диалог. Бланки, конечно, понимал, что любой разговор с комендантом крепости ничего не даст, что тот лишь выполняет данные ему инструкции. Почему же он отказался от обычного игнорирования охраны, которую он словно не замечал? Видимо, просто прорвалась естественная потребность в каком-то человеческом общении. Подобно тому как узник вдруг бросается с кулаками на стену, так и Бланки был выведен из терпения стеной молчания. Характерно упоминание в этой беседе «железной маски» — легендарного узника Бастилии времени Людовика XIV. «Железная маска» — таинственный заключенный, который провел в тюрьме несколько десятков лет и умер в ней. Никто не только не узнал его имени, но даже никогда не видел его лица. До сих пор историки не могут решить эту загадку.

Имя Бланки тоже стало тайной. Сохранился рецепт врача, выписанный на имя «узника замка». Так же его называли в прибрежных деревнях, где о нем рассказывали всякие сказки. Ни

одна лодка не могла подплыть к форту Торо под страхом стрельбы. Два военных корабля бдительно охраняли остров, чтобы никакое судно не могло приблизиться к нему. Для доставки продуктов к форту Торо мог подходить только небольшой парусник, называвшийся «Надежда»...

Сколько горькой иронии в этом названии! Во всех прежних испытаниях у Бланки оставалась какая-то надежда. Теперь ее не осталось. Ему уже 66 лет, жизнь, состоявшая из неудач, позади. На исходе его физические силы. Он в полном тупике. Первая долгожданная победа его идей — Коммуна — уничтожена. Он мог только гадать о судьбе своих единомышленников и друзей. Живы ли они? Кто уцелел? Что происходит с Францией? Его собственное положение абсолютной изоляции, произвол, жертвой которого он стал, заставляли предполагать только самое худшее. Заживо погребенный Бланки переживал крайнюю степень человеческого несчастья. Как удержаться от того, чтобы не броситься в бессильном отчаянии на эти замшелые, мокрые, холодные и несокрушимые стены? Как сохранить ум, волю и жизнь?

Но Бланки вопреки всему оставался спокоен! Его вновь поддерживала и спасала необычайная сила разума и воображения. В холодной камере, сидя за шатким столом, при тусклом свете коптящей лампы, он пишет необыкновенное произведение, служившее для него средством сохранения существования, силы духа, внутреннего покоя и даже радости! С помощью воображения и ума он переносится в иной мир, дарующий ему радость обладания безграничной свободой в безграничном пространстве...

Бланки пишет книгу «Вечность звездного мира». Он погрузился в занятие космогонией, в науку о происхождении и развитии небесных тел. Космогония чаще, чем любая другая наука, имеет дело с гипотезами, а не с научными теориями. Если они и доказываются, то только с помощью математики. Но Бланки не математик, он имеет о ней лишь общее представление. У него нет книг, звездных атласов, астрономических инструментов. Даже простое созерцание звезд ему доступно только иногда во время прогулки при ясном небе и вечером. Из окна своей камеры он видит лишь угол каменного колодца. Но необъятная вселенная — в его воображении. Он читал когда-то «Трактат о небесной механике» Лапласа. И он тоже материалист, подобно Лапласу. Для объяснения устройства вселенной Бланки также не нуждается «в гипотезе о существовании бога», как сказал однажды Лаплас Наполеону. Но в отличие от Лапласа он не знает тонкостей математики. Бланки компенсирует это своим

поэтическим воображением, хотя он исходит из серьезного научного положения о материальности мира и его бесконечности. Бланки, как ему кажется, восполняет пробелы в космогонии Лапласа, относящиеся к природе комет и туманностей. Он заполняет изъяны космогонической науки методом поэтического воображения. Специалисты считают, что сочинения Бланки перекликаются с космогонией древнегреческого философа Эпикура, с его теорией о множественности миров. Бланки не мог, конечно, стать ни новым Ньютоном, ни Галилеем. Но он ярко обнаружил свои литературные способности и силу духа, которая, образно говоря, позволила ему преодолеть чтимый им закон всемирного тяготения и вырваться из своего застенка, чтобы витать в безграничных просторах вселенной.

Идея бесконечности приводит Бланки к убеждению о множественности миров, о том, что точно такая же земля, не одна, а множество их, не только может, но и должна существовать во вселенной. Он считает, что «условия, создавшие нашу землю и являющиеся одной из типичных комбинаций их совокупности, наверное, повторяются бесконечное число раз, порождают аналогичные тела и содействуют заселению безграничного пространства».

Он уверен не только в сходстве жизни на других планетах с жизнью на земле. Бланки не сомневается в том, что в результате бесконечности числа таких подобий неизбежны повторения абсолютно аналогичных исторических ситуаций вплоть до самых частных явлений: «То,

что я в данный момент пишу в каземате форта Торо, я уже писал и буду писать много раз в продолжение вечности за таким же столом, в том же платье, с тем же пером в руках и при одинаковых условиях жизни».

Гипотезы Бланки напоминают о каком-то особом виде интеллектуального развлечения, когда он, исходя из бесконечности вариантов хода событий, высказывает предположения, что где-то на другой планете происходило, скажем, сражение при Ватерлоо, когда Наполеон не потерпел поражение, а побеждал или, наоборот, Юлий Цезарь вместо побед терпел поражения. Такой метод игры мысли вполне позволяет ему предполагать, что где-то на другой планете его восстание 12 мая 1839 года завершилось удачей и в революции 1848 года бланкистская партия завоевывает власть, а империя Луи Бонапарта рушится раньше. Это уже область научно-фантастической литературы. Но основу для нее и создает Бланки в своем оригинальном эссе.

Космогоническое сочинение Бланки — это чудесное усилие

води с целью вырваться из мрака окружающей Бланки жизни. Но, помимо его желания, эта реальная жизнь прорывается сквозь описание беспредельных космических пространств то глубокой грустью, то радостью. Между строк астрономических гипотез Бланки прорываются его неослабевающие чувства. Вот пример: «Разве нет утешения в мысли, что существует жизнь на мириадах планет в обществе дорогих нам лиц, о которых на земле сохранилось только воспоминание».

Воспоминание? О ком? Нет никакого сомнения, что этот несчастный старик любит! Да, любит прежней любовью свою незабвенную Амелию...

Завершает свое произведение Бланки меланхолическим описанием общего, вечного и бесконечного движения жизни вселенной, которое, однако, возвращает его на нашу землю. Вот финал его удивительной космической поэмы в прозе: «Вся жизнь нашей планеты от начала до конца детально воспроизводится изо дня в день на мириадах родственных ей планет со всеми ее преступлениями и страданиями. То, что мы называем прогрессом, приковано к нашей земле и погибнет вместе с ней. Всегда и везде на земном шаре разыгрывается одна и та же драма, при тех же декорациях, на одинаковой арене, где шумливое человечество, воображающее себя центром вселенной, а фактически живущее в ограниченной тюрьме, как в бесконечном пространстве, полное собственного величия, идет к гибели вместе с планетой, которая несет всю эту колоссальную массу презрения и самомнения. Та же монотонность существования и ограниченность мысли господствуют и на других планетах. Мир вечно повторяется и вечно топчется на месте. В бесконечности вечно разыгрываются одинаковые драмы».

Изучением природы, познанием ее сокровенных тайн Бланки достигает спасительной для него безмятежности духа. Так он побеждает своих врагов, побеждает собственную слабость и в своей смрадной камере обретает величие.

Хотя «Вечность звездного мира» нельзя считать серьезным научным исследованием, книга была напечатана в 1872 году. Она не принесла Бланки известность крупного астронома, но зато свидетельствовала о замечательном усилии оторваться от несчастий этого мира, от удручающей политики, от личных страданий.

Когда Бланки покончил с «Вечностью» и поставил последнюю точку, то он словно очнулся и вновь почувствовал ужас каменного погреба. Он снова одинок и сквозь крепостные стены ощущает приближение зимы. Усиливается рев океана, доносящийся даже в его склеп, в котором он похоронен. Внезапно 12 ноября 1871 года,

когда узник уже забывался сном, дверь с грохотом отворилась. Ему приказывают одеться и забрать с собой жалкие пожитки, на что уходит несколько минут. Во дворе темнота, идет проливной дождь. Его ведут из крепости к причалу, где скрипит и бьется о камни лодка. Бланки уже промок до нитки, он дрожит от холода на мокрой скамейке. Несколько часов волны швыряют лодку, пока она не входит в реку и не пристает к берегу. Потом узника передают жандармам. Скоро они приводят его в вагон поезда, который трогается. В форту Торо Бланки провел пять месяцев и восемнадцать дней.

До последнего вздоха

Бланки везут в столицу. Но это не Париж, а Версаль! Париж еще пять лет после Коммуны будет оставаться на осадном положении и снова станет столицей только через восемь лет. Буржуазия хотела, если бы могла, забыть об ужасе, который вызвала у нее первая грозная попытка пролетарской революции, и на гораздо больший срок. Выражая это сокровенное желание, консервативный литератор Ипполит Тэн говорил, что социализм похоронен во рвах кладбища Пер-Лашез по крайней мере на полстолетия. Мир еще увидит, насколько иллюзорной оказалась эта мечта...

А пока Коммуну хоронили злобно и поспешно. Бланки не дано было испытать жгучую радость короткой, но пламенной жизни Коммуны. Но на его долю сполна выпала честь разделить ее трагическую судьбу.

За пять часов тряски в железнодорожном вагоне Бланки в своей промокшей от плавания под проливным дождем одежде так и не успел просохнуть. В Версале глубокой ночью его пешком ведут в тюрьму на улице Сен-Пьер. Он с трудом держится на ногах и от усталости несколько раз едва не упал на мостовую. Его ждет одиночная камера, право на одну ежедневную прогулку и даже свидания с близкими. Сестры — мадам Барелье и мадам Антуан — встречаются с ним. Они общаются через двойную решетку и в присутствии тюремщика. Ла-камбр, друг, родственник, всегда восхищающийся Бланки, специально приезжает из Испании и чудом проникает к нему. Лакамбр поражен его болезненным состоянием и пытается просить тюремное начальство о переводе Бланки в больницу. На него смотрят как на сумасшедшего: сейчас требуется уничтожение, а не лечение революционеров...

15 февраля Бланки вводят в зал заседаний Военного суда, где его ждет небывалое скопление публики. Торжествующие буржуа хотят своими глазами видеть того, кто был для них страшным символом Коммуны, легендарного заговорщика, кровожадного маньяка революции. Когда под конвоем солдат Бланки приводят на суд, то увидевшие его впервые испытывают недоумение и разочарование. Впрочем, вот его портрет, написанный репортером «Газет де трибюно» («Судебной газеты»): «Это — сильно исхудалый старик; его длинные волосы и борода белы как снег и придают его лицу весьма оригинальный вид. Но самое замечательное в этом человеке, который провел три четверти своей жизни в тюрьме, в этом ветеране восстаний, которого

четыре раза осуждали на смерть, — самое замечательное в нем — это его взгляд. Его маленькие впалые глаза, глубоко уходящие в орбиты, сверкают беспокойным, лихорадочным блеском, и когда председатель обращается к нему с вопросом, или когда свидетель дает какое-либо важное показание, взор его вдруг оживляется и вонзается грозной стрелой в говорящего. На нем черный сюртук, поверх которого он накинул свой плащ. Его голову покрывает высокая, похожая на цилиндр шляпа с широкими полями. По знаку председателя он спокойно направляется, тесно окруженный стражей, к скамье подсудимых, заботливо свертывает свой плащ и ждет допроса».

«Бланки бледен, — пишет другой репортер из «Репюблик франсез». — Тюрьма и одиночество надломили эту натуру, боровшуюся с такой силой против страданий и горя. Но он по-прежнему тверд и бесстрастен. Направляясь к своему месту, он не дает себе даже труда взглянуть на сбежавшуюся поглазеть на него толпу».

Следуют стереотипные вопросы председателя суда полковника Робильяра и ответы Бланки.

— Подсудимый, встаньте! Как вас зовут?

— Луи-Огюст Бланки.

— Сколько вам лет?

— Шестьдесят семь.

— Ваше местожительство?

— У .меня его нет, а когда бывает — в тюрь.ме.

— Ваша профессия?

— Литератор.

За что же судят Бланки? Вразумительного ответа на этот вопрос не могут дать сами обвинители, выступающие от имени республики, возникшей 4 сентября 1870 года на месте рухнувшей Империи Но сразу, в этот же день, Бланки поддержал эту республику. А затем делал все, что мог, для защиты ее от внешнего врага! За дело 31 октября? Но Бланки не был его инициатором и появился в Ратуше, лишь когда его позвали туда. Более того, по соглашению с правительством «национальной обороны» никто не должен преследоваться за события того дня. Правда, соглашение было устным. Когда Бланки прояви! скептицизм в отношении честного слова Трошю, Жюля Фавра и других министров, то социалист Мильер даже упрекнул его в придирчивости. Но Мильер, так веривший в людей, расстрелян 26 мая по приказу Жюля Фавра, которого он уличил в финансовом мошенничестве. Мильер не участвовал в Коммуне. Но его силой поставили на колени между колоннами Пантеона и расстреляли. В последнее мгновение он успел крикнуть: «Да здравствует

человечество!»...

Бланки в Коммуне не участвовал — 17 марта его арестовали. Но какое это имеет значение, его снова судят за то, что он — Бланки!

Сначала ему припоминают дело Ла-Виллет 14 августа 1870 года. Но это была попытка мятежа против Империи, по своей сущности аналогичная революции 4 сентября.

— Дело в Ла-Виллет, — говорит Бланки, — было неудачным Четвертым сентября. Организаторы выступления руководствовались теми же мотивами, что и лица, совершившие Четвертое сентября. Страна была во власти неприятеля. Правительство Империи оказалось бессильным и неспособным, и истинные патриоты хотели ради спасения нации взять власть в свои руки...

Тогда суд переходит к событиям 31 октября. Выступают свидетели: генерал Тамизье, стоявший тогда во главе Национальной гвардии, депутат и бывший министр правительства «национальной обороны» Дориан, бывший префект полиции Эдмон Адам. Все они подтверждают, что действительно состоялось соглашение, по которому правительство взяло обязательство никого не преследовать. Но суд словно оглох; он придерживается версии, по которой 31 октября Бланки якобы устроил мятеж. Более того, Бланки напоминают всю его биографию, указывают на его разрушительные взгляды. Ему вменяют в вину «преступные» эксцессы Коммуны! Поскольку он сидел в тюрьме, его обвиняют в «моральном участии в Коммуне».

— Я требую, — говорит обвинитель, — чтобы вы изъяли этого человека из французского общества. Вы должны приговорить его к ссылке в военное поселение. Я уверен, что вы сделаете это без колебаний. Этот приговор должен служить ие только карой за прошлое, но и предупреждением на будущее. Я прошу не углубляться во взаимоотношения партий ко дню 31 октября. Партии привели Францию к тому состоянию, в каком вы ее видите, и, увлекая ее от одного падения к другому, начиная с конца прошлого века, они низвели ее с того почетного места, которое ей обеспечили в мире ее вековые монархические традиции...

Итак, Бланки повинен во всех антимонархических революциях с конца XVIII века! Вот теперь суть обвинения совершенно ясна, я Бланки после выступления своего защитника, которого суд не слушал, в своем последнем слове раскрывает смысл этой судебной комедии:

— Мне нечего добавить к словам моего адвоката, я хочу лишь подчеркнуть, что меня судят здесь не за 31 октября. Это

наименьшее их моих преступлений. Я представляю здесь республику, посаженную на скамью подсудимых вашим судом монархии. Правительственный комиссар осудил здесь революцию 1789 года, революцию 1830 года, революцию 1848 года, революцию 4 сентября 1870 года. Меня судят и осудят во имя монархических идей, во имя старого права, противостоящего праву новому.

Так и произошло. Суд приговорил его к вечной ссылке в военную крепость и к лишению всех гражданских прав. Этот приговор был вторично подтвержден в суде 29 января. В это время тысячи осужденных коммунаров ссылали на острова Новой Каледонии в Тихом океане. Та же участь ждала Бланки. Однако медицинская комиссия решила, что он не выдержит далекого плавания. По приказу министра внутренних дел 16 сентября ссылка заменяется вечным заключением в тюрьме Клерво под усиленной охраной. Двойные стены протяженностью в четыре километра окружали целый тюремный город, в который превратили монастырь, основанный еще в XII веке святым Бернардом. Здесь было больше двух тысяч уголовных преступников и сто пятьдесят политических. Их охраняли шестьдесят тюремщиков и шестьсот солдат 62-го полка.

Бланки посадили в камеру номер один корпуса для политических заключенных. Это помещение в два с половиной метра в длину и полтора метра в ширину. Узкое горизонтальное окно с решеткой прикрыто снаружи щитом. «Ни воздуха, ни света. Это — могила, скорее даже гроб» — так охарактеризовала камеру Бланки его сестра мадам Антуан. Обычно в такой камере держали несколько дней. Бланки находился в ней восемь месяцев. Он строго изолирован от соседей, но может иногда видеться с сестрами.

В этой же тюрьме и в этих же камерах позднее был заключен знаменитый русский революционер П. А. Кропоткин. В своих воспоминаниях он оставил описание и даже рисунки тюрьмы и камер в Клерво. Условия там, по его мнению, были даже лучше, чем в других тюрьмах. Но именно в связи с тюремным заключением в Клерво он писал: «Не подлежит сомнению, что продолжительное заключение разрушает — неизбежно, фатально — энергию в человеке; оно убивает к тому же еще и волю. Заключенный не находит в тюремной жизни необходимости упражнять свою волю. Наоборот, если он ее имеет, то с нею наживет себе беды; воля арестанта должна быть, по мнению начальства, убита, и ее убивают. Еще меньше возможности находит он для проявления естественной симпатии. Все делается так, чтобы помешать арестанту сноситься в стенах или за стенами

тюрьмы с теми, к которым он чувствует влечение. Затем заключенный, по мере того, как проходят годы, все меньше и меньше становится способным в физическом и умственном отношении к напряженной работе».

Кропоткин писал со знанием дела. Он сам, подобно Бланки, много лет провел в тюрьмах, хотя, конечно, не столь долго. Так вот, поведение Бланки во время его заключения в Клерво, когда, казалось, уже его возраст сам по себе должен был сказаться на нем, служит полным опровержением печальной закономерности, отмеченной русским революционером. Пользуясь тем, что ему разрешили иметь книги, бумагу, перо, Бланки неутомимо работает и живет интенсивной духовной жизнью.

Каков же круг его интересов? Он ограничен вопросами науки. Бланки читает много книг по истории, географии, математике, здесь энциклопедии, словари. Так, оп глубоко изучает проблему превращения пустыни Сахары в плодородную местность, но признает ее неразрешимой. Он поддерживает связь с журналом «Научное обозрение». В Клерво было немало политических заключенных, среди них и бланкисты. Но никаких контактов с ними Бланки не разрешали.

Вообще, разгром Коммуны нанес страшный удар по бланкистам. Самые смелые и решительные, они первыми шли в бой и первыми умирали. Риго, Ферре, Флуранс, Дюваль и многие другие героически погибли вместе с Коммуной. Не сразу, постепенно Бланки узнавал о страшной участи своих лучших друзей. Уже во время Коммуны тяжелая болезнь свалила Трпдона, а вскоре он умирает в Брюсселе. После него «генералом» бланкистов, то есть как бы заместителем Бланки, стал Эд. Но уцелевшие бланкисты рассеяны по разным странам. Многие в Новой Каледонии, в ссылке. Большинство их оказалось в Лондоне. Здесь Вайян, Прото, Шарль де Коста, Раньер, Мартен, Ранвье. Эдуард Вайян, который и раньше испытывал тяготение к марксизму, привлекает друзей в Интернационал. Здесь они одно время поддерживают Маркса в борьбе с Бакуниным. Но решение о переводе Генерального совета Интернационала в 1872 году в Нью-Йорк разочаровывает их. Бланкисты заявляют о разрыве с Интернационалом, поскольку он «не пожелал стать постоянной повстанческой организацией пролетариата». Так писали в своем заявлении бланкисты — члены Генерального совета Интернационала А. Арно, Ф. Курне, Маргерит, К. Мартен, Ранвье и Вайян. Как и в Интернационале, который ослаблен острыми разногласиями, возникают раздоры и среди бланкистов. Но Бланки почти ничего не знает об этом...

Его здоровье снова резко ухудшается. Тюрьма в Клер-во

находится в болотистой местности, и это, видимо, сказывается. К тому же камеру Бланки не отапливали. В феврале 1873 года его освидетельствовали трое врачей. Готовилась партия политических заключенных для отправки в Новую Каледонию. Но врачи нашли у него тяжелую болезнь сердца и пришли к заключению, что путешествие будет для него гибельным. Действительно, зиму он перенес с большим трудом. В мае 1873 года его перевели (вернее, перенесли) в палату тюремной больницы. Это большое помещение, пять окон которого выходят на тюремный двор, а три окна — в сад бывшего монастыря. В этом зале святой Марии, как его называли, Бланки по-прежнему один. Условия здесь намного лучше, чем в прежней крошечной камере. Однако зимой в зале стоит страшный холод. С большим трудом сестры добились того, чтобы ему разрешили иметь маленькую печь. Он сам варит себе обед из овощей, которые ему регулярно присылают сестры. В его обширном помещении появляется также кое-какая мебель. Главная отрада для него — книги. Бланки собрал целую библиотеку. Хуже с газетами. Ему разрешили получать только одну «Птит пресс», издание, скудное на сообщения политического характера.

Но обстановка в стране после Коммуны являла собой столь безотрадную картину, что жалеть об этом не приходилось. Воцарилась «республика без республиканцев». Такой нелепый строй установился потому, что монархическое большинство Национального собрания, рождение которого еще успел увидеть Бланки незадолго до своего ареста, оказалось не в силах осуществить свои планы. На трон претендовало сразу три династии: Бурбонов,

Орлеанов и Бонапартов. А главное — страна была против любой из этих монархий. Вот почему даже Тьер — сторонник Орлеанской династии — вынужден был отказаться от своих замыслов. Но монархисты не хотели и республики. Только в 1875 году наконец принимается решение об установлении республиканского строя (большинством в один голос!). Но и после страна еще несколько раз была на грани монархической реставрации. С 1873 по 1879 год Францией правил в качестве президента республики ярый монархист маршал Мак-Магон, вместе с Луи Бонапартом он привел к позорному плену французскую армию в Седане. Небывалую власть и влияние в стране приобретает церковь. Но это вызвало антиклерикальный и республиканский подъем.

После выборов 1876 года, когда республиканцы победили и потребовали от Мак-Магона подчиниться или удалиться, он вынужден был подать в отставку. Но хотя буржуазия теперь в

большинстве стала республиканской, ее прогрессивная роль после Коммуны уходит в прошлое. Даже сравнительно левые буржуазные лидеры вроде Гамбетты превращались в политиканов, умело эксплуатирующих республиканские чувства. На арену политической жизни Третьей республики, родившейся в 1875 году, должен был выступить рабочий класс. Однако он все еще не оправился от трагического поражения 1871 года. Действует закон о запрещении Интернационала и любых рабочих организаций. Тем не менее возникают подпольные секции Интернационала. Судебные процессы против них, особенно в Марселе, Лионе, Тулузе, свидетельствуют, что рабочее движение существует, хотя и в очень ограниченных масштабах и формах. Появляются также разные синдикалистские рабочие организации, которые, правда, придерживаются принципа не борьбы, а сотрудничества классов. С другой стороны, реакция пытается заигрывать с рабочими путем создания католических организаций рабочих. Это были, конечно, очень незначительные, но все же характерные симптомы оживления того дела, которое, по мнению Ипполита Тэна, было похоронено на полстолетия.

Но Бланки полностью изолирован от всего. Переписываться он может только с сестрами, и его письма носят угнетающе-однообразный характер. Каким-то замогильным тоном отдают его слова, которые повторяются в разных вариантах время от времени: «Я не могу сообщить тебе ничего другого, кроме старой истины, что я остаюсь погребенным заживо. И только с весточками от тебя проникает в мою могилу немножко света и воздуха. А когда их нет — вокруг меня царит мрачная ночь».

С некоторых пор надзиратели стали прислушиваться у двери камеры Бланки. Сомнений нет! Старик разговаривает сам с собой, уж не спятил ли он? Напрасные надежды! Ум Бланки ясен и тверд, как никогда. Дело в том, что он сознательно упражняется в громком чтении и произнесении речи, чтобы не потерять навыков оратора в обстановке гробового молчания.

Самым тяжелым во время заключения в Клерво был для него 1877 год. Прошло уже пять лет, как он находится здесь. Только смена времен года, пробуждение или увядание природы разнообразят его существование. И болезни, которые с возрастом дают знать о себе все мучительнее. Время от времени до него доходит слух об амнистии или помиловании. Но он закаленный узник и ни во что уже не верит. Однако не до такой степени, чтобы потерять волю к жизни. Нет, он не расстается с непоколебимым решением доставить своим врагам высшую радость от известия о его смерти как можно более поздно. Поэтому его обеспокоил неожиданный слух о том, что высокое

начальство «озабочено» его здоровьем и хочет перевести его в место с более теплым климатом. Он знает дену «заботе» начальства. И на этот раз выясняется, что его хотят перевести в замок Иф, который действительно находится на юге, но условия там подобны замку Торо. К тому же у него есть уже опыт тюрьмы на Корсике. И он торопливо пишет сестре: «Разрешено — как трогательно— не приказано, а разрешено в виде милости перевезти меня, больного, на кладбище. Ты можешь быть уверена, что я не просил об этом и даже не знаю, кто позаботился об этой «милости» — посадить меня на эту мрачную скалу. Во всяком случае, я думаю, что это ни ты, ни Софи, никто из нашей семьи. Пожалуйста, наведи об этом справку в министерстве. Я должен знать, что меня ожидает. Поторопись ответить».

В конце мая он снова жалуется на здоровье: «Улучшений нет. Я не могу ни есть, ни пить. По ночам - мучает одышка, сопровождаемая невыносимым сердцебиением...» В июле письмо написано заметно дрожащей рукой: «Мне хуже. Я должен оставаться в постели вследствие нового кризиса болезни».

И вот «Птит пресс» сообщает о смерти Бланки. Но на другой день — опровержение. Газеты лишь передают информацию из Клерво, а там говорят, что старик вот-вот умрет. Начальник тюрьмы в рапорте 4 июля сообщает, что врач предсказывает скорую кончину и требует инструкций на предмет устройства похорон. Ведь семья потребует выдачи тела, а похороны в Париже могут вызвать бурные манифестации; начальник великолепно понимает, что маленький старичок, которого он бдительно стережет, многое значит для Франции. И он предлагает потихоньку похоронить его на тюремном кладбище в Клерво.

К огорчению полицейского начальства, Бланки опровергает прогнозы. Он не только жив, но подает явные признаки выздоровления. А преждевременные слухи о его смерти вызывают дискуссию о его судьбе на страницах не только левых, но и буржуазных газет. Понятно, когда Бланки держали в тюрьме при Луи-Филиппе или при Наполеоне III. Но при республике, за которую он так долго и самоотверженно боролся? Вспоминают судебный фарс и его осуждение не за конкретное деяние, а за одну только возможность влияния Бланки на предполагаемые события, за убеждения, за то, что не изменил своим принципам.

Но есть вещи, которые посерьезнее сентиментальных соображений о несправедливой участи вечного узника. Бланки — символ революции, символ Коммуны, единственный человек, который уже десяток лет воплощает, выражаясь словами Маркса, ум и сердце пролетарской партии во Франции. Сама эта партия существовала в потенциальной форме различных групп,

организаций, движений и тенденций, опиравшихся на рост и усиление французского рабочего класса. Происходит не только его численное увеличение. Несмотря на запрещение, все чаще вспыхивают стихийные забастовки. Начавшийся в 1873 году экономический кризис вызывает безработицу, снижение заработной платы, что усиливает недовольство рабочих своим положением.

Что касается самой бланкистской партии, то она существует в эмиграции, главным образом в Англии, в виде полулегальной группировки «Революционная Коммуна». О ней уже упоминалось в связи с ее участием в Первом Интернационале и ее выходом из него. В 1874 году бланкисты публикуют новый манифест «К коммунарам». В нем предсказывается неизбежность наступления революции. Свою программу бланкисты выражают в тройном девизе: «Атеизм, коммунизм, революционность».

В 1876 году в Париже состоялся первый общенациональный рабочий конгресс. Он высказался за республику, за создание рабочей политической партии, за амнистию коммунарам, за светское образование. Участники конгресса не только не выдвигали никаких революционных идей, но даже подчеркивали, что они действуют в духе «мудрых советов министра внутренних дел». Первый французский рабочий конгресс вызвал одобрение буржуазной печати, в которой с удовлетворением отмечалось, что его участники вели себя «вполне прилично». Зато бланкисты резко осудили конгресс за пособничество буржуазии, «отказ от революции и отрицание Коммуны».

В январе 1878 года в Лионе состоялся второй конгресс французских рабочих, который прошел в таком же примиренческом духе, как и первый. Председательствующий, открывая конгресс, подчеркнул: «Мы не базрассудные утописты, питающие ненависть ко всему существующему». Правда, на втором конгрессе много раз произносилось слово «социализм». Это не было лишь обновлением прежнего прудонистского ораторского жаргона. Во Франции начинается распространение марксизма.

Еще в 1876 году в кафе «Суфле», на углу улиц Сен-Мишель и Сен-Жермен, стали собираться студенты, журналисты, рабочие и горячо обсуждать социальные проблемы. К этому времени появился французский иеревод «Капитала» Маркса. Его нередко упоминали на собраниях в «Суфле». Особенно внимательно слушали здесь худого, черноволосого тридцатилетнего журналиста, известного под именем, звучавшим как пистолетный выстрел, — Жюль Гэд. Матье-Жюль Базиль (настоящее имя Гэда) — сын бедного учителя. Не посещая никакой школы, он блестяще

выдержал экзамен на бакалавра и, не достигнув еще двадцати лет, сам стал зарабатывать себе на жизнь. Сначала враг Луи Бонапарта, он решительно поддержал Парижскую коммуну в своей газете «Право человека», за что получил пять лет тюрьмы. Но Гэд бежал в Швейцарию, а потом сошелся с марксистами. Вернувшись в 1878 году на родину, он стал издавать газету «Эгалите», оказавшуюся затем первой марксистской газетой во Франции. Собственно, впервые Гэд выразил согласие со взглядами Маркса и Энгельса весной 1879 года.

Именно эта газета 27 января 1878 года напечатала статью, в которой предложила выставить Бланки кандидатом в парламент на ближайших выборах. Она призвала развернуть активную агитацию за его избрание и заставить таким образом освободить Бланки. В марте должны состояться частичные выборы в Марселе. Там и выдвинули впервые Бланки кандидатом в депутаты. Затея представлялась его противниками нелепой: ведь Бланки лишен гражданских прав, и голоса, поданные за него, просто пропадут впустую. Такая пропаганда всегда, до сих пор действует на французов, которые не любят «бесполезного» голосования. Поэтому он получил всего 618 голосов. Любопытно, что избранный в этом округе республиканец Анри Аман взял на себя обязательство добиваться помилования Бланки. После выборов он явился в Париже к сестре Бланки мадам Антуан, чтобы сообщить ей о своем намерении. Однако она просила его не предпринимать никаких демаршей, поскольку ее брат не хочет помилования от правительства.

В июле частичные выборы в Париже, и снова выставляется кандидатура Бланки. Теперь уже почти всюду, где надо избрать нового депутата вместо выбывшего, выдвигают Бланки. И это превращается в общенациональную кампанию. Бланки получает множество писем. В феврале 1879 года в день рождения Бланки ему передали роскошный букет дорогих цветов с карточкой, на которой значилось: «Огюсту Бланки от дамы-иностранки». Вообще он приобретает небывалую популярность. Кроме выдвижения его кандидатуры на частичных выборах, на всех крупных собраниях и торжествах выступают в его защиту. 14 июля на огромном праздничном банкете в честь годовщины взятия Бастилии Бланки выбирают почетным председателем. В сентябре на праздновании годовщины провозглашения республики аналогичное предложение принимается с бурными аплодисментами. Поток петиций в защиту Бланки идет к новому президенту республики Жюлю Греви.

Бланки превращается в знамя для всех левых сил, особенно для бурно пробуждающегося рабочего движения. Историк

Александр Зеваэс пишет об этом движении, охватившем Францию: «И какой символ может быть более притягательным и более чистым, какое имя может быть более громким кличем для сбора и единения, чем имя и личность Бланки для всех энтузиастов лучшей части республиканцев и рабочего пролетариата? Человек, замурованный в Клерво, воплощает для всех пятьдесят лет бунта, неустанного труда, упорной и тяжелой борьбы. Он представляет республику, которую травил королевский и императорский деспотизм. Он представляет первых республиканцев, которых заточали в тюрьмы и терзали победоносные реакционеры. Он представляет еще, в противовес сторонникам капитуляции, отечество в опасности, то отечество, которое, хоть и захвачено врагом, жаждет борьбы до конца, до последнего человека, за свое достоинство, независимость и целостность...»

Все это совершенно верно. Но тем хуже для Бланки, ибо благородная, героическая жизнь — живой и болезненный укор для власть имущих этого общества, в том числе и для буржуазных республиканцев, составляющих большинство в собрании. В феврале парламент обсуждает декрет о помиловании 150 человек, осужденных за участие в Коммуне. В списке нет имени Бланки. С точки зрения строго юридической это вопиющая несправедливость, ибо Бланки, как всем было ясно еще на суде в Версале, осужден совершенно незаконно. Но эти адвокаты, составляющие больше половины депутатов, в действительности плюют на правовые принципы... Они знают, что, хотя юридически Бланки осужден несправедливо, фактически он был душой Коммуны. Сейчас же он может вновь стать знаменем революции... Тогда на трибуну поднимается Жорж Клемансо, уже признанный лидер крайне левых, радикальных республиканцев. Он говорит о тех, кого не хотят выпускать из тюрем.

— Вы боитесь, чтобы эти люди не заговорили, тогда как я опасаюсь, чтобы они не замолчали... То, что вы поступаете под воздействием этого страха, настолько верно, что для вашего разоблачения мне достаточно напомнить о деле только одного человека. Его имя — Бланки!

Яростные вопли негодования мгновенно прерывают оратора. Они несутся с правой стороны амфитеатра, где сидят самые реакционные депутаты, откровенные, крайние политические мракобесы. Для них совершенно невыносимо, что в роскошном зале заседаний высшего законодательного органа страны с трибуны впервые произносится ненавистное имя великого революционера!

— Бланки осужден за дело 31 октября, — продолжает

Клемансо, — осужден только он один, все его сообщники, если существовали такие сообщники, были амнистированы... Простите, я ошибся, они были оправданы. Никто, никогда не мог сказать, что Бланки совершил преступление; это политический деятель, и никто здесь не сможет отрицать, что он испытанный республиканец. Ему семьдесят четыре года, и тридцать шесть лет своей жизни он провел в тюрьмах за свою верность республике. Вы можете сказать, что его представление о республике является неправильным, то есть что оно отличается от вашего; но никто не может оспаривать его твердые республиканские убеждения, выдержавшие самые тяжелые испытания... Если вы боитесь таких людей, то как же вы можете управлять? Во имя каких соображений вы его преследуете? О, это, конечно, государственный интерес! Что же собой представляет наша республика, если вы основываете вашу республиканскую политику на государственном интересе, сущность которого является абсолютно монархической?

Речь Клемансо, вызвавшая горячее одобрение левых, не произвела впечатления на большинство собрания. Бланки остался жертвой произвола. Он и не питал никаких иллюзий на этот счет. Зато сама речь Клемансо доставила ему исключительную радость. Он вспомнил студента-медика, приходившего к нему каждый день в Сент-Пелажи, и, зная о его дальнейшей деятельности, захотел выразить ему чувство искренней дружбы. 18 марта 1879 года он пишет письмо Клемансо: «Прежде всего я горячо благодарю Вас за выступление 21 февраля, когда Вы одержали один из самых прекрасных Ваших триумфов. Это также один из самых счастливых для меня дней. Хотя прямого успеха не достигнуто, я остаюсь тем не менее Вам обязанным. Поверьте, дорогой Клемансо, что это никогда не ***будет забыто».***

Обычно сдержанный и недоверчивый Бланки явно растроган; он откровенно на многих страницах высказывает все, что он думает о политической жизни, о политике правительства. Он видит низость и ничтожество этих консервативных республиканцев, но смотрит в будущее с надеждой. И он призывает Клемансо настойчиво и последовательно продолжать борьбу. Вопли реакционной прессы — это не угроза, а вынужденное признание его триумфа. Что касается недовольства политических друзей, то оно не ***имеет*** значения, и к тому же вчерашние друзья могут завтра стать врагами. Необходимо сохранять твердость характера. Бланки призывает Клемансо проявить стойкость и в начинающейся битве за амнистию коммунарам. Надо, чтобы Клемансо стоял во главе этой борьбы за торжество истины. Необходимо, чтобы он подхлестывал,

подталкивал вперед слишком робких левых, которые всегда обнаруживают плачевную слабость. Нельзя принимать всерьез их вечные ссылки на то, что их мало. Даже один человек может, выступая перед большим собранием, ***высоко*** держать голову. И он ставит в пример крайне правых, которые дерутся яростно, хотя их очень немного. Полдюжины их стоят целой армии. На этом фоне совершенно непростительна слабость, непоследовательность левых. Как не хватает сильных и энергичных людей! Бланки внушает Клемансо, что именно он может и должен быть таким человеком. Но он высказывает опасение, что ему могут помешать стать выдающимся деятелем, включив его в число заурядных людей, предоставив ему какую-либо подачку или синекуру. Бланки предсказывает ему блестящую будущность великого оратора левых, если он останется принципиальным, если он сможет мужественно держаться, если он останется абсолютным хозяином своей самостоятельной роли.

Бланки так заканчивает письмо: «Но довольно слов, мой дорогой Клемансо. Я их выражу в одной фразе. Вы должны быть в палате человеком будущего, вождем революции. Она не могла его обрести, начиная с 1830 года. Теперь у нее есть такой шанс, и нельзя упустить его.

Что касается меня, то я всегда останусь верен чувствам дружбы, которые я выразил в первых строках своего письма».

Но письмо так и осталось в бумагах Бланки. Оно не было послано Клемансо. В чем здесь дело? Если вчитаться в это неотправленное письмо, то бросается в глаза слабо скрытая тревога по поводу того, сможет ли Клемансо удержаться на левых позициях. Под свежим впечатлением от его речи Бланки проявил веру в будущее талантливого оратора. Но и тогда он высказывал свои предостережения. Видимо, перечитав письмо и подумав, Бланки почувствовал еще больше сомнений в отношении Клемансо. И он не отправил это письмо. К счастью, в своей жизни Бланки не увидит, как сбудутся его опасения за политическую судьбу Клемансо. А они спустя много лет после смерти Бланки подтвердятся. Клемансо станет воплощением реакционной сущности французского империализма. Он останется талантливым оратором и умнейшим политиком, но будет не вождем, а врагом революции...

Борьба за освобождение Бланки продолжается. В нее вовлекаются все новые силы. В Бордо республиканцы выдвигают кандидатуру Бланки на предстоящих 6 апреля выборах. Газеты «Марсельеза» п «Ренюблик франсез» открывают подписку для сбора средств на избирательную кампанию. Создается «Комитет Бланки» во главе с ра-бочим-слесарем Кероном.

Распространяются десятки тысяч экземпляров воззвания, в котором описывается жизнь Бланки, расклеиваются плакаты. Проводятся собрания и митинги. В первом туре на выборах не прошел никто. Но Бланки собрал 3667 голосов. Его главный соперник, друг самого Гамбетты Лявертюжон — 4665. До 20 апреля, когда должен состояться второй тур, идет ожесточенная борьба, которая выходит далеко за пределы Бордо. В нее вовлечена вся Франция. Более того, за избирательной дуэлью следят за границей. Национальный герои Италии Гарибальди направляет обращение к избирателям Бордо: «Голосуйте за Бланки, героя-мученика за свободу человечества».

Один из сторонников Бланки заявил, обращаясь к противникам: «Вы — Версаль, а мы — Коммуна!» Так оно и было. И Коммуна победила! Бланки получил 6801 голос, Лавертюжон — 5330. «Новая партия громко возвестила о своем вступлении в жизнь», — писала газета «Репюблик франсез». Казалось бы, в соответствии с законом Бланки должен быть немедленно освобожден. Но правительство, президент, буржуазное большинство в палате не хотят признать свое поражение и нагло нарушают закон. 27 мая в парламенте происходят дебаты, и реакция делает все, чтобы объявить результаты выборов недействительными и оставить Бланки в тюрьме. Казалось, ожил призрак умершего два года назад Тьера, палача Коммуны. Но это была жалкая и тщетная попытка остановить эволюцию всей страны, которая шла влево. Дело Бланки уже приобрело характер не частного случая; оно служило отражением окончательного поражения монархистов и торжества республиканского строя. Властям пришлось волей-неволей сделать вывод из итогов выборов в Бордо. 10 июня президент подписывает декрет о помиловании Бланки. Почти одновременно принимаются и другие исторические решения. Париж вновь становится столицей Франции, «Марсельеза» объявляется государственным гимном, день 14 июля будет отныне национальным праздником...

Как только разгорелась борьба за Бланки, это немедленно сказалось на его здоровье. Человек, которого уже собирались хоронить, сразу ожил. Сначала тюремщики услышали из камеры дробный деревянный стук, от которого они уже отвыкли. Старик начал ходить! В своих привычных деревянных сабо он прогуливается по своему довольно просторному помещению. Он уже сам колет дрова и готовит обед на своей печке. Каждое письмо, каждое свидание с сестрами, каждый номер газеты приносят ему вести о французских политических делах. С проницательностью умудренного опытом и годами политика он видит, куда идет Франция, и он ожидает свободы. В предвидении

этого уже полмесяца в гостинице напротив тюрьмы живет семидесятисемилетняя сестра Бланки мадам Барелье. В 10 часов вечера 10 июня в ее дверь неожиданно постучали. На пороге стоял стражник из тюрьмы, который с необычной любезностью просил мадам срочно пожаловать к начальнику тюрьмы, получившему важное сообщение. Старушка задрожала от радости и с бьющимся сердцем побежала в тюрьму. Здесь ей сообщили, что получен министерский приказ немедленно освободить Бланки. Потом ее ведут в камеру к брату. Он уже собрался в путь. Сам начальник тюрьмы провожает стариков на вокзал к поезду, отправлявшемуся в три часа ночи в Париж. Никогда еще Бланки с таким удовольствием не прощался со своими тюремщиками. А власть не дремлет. К министру внутренних дел уже полетела телеграмма: «Срочно. Шифром. Бланки отбыл из Клерво в 3 часа ночи. Прибудет в Париж в 10 часов. Никаких инцидентов не произошло». Отныне каждый шаг Бланки будет зафиксирован в подобного рода документах, в изобилии имеющихся в архивах.

Поезд привез Бланки в Париж с некоторым опозданием, без десяти минут одиннадцать. С вокзала отправились на улицу Риволи в квартиру доктора Лакамбра, женатого на племяннице Бланки. Затем он отправился на бульвар Монпарнас, где жила его сестра мадам Антуан, а к вечеру он пошел к другой сестре, мадам Барелье, у которой и остался ночевать. На другое утро там он и встретился с Жоржем Клемансо, депутатом от Монмартра, который так горячо боролся за свободу Бланки. Эта борьба будет эффектным эпизодом в его карьере, которая со временем приобретет грандиозные масштабы, но в корне изменится по существу. Он принял также Эмиля Готье, руководившего его избирательной кампанией в Бордо. Позже придет Габриель Девиль. В своей статье сн первый предложил выдвинуть кандидатуру Бланки на выборах, чтобы вырвать его из тюрьмы. Бланки сбрил бороду к удивлению Девпля, который посоветовал снова отпустить ее. По его мнению, без бороды Бланки не был похож на себя. Бланки послушался, и вскоре он снова станет бородатым. Бланки пробудет две недели в Париже. Встречаясь с политическими друзьями, Бланки часто заводил речь о том, кто должен быть вождем левых, и заключал, что, вероятнее всего, им окажется Клемансо. В свободное от новых встреч время Бланки ходит прогуляться в Ботанический сад, чтобы обдумать поток неожиданных впечатлений.

Его заваливают письмами, и он не успевает отвечать всем. Бывший коммунар и писатель Жюль Валлес просит разрешения опубликовать в еженедельнике «Ла Рю» рукописи Бланки, которые находились у доктора Ватто. Но Бланки отказывает,

поскольку не очень доверяет издателю. Вообще, он узнает много нового о людях и событиях недавнего прошлого, особенно о Коммуне. Но больше всего разговоров о настоящем и будущем. Пьер Дени утверждает, что только Бланки способен перегруппировать революционные силы, когда общественное мнение отворачивается от республики, оказавшейся «смешной имитацией империи». Бланки пока не принимает никаких серьезных решений; слишком новым, неожиданным является многое, с чем он теперь столкнулся.

Серьезных размышлений потребовало письмо, полученное из Лондона от Поля Лафарга, датированное 12 июня 1879 года. Эта дата сама по себе свидетельствует, насколько Маркс и его окружение внимательно следили за событиями, связанными с освобождением Бланки. Письмо, написанное Полем Лафаргом, составлено явно под влиянием его тестя, то есть Карла Маркса. Чтобы уяснить значение того, о чем шла речь в этом крайне интересном документе, надо вновь вернуться к событиям, связанным с появлением во Франции рабочей партии. Уже говорилось о том, как Жюль Гэд начал пропаганду марксизма, который, впрочем, фигурировал тогда во Франции под именем коллективизма. В 1878 году Гэд решил использовать проходившую в Париже всемирную выставку дтя организации международного социалистического конгресса. У власти находился Дюфор, главный творец закона 1872 года о запрещении Интернационала во Франции. Естественно, что он запретил созыв конгресса, но Гэд и его друзья решили не считаться с этим и поэтому были арестованы. В конце октября тридцать восемь человек во главе с Гэдом предстали перед судом. Пожалуй, если бы конгресс, задуманный Гэдом, состоялся, то он никогда не сделал бы так много для пропаганды социализма, как это случилось на суде. Гэд, взяв на себя коллективную защиту обвиняемых, произнес блестящую продолжительную речь. Он очень ярко изложил принципы научного социализма. Французская буржуазная печать, поместившая подробное изложение речи, оказала неоценимую услугу делу организации социалистической партии, хотя Гэду и его товарищам пришлось провести за это некоторое время в тюрьме. Зато была создана политическая база, на которой в сентябре 1879 года на съезде в Марселе начнет свое существование французская социалистическая партия. Как раз в момент освобождения Бланки был самый разгар подготовительной работы к Марсельскому съезду. Естественно, что Маркс и Энгельс принимали в ней само© активное участие, хотя и находились в Лондоне.

Французская рабочая партия рождалась, конечно, не в

головах людей, а вследствие объективных процессов. Развитие капитализма, рост рабочего класса и проявление его классового самосознания предопределяли возникновение такой партии во Франции. Но многое зависело и от людей, прежде всего от того, кто возглавит новую партию. Среди молодых французских социалистов явно выделялись двое: Жюль Гэд и Поль Лафарг.

Гэд мужественно вел себя на суде, он был энергичным и убежденным человеком. Но его недавние связи с анархистами, склонность к их идеям не сулили ничего хорошего. К тому же у него не было опыта непосредственного участия в реальном рабочем движении. Что касается Поля Лафарга, то его биография делала ему честь. Он показал себя талантливым руководителем студенческого движения в его борьбе против Луп Бонапарта. Он с успехом боролся против анархистов в Испании я помог укрепить там позиции Интернационала. Его недостатком было полное отсутствие ораторского таланта, вернее, способность усыпить любую аудиторию. К тому же со времен Коммуны он находился в эмиграции и его практически забыли во Франции. Тот, кто хорошо знал его близко, не мог не заметить в нем склонности к догматическому усвоению определенных формул, отсутствие необходимой гибкости.

На фоне этих людей Бланки выглядел просто гигантом. Несмотря на свои семьдесят четыре года, он проявлял удивительную жизненную энергию. Бланки был великолепным организатором, просто гением в деле создания на пустом месте сплоченной группы революционеров, охотно подчинявшихся его авторитету. Он обладал к тому же легендарным именем, вокруг которого могли бы сплотиться различные течения французского социализма. Сложнее обстояло дело с его политическими и теоретическими взглядами. Здесь было очень много неясного, тем более что тюрьма изолировала его от практики рабочего движения. Совершенно неизвестными оставались пока и ето собственные планы. Конечно, рождавшаяся рабочая партия Франции выиграла бы в случае, если бы Бланки взялся содействовать созданию этой партии.

Вот в каком историческом контексте надо рассматривать письмо Поля Лафарга Бланки, написанное буквально в тот же день, когда в Англии узнали о его освобождении. Лафарг прежде всего горячо поздравил Бланки с освобождением: «Лондонские газеты широко сообщили, что Вы оставили позади ворота тюрьмы в Клерво. Я сожалею, что не смогу быть среди тех, которые придут первыми пожать Вашу руку». Лафарг пишет о положении во Франции. Он характеризует его в подчеркнуто заостренных марксистских терминах, давая оценку разным партиям и классам.

Роль рабочих Лафарг определяет формулами Маркса. Пролетариат показал во время Коммуны, писал Лафарг, что он «обрел сознание своей исторической роли и продемонстрировал, что в его среде находятся революционные элементы, которые нуждаются только в организации, чтобы возглавить освободительное движение человечества».

Далее Лафарг без обиняков высказывает мысль о том, что Бланки должен стать вдохновителем и вождем пролетарской партии во Франции: «Вы появляетесь на поверхности в момент, когда мы особенно нуждаемся в человеке, способном создать пролетарскую партию и повести ее на завоевание политической власти. Наши буржуазные республиканцы показали даже самым слепым, что буржуазия завершила свою революционную роль. Вот уже восемь лет они, эти Луи Бланы, Ланглуа и прочпе, не могут даже сформулировать программу, которая выразила бы самые срочные и самые простые реформы по улучшению положения рабочего класса. Еще до 1848 года, когда все еще плавали в утопических мечтах первых коммунистов, Вы уже имели честь провозгласить борьбу классов. Сегодня, когда эта борьба приобретает грозный характер, Вы снова сможете служить для нас ее знаменосцем».

Ясно, что такое категорическое и серьезное предложение логически требовало непосредственных личных бесед по многим сложным проблемам, связанным е созданием партии, с ее программой, с проведением учредительного съезда. С этим и связано самое важное место в письме Лафарга, хотя оно по своему светскому тону и манере выражаться походит на простое предложение отдохнуть, сделанное измученному тюрьмой старому человеку. «Вам были бы полезны несколько путешествий, — пишет Лафарг Бланки. — Лондон становится пригодным для жизни в это время года: лето у нас очень мягкое, солнце появляется как бы прикрытое вуалью, и если бы Вы доставили нам удовольствие, моей жене и мне, провести несколько недель с нами, то мы сделали бы все возможное, чтобы Ваше пребывание в столице дождей и туманов было бы для Вас терпимым. Маркс, который с огромным интересом следил за всей Вашей политической карьерой, был бы счастлив познакомиться с Вами лично».

Последняя фраза приобретает исключительное значение. Она свидетельствует прежде всего, что Маркс и Энгельс знали об этом письме. Более того, все исторические обстоятельства позволяют уверенно предполагать, что письмо если и не было продиктовано, то, во всяком случае, отредактировано Марксом и Энгельсом. Надо принять в соображение еще один важный момент. Семья

Лафарга (они жили в Лондоне недалеко от Маркса) находилась в крайне стесненном материальном положении. Медицину он оставил и жил на жалкий доход от своего фотолитографического ателье, которое отнюдь не процветало, а также благодаря помощи Энгельса. Лафарг знал, что Бланки — нищий. Поэтому приглашение Бланки провести несколько недель у них в приличных условиях могло быть сделано только в связи с очень серьезными обстоятельствами, а не просто из сочувствия к старому узнику. Лафарг фактически приглашал Бланки не просто для личной встречи с Марксом; он откровенно предлагал ему присоединиться к марксизму, на основе которого создавалась рабочая партия. Об этом Бланки знал от Девиля, особенно активно стремившегося придать новой партии марксистский характер. С первых часов пребывания Бланки в Париже Девиля очень часто видят вместе с ним.

Пока не обнаружено никаких следов ответного письма Бланки. Определенно известно, что в Лондон он не ездил. Дело в том, что его присутствия властно требовала новая избирательная кампания в Бордо, которая должна была состояться, поскольку палата из-за победы Бланки объявила первые выборы недействительными. 25 июня Бланки отправляется в Бордо. Он смело идет на новое испытание, хотя было совершенно очевидно, что предстоит тяжелый и неравный бой. Реакция сделает все возможное, чтобы не допустить повторного избрания Бланки. Трудности обнаружились сразу же, как только на вокзале Бланки тепло встретили его многочисленные сторонники. Бланкистский избирательный комитет хотел начать избирательную кампанию в зале Альгамбра, вмещающем семь тысяч человек. Власти неожиданно запрещают это собрание. Приходится на ходу менять тактику и организовывать многочисленные встречи Бланки с маленькими группами избирателей. Это крайне утомительно и мало эффективно, хотя Бланки становится объектом самых трогательных проявлений всеобщей симпатии.

А затем враги Бланки устраивают то, что следовало ожидать. Снова публикуют «документ Ташеро» с самыми произвольными комментариями. И снова Бланки приходится извлекать из памяти дела давно минувших дней, доказывать, убеждать, опровергать. Полицейская фантазия порождает новый пункт обвинений против Бланки: откуда взялись деньги для закупки оружия перед нападением на казарму Ла Биллет? Как уже говорилось, на это пожертвовал полученное наследство Гранже. Но разве враги Бланки заинтересованы в выяснении истины? Им просто снова потребовалось очернить его имя. И у старика хватает сил, чтобы терпеливо разоблачать новые нелепые ухищрения.

Кандидатуру Бланки поддерживает в Бордо довольно смутный союз социалистов и радикальной буржуазии. Требуется большая гибкость, даже изворотливость, то есть качества, которыми Бланки совершенно не обладает. Он прямодушен, резок и откровенен. Ему совершенно чужд беспринципный оппортунизм, введенный в политические нравы Третьей республики. И прямота Бланки в любой момент может сыграть с ним злую шутку. Так п случилось, когда на одном из избирательных собраний его спросили, что он думает о Жюле Греви.

В то время этот человек, недавно избранный президентом, пользовался популярностью среди республиканской буржуазии. Осторожный, даже консервативный, он разыгрывал роль чудаковатого человека, чуждого стремлениям к славе, любящего простую жизнь и скромные удовольствия вроде игры в шахматы, чтения стихов Горация или Буало. В политике он «либеральный и истинный консерватор». В действительности это беспринципный защитник хищничества крупной буржуазии и грабежа рабочего класса. Ведь не случайно его карьера закончилась скандальной отставкой из-за того, что дворец президента станет торговой лавочкой по продаже «жестянок». Да, в 1887 году разразится скандал, вызванный продажей орденов! Но все это всплывет наружу позже, сейчас же

Греви — любимец буржуа. А Бланки в ответ на вопрос об отношении к президенту, не задумываясь, говорит:

— Греви — бандит!

Нетрудно представить, как это шокирует многих буржуазных избирателей. И потом эти разговоры о каком-то старом «предательстве» Бланки. Словом, он теряет немало избирателей. Выигрывает с небольшим перевесом в 158 голосов его противник, хотя Бланки и получил 4540 голосов. Итак, эффектный спектакль в виде появления в зале Бурбонского дворца знаменитого революционера не состоится. Это не на шутку огорчает многих друзей Бланки, но нисколько не обескураживает старика. Для него гораздо более важная задача сейчас — общая амнистия. Он считал, что социализм не сможет развиваться во Франции, пока не будет проведена амнистия борцов Коммуны. Надо навязать ее правительству во что бы то ни стало!

Бланки даже не возвращается из Бордо в Париж. Он начинает свой крестовый поход в Марселе. Здесь 22 сентября ему устраивают ноистине триумфальную встречу. Революционные традиции юга Франции в сочетании с экспансивностью южан получают необычайно сильное выражение. Бланки на руках выносят из вагона. «Это был не энтузиазм, — пишет о встрече

одна газета, — а какое-то буйное помешательство». Три открытых экипажа ожидают Бланки и сопровождающих его лиц. Он с трудом уговорил молодых людей, пытавшихся выпрячь лошадей и самим везти коляску, в которой сидел Бланки, воздержаться от их затеи. Толпы, запрудившие улицы, позволили двигаться только очень медленно. А в это время воздух огласили крики: «Да здравствует Бланки! Да здравствует амнистия!» Бланки затем выступил перед толпой, говоря с балкона своим слабым голосом то, что все слушали затаив дыхание:

— Я благодарю за горячий прием, который вы мне оказали. В своей жизни я испытывал только несчастья и страдания. Поэтому не удивляйтесь моему грустному тону. Сейчас я свободен, и поэтому тем более нет необходимости говорить о моей личности. Однако надо говорить о всех тех, кто, подобно мне, находится в заключении и ссылке, многие еще сейчас в Кайенне и Нумеа. Вот их судьба и должна вас волновать...

Далеко не всем удается расслышать слова Бланки, произносимые ослабевшим стариком. Но люди будто чувствуют, что он хочет сказать, и устраивают такую овацию, какой Бланки не встречал никогда в жизни. Вечером тото же дня он председательствует на банкете в его честь. Зал украшен бюстом Республики и его портретом. В последующие дни Бланки буквально осаждают многочисленные делегации. Затем он посещает Ниццу и оказывается на своей родине. Необычайно горячо встречают Бланки в Лионе, где церемонии, встречи превзошли по размаху даже прием в Марселе.

Темы его выступлений отнюдь не сводятся лишь к требованию амнистии. Он занимает четкую политическую позицию по отношению к утвердившейся с трудом республике. Французские буржуазные историки называют это время периодом «победоносной республики». Бланки придерживается другого мнения, и он открыто его выражает.

— Республика, — говорил он в Лионе, — вся целиком захвачена своими смертельными врагами, ибо администрация и судебная система состоит из этих врагов; они командуют ее армией; министерства, палата депутатов, сенат принадлежат им: пет ни одного сенатора, депутата, министра, который был бы искренним республиканцем.

Бланки требует высылки из Франции представителей всех трех французских монархических семейств: Бурбонов, Орлеанов, Бонапартов.

— Если республиканцы не смогут добиться изгнания этих трех монархических заговорщических семейств, если они не сумеют подчинить все вопросы этой задаче, то они совершат

самоубийство...

Только в ноябре Бланки возвращается в Париж. Но и здесь несколько раз в неделю он выступает на различных собраниях. Бланки считает, что надо максимально использовать новые легальные возможности для пропаганды своих идей. Повсюду Бланки ощущает не просто успех своих выступлений; он чувствует массовую любовь к нему, что заставляет его вспоминать и пожалеть о прежних долгих годах, десятилетиях одиночества и изоляции...

В Париже, когда Бланки дает себе передышку, отдых от непрерывных выступлений, он встречается только с одним человеком и проводит с ним долгие многочасовые беседы. Этот молодой журналист Габриель Девиль — убежденный марксист, он изучил «Капитал» и активнее всех во Франции пропагандирует его. Правда, Энгельс с огорчением отмечал именно по адресу Девиля, что во Франции «теорией даже вожди владеют еще далеко не в совершенстве». От Девиля главным образом Бланки и приобретает в это время представление о марксизме. Он, конечно, не мог не видеть его все более широкое распространение. Но Бланки почувствовал, что это иной, новый мир, что это идеи не его эпохи. Для него уже, видимо, было просто поздно пытаться совершать глубокую духовную перестройку, и он оставался революционером вчерашнего дня.

Летом 1880 года Бланки снова дает согласие на выдвижение своей кандидатуры в Лионе, в округе Круа-Рус, который был не раз очагом знаменитых рабочих восстаний. Бланки ведет энергичную кампанию и в первом туре получает 5956 голосов, больше любого другого депутата. Но затем он вынужден прервать свою избирательную борьбу, и его объединившиеся противники наносят ему поражение во втором туре. Бланки уехал в Париж в разгар выборов потому, что получил известие о тяжелой болезни своей сестры мадам Барелье. Он уже не застает ее в живых и может лишь проводить сестру на Монпарнасское кладбище...

Если на выборах в Лионе Бланки испытал неудачу, то успехом окончилась борьба, которая стояла в центре его деятельности после освобождения из Клерво: 11 июля 1880 года принимается закон об амнистии коммунаров. Из самых отдаленных уголков земли, куда их сослали, они съезжаются в Париж. 12 июля на Лионском вокзале во главе с Бланки происходит встреча первой группы вернувшихся, среди которых — Рошфор. Бланки продолжает борьбу за укрепление и демократизацию республики. Хотя у него очень ослабел голос, он все равно не прерывает выступлений. Вместе с Рошфором он поехал в Милан на открытие монумента Гарибальди, и Рошфор

рассказывал, что о нем уже приходилось «заботиться как о ребенке». Он с трудом двигается, иногда падает от слабости, но все же выступает с речами.

Вернувшись из Италии, Бланки начинает издавать газету «Ни дье, ни мэтр» («Ни бога, ни господина»). Это орган воинствующего антиклерикализма. Бланки придерживается прежней позиции, основанной на приоритете борьбы с религией по сравнению со всеми другими задачами. Практически он, занимая официально пост главного редактора, мало работает в редакции. Силы его иссякают. Тем не менее он еще сумел написать брошюру о необходимости демократической реорганизации армии. Но когда на большом митинге по этому поводу ему надо было сказать речь, он этого уже сделать не смог. Один из товарищей выступал от имени Бланки.

После смерти сестры он поселяется со своим другом Эрнестом Гранже в скромной квартире дома 25 на Итальянском бульваре. Друзья подолгу беседуют. Бланки вдруг вспоминает, как пятьдесят лет назад он был со своей женой в Итальянском театре. Вообще он часто говорит о ней. Эдуарду Вайяну, самому образованному и самому авторитетному из своих учеников, Бланки говорил:

— Величайшее счастье в жизни человека борьбы — быть любимым и знать, что в минуты неуверенности я опасности за тебя бьется верное сердце.

27 декабря Гранже поджидал Бланки, отправившегося выступать на одном собрании. Наконец Бланки, с трудом поднявшийся на пятый этаж, приходит, начинает рассказывать о собрании. Он недоволен тем, что некоторые из его организаторов украсили зал трехцветными флагами. Поэтому ему пришлось, как в 1848 году, произнести речь в защиту красного знамени. Он говорил о том, что трехцветный флаг потерял свой престиж в народной крови, напомнил, что за его складками прячутся палачи «кровавой недели»... Но вдруг речь его становится бессвязной. Гранже внимательно смотрит и замечает, что его друг падает. Он подхватывает его, берет на руки, как ребенка, и укладывает на постель. Бланки потерял способность речи, он неподвижен, его глаза как бы застыли, он никого не узнает. Но еще пять дней он оставался живым. В субботу 1 января 1881 года положение его ухудшается, и в девять часов вечера Бланки умирает.

5 января состоялись похороны Бланки. Они были скромными: гроб вез катафалк пятого разряда. Но онп были грандиозными, ибо в них участвовало двести тысяч человек. Массы, которые не шли за живым, пришли к мертвому. Не хватало только, как сказала у гроба Луиза Мишель, тридцати тысяч расстрелянных

коммунаров. Полицию лихорадило. Бланки оставался опасным и после смерти: потребовали убрать красное полотнище, которым сначала покрыли гроб. Все равно похороны оказались огромной революционной демонстрацией. Революционные события целого века невольно всплывали в памяти у каждого. Бланки похоронили в центре кладбища Пер-Лашез. Много прекрасных, волнующих речей, много цветов, венков, знамен. В этот день стало особенно ясно, какое важное место занимал Бланки в жизни Франции. И не только Франции. Русский революционер Петр Ткачев сказал у открытой могилы Бланки, что это был «наш вдохновитель и учитель... признанный вождь, который передал нам вместе с революционной верой и упорством в борьбе презрение к страданиям».

* * *

В 1885 году на могиле Бланки установили памятник. На его постаменте надпись: «Воздвигнут на средства, собранные по народной подписке». Бывший коммунар, скульптор Жюль Далу создал бронзовую фигуру лежащего, вернее, поверженного мертвого Бланки, напоминающего павшего на баррикаде бойца. Необыкновенную трагическую выразительность придает памятнику его скромность. «Побежденный победитель» — таков замысел этого печального монумента. Его противоречивость — отражение самой судьбы Огюста Бланки.

Он непохож на образцовых исторических героев, которые никогда не ошибаются. У них не бывает нп сомнений, ни колебаний; они не испытывают страха, разочарования, тоски уныния и тем более отчаяния. Правда, так они выглядят только в книгах...

Изобразить Бланки подобным человеком при всем желании невозможно. Автор и не хотел этого делать, а стремился просто показать Бланки таким, каким он был. Подлинные факты его жизни раскрывают картину жестокую, мрачную. Потребовались суровые, темные краски. Розовые и голубые цвета в духе импрессионистов мелькнули лишь при описании короткой пасторали сельской жизни Огюста и Амелии в 1837—1839 годах, когда на долю Бланки выпало немного обыкновенного человеческого счастья. Остальная его жизнь чаще всего проходит на фоне решеток и старых тюремных камней, озаренных однажды багровым заревом сражающейся Коммуны.

Бланки видел две наполеоновские империи, два королевства, две республики, четыре революции. Сколько правительств вели

против него беспощадную войну! Он пережил их всех и сошел в могилу, увенчанный славой. Жуткий ад в изображении наиболее талантливых писателей и поэтов, включая самого Данте, не мог бы причинить столько мучений, сколько выпало на его долю в трех десятках тюрем. Не раз его приговаривали к смертной казни, к пожизненному заключению, его гноили в сырых подземельях. Не однажды враги радовались, видя его умирающим. Вопреки всему Бланки шил и боролся!

Гранитная твердость характера, непоколебимая вера в себя, в свои идеалы помогли ему выдержать и устоять в невероятных испытаниях. Особенно тяжко было переносить клевету и оскорбления, которым подвергался человек с очень чувствительной душой. Бланки — пламенный патриот, он страстно любит свою родину, а его объявляют агентом Бисмарка! Он ненавидит священной ненавистью все тиранические режимы, против которых он беззаветно боролся, а его называют полицейским шпионом и предателем! Из любви к человечеству Бланки искупает его страдания своими муками, а его изображают кровожадным всеразрушающим демоном мятежа, исчадием ненависти и злобы к людям!

Бланки окружали злейшие враги, у него было много политических противников даже среди революционеров. Кто только не осуждал и не проклинал его! Разумеется, ничего общего с этим не имеют и не могут иметь критические суждения о Бланки в данной книге. Никогда, ни в каком случае, ни при каких обстоятельствах немыслимо согласие с недругами мученика революционного коммунизма. При всех своих ошибках он навсегда останется достойным восхищения подлинным героем всемирного освободительного движения. Его поразительная стойкость, способность не впадать в отчаяние в безнадежных ситуациях, его безграничная смелость заслуживают благоговейного уважения.

Тяжкие неудачи преследовали знаменитого заговорщика, легендарного создателя тайных революционных обществ. Жизнь Бланки поражает отсутствием прямых, непосредственных успехов. Бессмертная Парижская коммуна в немалой степени оказалась плодом его усилий. Среди ее вождей — участники и последователи Бланки. Но изощренная ненависть Тьера, упрятавшего его в каменный мешок, лишила Бланки, возможно, единственного шанса в жизни почувствовать вкус победы.

Он действительно почти всегда оставался побежденным, чтобы в конце концов стать победителем. В сущности, он был им уже тогда, когда могущественные властители в страхе трепетали перед ним, перед олицетворяемой им всегда революцией.

Преследования и репрессии, которые они обрушивали на Бланки, парадоксальным образом подтверждали их слабость и его силу.

Исключительную роль Бланки глубоко почувствовали и верно оценили Маркс и Энгельс еще во время революции 1848 года. Маркс с напряженным вниманием следил за развитием классовой борьбы во Франции. В нескольких своих крупных произведениях он раскрыл смысл и тайну сложнейших политических событий французской истории прошлого века. Маркс считал Бланки вождем революционного пролетариата Франции, его умом и сердцем. Прекрасно учитывая всю ограниченность, ошибки и слабость бланкизма, Маркс хотел видеть Бланки в роли вождя и основателя рождавшейся французской рабочей партии.

Несомненна теоретическая слабость Бланки. Вообще, борец всегда имел в нем перевес над мыслителем. Его представление о социализме эклектично. Оно основано не на научном знании законов общественного развития, а на сентиментальных побуждениях. Общественные явления Бланки изучал так же, как писал свою «Вечность звездного мира», то есть путем интуиции, чувства. «В политике, — говорил Бланки, — я выражал сильнейшую страсть». То была страсть революционного социализма, который отличался действенностью от всех других французских социалистических школ и направлений. Классовую борьбу Бланки понимал не столько умом, сколько сердцем. Он жил и боролся в эпоху, когда рабочий класс Франции оставался по преимуществу классом рабочих-ремесленников. Этот объективный факт и предопределил ограниченность мировоззрения Бланки, неэффективность его практической деятельности. В заговоре он видел единственный способ борьбы при полной невозможности легальной деятельности. Альтернативой заговорщической тактике служило только бездействие. Когда же появилась возможность бороться легально, то Бланки нетерпеливо искал другие методы. Но сколько у него было для этого времени? Два с половиной месяца сразу после революции 1848 года, два месяца в 1870 году в осажденном Париже и немногим более года после освобождения из Клер-во, когда измученный тюрьмами Бланки уже слишком стар. Удивительно другое: этот дряхлый физически человек даже не подумал удалиться на покой. Старик боролся до последнего вздоха!

Жизнь и деятельность Бланки, идеи бланкизма занимают определенное историческое место между французским утопическим социализмом и марксизмом. В этом и заключается великая роль бланкизма. Логично и естественно бланкистская партия во главе с соратником Бланки Эдуардом Вайяном в конце

концов объединилась с .марксистской Социалистической партией Франции.

Деятельность Бланки имела международное значение. В России, например, возникло в революционном народничестве направление русского бланкизма. Правда, наши последователи великого французского революционера в усвоении и развитии его слабостей оказались большими бланкистами, чем сам Бланки. Тем не менее их борьба — важный эпизод в истории русского революционного движения. В. И. Ленин писал о них, что «подготовленная проповедью Ткачева и осуществленная посредством «устрашающего» и действительно устрашавшего террора попытка захватить власть — была величественна».

Бланки неотделим от своего времени. К началу нашего века бланкизм в основном сохранил лишь историческую, а не практическую ценность. Но осталось нечто такое, что всегда будет иметь ценность абсолютную, непреходящую. Это целеустремленная, героическая жизнь-эпопея Бланки, это сама его необыкновенная личность.

Основные даты жизни и деятельности О. Бланки

1805, 8 февраля — В семье Доминика и Софи Бланки в г. Пюже-Тенье родился сын Огюст Бланки 1818—1824 — Учеба Бланки в лицее Карла Великого 1824 — Вступление в тайное общество карбонариев 1827 — Участие Бланки в антиправительственных демонстрациях, его ранение в баррикадном бою 1828—1929 — Путешествие Бланки по югу Франции и по Испании

1830, июль — Участие Бланки в июльской революции

1831, январь — Арест Бланки за участие в студенческом движении

1832, январь — Судебный процесс над Бланки и другими руководителями «Общества друзей народа»

1833, август — Вступление Бланки в брак с Амелией Серр 1834 — Создание Бланки «Общества семей»

1836 — Арест и судебный процесс над Бланки и другими участниками «порохового заговора»

1836—1837 — Заключение Бланки в тюрьме Фонтевро 1838 — Организация Бланки «Общества времен года»

1839, 12 мая — Вооруженное восстание под руководством Бланки

1840, январь — Судебный процесс п приговор Бланки к смертной казни

1840, февраль — Заключение Бланки в тюрьму Мон-Сен-Мпшель

1841, январь — Смерть Амелии Бланки

1842, февраль — Неудачная попытка побега из Мон-Сен-Мпшель 1844 — Перевод Бланки в тюрьму в Туре, отказ Бланки от помилования

1848 — Участие Бланки в революции 1848 года 1848, март — Публикация «документа Ташеро»

1848, май — Участие Бланки в событиях 15 мая и его арест

1849, март—апрель — Судебный процесс по делу 15 мая, осуждение Бланки на десять лет тюрьмы

1849—1950 — Пребывание Бланки в тюрьме Дуллана

1850, ноябрь — Перевод в тюрьму Бель-Иль

1850 — К. Маркс характеризует Бланки как вождя революционной партии пролетариата Франции

1851, март — К. Маркс и Ф. Энгельс публикуют «Обращение» Бланки к народу, называют его «благородным мучеником

революционного коммунизма»

1852, апрель — Неудачная попытка побега Бланки из тюрьмы Бель-Иль

1857, декабрь — Перевод Бланки из Бель-Иль в тюрьму на Корсике

1859, сентябрь — После одиннадцати лет заключения Бланки возвращается в Париж

1861, март — Арест, судебный процесс, заключение в Сент-Пе-лажн

1861 — К. Маркс выдвигает идею организации побега Бланки 1865, август — Успешный побег Бланки из заключения 1865—1870 — Возникновение и деятельность партии бланкистов 1868 — Бланки пишет «Инструкцию для вооруженного восстания» 1870, январь — Участие Бланки в событиях, связанных с похоронами В. Нуара

1870, 14 августа — Нападение бланкистов на казарму Ла-Виллет 414

1870, сентябрь — Участие Бланки в новой революции, начало издания газеты «Патрп ан данже»

1870, 31 октября — Бланки участвует в попытке свержения Временного правительства

1871, март — Заочное осуждение Бланки на смертную казнь, арест и заключение в тюрьму в Кагоре

1871, март — Провозглашение Парижской коммуны, избрание Бланки ее почетным председателем

1871, апрель—май — Переговоры Коммуны с Тьером об обмене и освобождении Бланки, заключение Бланки в крепость Торо

1872, апрель — Военный суд в Версале приговаривает Бланки к пожизненному заключению

1879, апрель — Избрание Бланки депутатом Национального собрания

1879, 10 июня — Освобождение Бланки из тюрьмы в Клерво

1879, 12 июня — К. Маркс п Ф. Энгельс приглашают Бланки через посредство П. Лафарга в Лондон

1879, сентябрь—ноябрь — Поездка Бланки по Франции

1880, ноябрь — Начало издания газеты Бланки «Ни дье, ни мэтр»

1881, 1 января — Смерть Огюста Бланки